

К.С. Гаджиев

ПОЛИТОЛОГИЯ

*Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению (специальности) «Политология»*

Москва • Логос • 2011

УДК 373.167.1:32

ББК66

Г13

Серия основана в 2003 году

Рецензенты

В.Н. Дахин, доктор политических наук
(Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации)

Г.В. Каменская, доктор политических наук
(Институт мировой экономики и международных отношений РАН)

Гаджиев Г.С.

Г13 Политология: учеб. для студентов высш. учеб. заведений / Г.С. Гаджиев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2011. – 431 с.: ил. – (Новая университетская библиотека).

ISBN 978-5-98704-498-8

Излагается курс политологии: раскрываются становление, основные проблемы, методы и темы политической науки. Главное внимание уделяется политологическим аспектам гражданского общества и институтов власти. Рассматриваются основные политические системы партии и идейные течения. Раскрываются природа демократии, особенности политического развития России, роль политики средств массовой информации. В отличие от первого издания включены главы, освещающие систему государственного управления, территориально-политическую организацию государства, перспективы национального государства в условиях глобализации. Содержит вопросы для контроля знаний, учебную программу, рекомендуемую литературу.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Политология». Может использоваться в учебном процессе вузов при изучении курса «Политология» в цикле общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, особенно по направлениям и специальностям в области философии, социологии и международных отношений. Представляет интерес как для политических деятелей, научных работников, специалистов служб политического консультирования, так и для широкой читательской аудитории.

УДК 373.167.1:32

ББК 66

ISBN 978-5-98704-498-8

© Гаджиев К.С., 2007, 2010

© Логос, 2007, 2010, 2011

Политология

Оглавление

Предисловие	9
Глава 1. Основные вехи становления и развития политической науки	11
1.1. Истоки политической науки	11
1.2. Формирование основ политической науки	15
1.3. Институционализация политической науки	18
1.4. Две тенденции в развитии политической науки	24
1.5. Политическая наука после Второй мировой войны	27
1.6. Формирование сравнительной политологии	31
Контрольные вопросы	35
Глава 2. Политология как самостоятельная научная дисциплина	36
2.1. Предмет политической науки	36
2.2. Соотношение истории и политологии	39
2.3. Политическая социология	40
2.4. Политическая философия	44
2.5. Политическая психология	46
2.6. Этнополитология	49
2.7. Геополитика	52
2.8. Открытость политологии и взаимосвязь с другими социальными и гуманитарными науками	57
Контрольные вопросы	60
Глава 3. Гражданское общество: политологический аспект	61
3.1. Истоки гражданского общества	61
3.2. Гражданское общество: сущность и важнейшие структурные элементы	64
3.3. Принцип разделения различных сфер общественной жизни	67
Контрольные вопросы	73
Глава 4. Мир политического: сущностные характеристики и основные составляющие	74
4.1. Основные вехи формирования мира политического	74
4.2. Системные и структурные составляющие мира политического	77
4.3. Политические отношения	80
4.4. Политический процесс	82
Контрольные вопросы	85
Глава 5. Власть: сущностные характеристики	86
5.1. Исторические корни власти	86
5.2. Власть и монополия на законное насилие	90
5.3. Основные параметры власти	95
Контрольные вопросы	99

Глава 6. Государство: сущность и принципы организации	100
6.1. Общая характеристика	100
6.2. Территориальный императив	102
6.3. Легитимность	104
6.4. Суверенитет	111
6.5. Национальное государство	112
6.6. Абстрактность и анонимность власти и государства	117
6.7. Правовое государство	119
Контрольные вопросы	124
Глава 7. Система государственного управления	125
7.1. Понятия «управление» и «система государственного управления»	125
7.2. Принципы организации системы управления	127
7.3. Бюрократия как важнейшая составляющая системы управления	129
7.4. Особенности системы управления в России	131
7.5. Какое содержание вкладывается в понятие «политика»?	132
7.6. Внутренняя политика	134
7.7. Внешняя политика	139
Контрольные вопросы	144
Глава 8. Политическая система	145
8.1. Системный подход или политическая система?	145
8.2. Основные характеристики политической системы	148
8.3. Опыт типологизации политических систем	151
8.4. Политические режимы	156
Контрольные вопросы	158
Глава 9. Территориально-политическая организация государственно-политической системы	159
9.1. Унитарное государство	159
9.2. Федеративное государство	161
9.3. Конфедерация	164
9.4. Местное управление	165
Контрольные вопросы	170
Глава 10. Демократия: принципы, установки и ценности	171
10.1. Понятие «демократия»: истоки и содержание	171
10.2. Основные принципы и установки демократии	175
10.3. Недостатки и достоинства демократии	180
10.4. Конституционные основания демократии	182
10.5. Либерально-демократические режимы	185
Контрольные вопросы	192
Глава 11. Политические партии	193
11.1. Основные вехи формирования партий	193
11.2. Роль и функции партий в политической системе	198
11.3. Партии и заинтересованные группы	203
11.4. Опыт типологизации политических партий	206
11.5. Новейшие тенденции в эволюции партий	212
11.6. О перспективах развития партийной системы в России	215
Контрольные вопросы	218

Глава 12. Избирательные системы: механизмы и процедуры	219
12.1. Идея и принцип представительства	219
12.2. Основные характеристики избирательной системы	221
12.3. Институт выборов	225
12.4. Избирательная кампания	227
Контрольные вопросы	232
Глава 13. Политическая система России	233
13.1. Конституционные основы государственного устройства Российской Федерации	233
13.2. Президент и исполнительная власть	237
13.3. Судебная власть	241
13.4. Взаимосвязь горизонтального и вертикального разделения властных полномочий	243
13.5. Россия как конституционная федерация	246
13.6. Проблема обеспечения властной вертикали	248
Контрольные вопросы	252
Глава 14. Демократия в западном мире	253
14.1. Феномен экспансии демократии	253
14.2. Соотношение рыночной экономики и политической демократии	254
14.3. Демократия как народовластие	257
14.4. Совместима ли демократия с западными культурами?	259
14.5. Соотношение либерализма и демократии	262
14.6. О выживаемости и управляемости демократии в западном мире	265
Контрольные вопросы	270
Глава 15. Политические системы диктаторского типа	271
15.1. Типологизация авторитарных режимов	271
15.2. Типологизация тоталитарных режимов	275
15.3. Аннигиляция традиции	278
15.4. Политический и идеологический монизм	280
15.5. Террор как сущностная характеристика тоталитаризма	285
15.6. Тоталитарный человек и государство	287
15.7. Редукционизм и апофеоз конфронтационности	290
Контрольные вопросы	293
Глава 16. Политическая культура	294
16.1. Возникновение концепции политической культуры	294
16.2. Политическая социализация	296
16.3. Составные элементы политической культуры	299
16.4. Политическая символика	302
16.5. Религиозный аспект политической культуры	307
16.6. Типологизация политической культуры	310
Контрольные вопросы	316
Глава 17. Политическая философия: сущность и основные параметры	317
17.1. Политическая теория	317
17.2. Политическая идеология	319

17.3. Что есть политическая философия?	324
17.4. Онтология мира политического	330
Контрольные вопросы	335
Глава 18. Политическая этика	336
18.1. Морально-нравственный аспект мира политического	336
18.2. Политика между профессионализмом и моралью	341
18.3. Соотношение реального и идеального в политике	344
18.4. Политика как искусство возможного	348
18.5. Соотношение морали и политики в сфере международных отношений	350
Контрольные вопросы	354
Глава 19. Основные идейно-политические течения современности	355
19.1. Либерализм	355
19.2. Консерватизм	360
19.3. Социал-демократизм	366
19.4. Марксизм	371
19.5. Ревизия марксизма слева	374
Контрольные вопросы	377
Глава 20. Средства массовой информации и политика	378
20.1. Место и роль СМИ в политике	378
20.2. Что такое теледемократия?	383
20.3. Взаимосвязь СМИ и властных структур	385
20.4. СМИ — инструмент «политического маркетинга»	387
20.5. СМИ и опросы общественного мнения	390
20.6. «Театрализация» политического процесса	392
Контрольные вопросы	394
Глава 21. Статус и перспективы национального государства в условиях глобализации	395
21.1. Важнейшие составляющие прогресса в XX в.	395
21.2. Основные трактовки глобализации	397
21.3. Что понимается под глобализацией?	399
21.4. Трансформация места и роли национального государства	404
21.5. Проблема выживаемости национального государства	407
21.6. Сохранение за государством статуса главного актора миропорядка	410
21.7. Феномен фрагментации и пролиферация государств	415
Контрольные вопросы	419
Приложение. Программа курса «Политология»	420
Литература	431

Предисловие

Политика является одной из важнейших сфер жизнедеятельности людей. Каждый человек так или иначе соприкасается с *миром политическим* — приходя в государственное учреждение или обращаясь в общественную организацию, работая, обучаясь в школе или университете, поддерживая какую-либо политическую партию и голосуя на выборах за ее кандидата. Сами понятия «политика» и «политическое» отличаются многозначностью. Например, говорят о валютной политике банков, о политике профсоюзов во время забастовки, школьной политике городских властей, политике дирекции предприятия или школы и, как отмечал известный немецкий социолог М. Вебер, даже о политике умной жены, которая стремится управлять мужем.

В действительности политика в собственном смысле слова представляет собой одновременно сферу деятельности, связанную с властными отношениями в обществе, и саму деятельность государства и его институтов по управлению различными областями общественной жизни: экономикой, социальной сферой, культурой, образованием, наукой, здравоохранением и др. В этом плане говорят о политике экономической, промышленной, аграрной, социальной, военной, в области образования, здравоохранения. Иначе говоря, политика призвана обеспечить жизнедеятельность различных сфер общественной жизни, институтов, организаций, общества в целом.

В качестве основных субъектов политики выступают как государство, так и различные государственные и политические институты и учреждения, партии, организации, движения и даже отдельные личности. Для правильного понимания сущности и предназначения политики необходимо прояснить вопрос о мире политического, результатом и проявлением функционирования которого она является. Мир политического существует как сложное сочетание политических явлений, институтов, отношений, процессов. Некоторые авторы даже убеждены в том, что политика включает в себя все формы социальной активности, направленной на производство и распределение материальных и человеческих ресурсов. Существует и прямо противоположное мнение, отрицающее наличие у политического какого-либо реального содержания.

Поэтому очевидно, что вычленение мира политического из всей совокупности общественных институтов и отношений, изучение и

постижение его сущности, структур, ценностей, происходящих в нем событий и процессов, его взаимоотношений с другими сферами жизни людей представляет собой трудную, но крайне важную для общества задачу.

Приступая к изучению любой социальной и гуманитарной дисциплины, каждый из нас сталкивается со множеством самых разнообразных вопросов: что это за дисциплина? каковы ее содержание, предназначение и функции? чем она занимается? каков предмет ее исследования? какое место она занимает среди других общественных наук? Такие вопросы приобретают особую актуальность в отношении политологии как новой для нас научной и учебной дисциплины. Поиски ответов на них важны не сами по себе, а для правильного понимания политических реальностей в современном мире. Прочные и разносторонние знания о политике и мире политического — одна из решающих предпосылок политической социализации людей, формирования культуры гражданственности, утверждения политической свободы, определяющих в свою очередь перспективы и основные направления демократического развития общества.

Важное значение приобретает вопрос о том, какое именно содержание вкладывается в понятия «политология», «политическая наука», «политическое». Это отнюдь не праздный вопрос, особенно если учесть, что у нас еще не определены конкретные границы, круг проблем, вопросов, институтов и явлений, в совокупности составляющих предмет исследования политической науки. Не в полной мере разработаны ее понятия, категории, методы, язык. Поэтому автор заранее благодарен преподавателям, которые сочтут целесообразным направить ему свои замечания, предложения, пожелания по дальнейшему совершенствованию учебного курса.

Предлагаемый курс политической науки предназначен прежде всего студентам, но, конечно, он заинтересует гуманитарную аудиторию, а также всех тех, для кого небезразличны проблемы политики и мира политического в целом. Он призван помочь читателю разобраться в таких основополагающих институтах, явлениях и проблемах современного общества и общественного развития, как гражданское общество, власть, государство, правовое государство, политика, политическая система и ее формы, демократия и тоталитаризм, политическая культура, политическая философия, политическая этика и др.

Глава 1

Основные вехи становления и развития политической науки

Любой исследователь, интересующийся историей политической науки, сталкивается со множеством вопросов: когда возникла эта научная и образовательная дисциплина? какие именно факторы способствовали ее возникновению? кого можно считать ее основателями и разработчиками? какие она прошла этапы в своем развитии? и др.

1.1. Истоки политической науки

Пытаясь ответить на эти и другие вопросы, многие исследователи обращали свой взор на духовное наследие античности. И действительно, к миру политического пристальный интерес проявляли такие выдающиеся мыслители древности, как Платон, Аристотель, Цицерон. Ими и их последователями и оппонентами писались фундаментальные сочинения под красноречивыми названиями: «Политика», «Государство», «Законы», «Республика».

Это дало основание американскому политическому философу Л. Страуссу утверждать, что именно античные мыслители подняли политическую науку до уровня самостоятельной дисциплины и тем самым «стали основателями политической науки в точном и окончательном смысле слова». Однако анализ реального положения не в полной мере подтверждает этот тезис.

Вопрос состоит в том, чтобы не путать политические и иные учения и идеи прошлого с политической наукой в собственном смысле слова, хотя нельзя отрицать факт существования между ними преемственной, генетической связи. Если первые в той или иной форме возникли с появлением государства, то политическая наука формировалась по мере вычленения политики как самостоятельной подсистемы жизнедеятельности людей. Подобно тому как социология формировалась и развивалась в русле основных тенденций и закономерностей становления и эволюции гражданского общества, политология как самостоятельная наука стала возможной в результате вычленения

политической сферы из целостного человеческого социума, отделения мира политического от экономической, социальной и духовной подсистем, что по времени совпадало с Новым и Новейшим периодами истории.

В политической науке глубина и совершенство анализа определяются не только ее возрастом, но и тем, насколько систематически и успешно она обновляется (постоянно изменяются как материя, так и дух политического, политических институтов). История политологии — это по сути дела процесс постоянного обновления и обогащения ее теоретико-методологического и методического арсенала. Знание о политическом собирательно по своей сущности. Чем оно шире, многослойнее и глубже, — а это достигается в процессе постоянных исследований, — тем больше оно соответствует реальному положению в мире политического. Политическая наука немыслима без традиции, в рамках которой она развивается. Именно традиция во многом определяет то, как исследователь подходит к предмету своего интереса. Под традицией здесь подразумеваются формы организации науки, системы теорий и идей, форм и методов аргументации, методологии, технические приемы и т. д.

В истории Запада формирование политического знания характеризовалось высокой степенью развития. Государственная система формировалась и развивалась не сама по себе, большую роль в этом плане играло политическое знание, которое в той или иной мере отражалось на развитии политической практики. Взаимное влияние политических знаний и практики политических преобразований отчетливо прослеживается в истории стран Запада в период Нового и Новейшего времени, в формировании и развитии их государственных систем.

Например, трудно представить создание современной западной государственно-политической системы без идей Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Дж. Локка, И. Канта и без политической практики таких государственных деятелей, как Генрих IV, Людовик XIV, Петр I, Наполеон, Бисмарк, Александр II и т. д. Точно так же невозможно представить себе развитие современной политической науки, с одной стороны, без идей и концепций, сформулированных К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. Парето, Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Б. Н. Чичериным, П.И. Новгородцевым, М. М. Ковалевским и другими, а с другой — без тех социально-политических преобразований, которые связываются с именами В. И. Ленина, И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля, К. Аденауэра и др. Можно выделить три крупных периода в истории формирования и развития политологии. Это, во-первых, ее предыстория — от Античности

до Нового времени. Этот период представлен трудами Аристотеля, Платона, Цицерона, Фомы Аквинского и других мыслителей древности и Средневековья. Значение данного периода состоит в накоплении и передаче от поколения к поколению политического знания.

Появление политологии как самостоятельной науки стало возможно в результате отделения самого мира политического от производственно-экономической подсистемы и гражданского общества в качестве самостоятельной сферы жизнедеятельности людей (об этом более подробно см. гл. 3–5). Этот процесс пришелся на период с начала Нового времени до середины XIX в., который характеризуется формированием важнейших представлений о мире политического, о политике, политической деятельности, государстве, власти, политических институтах в современном их понимании и соответственно зачатках их научного анализа. Большой вклад в освобождение политики и политической мысли от теологии и церковной морали внесли Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Б. Спиноза и др. В данном аспекте в некотором роде этапными можно считать такие работы, как «О свободе слова» Дж. Мильтона, «Левиафан» Т. Гоббса, «Два трактата о государственном правлении» Дж. Локка, «О духе законов» Ш. Монтескье, «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо, «Гражданское общество» А. Фергюсона и др. В этих работах в той или иной форме выделялась проблема политического как особой сферы жизнедеятельности людей.

Примерно с середины XVIII и до конца XIX в. политология постепенно вычленялась из комплекса социальных и гуманитарных наук. В 80–90-е годы XIX и в первые десятилетия XX в. она уже институционализировалась и утвердилась в качестве особой дисциплины с собственным предметом исследования, методологией, методами. По сути дела период от Античности вплоть до начала Нового времени является предысторией политической науки и политической философии, главное значение которой состоит в накоплении и трансляции от поколения к поколению политического и политико-философского знания.

Первоначально в рамках общественно-политических и социокультурных парадигм политические феномены изучались в связи со всем комплексом общественных явлений. В этом плане в античной и средневековой культуре имел место своеобразный универсализм, при котором политическое специально не выделялось из общей суммы всех общественных явлений. Ученый смотрел на себя не как на специалиста в какой-либо области знания, а как на искателя знаний и мудрости вообще во всех сферах и проявлениях человеческой жизни. Отсюда и название *«философия»* — *любомудрие, которое в течение многих столетий охватывало все, что мы сейчас обозначаем понятием «наука».*

Где-то к концу V в. имело место определенное разграничение отдельных областей знания, например арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Но не следует забывать, что трактаты Аристотеля по физике, физиологии, этике, политике, риторике и т. д. в течение многих веков рассматривались не иначе как подразделы своеобразной единой энциклопедии по философии. Специализация интеллектуального труда, разделение его по различным отраслям знания произошли значительно позже, чем в сфере практической материальной деятельности, скажем, между сельским хозяйством и ремеслом, а затем внутри этих отраслей.

Если согласиться с этими доводами, то применительно к Античности (да и к Средневековью) о политической науке, политической философии корректнее говорить, по-видимому, в том смысле, в котором Аристотель писал о *Zoon politicon*.

У древнегреческого мыслителя *Zoon politicon* не просто «животное (или существо) политическое», а «животное общественное» в самом широком и глубинном его понимании. В этом смысле вся античная философия является политической, т. е. общественной. Иначе говоря, речь может идти отнюдь не о политической философии и политической науке в строгом смысле слова, а о философии или науке об обществе-государстве в виде полиса, что далеко не одно и то же.

В плане признания обоснованности или необоснованности этих доводов нас не должны ввести в заблуждение такие названия работ основоположников античной философии, как «Государство», «Законы», «Политика» и др. Дело в том, что в них речь идет не только о государстве и мире политического в современном понимании слова. Смысл этих трудов с рассматриваемой точки зрения четко сформулировал Т. Гоббс. Он, в частности, говорил *«о гражданской науке»* (*scientia civilis*), которой, по его мнению, *«первым заинтересовался Сократ, когда она еще только зарождалась... А за ним обратились к ней Платон, Аристотель, Цицерон и прочие философы, как греческие, так и латинские»*.

Обратите внимание на то, что Гоббс имеет в виду не «политическую науку», не «политическую философию» и даже не «науку о государстве», а «гражданскую науку». И действительно, труды классиков античной мысли — это исследования полиса в его тотальности без различения каких-либо отдельных сфер жизни. Если перевести на язык наших дней, то по тематике (но не по содержанию и глубине проникновения) это обществоведческие работы, рассматривающие, согласно стандартам современной классификации социальных и гуманитарных наук, объекты исследования социологии, политической социологии, политологии, политэкономии, культурологии, филосо-

фии в их интегральном единстве, исключаящем какую бы то ни было расчлененность на отдельные самостоятельные сферы жизни.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «политическим» по названию трудам Платона («Государство», «Политика» и «Законы») и Аристотеля («Политика», «Риторика» и «Никомахова этика»). Если так, то классиков античной мысли можно было бы назвать не только «политическими философами» и «политическими учеными», но с не меньшим на то основанием также «социологами», «политическими социологами», «политэкономистами», «культурологами» и т. д. Но такая постановка вопроса была бы недопустимым «осовремениванием» античных мыслителей и связанным с этим отказом от историчности соответствующих социальных и гуманитарных дисциплин. Поэтому Аристотеля, Платона, Цицерона и других мыслителей древности правильнее назвать не политическими учеными или политическими философами, а их предтечами.

1.2. Формирование основ политической науки

Качественные изменения с точки зрения возникновения политической науки и политической философии произошли с переходом от Средних веков к Новому времени. Суть этих изменений, в той мере, в какой это необходимо для понимания анализируемых здесь проблем (см. гл. 3–5), общеизвестна. Здесь отметим лишь то, что только со второй половины XVIII и до начала XIX в. можно вести речь о мире политического и гражданском обществе как самостоятельных подсистемах человеческого социума.

В контексте этих изменений протекал подспудный процесс диверсификации и возникновения новых научных дисциплин.

Уже в Средние века право, теология и медицина существовали как самостоятельные дисциплины в университетах. Но философия продолжала охватывать подавляющую часть знаний о природе и обществе. Такой позиции продолжали придерживаться и многие мыслители Нового времени. Т. Гоббс, например, утверждал, что «философия делится на столько же ветвей, сколько существует родов вещей, которые могут быть доступными человеческому разуму, и каждая из этих ветвей получает различное наименование в зависимости от различия изучаемых ею предметов... Наука о движении — физикой, наука о естественном праве называется философией морали, тогда как вся наука в целом является философией».

Но как бы то ни было, процесс сегментации единой философии и рождения новых научных дисциплин приобрел необратимый характер.

К середине XVIII в., например, философия разделилась на естественную и моральную, а с возрастанием престижа химии, физики, биологии и других дисциплин эти две сферы знания получили название «естественные науки» и «моральные науки». В рамках моральных наук изучались и анализировались почти все общественные и политические явления, процессы, институты. В этой связи напомним, что один из отцов-основателей политэкономии А. Смит был профессором моральной философии. В дальнейшем, особенно в свете изысканий К. А. Сен-Симона и О. Конта с их упором на отношения людей в обществе, моральные науки получили окончательное название «социальные науки», объектом изучения которых стали общество и мир политического в их взаимосвязи и взаимозависимости.

В XIX в. возникло и получило распространение такое понятие, как *гуманитарные науки*. В рамках социальных и гуманитарных наук и сформировались политическая наука и политическая философия. Этот процесс происходил на фоне возрастающего интереса к таким ключевым проблемам, как происхождение, сущность и предназначение государства; теория общественного договора; отношения между государством и церковью; народный суверенитет, права и свободы человека; формы правления и т. д.

Существенный толчок развитию политической теории, идеям конституционного строя, республиканской и либерально-демократической формам правления, а также вызреванию предпосылок формирования и утверждения институтов, отношений и норм, соответствующих этим теориям и идеям, был дан Просвещением, а затем Великой французской революцией, войной за независимость США конца XVIII в. и серией революций в XIX в. Эта тенденция особенно отчетливо проявилась в английской, американской и французской политических традициях, где республиканская и демократическая системы рассматривались как наилучшие формы правления, оптимально соответствующие природе человека. Очевидно, что во второй половине XVIII — начале XIX в. были сформулированы важнейшие подходы, которые явились основополагающими при разработке основных политических теорий и концепций современности. А это, естественно, создавало предпосылки для формирования самостоятельной научной дисциплины, призванной профессионально исследовать и анализировать мир политического.

Процесс вычленения политологии с ее собственным понятийно-категориальным аппаратом, методологическими принципами и системой аргументации протекал в общем контексте развития науки Нового времени. Здесь определяющее значение имели, естественно, ут-

верждение, с одной стороны, атомистических и механистических представлений о мире и обществе, с другой — ньютоновская картина мира с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями, структурой. Согласно этим представлениям социальный мир, подобно природной вселенной, изображался как нечто вроде жестко детерминированного часового механизма, действия которого может исчерпывающе понять любой человек, обладающий способностью объять и проанализировать все его элементы и отношения между ними в их тотальности.

Обращая «оружие» рационализма против средневековых суеверий, Т. Гоббс ценил только эмпирический материал и, веруя в исчислимость политических феноменов с помощью математических методов, усматривал смысл государства в его полезности и способности обеспечить безопасность и мир для своих граждан. Д. Юм, наряду со многими другими мыслителями Нового времени, стремился свести политику к науке, с тем чтобы создать механизм разрешения или смягчения политических конфликтов. Считалось, что наука о политике, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в тех или иных конкретных формах и сферах, дает возможность определить константы и переменные величины, действуя на которые можно достичь желаемых результатов. Постепенно объяснение политических феноменов и процессов в терминах рационализма становится общепринятым в западном общественном сознании.

Утверждалось, что в социальных и политических реальностях будут обнаружены законы и закономерности, которые по своей точности и определенности не будут уступать, например, законам физики. Формировалась методология анализа общественно-политических явлений, разрабатывались новые специальные методы исследования, неуклонно возрастал интерес к методам формально-правового анализа, юридической логике и сравнительно-правовому анализу. Исследовательские методы, приемы и понятия, выработанные в естественных науках, становились достоянием социальных и гуманитарных наук.

Показательно, что определенные аспекты социальной и политической действительности стали описываться и анализироваться с помощью таких заимствованных из естественных наук понятий, как «прогресс», «эволюция», «организм», «порядок» и др. Уже к началу XIX в. созрело мнение о необходимости систематического эмпирического изучения политических феноменов, исследования политики с помощью конкретных методов (К. А. Сен-Симон, О. Конт и др.).

XIX век стал в некотором роде веком не только исторической, но и государствоведческо-правовой, юридической науки, поскольку он

ознаменовался развитием истории и теории права, отделением государственного права от административного, уголовно-процессуального от гражданско-процессуального, формированием различных школ права, таких, как историческая, позитивистская, реалистическая и т. д. Наметилась тенденция к политизации и социологизации проблематики государства и права и соответственно к пересмотру юридического формализма. Немаловажную роль здесь сыграли Р. Иеринг, С. А. Муромцев, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.

Сложилась такая направленность политической и правовой мысли, как теория политического представительства, юридический позитивизм и социологическая юриспруденция, теория правового государства и сравнительное правоведение. При всех выявленных позже недостатках заслуга исторической школы права (Ф. К. фон Савиньи и др.) состояла в том, что ее представители подчеркивали необходимость изучения правовых норм в их связи с общим контекстом исторического развития общества.

Представители социологической юриспруденции (И. Бентам, Р. Иеринг, С. А. Муромцев и др.), подчеркивая несостоятельность юридического формализма, обращали внимание на игнорирование социальных и политических последствий законодательства. Как бы подытоживая эти тенденции и процессы, известный французский историк А. де Токвиль в середине XIX в. пришел к выводу о необходимости создать «новую политическую науку для нового мира». С этого времени начинается период окончательного формирования политологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины.

1.3. Институционализация политической науки

Процесс формирования и выделения политологии из общей системы социальных и гуманитарных наук занял несколько десятилетий, которые приходится на конец XIX — начало XX в. Поэтому привязывать ее рождение к какой-либо конкретной дате в той или иной стране можно только условно. В Германии началом собственно политической науки можно считать уже возникновение в первой половине XIX в. правовой школы *Staatslehre*, поставившей своей целью изучение государства в различных его аспектах и проявлениях. Основы этой школы были заложены работами И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, особенно «Философией права» последнего, а также Л. фон Штайна, О. фон Гирке, Р. Еллинека и др.

Главная особенность школы *Staatslehre* состояла в том, что она сводила политическое исследование к идее государства, интерпрети-

руемого как комплекс формальных конституционных норм. Политические процессы внутри страны, в том числе и вопросы государственного управления в целом, изучались в рамках государственного управления.

Постепенно наметилось разделение между государствоведением и собственно политической наукой, которая достигла заметного прогресса во второй половине XIX — начале XX в. Заметный вклад в разработку важнейших категорий и концепций мира политического внесли такие представители германской политической науки и политической философии, как М. Хасбах, М. Вебер, К. Шмитт и др.

Формирование политической науки во Франции заняло примерно полвека между двумя символическими датами: 1871 г., когда Э. Бутли основал «Свободную школу политических наук», и 1913 г., когда была опубликована книга А. Зигфрида «Политическая карта западной Франции при третьей республике».

Между этими датами было опубликовано множество работ, составивших основы французской политической науки. Это прежде всего «Принципы политической науки» Э. де Парье (1870), «Элементы политической науки» Э. Шеврьера (1871), «Философия политической науки» Э. Акола (1877). За ними последовали ставшие классическими труды А. Эрсана, А. Мишле («Идея государства», 1896 г., «Политическая доктрина демократии», 1901 г.), Л. Дюги («Конституционное право») и др.

Вычленение и формирование политической науки в Великобритании началось в конце XIX в. с основания при Лондонском университете Лондонской школы экономики и политических наук. Уже перед Второй мировой войной в Оксфордском, Кембриджском, Манчестерском, Ливерпульском и других университетах стали преподавать политические дисциплины. При этом главное внимание концентрировалось на государственном управлении и политических институтах, английском конституционном и административном праве, политической философии и теории, международных отношениях и колониальной администрации. В тот период «тон» в политологических исследованиях задавали Э. Баркер, Д. Коул, Г. Ласки, Ч. Мэннинг, У. Робсон, Г. Файнер и др.

Несколько десятилетий занял процесс формирования политической науки в США. Основателем систематического исследования политики в Америке считался Ф. Либер. Став в 1857 г. профессором истории и политической экономии в Колумбийском колледже (позже переименованном в Колумбийский университет), он начал читать лекции по политической философии, в центре которых стояли вопросы теории государства и политической этики. Дж. Бердженс, сменив-

ший в 1876 г. Либера, основал в том же Колумбийском колледже в 1880 г. школу политической науки, где была введена система подготовки научных кадров с написанием и защитой диссертаций. В 1886 г. школа начала выпускать журнал «Ежеквартальник политической науки» («Политикал сайенс куортерли»).

Примеру Колумбии последовали университет Джонса Гопкинса и другие ведущие учебные заведения США. Немаловажную роль в становлении американской политической науки сыграла книга Д. Берджеса «Политическая наука и сравнительное конституционное право», опубликованная в 1890 г. В 1903 г. была создана Американская ассоциация политических наук, положившая начало множеству подобных ассоциаций в самих США, а несколько позже и в других странах. В том же году начал издаваться журнал «Анналы американской академии политических и социальных наук», с 1906 г. — «Обозрение американской политической науки» («Америкен политикал сайенс ревью»), а с 1939 г. — «Журнал политических исследований» («Джорнел оф политикал стадиз»), которые и в наши дни продолжают играть немаловажную роль в разработке ключевых проблем политической науки.

Формирование социологии и политологии в России шло с некоторым запозданием по сравнению со странами Запада. Этот процесс значительно ускорился после отмены крепостного права, судебной и земской реформ, реформы армии и других преобразований в последние десятилетия XIX в. Эти реформы, которые могли в конечном счете способствовать утверждению начал гражданского общества и правового государства, в огромной степени стимулировали интерес русских обществоведов к проблемам права, конституционализма, истории государственного строительства и т. д.

В конце XIX — начале XX в. были заложены основы русского конституционализма. В данном контексте большое значение имело возрождение интереса к теории естественного права, которая использовалась для обоснования принципов правового государства. Немаловажная заслуга в разработке этих проблем принадлежит Б. Н. Чичерину, который является автором нескольких фундаментальных работ, в их числе 5-томная «История политических учений» (1877), «Очерки философии права» (1901), «О народном представительстве» (1857) и др. Дальнейшую разработку эта проблематика получила в работах И. В. Михайловского, Л. И. Петражицкого и др.

Глава московской школы философии права П. И. Новгородцев принял активное участие в основании конституционно-демократической партии. Его учениками и последователями были И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Н. Н. Алексеев и др., внесшие существенный вклад

в разработку важнейших проблем политической науки. Некоторые идеи Новгородцева плодотворно развивались С. Л. Франком и С. И. Гессеном. В области философии права значительный вклад внесли Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев. Не случайно П. И. Новгородцев называл В. С. Соловьева «блестящим и выдающимся представителем философии права» и причислял его к «наиболее видным защитникам правовой идеи среди философов истекшего века».

Нельзя не отметить также тот неопценимый вклад, который внес в разработку проблем политической философии, в обоснование принципов конституционализма и в сравнительно-исторический анализ представительных учреждений и форм демократии М. М. Ковалевский. Эти и множество других фактов дают достаточные основания считать, что развитие политической мысли в России шло в том же направлении, что и на Западе. Но в отличие от западных стран в России процесс формирования и институционализации самой политической науки в результате целой череды катаклизмов, захлестнувших страну, оказался прерванным.

Подытоживая все изложенное выше, можно сказать, что последние десятилетия XIX и начало XX в. стали тем периодом, когда окончательно определилось вычленение сферы политического как самостоятельной подсистемы человеческого социума. Именно к этому периоду относятся формирование и утверждение в большинстве промышленно развитых стран важнейших институтов, которые в совокупности составили современную политическую систему в различных ее формах. Речь идет прежде всего о четком разделении властей, утверждении парламента, исполнительной и судебной ветвей как самостоятельных институтов власти, партиях и партийных системах, избирательной системе, государственной службе и др.

Политическая наука как раз и стала дисциплиной, призванной изучать эти институты, феномены и процессы. Следует отметить, что вплоть до первых десятилетий XX в. продолжались споры и дискуссии относительно статуса и параметров политической науки. В трактовке некоторых видных представителей социальных и гуманитарных наук она охватывала политическую философию, право, политическую историю, исследование государственно-правовых и политических институтов и даже политэкономии. Это вполне естественно, если учесть, что одни и те же лица выступали в качестве представителей одновременно нескольких дисциплин.

Например, второй том «Позитивной политики» О. Конта посвящен разработке весьма широкого спектра проблем, таких, как ответственность, религия, семья, язык, разделение труда и т. д. Не случайно

Р. Арон утверждал, что О. Конт — «контрфилософ в социологии и социолог в философии». В этой связи нелишне напомнить, что полное название этой работы звучит так: «Система позитивной политики, или Социологический трактат об основах религии человечества». Здесь можно согласиться с М. С. Липсетом, который считал, что крупнейшие социологи конца XIX в. в большинстве своем были одновременно политическими социологами или же «социологически мыслящими политологами». Такие социологи конца XIX — начала XX в., как М. Вебер, Э. Дюркгейм, В. Парето, были одновременно политическими философами. Можно сказать, что в тот период между самоутверждавшимися научными дисциплинами развертывалось нечто вроде конкуренции на предмет распределения мест в статусной иерархии.

В июне 1903 г. во французском философском обществе известный психолог Г. Тард сделал доклад, посвященный проблеме классификации наук О. Конта и А. Курно. По словам Тарда, Конт выделил пять фундаментальных наук в следующей последовательности: математика, физика-химия, астрономия, биология, социология. Курно предложил свой перечень: математика, физические науки, биологические науки, науки о духе и политические науки. У одного, как видно, системе замыкала социология, у другого — политические науки. От того, какая из этих систем одержит победу, зависело, какая из двух наук — социология или политология — займет место в иерархии фундаментальных наук наряду с естественными науками, а какая — место просто отдельной дисциплины в рамках данной иерархии. Победила классификация Конта.

Но все же по мере дальнейшего разграничения и утверждения мира политического в современном понимании этого словосочетания с его важнейшими институтами — политическими партиями, парламентаризмом, разделением властей, избирательной системой и т. д. — политическая наука все отчетливее «отпочковывалась» от социологии, политэкономии, истории, юриспруденции. В этом контексте немаловажное значение имела разработка маститыми обществоведами конца XIX — начала XX в. основополагающих политологических концепций и теорий политики и мира политического.

Здесь прежде всего следует назвать М. Вебера, который стал рассматривать политические явления как особые реальности, имеющие собственную логику развития и соответственно собственную историю. Он, в частности, полагал, что политика обусловлена не только производственными отношениями, как у К. Маркса, или разделением труда, как у Э. Дюркгейма, но и в равной степени влиянием административных структур. Большое значение имели сформулированные

Вебером концепции бюрократии и плебисцитарно-вождистской демократии. Вслед за К. Марксом и М. Вебером целая плеяда ученых — В. Вильсон, Дж. Брайс, В. Парето, Р. Михельс, Г. Моска — выдвинули собственные теории политического развития.

Так, Парето, Моска и Михельс пришли к выводу, что любая система политического правления, независимо от ее формально-юридического или идеологического характера, является по существу *олигархической* или *элитической*. Здесь особо следует отметить теорию элиты, сформулированную Г. Моской в работах «Теория правления и парламентское правление» (1884) и «Основы политической науки» (1896, т. 1; 1923, т. 2) и В. Парето в «Трактате по общей социологии» (1916) и «Трансформациях демократии» (1921), а также в «Социологии политической партии в условиях демократии» Р. Михельса. В этих трудах были изложены концепция «циркуляции элит» и железный закон олигархии, согласно которым политические реальности во всех политических системах определяются соперничеством, конкуренцией и соответственно сменой у власти различных группировок элит. Исходя из такой постановки вопроса, все они считали основной задачей политической науки изучение элит, особенностей их функционирования и закономерностей их периодической смены у власти.

В этот период были заложены основы современной политической социологии. Здесь в первую очередь следует назвать опять же политологические работы М. Вебера, вышеупомянутую книгу Р. Михельса и др. Еще до них, в 1898 г., русский ученый М. Я. Острогорский опубликовал фундаментальный двухтомный труд (на французском языке) «Демократия и политические партии». Лишь в конце 1920-х годов он был издан на русском языке. Показательно, что, хотя в нашей стране книга Острогорского и не была такой популярной, как на Западе, ее автор наряду с такими признанными авторитетами того времени, как М. Вебер и Р. Михельс, считался одним из основателей политической социологии.

Большой вклад в развитие политической социологии внес американский политический ученый А. Бентли. В начале нынешнего столетия он опубликовал ряд работ, в которых разрабатывалась теория групп. А. Бентли рассматривал группу как фундаментальную единицу (или «частицу») политики, действующую под институциональным контролем административных учреждений, судов, законодательных органов и политических партий. Во многом теория групп являлась реакцией на правовой формализм, поскольку в ней утверждалось, что групповое взаимодействие конституирует реальность политической жизни, действующей за юридически правовой ширмой общества и

государства. Придавая этому основополагающее значение, Бентли и его последователи оценивали группу как важнейший предмет исследования политической науки. В дальнейшем на основе разработок Бентли были сформулированы концепции заинтересованных групп, которые наряду с партиями заняли важное место в политологических исследованиях. Существенный вклад учеными этого периода был внесен в разработку теории демократии и конституционной формы правления, представительства, избирательных и партийных систем и т. д. (М. Я. Острогорский, Дж. Брайс, В. Вильсон и др.).

1.4. Две тенденции в развитии политической науки

В развитии политологии с самого начала обозначались две главные тенденции. В политологии стран континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал. Так, в Германии политическая наука развивалась в русле немецкой классической философской традиции. Можно сказать, что основы ее теоретико-познавательных и институциональных рамок были заложены традиционными дисциплинами — философией и историей. Значительное влияние на характер германской политологии, особенно политической философии, оказало то, что они развивались в контексте присущего германскому обществознанию историзма.

В этом русле политическая наука рассматривалась как дисциплина, призванная определять цели и нормы политической деятельности. В этом плане в ее задачу входит философское осмысление социальной действительности и ориентация политической деятельности на те или иные социальные и моральные ценности.

С определенными оговорками можно сказать, что вплоть до второй половины 1930-х годов примерно в подобном же русле развивалась политология в большинстве стран континентальной Европы. Вместе с тем как в континентальной Европе, так и особенно в англосаксонских странах политическая наука все больше делала крен в сторону позитивизма, в рамках которого наблюдалась тенденция к приравниванию науки о политике к естественным наукам.

В соответствии с основными установками позитивизма были изложены так называемые «научные законы» политики. К ним, в частности, относятся положения, сформулированные в упомянутых выше работах М. Я. Острогорского и Р. Михельса. Так, на основе сравнительного исследования английской и американской партийных систем Острогорский пришел к выводу о несовместимости мас-

совой бюрократической политической партии и демократической системы управления.

Р. Михельс, проанализировав историю и деятельность социал-демократической партии Германии, вывел свой железный закон олигархии. Согласно этому закону для крупных бюрократических организаций характерна тенденция к сосредоточению власти в руках олигархии. Можно назвать еще немало подобного рода других «законов» политики. Понимаемая так политология концентрировала свое внимание в основном на формальных институтах политической системы: парламенте, исполнительной власти, административных учреждениях.

Однако обнаружилось, что для правильного понимания политических процессов этого недостаточно и необходимо изучать сами политические процессы, ценности, установки широких слоев населения, их политическое поведение и др. Поэтому уже в первые десятилетия XX в. известные политические ученые Запада — Дж. Уоллес, Г. Ласки, Г. Ласуэлл поставили вопрос о значимости исследования социокультурных, религиозных, психологических факторов, неосознанных и подсознательных мотивов в политическом поведении людей.

С этой целью были предприняты попытки применить в политологических исследованиях методы, заимствованные из экспериментальной психологии и психоанализа, а также эмпирической социологии. В тот же период многими политологами была осознана необходимость использования в своих исследованиях методов экономической науки, истории, антропологии, психологии. Политологи стали широко привлекать также математические, статистические и количественные методы исследования.

В итоге позитивизм, особенно в англосаксонских странах, прежде всего в США, стал оттеснять политико-философское, теоретическое начало на второй план. Так, в 1923 г. президент Американской ассоциации политической науки Ч. Мерриам, обосновывая необходимость отказа от старых «априорных спекуляций» юридическими и сравнительно-историческими методами, утверждал, что техника поиска фактов создает «адекватный базис для надежного обобщения» и переводит «политическое исследование на объективную научную основу». При этом политические феномены и процессы в возрастающей степени становились объектом математизации и квантификации. Это в свою очередь вело к изгнанию из политологических исследований теоретического, мировоззренческого и ценностного начал.

Какая-то часть вопроса о восхождении сциентистской, позитивистской политологии в США, дело нельзя представлять так, будто противостоящие ей течения совершенно перестали существовать. В тот период

вышло немало работ, в которых подвергался аргументированной критике позитивистский подход, отстаиваемый Ч. Мерриамом, Дж. Кэтлингом и др. Достаточно упомянуть, например, работы У. Эллиота «Прагматический мятеж в политике» (1928) и «Возможности науки о политике» (1931), в которых обосновывалась несостоятельность устремлений тех позитивистов, которые пытались превратить политологию в точную науку. Эллиот, в частности, подчеркивал, что сциентизм не способствует развитию творческого духа и ориентирует политологов на одностороннее накопление фактов «по частным проблемам со ссылкой на специфические практические цели».

Но тем не менее фактом является то, что в американской политической науке верх одержала позитивистская методология. Этот момент приобретает особенно важное значение, если учесть, что в 1930–1940-е годы американское влияние стало преобладающим в западной политологии. В тот период в США переместился центр развития социальных и гуманитарных наук. В тоталитарных странах Европы исследования в этой области были либо свернуты, либо полностью поставлены на обеспечение идеологических и политико-пропагандистских запросов правящих режимов.

Происходили небывалая в истории утечка умов и переселение цвета интеллектуальной и творческой элиты континентальной Европы в Америку. В период нацизма германская политология как таковая по сути дела была уничтожена. С 1932 по 1938 г. Германию покинули более половины всех преподавателей высшей школы, а также множество видных представителей интеллектуальной и научной элиты: З. Фрейд, К. Левин, Г. Маркузе, К. Мангейм, Э. Фромм, Т. Адорно и др. Аналогичной стала судьба политической науки в Италии и большинстве других европейских стран. Девальвация ценности знания, подчинение все и вся целям идеологии и пропаганды делали неуместными социальные и гуманитарные дисциплины, в том числе и политологию.

Особенно трагически сложились судьбы этих наук в Советском Союзе. После Октябрьской революции 1917 г. и установления диктатуры одной партии многие российские философы, политологи, социологи и представители других социальных и гуманитарных дисциплин выехали или были высланы за границу. В их числе находились такие блестящие умы, как Н. А. Бердяев, О. Н. Лосский, С. Л. Франк, П. Струве, И. Ильин, П. Сорокин и другие, получившие мировую известность благодаря своим трудам по различным проблемам современного общественно-научного знания. Эти труды внесли неоценимый вклад в восстановление прерванной российской политологической тради-

ции. В целом можно сделать вывод, что в период между двумя мировыми войнами в политической науке верх взяла вторая тенденция. По сути дела тон в ней задавали научные круги США, и в целом западная политическая наука функционировала под знаком позитивизма.

1.5. Политическая наука после Второй мировой войны

Послевоенные десятилетия можно рассматривать как новый этап в развитии политической науки. Уже в первые годы после войны развернулся широкомасштабный и бурный процесс сначала восстановления, а затем и дальнейшего развития политических наук в европейских странах. Прежде всего обращает на себя внимание неуклонное расширение диапазона политической науки. В круг ее интересов вошли политические системы, политический процесс и политические партии; заинтересованные группы и политические движения; политическое поведение и политическая культура; общественное мнение и средства массовой информации в политическом процессе; политическое лидерство и элиты; корпоративизм и неокорпоративизм; политические идеологии, история политических учений, политическая философия и т. д. Значительное внимание, особенно в европейской политической науке, уделяется методологическим проблемам.

В данном контексте немаловажную роль сыграл международный коллоквиум по вопросам политической науки, организованный по инициативе ЮНЕСКО в Париже в 1948 г. На нем был сформулирован и принят специальный документ, в котором была предпринята попытка систематизировать и обнародовать составные элементы политической науки. Были выделены четыре блока этих элементов:

1. *Политическая теория*: а) политическая теория; б) история идей.

2. *Политические институты*: а) конституция; б) центральное управление; в) региональное и местное управление; г) публичная администрация; д) экономические и социальные функции управления; е) сравнительный анализ политических институтов.

3. *Партии, группы и общественное мнение*: а) политические партии; б) группы и ассоциации; в) участие граждан в управлении и администрации; общественное мнение.

4. *Международные отношения*: а) международная политика; б) политика и международные организации; в) международное право.

В 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Всемирная ассоциация политических наук, ежегодные конференции которой внесли существенный вклад в развитие политологических исследований.

Первоначально, особенно в конце 1940–1950-х годов, тон в мировой политической науке продолжали задавать американцы. Именно в США развернулась так называемая бихевиористская революция в социальных науках, в том числе в политологии. Американским ученым принадлежит заслуга в разработке системного и структурно-функционального анализа политических феноменов, политико-культурного подхода, сравнительной политологии и т. д.

Показателем расцвета американской политической науки стало появление огромного потока литературы по разнообразным вопросам политики как в США, так и в других странах, создание новых научных и учебных центров, основание множества новых общенациональных и региональных политологических журналов и т. д. Политическая наука в США сосредоточена главным образом в университетах, число кафедр политологии в которых достигло 1340. Причем большинство американских политологов сочетают преподавание с научно-исследовательской работой. Американская политическая наука оказала большое влияние на развитие политической науки в большинстве европейских стран.

Симптоматично, что американские ученые сыграли существенную роль в организации упомянутой выше конференции ЮНЕСКО в Париже в 1948 г. Сразу после этой конференции во Франции были созданы Национальная административная школа, Институт политических исследований при Парижском университете, Национальный фонд политических наук, а также Французская ассоциация политических наук. Последняя совместно с Национальным фондом политических наук с 1951 г. издает «Французский журнал политической науки». В 1956 г. во Франции была введена ученая степень доктора политических наук. По декрету правительства в университетах страны был введен новый курс — «Конституционное право и политические институты», — который способствовал пересмотру традиционных методов исследования политических феноменов и процессов. Особенно впечатляющих успехов французская политическая наука в лице М. Деверже, Б. де Жувенеля, Ж. Бюрдо, Ж. Веделя, М. Прело, П. Фавра и др. добилась в области исследования конституционализма, государства и власти, политических систем и режимов, партий и партийных систем.

Английская политическая наука, во многом тяготея к позитивистской методологии, не чуждалась историко-философской направленности. В 1950 г. по инициативе Г. Ласки, Д. Брогэна, Ч. Уилсона, М. Оукшота была учреждена Ассоциация политических исследований Соединенного Королевства (АПИСК), ставшая одним из филиалов Всемирной ассоциации политической науки. С того же года начал вы-

ходить печатный орган АПИСК «Политические исследования». Помимо него в настоящее время издается несколько других политологических журналов: «Британский журнал политической науки», «Правительство и оппозиция», «Политический ежеквартальник». Научно-исследовательская деятельность в области политики и преподавание политологии осуществляются примерно в 40 университетах страны.

Впечатляющих успехов в послевоенные десятилетия, особенно в 1960–1980-е годы, добилась политическая наука Федеративной Республики Германии. Эти успехи связаны прежде всего с именами К. Байме, Г. Рормозера, Г. Люббе, Г.-К. Кальтенбруннера. О характере и направленности германской политической науки можно составить представление уже одним перечислением круга проблем, ставших объектом ее изучения. Это — теория политики, история политических идей, философская антропология, теория политических процессов, сравнительный институционализм и др. Важное место отводится политическим институтам, политическим партиям, объединениям, союзам, внутренней политике, государственно-административной системе, внешней политике.

Очевидно, что германская политическая наука развивается и функционирует в русле традиций органического сочетания теоретических, философских и ценностных начал, с одной стороны, и эмпирико-фактографических начал — с другой.

В тех или иных формах политическая наука развивалась и в других странах. Об этом свидетельствует создание множества национальных и региональных ассоциаций и организаций политических наук. Широкий размах получило преподавание политологии в университетах и вузах гуманитарного профиля, а также подготовка бакалавров, магистров и докторов по различным областям политологии.

В нашей стране с середины 1980-х годов в этом плане произошли существенные сдвиги, создавшие условия для формирования новой российской политической науки. Важным этапом в этом процессе стала официальная отмена в 1989 г. руководящей роли КПСС, что соответственно предполагало и отмену научного коммунизма и других связанных с ним предметов в качестве обязательных для изучения в вузах дисциплин. За этим последовало официальное признание политологии как самостоятельной образовательной и научной дисциплины. Особенно важное значение имели учреждение экспертного совета ВАК по политическим наукам и введение в вузах страны преподавания политологии. Все это создало основу для развития современной профессиональной политической науки, формирования системы подготовки и переподготовки научных и преподавательских кадров

политологов, установления и присуждения ученых степеней (кандидата и доктора) по политическим наукам и присвоения научных званий (доцента, профессора) на политологических кафедрах.

В настоящее время в вузах Российской Федерации функционирует более 300 кафедр политологии и политологических отделений, на которых трудится более 4 тыс. профессоров и преподавателей. Неуклонно и сравнительно быстро растет число политологов различных профилей, работающих в академических институтах, в различного рода аналитических центрах, в частных исследовательских организациях, в органах государственной власти. Много делается для становления и развития важнейших разделов политической науки: политической социологии, политической философии, сравнительной политологии и др. Особенно стремительно развивается такая новая для нашей страны область, как политические технологии.

О том большом пути, который за сравнительно короткий период прошла отечественная политическая наука, свидетельствует тот факт, что в 1991 г. на основе существовавшей ранее Советской ассоциации политических наук была создана Российская ассоциация политических наук, а в 1995 г. организована Академия политической науки.

Вместе с тем не может не вызвать озабоченность факт дефицита фундаментальных исследований по ключевым проблемам политической науки, таким, как понятие политического вообще, политическая философия, социология политики, власть, государство, методология политического исследования и др. Приходится констатировать также и то, что множество учебников и учебных пособий, появившихся за последние годы, лишены научно-исследовательской базы и не отвечают элементарным нормам, предъявляемым к работам такого рода. В этом плане отечественной политической науке предстоит еще много сделать, чтобы завершить процесс профессионализации и окончательной институционализации.

Не затрагивая конкретные пути и тенденции развития политической науки после Второй мировой войны по отдельным странам, можно отметить, что в послевоенные десятилетия дальнейшее развитие получили прежде всего те теории, идеи, концепции, которые были выдвинуты и сформулированы в довоенный период. Это теория групп вообще и заинтересованных групп в частности, связанная с ней теория равновесия политических сил (Д. Трумен, Д. Истон, Р. Тейлор), теория демократии (Р. Даль, Дж. Сартори), теория элит и элитизма (Г. Ласуэлл, Р. Миллс), идеи власти, контроля и влияния (Дж. Кэтлин, Ч. Мерриам, Г. Моргентхау). Наряду с этим начались и широкомасштабно осуществлялись исследования политических

систем современности (Д. Истон, К. Фридрих, К. Дойч, Г. Шильс, Р. Арон), партийно-политических систем (М. Дюверже, У. Д. Бернхэм, Дж. Сандквист, К. Байме), структурно-функционального анализа мира политического (Т. Парсонс, Ч. Бернард, Р. Мертон), идей конфликта и консенсуса в политике (С. М. Липсет, Л. Коузер).

1.6. Формирование сравнительной политологии

В послевоенный период окончательно сформировалась сравнительная политология как самостоятельный раздел политической науки методологических принципов политологических исследований.

Политология, как и любая другая социальная и гуманитарная научная дисциплина, изучает свой предмет путем его соизмерения и соотношения с другими феноменами и процессами. Иначе говоря, сам принцип сравнительности имплицитно присущ любому политологическому исследованию, особенно когда речь идет о классификации типологизации. Политологическая традиция, начиная от Платона и Аристотеля, уже сама по себе содержит значительный элемент компаративизма. Именно на основе сравнительного подхода Аристотель создал свою типологизацию трех основных систем правления по числу лиц, обладающих властью, или властителей: монархическую, олигархическую и демократическую, в которых верховная власть принадлежит соответственно одному, немногим и всем.

К предтечам сравнительного анализа следует причислить Ш. Л. Монтескье. Особенно широко сравнительный метод стал использоваться в социальных и гуманитарных науках в XIX в. Отдельные его элементы были присущи исторической школе права Савиньи в Германии и так называемой тевтонской школе историографии в США. Под влиянием этой школы в конце XIX в. сформировалась методология сравнительной политики. Одним из ее зачинателей считается Э. Фримен, который в своей книге «Сравнительная политика» (1873) (кстати, в свое время она была переведена на русский язык) показал, что история и политика неотделимы.

Используя методы сравнительной филологии и политики для изучения истории конституционных учреждений, Фримен пытался выявить и объяснить сходные черты у разных народов и государств различных исторических эпох их происхождением от какого-нибудь одного корня. Особенно большую популярность методология сравнительной политики получила в США. Так, здесь сформировалось самостоятельное историческое направление, представители которого (Г. Б. Адамс, А. Уайт, Д. Барджес) пытались выявить генеалогию

политических учреждений Америки из институтов общинного самоуправления древних германцев, найти в колониальной Америке связующее звено с древнегерманской племенной организацией.

Необходимо отметить, что методология сравнительной политики, как она трактовалась и применялась ее сторонниками, существенно отличается от методологии и методов современной сравнительной политологии. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать позицию по данному вопросу известного русского ученого XIX — начала XX в. М.М. Ковалевского, который проявлял определенный интерес к этой проблематике. Не признавая за простым сравнением тех или иных учреждений и институтов каких-либо двух и более произвольно взятых стран статуса научного метода, Ковалевский называл его *«просто сопоставительным методом»*. Чтобы пояснить свою позицию, Ковалевский предпочитал понятию «сравнительный метод» понятие «историко-сравнительный метод». Суть этого метода он видел в том, чтобы провести сравнительный анализ законодательства народов, имеющих одинаковые исторические корни и пути развития.

Что же касается методологии современной сравнительной политологии, то она основывается на иных принципах и исходных позициях. В этом качестве сравнительный метод в отдельных своих аспектах использовал еще Гегель, особенно в работе «Философия истории». Именно в ней он сформулировал свой тезис о пассивности, летаргичности и в силу этого неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам прогресса по сравнению с Западом, где, по его мнению, преобладает активное, рационалистическое творческое начало, способствующее прогрессивному восхождению духа свободы. Эта традиция в рассматриваемом контексте нашла дальнейшее развитие у М. Вебера, особенно в его трудах по социологии, религии и культуре. Значительный элемент компаративизма присутствовал в фундаментальном двухтомном труде русского ученого М. Острогорского «Демократия и политические партии», опубликованном в 1898 г. на французском языке.

Изыскания сравнительного плана продолжались другими исследователями в первые десятилетия XX в. Так, работы К. Фридриха и Г. Файнера «Теория и практика современной системы правления» (1932) и К. Фридриха «Конституционное правление и демократия» (1937) являются по своему характеру сравнительными исследованиями. В них анализируются различные формы правления, политических институтов и процессов в контексте важнейших тем политической теории. В 1940 г., с выходом в свет книги М. Фортеса и Е. Притчарда «Африканские политические системы», началась история политичес-

кой антропологии, сыгравшей немаловажную роль в возникновении сравнительной политологии.

При всем том сравнительная политология как самостоятельный крупный раздел политической науки выделилась лишь в 50-х годах XX в. Не случайно в многотомной «Энциклопедии социальных наук», опубликованной в 1930–1935 гг., еще отсутствует статья о сравнительной политологии. Появлению сравнительной политологии способствовал целый ряд факторов. К началу 1950-х годов как методологический арсенал политической науки, так и ее понятийно-категориальный аппарат, сложившиеся в предшествующий период, перестали отвечать реальностям мирового политического развития. Важнейшие политологические концепции разделения властей, представительства, парламентаризма и т. д. и соответствующие им государственные и политические институты возникли в период, когда широкие массы по сути дела еще не были допущены к политике — главенствующие позиции в ней занимали власть имущие, а партии и избирательные системы находились еще на стадии формирования.

В XX в., особенно после Второй мировой войны, произошли существенные социальные и политические изменения. Это — введение действительного всеобщего права голоса, беспрецедентное расширение круга участников политического процесса, развитие и институционализация политических партий и заинтересованных групп, возникновение множества общественных организаций, всеобщей системы образования, восхождение средств массовой информации и т. д. Эти широкомасштабные изменения, естественно, требовали соответствующего концептуального, методологического и методического инструментария. Поэтому были разработаны и стали использоваться концепции политической системы, политических ролей и функций, политической структуры, политической культуры, политической социализации и т. д. Соответственно все большую популярность в политологии приобретали антропологические, социально-психологические, культурологические концепции, теории и методы исторической социологии и социологии в собственном смысле слова. Сравнительная политология как раз и была призвана интегрировать эти новые явления, тенденции и достижения и поднять политическую науку на качественно новую ступень развития.

В первой половине 1950-х годов появились работы, которые дали стимул к разработке и институционализации этого научного направления. Среди них следует назвать книги Р. Макридиса «Сравнительное исследование систем правления» (1954) и «Сравнительное исследование политики» (1955). Своеобразным манифестом нового

направления стала получившая широкую популярность и отклик статья Г. Алмонда «Сравнительные политические системы» (1956). Последующие плодотворные изыскания самого Г. Алмонда, С. Вербы, Р. Путнема, С. Пая, Д. Эптера существенно расширили и углубили наши знания о структурах, условиях и последствиях политического поведения и политической культуры различных слоев населения в индустриально развитых странах.

Немаловажное значение имеют появившиеся позже сравнительные исследования заинтересованных групп и неокорпоративистского механизма принятия решений (Ф. Шмиттер, Г. Лембрук, С. Бергер, Дж. Голдтроп и др.), сравнительные исследования политических партий (Дж. Сартори, А. Лийпхарт, Б. Поуэлл и др.). Среди факторов, способствовавших формированию сравнительной политологии, следует назвать беспрецедентный рост массива данных о западных политических системах, растущий интерес политологов к международно-политическим проблемам и связанное с этим внимание к политическим институтам, ценностям, установкам, традициям, политическим культурам других стран и народов.

С этой точки зрения важная заслуга сравнительного подхода состоит в том, что большинство его приверженцев фактически отказались от господствовавшего в западной политической науке в первой половине XX в. евроцентристского взгляда на политику. Собственно говоря, формирование и рост популярности сравнительного подхода именно в послевоенное время во многом объясняются развернувшимися в тот период изменениями мирового масштаба, в частности процессами деколонизации и образования новых государств, многие из которых становились самостоятельными и активными акторами мировой политики. Естественно, что проблема развития и политической модернизации новых стран Азии и Африки заняла важное место в сравнительной политологии. Основываясь на системном подходе, их авторы пытаются определить пути и формы влияния не только социальных изменений на политическую систему, но и конкретных типов политической системы на эти изменения.

В рамках сравнительной политологии развернулись исследования политической культуры разных стран и регионов, появились новые дисциплины или разделы политической науки: политическая антропология, политическая психология, политическая экология и др. На качественно новый уровень поднялось изучение политической философии и этики. Появилась серия работ, посвященных разработке методологических принципов сравнительной политологии. Среди них можно упомянуть коллективные сборники статей «Методология

сравнительного исследования» (1970) и «Сравнительные политические системы» (1977), книги Р. Чилкота «Теории сравнительной политики: в поисках парадигмы» (1981) и Р. Меррита «Системный подход к сравнительной политике» (1970), статьи Г. Алмонда «Анализ политических систем по типу развития» (1965) и И. Кима «Концепция политической культуры в сравнительной политике» (1964) и т. д. Необходимо отметить, что поток литературы по данной проблематике продолжает расти. О возросшей значимости этого направления свидетельствует появление целого ряда профессиональных журналов, таких, как «Сравнительное обозрение цивилизаций», «Сравнительные исследования по истории и обществу», «Сравнительные политические исследования».

На исходе XX в., пройдя столетний путь со времени своего возникновения, политология приобрела статус поистине системной и междисциплинарной науки.

Контрольные вопросы

1. Каковы различия между политической мыслью и политической наукой?
2. Назовите основные этапы формирования и эволюции политической науки. Какой вклад внесен на каждом из этих этапов в становление политической науки?
3. Можно ли назвать античных мыслителей отцами-основателями политической науки?
4. Кто из мыслителей Нового времени внес наибольший вклад в формирование политической науки?
5. Назовите и охарактеризуйте две основные тенденции в политологии.
6. Каковы особенности развития политической науки в европейских странах и США между двумя мировыми войнами?
7. Каковы особенности развития политологии после Второй мировой войны?
8. Назовите важнейшие политические теории и концепции, разработанные в послевоенные десятилетия.
9. Что понимается под сравнительной политологией? Дайте характеристику основных этапов формирования сравнительной политологии.

Глава 2

Политология как самостоятельная научная дисциплина

Становление любой научной дисциплины предполагает определение прежде всего круга тем и проблем, представляющих в совокупности предмет ее исследования. Важно сформулировать цели и задачи дисциплины, ее отличия от других социальных и гуманитарных дисциплин и реальное место в системе этих дисциплин. Невозможно представить любую научную дисциплину без более или менее четко сформулированных методологических принципов, собственного арсенала методов и приемов систематизации и анализа материалов, а также понятийно-категориального аппарата.

2.1. Предмет политической науки

Что же такое политология, или политическая наука? Какое место она занимает среди остальных социальных и гуманитарных наук? К настоящему времени нет еще общепринятого определения политической науки. Исследователи расходятся между собой в оценке границ и содержания политологии, круга охватываемых ею проблем, критериев выделения в самостоятельную научную дисциплину. Прежде всего необходимо определить круг тем и проблем, в совокупности составляющих предмет изучения данной дисциплины. Для этого нужно выяснить содержание понятий «политическое», «мир политического», «политическая сфера» и т. д. А эта проблема в значительной мере конкретизируется как проблема вычленения границ между ними и другими подсистемами человеческого общежития. Невозможно определить политическое, не ответив на вопрос о характере и типе соответствующего общества.

Этапы формирования политической науки в целом соответствовали этапам осознания людьми политики как самостоятельной сферы человеческой деятельности. Как правило, каждая из социальных и гуманитарных дисциплин призвана изучать самостоятельную, более или менее четко очерченную сферу общественной жизни. Собственную сферу имеет и политическая наука. Остановимся на этом вопросе более подробно.

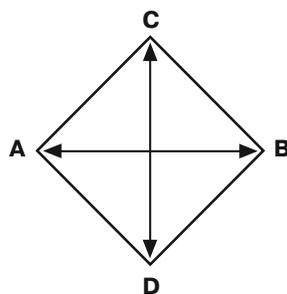
В современной общественно-политической системе как целостном социуме выделяются следующие взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы: *производственная*, или *экономическая*, *социальная*, *духовная* и *политическая*. Производственная подсистема обеспечивает материальную инфраструктуру, а политическая — механизм реализации общей воли и общего интереса всех основных элементов системы. Социальная и духовная сферы в совокупности составляют гражданское общество, которое также можно обозначить как единую подсистему. Эта проблема более подробно анализируется в гл. 3. Здесь отметим лишь то, что в соответствии с предложенной классификацией человеческий социум условно можно было бы изобразить в виде схемы, представленной на рис. 1.

Теперь, руководствуясь этой схемой, попытаемся классифицировать социальные и гуманитарные науки, каждая из которых призвана изучать тот или иной аспект, ракурс, компонент одной из четырех подсистем. В таком случае мы имеем следующий расклад: А — *социальные науки*, группирующиеся вокруг социологии, В — *науки о духе* (философия, культурология, религиоведение и богословие, этика, эстетика и искусствознание и т. д.), С — *политические науки* и D — *экономические науки*. Другими словами,

каждая из четырех главных подсистем служит объектом изучения самостоятельного блока научных дисциплин. Но это лишь начало разговора о классификации социальных и гуманитарных наук. Трудности начинаются сразу же, как только мы приступаем к определению места каждой конкретной дисциплины в системе социальных и гуманитарных наук, к более или менее точному выявлению сферы или предмета ее изучения, круга охватываемых ею тем и проблем.

Что касается собственно политологии, то первоначально она сформировалась как дисциплина, призванная изучать предназначение и функции государственных и политических феноменов, институтов, процессов. В современном толковании предметом ее исследования является мир политического в его тотальности и многообразии, все то, что охватывается понятием «политическое».

В свою очередь всю совокупность проблем, которыми занимаются политологи, можно подразделить на три блока. Во-первых, социально-

Сфера (подсистема): А — социальная, В — духовная, С — политическая, D — экономическая

Рис. 1

философские и идейно-теоретические основания политики, системообразующие признаки и характеристики подсистемы политического, политические парадигмы, соответствующие тому или иному конкретному историческому периоду. Во-вторых, политические системы и политическая культура, отличия и сходства между различными политическими системами, их преимущества и недостатки, политические режимы, условия их изменения и смены. В-третьих, политические институты, политический процесс, политическое поведение. Причем речь отнюдь не идет о какой бы то ни было иерархической соподчиненности этих трех блоков, о большей или меньшей значимости того или иного из них.

Следует исходить из признания их равнозначности, поскольку идейно-теоретические основания политики невозможно понять в отрыве от конкретной политической системы, а ее в свою очередь — без конкретных политических институтов.

Политические феномены, несомненно, представляют интерес прежде всего в их наличном в данный момент состоянии. Задача политолога состоит в выяснении их структуры, составных элементов, функций, условий для нормального функционирования, соотношения и взаимодействия друг с другом. Но без учета исторического фона, идейно-теоретической и социально-философской подоплеки такой анализ был бы односторонним и, стало быть, не раскрывающим адекватно сущности политических явлений. Поэтому политологическое исследование должно включать три важнейших аспекта: *исторический, конкретно-эмпирический и теоретический*.

Основополагающими объектами исследования политологии являются *государство, власть и властные отношения*, составляющие как бы осевой стержень политического. Они имеют много измерений: экономическое, социокультурное, философское, социально-психологическое, структурное, функциональное и др. Каждое из этих измерений обладает своими собственными характеристиками, нормами и функциями. Поэтому задача политической науки в этом плане гораздо шире государствоведческой и правоведческой дисциплин, изучающих прежде всего правовые аспекты данной проблемы. Политическая наука призвана анализировать государство и властные отношения прежде всего как социальные феномены, как институты политической организации общества, главная цель которой — реализация всеобщего интереса.

Важным объектом изучения политологии является также система международных отношений со своими собственными системообразующими характеристиками, структурными составляющими и функци-

ями. Важной задачей политологии является изучение закономерностей, основных норм и особенностей взаимодействия государств, региональных и всемирных организаций и других субъектов международных отношений в современных условиях. Особенно значимо исследование механизмов принятия решений, ролей и функций важнейших институтов в системе разрешения международных конфликтов и достижения консенсуса между государствами.

Подводя итог, можно сказать, что предметом политологии в общей сложности является политическое в его тотальности, в контексте исторического развития и реальной социальной действительности, а также взаимодействия и переплетения различных социальных сил, социокультурного и политико-культурного опыта. В фокусе ее зрения такие разные по своему характеру институты, феномены и процессы, как политическая система, государственный строй, власть и властные отношения, политическое поведение, политическая культура, история политических учений и др. Эти проблемы изучаются не только политологией, но в тех или иных аспектах и измерениях также историей, философией, социологией, государственно-правовой наукой и другими научными дисциплинами. Поэтому естественно, что политическая наука открыта влиянию со стороны других социальных и гуманитарных, а зачастую и естественных наук. Интегрируя отдельные аспекты этих дисциплин, политология располагается как бы в точке их пересечения и представляет собой междисциплинарную науку.

2.2. Соотношение истории и политологии

Остается вопрос о разграничении политологии от остальных социальных и гуманитарных наук. К примеру, чем политология отличается от истории? Ведь известно, что эти две дисциплины развивались в тесной взаимосвязи. В исторической науке существует самостоятельный раздел — политическая история, которая изучает основные направления и тенденции развития мира политического в прошлом.

На заре формирования политической науки как самостоятельной дисциплины известный английский историк Э. Фримен не без определенных оснований говорил: *«История — это прошлая политика и политика — это сегодняшняя история»*. И неудивительно, что политическая наука сформировалась в тесной взаимосвязи с историей. Но это отнюдь не говорит об отсутствии серьезных различий между двумя дисциплинами, что можно проиллюстрировать, сравнив задачи и функции историка и политолога. Как правило, историк имеет дело с уже свершившимися процессами и феноменами, ставшими достоянием

прошлого. Он может наблюдать начало, развитие и конец изучаемых процессов. Политолог, напротив, имеет дело с еще не свершившимися фактами. Он смотрит на эти факты как на продолжающееся действие. Он смотрит на историю как на спектакль и воспринимает ее как действие, участником которого является сам. В отличие от историка, который может анализировать свой предмет, как бы став над ним, отстранившись от него, политолог должен сохранить теснейшую связь с предметом исследования, он находится как бы внутри изучаемого им процесса. Реальный источник его затруднений состоит в том, что он должен оценивать состояние политической ситуации до того, как она примет историческую форму, т. е. станет необратимой. А это побуждает политолога зачастую смешивать свои собственные желания с реальностью.

Касаясь возможностей той или иной науки адекватно изучить свой объект, уместно применить здесь гегелевскую метафору: «*Сова Минервы начинает свой полет в сумерках*». И действительно, более или менее исчерпывающие и соответствующие реальному положению вещей знания о том или ином общественно-политическом феномене можно получить лишь тогда, когда этот феномен стал свершившимся объективным фактом общественной жизни. Соответственно исследователь может изучать этот факт, наблюдая его как бы со стороны. С этой точки зрения положение историка предпочтительнее, поскольку он имеет дело с уже свершившимися историческими феноменами и фактами. Что касается политолога, то объектом его интереса являются живые реальности, затрагивающие интересы множества действующих в этих реальностях лиц.

Политолог, будучи одним из этих лиц, не способен в полной мере стать над изучаемыми им реальностями, которые еще не стали свершившимися фактами, находятся в движении, процессе становления. Он не может отвлечься от субъективных, сиюминутных впечатлений, и его выводы могут быть подвержены влиянию изменяющихся событий и обстоятельств. Образно говоря, для политолога час сумерек еще не наступил и сова Минервы только расправляет крылья.

2.3. Политическая социология

Особенно актуален, значим и в то же время сложен вопрос о соотношении и разграничении политологии и социологии. Строго говоря, социальная сфера является объектом исследования социологии, а мир политического — политологии. Но при близком рассмотрении обнаруживается крайняя трудность, если не невозможность, опреде-

ления, где именно в приведенном выше рисунке на линии АС кончается социальная и где начинается политическая подсистема. Не прояснив этот вопрос, мы не можем, разумеется, даже приблизительно определить круг тем и проблем, охватываемых соответственно социологией и политологией.

Существуют институты и явления, несомненно принадлежащие соответственно к гражданскому обществу (семья, группа, социальные слои, классы) и к миру политического (парламент, правительство, государственно-административный аппарат). Но есть и такие институты и организации, которые входят одновременно и в гражданское общество, и в подсистему политического. Они считаются промежуточными институтами, располагающимися на стыке гражданского общества и подсистемы политического.

К этой группе относятся политические партии, общественно-политические, религиозные и иные организации и движения, средства массовой информации и др. С этой точки зрения особенно важное значение имеет то, что в гражданском обществе коренятся социально-экономические, социокультурные, этнонациональные, религиозные, образовательные и иные факторы, которые в совокупности составляют социологические основы политики.

Главная задача политических партий в данном контексте состоит в том, чтобы сгруппировывать, объединять разнородные, часто конфликтующие интересы гражданского общества, представлять их во властных структурах. Пример с политическими партиями показывает, что между гражданским обществом и миром политического существует некое промежуточное пространство, от которого во многом зависит жизнеспособность и эффективное функционирование обеих подсистем.

Ни социология, ни политология не вправе претендовать на исключительное право монопольно изучать это пространство. Выход из такой антиномии был найден на путях формирования нового самостоятельного раздела политологии — политической социологии. Политическую социологию многие авторы рассматривают как раздел или дочернюю дисциплину социологии. Интересно, что, по мнению М. Дюверже, «в самом общем смысле понятия политическая социология и политические науки являются синонимами. Как представляется, здесь не уместно вступать в спор относительно того, куда правильнее причислить эту дисциплину — к политологии или социологии.

Важно признать тот очевидный факт, что политические феномены, составляющие предмет изучения политологии, невозможно должным образом и на должном уровне анализировать без выявления тех

их оснований, которые берут свое начало в гражданском обществе. В этом плане преимущество политической социологии, которая развивалась в рамках как социологии, так и политологии, состоит в том, что здесь мы имеем синтез социологических и политологических знаний.

Как самостоятельная дисциплина или раздел политологии (или социологии) политическая социология окончательно утвердилась в 30–50-е годы XX в. Однако ее основы были заложены раньше, как уже говорилось в гл. 1, в работах М. Острогорского, Р. Михельса, М. Вебера и др. После Второй мировой войны наибольший вклад в разработку методологических принципов и исследовательского инструментария политической социологии внесли П. Лазарсфельд, Т. Парсонс, С. Липсет, Р. Бендикс, П. Сорокин, М. Дюверже, П. Бурдьё и др.

Объектом исследования политической социологии являются социальные основы власти и политических отношений: социально-экономические, социокультурные, этнонациональные, религиозные факторы, определяющие политическое поведение людей, политические установки, ориентации и умонастроения широких масс населения. Она призвана исследовать политические явления через призму их взаимодействия с обществом. В этом плане ее в равной мере правомерно рассматривать как раздел социологии и одновременно политологии. Ведь не случайно мы говорим, что политическая социология занимается изучением промежуточного пространства между гражданским обществом и миром политического. Соответственно и она стоит на точке пересечения социологии и политологии.

Главное отличие политологии от политической социологии состоит в том, что последняя имеет дело с социальными причинами и отношениями распределения власти и властных структур в обществе, с факторами, определяющими политическое поведение людей, политические конфликты, политические установки, ориентации и умонастроения широких масс населения, механизмы отражения социального плюрализма в политической сфере и т. д. Как отмечали американские политологи и социологи Р. Бендикс и С. Липсет, «в отличие от политологии, которая исходит от государства и изучает, как оно влияет на общество, политическая социология исходит от общества и изучает, как оно влияет на государство, то есть на формальные институты, служащие разделению и осуществлению власти».

В этом отношении политическая социология представляет собой своеобразный синтез социологии и политологии. Она в большей степени, чем политология, концентрирует внимание на борьбе за власть между различными частями общества, социальных конфликтах и со-

циальных изменениях, скрытых функциях, неформальных и дисфункциональных аспектах политики. В широком смысле слова в центре внимания политической социологии — социологическое измерение политических феноменов. Она занимается прежде всего социальной базой власти во всех институциональных секторах общества, социальным контекстом политических институтов и процессов на макро-социальном и микросоциальном уровнях.

Главная задача политической социологии на макроуровне — исследование социальных основ власти и социальных конфликтов, их проявление в поведении людей и влияние на политические институты, а также обратное влияние этих последних на социальные реальности. На микросоциальном уровне внимание концентрируется на конкретных политических институтах как социальных организациях, их структурах и отношениях с другими организациями, типах руководства и т. д. Значительное внимание уделяется выявлению отношения граждан и различных социальных групп к государству, политическим партиям, конкретному политическому курсу правительства и т. д.

Как будет показано в гл. 4, политика существует там, где существуют конфликты. Политические конфликты, как правило, являются отражением разного рода конфликтов, возникающих в гражданском обществе в силу лежащих в его основе различных форм плюрализма — социального, социокультурного, конфессионального, этнонационального, идеологического, политико-культурного и т. д. В этом контексте политическая социология интересуется особенностями социальной стратификации, тем, как это сказывается на политической организации, а также на механизмах и способах разрешения конфликтов и т. д.

В целом политическая социология призвана искать ответы на вопросы: как избиратели голосуют на местных и общенациональных выборах? Какие факторы в первую очередь определяют их политические предпочтения: возраст, пол, социальный статус, место жительства, профессия, уровень дохода, образовательный уровень? Какие факторы влияют на изменение позиций избирателей? Какое воздействие на политическое поведение оказывают средства массовой информации?

Изучая эти вопросы, политическая социология интересуется прежде всего институтами, организациями, процессами, располагающимися на стыке гражданского общества и мира политического, политическими отношениями и т. д. Значительное внимание уделяется политическому поведению больших и малых социальных групп, их политическим ценностям, установкам, ориентациям. Важное место

в политической социологии занимает выявление с помощью опросов общественного мнения настроений разных социально-политических сил, групп, слоев, классов по самому широкому спектру проблем общественной жизни.

2.4. Политическая философия

Еще более сложным в приведенном выше рисунке оказывается вопрос о том, где кончается духовная сфера и начинается мир политического. Человек является существом не только социальным, политическим и экономическим, но и духовным, носителем определенных социокультурных, политико-культурных, морально-этических норм и ценностей. Поэтому речь идет прежде всего о парадигмальном и мировоззренческом измерении при изучении мира политического, которое и является объектом политической философии.

Политическая философия — это, во-первых, особая дисциплина, располагающаяся на точке пересечения философии и политической науки, их самостоятельный раздел. В этом качестве она призвана изучать духовные и мировоззренческие аспекты мира политического. Во-вторых, это та сфера духовной деятельности людей, где формируются мировоззренческие, ценностные и нормативные основы мира политического, сама идея политического, идеи государства и власти. Иначе говоря, сама политическая философия является частью политической действительности. В данном параграфе политическая философия рассматривается как самостоятельная научная и образовательная дисциплина или раздел политической науки. Во втором ее понимании она более или менее подробно анализируется в гл. 17.

Хотя некоторые идеи, положенные в основу политической философии, были выдвинуты еще мыслителями Античности — Платоном, Аристотелем, Полибием и др., как самостоятельная дисциплина или раздел политологии в ее современном понимании она сформировалась в Новое время. Само понятие «политическая философия» впервые начало входить в научный лексикон в конце XVIII в. Одним из первых его использовал известный философ истории И. Г. Гердер в своем фундаментальном труде «Идеи к философии истории человечества», вышедшем в свет в 1784–1791 гг. Но первыми политико-философскими трудами в собственном смысле слова можно считать «Основы философии» и вторую часть «Шесть книг о государстве» Ж. Бодена, «О праве войны и мира» Г. Гроция, «Левиафан», «О государстве» Т. Гоббса, «Два трактата о правлении» Дж. Локка, «О духе законов» Ш. Л. Монтескье и др.

В целом, рассматривая государство как высшую ценность и самодовлеющую сущность, выступающую в качестве гаранта справедливости, жизни и основных благ своих граждан, эти мыслители способствовали освобождению идей государства от теологии и фидеизма, узаконили проблему государства в качестве самостоятельной и самодостаточной сущности. Именно им принадлежит приоритет в разработке идей о договорном происхождении государства и власти, неотчуждаемых правах человека, разделении власти. В их работах разработаны такие онтологические и гносеологические вопросы, как сущность мира политического, государства и власти, условия и факторы их возникновения, жизнеспособности и исчезновения, формы, в которых они могут существовать, и т. д.

Развитию политической теории, идеям конституционного строя, республиканской и либерально-демократической формам правления, а также вызреванию предпосылок формирования и утверждения институтов, отношений и норм, соответствующих этим теориям и идеям, был дан существенный толчок Просвещением, а затем Великой французской революцией, Войной за независимость США конца XVIII в. и серией революций в XIX в. Это особенно отчетливо проявилось в английской, американской, и французской политических традициях, где республиканская и демократическая системы рассматривались как наилучшие формы правления, соответствующие самой природе человека.

Свой вклад в планы разработки основополагающих постулатов, установок, положений политической философии внесла целая плеяда ученых, философов, мыслителей, среди которых особо следует отметить И. Канта («Учение о праве») и Г. В. Ф. Гегеля («Основы философии права») и др. Важнейшие проблемы, выдвинутые в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и других мыслителей Нового времени, получили свою дальнейшую разработку и развитие во второй половине XIX — начале XX в. в работах К. Маркса, Г. Спенсера, В. Парето, Г. Моски, М. Вебера, Ж. Мишле, Л. Дюги, Б. Кроче, К. Шмитта и др.

Соответственно были разработаны основополагающие концепции и теории политики и мира политического. Началось формирование целого ряда политико-философских школ и направлений в виде либерализма, консерватизма, марксизма, социал-демократизма, различных вариантов радикализма. Сформировались различные варианты так называемой органической теории государства. Развернулись споры и дискуссии о преимуществах и недостатках различных форм правления.

Политическая теория и политическая философия продолжали более или менее успешно развиваться в 1950–1960-х годах, т. е. в период так называемого триумфа позитивизма. Об этом свидетельствуют, к примеру, работы Б. Скиннера, Л. Страусса, Э. Вогелина, Х. Арндта, Дж. Роулса и др.

Чтобы выявить место, роль и предназначение политической философии, ее взаимосвязь, с одной стороны, с парадигмальным, мировоззренческим аспектами общественной жизни и, с другой стороны, с политологией и философией, снова обратимся к рис. 1. Здесь на линии ВС положение дел оказывается еще более сложным и запутанным, чем на линии АС, при определении статуса политической социологии. И действительно, где на этой линии кончается духовная сфера и начинается мир политического? Главное предназначение политической философии как раз и состоит в том, чтобы выявить и проанализировать мировоззренческие и парадигмальные основы мира политического, которые в завершенной форме проявляются как раз в этой точке пересечения духовной и политической сфер.

2.5. Политическая психология

Политическая психология, как и политическая философия, является самостоятельным разделом политологии и результатом восприятия представителями того или иного народа или конкретной страны политических реальностей через призму своей психологии. Следует подчеркнуть, что речь здесь идет скорее о социальной психологии, а не об общей психологии. Политическая психология возникла на пересечении психологии и социальных наук, прежде всего политологии. Соответственно ее можно отнести как к психологии, так и к политологии.

Первые идеи, положенные в ее основу, появились в конце XIX — начале XX в. Не будет большим преувеличением утверждение, что возникновение и институционализация политической психологии теснейшим образом связаны с постепенной демократизацией всех сфер жизни, выдвижением на политическую авансцену широких народных масс в конце XIX — начале XX в., ростом их политической активности. В этом отношении пальма первенства принадлежит, пожалуй, известному французскому социальному психологу, социологу и антропологу Г. Лебону, который одним из первых поставил своей целью обосновать феномен массы и выдвинул теорию о наступлении эры господства масс.

Свою позицию Г. Лебон развернуто разработал сначала в работе «Психология народов и масс» (1895), а затем в книгах «Психология

социализма» и «Эволюция материи». В основе его конструкций лежала идея, согласно которой поведение всякой массы людей, особенно когда они составляют толпу, определяют бессознательные инстинкты и иррациональные побуждения. Почти одновременно с названными появились работы итальянского исследователя С. Сигеле «Преступная толпа», известного французского социального психолога Г. Тарда «Социальная логика» и др.

Считается, что значительный вклад в становление и институционализацию политической психологии внес американский социолог и социальный психолог Г. Ласуэлл. Его книга «Психопатология и политика» (1930) представляла собой исследование «глубинной психологии политики», проведенное на основе анализа деятельности конкретных политиков, часть из которых имела нарушения психики. В другой своей книге, «Мировая политика и личная незащищенность» (1935), Г. Ласуэлл сконцентрировал основное внимание на психологических основах и политическом поведении личности как субъекта политики. Определенную популярность получила его книга «Власть и общество», написанная в соавторстве с А. Капланом и опубликованная в 1950 г. В ней главное внимание уделено выявлению и анализу социально-психологических оснований политики и власти.

В 20–30-е годы XX в. дальнейшее развитие некоторых идей, сформулированных Г. Лебоном, нашло в работах известного испанского философа и культуролога Х. Ортеги-и-Гассета. Особенно большую популярность получила его работа «Восстание масс» (1920–1930), в которой идея о восхождении века господства масс получила свое законченное выражение.

Многое для становления и дальнейшего развития политической психологии внесли представители психоанализа в лице фрейдистов и неофрейдистов. Следуя идеям З. Фрейда, К. Юнга и др., они искали скрытые мотивы политического поведения людей в бессознательных пластах их психологии, сформировавшихся еще в детском возрасте, в тех конфликтах, которые оставили в душе будущего субъекта политической деятельности разного рода психологические травмы.

Особенно сильный толчок политическая психология получила с развертыванием после Второй мировой войны так называемой бихевиористской революции, которая более подробно анализируется в гл. 3. Здесь укажем лишь, что особенно стремительно она развивалась в США в период развертывания в 1950–1960-х годах бихевиористской революции, представители которой концентрировали усилия на выявлении и анализе поведения людей в политическом процессе.

В 1968 г. при Американской ассоциации политических наук был создан исследовательский комитет по политической психологии, преобразованный в 1979 г. в Общество политических психологов, который получил статус Международного общества политической психологии. Это общество начало издание своего профессионального журнала «Политическая психология».

Определенных успехов политическая психология достигла в Европе. Среди исследователей, внесших свой вклад в данную область, можно назвать германских авторов — Д. Клингеманна, Г. Ледерера, Х.-Г. Мозера, П. Шмидта и др., французов — А. Дорна, С. Московичи, А. Першерона, англичан — М. Биллига, А. Сэмюэля и др.

Свой вклад в развитие советской социальной психологии, которая охватывала и политические феномены, в 1960–1970-е годы внесли Б. Ф. Поршнев, Ю. Н. Давыдов, В. Д. Парыгин, Ю. Ф. Замошкин и др. Они в значительной степени открыли советскому читателю труды западных ученых в этой области.

Новый этап в развитии отечественной политической психологии, впрочем, как и целого ряда других социальных и гуманитарных дисциплин, начался с переходом России от тоталитаризма к гражданскому обществу и политической демократии. Глубокие и широкомасштабные трансформации, вовлекшие в политический водоворот широкие массы людей, способствовали стимулированию интереса к истокам и формам проявления политического поведения, проблемам восприятия образов власти и политиков, лидерству, политической социализации и т. д.

В 1993 г. создана Российская ассоциация политических психологов, которая является коллективным членом Международного общества политической психологии. При всех положительных успехах в этой области знаний следует все же констатировать, что российская политическая психология как самостоятельный раздел политической науки в настоящее время находится в процессе становления.

Политическая психология призвана изучать роль установок, ориентаций, убеждений, ожиданий, мотиваций, восприятий в политическом поведении людей. Особенно широко исследования такого рода используются при изучении общественного мнения, политической социализации, политического конфликта и сотрудничества, электорального поведения, политических установок и т. д. Немаловажное место в политической психологии занимают проблемы, связанные с ценностями, интересами, конформизмом и агрессией, политической социализацией, политическими отношениями, политической символиккой и мифологией, политической культурой и т. д.

Политическая психология тесным образом связана с политической социологией, особенно в контексте изучения массового сознания, общественного мнения, социальных и социокультурных оснований политики.

Политико-психологические исследования все чаще используются в прикладных целях. Представители этой дисциплины широко привлекаются при поисках решений в конфликтных ситуациях, разработке и применении политических технологий, особенно при подготовке и проведении избирательных кампаний. Политические деятели используют результаты этой дисциплины для налаживания отношений с общественностью, мобилизации общественного мнения в поддержку своих программ, того или иного политического курса, решений по важнейшим проблемам общественной жизни.

2.6. Этнополитология

Двадцатое столетие вместе с другими проявлениями можно назвать также веком национализма. Как будет показано в соответствующей главе, если в начале XX столетия на политической карте было всего чуть больше 50 государств, то к рубежу XX–XXI вв. это число возросло до 190. Результатом двух мировых войн стал распад многонациональных, большей частью колониальных, империй, в результате которого образовалось множество новых независимых государств.

Возросли и интенсифицировались миграционные потоки, особенно из Азии, Африки и Латинской Америки, в индустриально развитые страны Запада. Образовались новые и значительно пополнились старые диаспоры. На глазах меняются демографические, этнонациональные и конфессиональные контуры этих стран. Во внутренней и внешней политике государств все более внимание уделяется проблемам национальных, культурных, языковых меньшинств. В целом ряде стран, таких, как США, Канада, Австралия, разрабатывается и реализуется на практике так называемая политика мультикультурализма.

На повестку дня вышла проблема противоречия между правами человека и коллективными правами национальных, культурных, языковых и иных меньшинств. Усугубляется противоречие между правом народа на самоопределение, вплоть до создания самостоятельного государства, и принципом сохранения территориальной целостности государства. Для многих этносов сепаратизм и требования создания независимых этнических государств стали лозунгами дня. В конце столетия этнические и национальные противоречия и коллизии

вылились в острые конфликты, часто превращавшиеся в настоящие гражданские и межгосударственные войны.

Воочию обнаружилось, что этносы и нации являются реальными феноменами, оказывающими существенное влияние на различные сферы общественной жизни, в том числе и на мир политического. Не случайно в гуманитарных и социальных науках широкое распространение получила концепция, рассматривающая нацию как политическое явление, тесно связанное с формированием государства, по сути дела отождествляющая ее с государством.

Отсюда возникло понятие «нация-государство» (от англ. nation-state). Еще известный английский экономист и социолог XIX в. Дж. Милль говорил о «совпадении границ распространения власти правительства с границами расселения данных наций». Вслед за ним не менее известный германский социолог М. Вебер подчеркивал, что нация адекватно самовыражается в собственном национальном государстве. Еще более четко эту мысль изложил германский философ истории О. Шпенглер, который утверждал: «государство есть внутренний порядок народа для достижения внешних целей». Очевидно, что во всех перечисленных примерах нация рассматривается в теснейшей связи с государством и даже отождествляется с ним.

Поэтому понимание политических реальностей современного мира будет неполным без анализа их этнонациональных аспектов. На основе синтеза этих двух начал сформировался еще один раздел политической науки — этнополитология. Это одна из самых молодых дисциплин или разделов политологии, возникшей на стыке самой политологии и этнологии, социологии, демографии, социальной психологии. При этом нужно учитывать, что отдельные аспекты, ныне охватываемые этнополитологией, изучаются культурной антропологией на Западе, а в советский период в той или иной форме затрагивались этнографией.

Немаловажный вклад в формирование идей и принципов исследования, вошедших в теоретическую и методологическую копилку этнополитологии, внесли английский историк Э. Хобсбаум («Нация и национализм»), американские специалисты по национализму Г. Кон, Э. Геллнер, Б. Андерсон и др.

Свою лепту в изучение проблем, связанных с этническим фактором в политике, внесли такие западные исследователи, как Э. Блэк, К. Гирц, Дж. Ротшильд, А. Смит, Б. Уильямс, Ч. Фостер и др. В их работах впервые были использованы многие термины и понятия, такие, например, как этничность, этническая политика, политизация этничности, этническая мобилизация и др., которые ныне фигурируют в этнополитологии.

Безусловно, толчок к формированию этой дисциплины в России дали распад бывшего многонационального СССР, предшествовавший этому всплеск этнонациональных конфликтов и образование новых независимых государств. Причем новые руководители некоторых из этих государств не скрывали своих претензий на создание этнократических государств.

Глубокие всепланетарного масштаба трансформации последних десятилетий, главным содержанием которых стали процессы транснационализации и глобализации, дали сильнейший толчок к возрождению национального самосознания многих народов, особенно тех, которые входят и продолжают входить в состав многонациональных государств. Эта тенденция особенно ярко проявилась в бывших СССР и Югославии в период их постепенного упадка и стремительного распада, а также на постсоветском и постюгославском пространствах.

Особенно большой интерес этнополитология вызывает в полиэтнических государствах, в частности в России. Это вполне объяснимо, если учесть, что жизнеспособность и перспективы сохранения таких стран зависят от согласия входящих в них народов продолжать жить в составе единого государства, готовности его руководителей признать и защищать права, свободы, интересы и цели всех граждан независимо от их национальности, вероисповедания, идеологических и партийно-политических пристрастий. Немаловажное значение приобретает также обеспечение представительства национальных, культурных и языковых меньшинств во властных структурах.

Среди российских исследователей, много сделавших для изучения политических аспектов проблем национализма и этноса или, точнее, характера и особенностей проявления национализма и этноса в политике, следует назвать В. А. Тишкова, А. Г. Здравомыслова, Э. А. Позднякова и др.

Этнополитология занимается изучением механизмов и форм проявления социокультурных, социально-психологических, традиционных особенностей разных этносов и наций, их психического склада, национального характера, стереотипов и т. д. в политической сфере. В центре ее интересов — политическая жизнь этнических общностей, их поведение, ценности, установки в отношении государства, политических институтов, все то, что относится к властным отношениям, естественно, в преломлении через систему их этнических менталитетов. Естественно, она не может обойтись без изучения этнонациональных аспектов политической культуры.

Большое внимание эта дисциплина уделяет этническим и национальным движениям за власть и влияние в обществе. В этом плане несомненный интерес представляет тот факт, что эти движения оказывают заметное влияние на общественно-политическую ситуацию и на саму политику соответствующих стран. В качестве примера можно привести движение курдов в Ираке и Турции за автономию и даже за независимость. В нашей стране деятельность таких националистически ориентированных движений, как «Рух» на Украине, «Саюдис» в Литве, «Крунх» в Нагорном Карабахе, в конце 1980-х — начале 1990-х годов оказали значительное влияние на общеполитическую ситуацию и внесли определенную лепту в развал СССР.

Немаловажное место в этнополитологии занимают причины, формы, характер и цели этнополитических конфликтов, основные направления и принципы этнической политики государства, программных установок различных партий и движений по вопросам национальной политики и межнациональных отношений.

В целом этнополитология призвана выявить и анализировать этнос как субъект и объект политики, влияние этнических факторов на политические процессы, политическое поведение граждан, на политическую сферу в целом.

2.7. Геополитика

Как указывалось выше, неотъемлемой частью мира политического является сфера международных отношений, политические аспекты мирового сообщества. В более широком плане речь идет о мировом сообществе стран и народов, их политическом и военно-политическом отношениях, а также о связанных с ним аспектах. В таком понимании мировое сообщество является объектом изучения геополитики.

Исторически становление геополитики связано с исследованием роли пространственно-географического фактора в жизни общества и во взаимоотношениях между государствами. Ее основные принципы и установки были сформулированы в рамках популярного в конце XIX в. географического детерминизма, и префикс «гео-» в самом понятии означал именно изучение географического, пространственно-территориального фактора в международной политике и детерминации поведения государств на международной арене. Исходя из положений, сформулированных известным германским географом Ф. Ратцелем, который опубликовал свой труд «Политическая география», представители географического детерминизма ставили своей целью выявить и проанализировать конкретно-исторические формы воздействия

территориально-пространственных особенностей положения государств или блоков государств на локальные, региональные, континентальные и глобальные международные процессы.

Важно учесть, что старая геополитика была разработана в период господства евроцентристского мира и в его интересах. В настоящее время мировые реалии изменились настолько кардинально, что их просто невозможно анализировать методами, разработанными в реальностях другой эпохи. Следует отметить, что геополитика как дисциплина, в центре внимания которой находятся основополагающие проблемы современного мирового сообщества, не может абстрагироваться от проблем территории, месторасположения и географии конкретной страны или народа. Но этот аспект необходимо анализировать в контексте происшедших на мировой арене качественных трансформаций.

Эти трансформации требуют переосмысления и нового анализа закономерностей развития мирового сообщества в условиях закрытия ойкумены и развертывания информационной или телекоммуникационной революции.

В целом проблемы мирового сообщества и международных отношений составляют предмет исследования нескольких социальных и гуманитарных дисциплин, таких, как политическая история, история дипломатии, социология, философия. Начиная с Платона и Аристотеля, представители различных философских и научных школ и направлений предпринимали попытки разработать систему понятий, категорий, принципов и норм, призванных обобщать, систематизировать и анализировать огромный эмпирический материал, относящийся к данной сфере.

Значительный вклад в изучение системы международных отношений вносит историческая наука. Объектами ее исследования являются история внешней политики национальных государств, история дипломатии с древнейших времен до наших дней, история международных отношений как единой системы и др.

Вклад социологии в данном аспекте выразился в формировании самостоятельной области исследований, получившей название социологии международных отношений.

Большое внимание данной проблеме уделяет правоведение. Оно включает в себя самостоятельный раздел «Международное право», занимающийся изучением норм и принципов, регулирующих деятельность государств в системе международных отношений. Международное право концентрирует внимание на правовых нормах, зафиксированных в межгосударственных и международных соглашениях,

уставах региональных и всемирных организаций, а также других международно-правовых документах.

Геополитика находится как бы в точке пересечения этих дисциплин. Ее можно рассматривать как самостоятельный раздел политической науки или как особую поддисциплину, занимающуюся изучением теоретических и практических проблем современного мира, разработкой основных категорий и понятий, закономерностей и основных тенденций развития мировой политики. В этом плане геополитика имеет собственный предмет изучения, собственные методологические принципы, методы и приемы исследования. Главная проблема в данном случае состоит в том, чтобы решительно отмежеваться от традиционного понимания геополитики как дисциплины, призванной изучать исключительно или преимущественно пространственный аспект международных отношений, и лежащего в основе этого подхода географического детерминизма, а также от трактовки геополитики как внешнеполитической стратегии, направленной на экспансию и достижение гегемонии с помощью военно-силовой политики.

Безусловно, география и месторасположение государства имеют немаловажное значение для исторических судеб и перспектив любого государства или народа. Более того, в древнейший период истории человечества, когда природа в буквальном смысле слова продолжала диктовать людям формы жизнеустройства и хозяйственной организации, географический фактор играл определяющую роль в жизни людей и государств. Показательно, что древние цивилизации возникли именно в бассейнах крупных водных артерий, таких, как Нил, Тигр и Евфрат, Хуанхэ и Янцзы, Инд и Ганг и т. д.

Как показывает исторический опыт, сама земля, территория государства составляет тот стратегический ресурс, который по значимости, возможно, превосходит все остальные ресурсы. Реальные размеры территориальных владений не могут в той или иной форме и мере не оказывать влияние как на характер, так и на основополагающие параметры интересов государства. Ландшафт, уровень плодородия почвы, природные ресурсы непосредственным образом сказываются как на структуре и отдаче народного хозяйства страны, так и на плотности ее населения. Топография и климатические условия страны крайне важны для развития в ней путей сообщения, освоения ресурсов и устройства народнохозяйственной инфраструктуры, внутренней и внешней торговли. Положение относительно океанов и морей определяет близость или удаленность от важнейших рынков, центров силы и очагов конфликтов.

Однако, сознавая это, необходимо учесть, что условия среды, географическое расположение, которые несомненно оказывали существенное влияние на исторические судьбы и характер народов и стран, со временем изменялись, изменялась и их общественно-историческая роль. Как писал еще в 1889 г. Р. Элизе, «океаны, которые являются в наше время орудием международного единения и путем торговых и идейных сношений, некогда вселяли в человечество только чувство ужаса и служили средством разъединения народов».

Поэтому влияние месторасположения на геополитику государства не может быть столь фатальным в современную эпоху информационных технологий и новейших средств транспорта и коммуникации, как это было в период преобладания аграрного хозяйства и гужевого транспорта.

В современном мире, если даже теоретически допустить правомерность подхода старой геополитики, географические и пространственно-территориальные факторы мирового сообщества и соответственно отдельно взятых стран и народов в их отношениях друг с другом подверглись радикальной трансформации. С изобретением и широко-масштабным внедрением новейших средств транспортировки, таких, как железнодорожный, автомобильный и морской транспорт, авиация, ракетная техника, способная доставить в любую точку земного шара оружие массового уничтожения, и т. д., преодоление дальних расстояний стало просто рутинным делом. Более того, научно-технический прогресс второй половины XX в. имеет своим результатом качественную модификацию самих географических факторов функционирования и развития обществ.

При этом не совсем корректным представляется то, что нередко понятия «пространство» и «территория» используются как синонимы. Дело в том, что в современном мире реальное значение приобретают различные формы пространства. Наряду с территориальным (водным, воздушным) пространством, обладающим четко описываемыми физико-географическими характеристиками, можно говорить о пространствах экономическом, культурно-цивилизационном, информационном и т. д., которые оказывают влияние как на характер и направленность мировых процессов, так и на политическую стратегию каждого отдельно взятого государства.

Очевидно, что в определении реального статуса того или иного государства увеличивается значение полицентричности миропорядка, многофакторности и динамичности происходящих в нем процессов. Поэтому в качестве одного из путей решения проблемы изучения современного миропорядка необходимо по-новому интерпретировать

префикс «гео-» в понятии «геополитика»: не как картографическое измерение международно-политических реальностей, а как понимание мирового сообщества в виде единой «завершенной» системы в масштабах всей планеты.

Или, иначе говоря, данный префикс означает не просто географический или пространственно-территориальный аспект в политике того или иного государства или группы государств, но и масштабы, параметры и измерения, правила и нормы поведения как мирового сообщества в целом, так и отдельных государств, союзов, блоков в общемировом контексте. Геополитика призвана исследовать процессы и принципы развития государств, регионов и мира в целом, изучать, как и с помощью каких механизмов и на основе каких принципов они живут и функционируют. Ее можно рассматривать как дисциплину, изучающую основополагающие структуры и субъекты, глобальные или стратегические направления, важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества.

С учетом реальностей современного мира перед геополитикой стоит весьма актуальная задача разработки новых парадигм, форм и методов исследования тех широкомасштабных изменений, которые за последние два-три десятилетия в буквальном смысле слова преобразили облик мирового сообщества. Геополитика охватывает проблемы мирового сообщества в тех аспектах, которые касаются разработки, принятия и реализации политической стратегии основными действующими лицами, так называемыми акторами международной системы, на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Международные отношения представляют собой сферу общения и взаимодействия людей на межгосударственном уровне. Среди важнейших вопросов, составляющих основное содержание международных отношений, можно назвать следующие: социально-экономические, национально-исторические, культурные факторы и закономерности, определяющие характер и формы международной жизни; место и роль национально-государственных интересов в формировании мировой политики; проблемы государственного суверенитета и национальной безопасности; источники и формы международных конфликтов и войн, пути и формы их разрешения и предотвращения и т. д.

Однако в эти феномены и процессы вносит свои коррективы тот факт, что XX и начало XXI в. характеризуются такими процессами и тенденциями, как глобализация основополагающих инфраструктур мирового развития: рыночно-экономической, социальной, инфор-

мационно-телекоммуникационной, научно-технологической и т. д. В современных условиях, когда беспрецедентно возросли масштабы и влияние мировой политики как на жизнь отдельных стран, так и на развитие человечества в целом, геополитика широко использует различные методы и приемы междисциплинарного и системного анализа. Правильное понимание реальностей современного мира предполагает учет и соответствующий анализ направления и ускорения их динамики.

Такой подход позволяет исследовать мировую политику комплексно, во всей ее сложности и многообразии, полнее выявлять характер и формы взаимодействия всех элементов, участвующих в системе мировой политики, взаимопереплетение основных ее акторов, интересов и целей, характер и значение возникающих между ними конфликтов, их реальное содержание и значение с точки зрения мировой политики, пути и методы решения.

Иными словами, геополитика призвана изучать не просто международные отношения, традиционно понимаемые как отношения прежде всего между суверенными государствами, а весь комплекс отношений между народами, регионами, культурами, историко-культурными кругами, национальными экономиками и т. д. В этой связи особенно важно подчеркнуть, что экономика политизируется, а политика экономизируется. Обе они в свою очередь во все более растущей степени пронизываются экологическим началом. Культура становится инструментом дальнейшего распространения и утверждения во всех уголках земного шара политических институтов, ценностей, установок, а для культуры в свою очередь такую же роль играет политика.

2.8. Открытость политологии и взаимосвязь с другими социальными и гуманитарными науками

Важнейшие сферы, или подсистемы общества, — экономическая, социальная, духовная и политическая — настолько тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга, что их по сути дела невозможно изучать адекватно вне связи друг с другом. В современном мире для достижения успеха любая организация должна координировать свои действия на разных уровнях управления с разного рода общественными, политическими, экономическими и иными структурами, органами, учреждениями. Это не в последнюю очередь верно в отношении государства, системы государственного управления и проводимой ими политики.

Данный фактор приобретает дополнительную значимость в условиях, когда на характер и направление их деятельности значительное влияние оказывают процессы глобализации и транснационализации, которые способствуют размыванию линии разграничения между различными сферами общественной жизни. Во все большей степени очевидным становится тот факт, что невозможно выявить сущность политической системы без выяснения основополагающих характеристик соответствующего общества.

Например, правовое государство немыслимо без некоторых базовых принципов самоорганизации гражданского общества. В качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает свободная личность, наделенная врожденными неотъемлемыми правами. Общество может быть названо гражданским лишь с того момента, когда за человеком как личностью признаются его неотъемлемые права на жизнь, свободу и реализацию своих способностей, когда эти права становятся основными опорами общественного здания. Все это проявляется в том, что гражданское общество и правовое государство не могут существовать друг без друга. В этом смысле можно согласиться с Гегелем, который утверждал, что гражданское общество и правовое государство являются двумя сторонами одной и той же медали.

Гражданское общество и правовое государство в свою очередь предполагают определенный тип экономики. Экономическая и политическая свобода производна от свободы личности. В то же время без экономической свободы, без свободы выбора источников получения средств существования не может быть и свободы политической: первая представляет собой необходимое условие для достижения второй. Существует взаимообусловленная связь между демократией, частной собственностью и свободно рыночной экономикой.

В данном контексте показательно, что в последние два десятилетия наблюдается тенденция к расширению взаимосвязей между экономистами, социологами и политологами и, естественно, соответствующими научными дисциплинами. Все более растущее число работ в этих областях можно отнести к междисциплинарным, пограничным областям знания. Не редкостью стали работы экономистов о политике и социальной сфере, политологов — об экономике и гражданском обществе и социологов — об экономике и политике.

Это вполне объяснимо, если учесть, что политика оказывает прямое и косвенное (как позитивное, так и негативное) влияние на состояние экономики и социальной сферы, которые в свою очередь в различных формах определяют характер и основные направления политического

курса государства. Это особенно заметно в периоды выборов. Как показывают многие исследования, результаты выборов в значительной мере зависят от состояния экономики в год выборов.

Поэтому вполне объясним тот факт, что находящиеся у власти политические партии или группы к концу своего выборного срока стремятся стимулировать рост экономики или держать ее на должном уровне, чтобы на предстоящих выборах одержать победу и остаться у власти. Причем даже левые борются с безработицей ценой повышения инфляции, в то время как правые борются с инфляцией даже за счет дальнейшего роста уровня безработицы. Такое положение дел свидетельствует о том, что тот или иной политический курс, который нашел бы поддержку у большинства населения или всего общества, невозможно разрабатывать и — самое главное — реализовать без учета экономических и социальных реальностей.

При оценке этого тезиса следует учесть также то, что политика неотделима от борьбы и конкуренции за власть между различными социально-политическими силами, группами, партиями, объединениями, идейно-политическими течениями, индивидуальными претендентами на тот или иной государственный пост для получения возможности участвовать в распределении существующих в обществе благ и привилегий. Как показано в работах Г. Тэллока, Дж. Бьюкена, Й. Шумпетера, Дж. Доунса и др., в политической сфере в той или иной форме действуют те же принципы конкуренции, что и в рыночной экономике.

В этом плане можно говорить о политическом рынке так же, как мы говорим об экономическом рынке. Правительство, парламент, партии, организации, блоки вступают в конкурентную борьбу по принципу рыночной конкуренции в сфере экономики. Победа в этой борьбе, как говорится, главный приз в борьбе с соперниками. Чтобы осуществить собственные цели, каждый из соперников предлагает собственные программы или политические платформы реализации интересов тех или иных социально-политических сил, слоев, классов.

Иначе говоря, политика в сущности также является ареной ожесточенной конкуренции различных конфликтующих между собой политических сил, партий, объединений. Как отмечал известный австрийский экономист и политолог Й. Шумпетер, на избирательных кампаниях претенденты на ту или иную выборную должность пытаются продавать избирателям свои программы, точно так же, как, например, производитель компьютера пытается продавать свою продукцию потребителям на рынке.

Можно представить себе дело таким образом, что на политической арене разворачивается борьба, в которой политические деятели и кандидаты на выборные должности предлагают в качестве товара свои политические программы, а избиратели выбирают из них ту программу, которая в наибольшей степени соответствует их интересам, и соответственно ту партию или тех политических деятелей, которые предлагают эту программу. Решение избирателей голосовать на выборах за того или иного кандидата можно рассматривать как такой же выбор, как и покупка того или иного нужного товара на экономическом рынке.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что экономическая наука, социология и политология соприкасаются друг с другом на некоем общем для всех проблемном поле, где они вступают во взаимодействие и одновременно претендуют на исследование тех или иных его сторон, граней и аспектов.

Контрольные вопросы

1. Что вы понимаете под политической наукой?
2. Какое место среди других социальных и гуманитарных дисциплин занимает политология?
3. Каков предмет политологии и круг изучаемых ею проблем?
4. Чем отличается политология от истории?
5. Какое место между политологией и социологией занимает политическая социология?
6. Почему говорят, что политическую философию можно рассматривать как раздел политологии и одновременно философии?
7. Какова взаимосвязь политической психологии с социальной психологией и политологией?
8. Что изучает этнополология?
9. Чем отличается сравнительная политология от остальных разделов политологии?
10. Какова взаимосвязь между политологией, социологией и экономической наукой?

Глава 3

Гражданское общество: политологический аспект

Политика, ее сущность, характер, формы функционирования, реализации в значительной мере детерминируются факторами, процессами и событиями, разворачивающимися в гражданском обществе. Поэтому для выявления сущности политического в целом, политических феноменов и процессов необходимо определить тип общества, те социологические основания и условия, в которых они разворачиваются.

Гражданское общество представляет собой одну из ключевых категорий современного обществознания, в том числе и политологии.

Что же такое гражданское общество и какое место оно занимает в общественно-политической системе?

В трактовке этой сложной и многоплановой проблемы существует довольно большой разброс мнений и оценок как в западной, так и в отечественной литературе. Дискуссионным остается вопрос о происхождении, исторических судьбах и хронологических рамках гражданского общества. Суть вопроса состоит в том, чтобы не смешивать общество как основную форму самоорганизации людей вообще и гражданское общество как исторический феномен, возникший на определенном этапе развития человеческого общества, прежде всего в западной цивилизации.

3.1. Истоки гражданского общества

Говорить о гражданском обществе в современном понимании этого слова можно лишь с момента появления гражданина как самостоятельного, сознающего себя таковым индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом прав и свобод и в то же время несущего перед обществом моральную или иную ответственность за все свои действия.

Путь западной цивилизации к гражданскому обществу был отмечен острыми и длительными социальными, политическими и идеологическими коллизиями, включая серию ширококомасштабных политических революций. Это был процесс не только экономической, социальной и политической, но также социокультурной, духовной

и морально-этической трансформации. Об этом свидетельствуют как перипетии формирования и развития самого гражданского общества, так и история разработки концепции гражданского общества в западной общественно-политической мысли.

Понятие «гражданское общество» восходит своими корнями к периоду Античности. При этом прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что у античных мыслителей понятия «гражданское общество», «политическое сообщество» и «государство» выступали в качестве синонимов и взаимозаменяемых терминов: «polis» и «politeia» — у древних греков, «res publica» и «societas civilis» — у древних римлян. Они охватывали все важнейшие сферы жизни людей. Например, для греческого полиса было характерно тесное слияние гражданского коллектива с государством.

Приверженность духу гражданского коллективизма выражалась в том, что общие интересы полиса сливались с частными интересами отдельных граждан, а в случае их столкновения приоритет бесспорно отдавался первым. Констатируя этот факт, Аристотель подчеркивал: *«...даже если для одного человека благо является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение»*. *«Желанно, разумеется, и (благо) одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства»*, — утверждал он в «Никомаховой этике».

Здесь Аристотель по сути дела констатировал тот факт, что жизнь отдельного человека и экономически, и политически, и социально определялась его принадлежностью к полису как к основополагающей реальности. Иначе и не могло быть, поскольку государству-полису придавалось самодовлеющее значение. С этой точки зрения большой интерес представляет позиция Аристотеля, изложенная им в «Политике». Он, в частности, утверждал, что *«государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку, поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому»*.

Очевидно, что Аристотель не оставляет человеку места вне государства. Человек, сколь бы значительным он ни был, всецело зависел от государства-полиса; имело место тождество частного и общественного. Показательно, что однокорневое древнегреческое прилагательное переводится как «гражданский», «общественный».

Поэтому знаменитый афоризм Аристотеля о *Zoon politikon* не случайно на современные языки переводится по-разному: «человек — существо политическое», «человек — существо общественное», «су-

щество, живущее в полисе». Этот «политический человек» не мыслил себя вне экономической, социальной, религиозной и иных сфер. Основополагающие аспекты жизни человек Античности и Средневековья воспринимал в их целостности, не делая различий между государством и гражданским состоянием, фактами и ценностями, реальным и идеальным. Миросозерцание людей характеризовалось целостностью и нерасчлененностью на отдельные сферы. Также они воспринимали и свое социальное окружение. Хотя это отнюдь не говорило о гармоничности жизни или отсутствию в ней противоречий и конфликтов.

Понятие «полис», как правило, в русском переводе обозначается термином «государство», что никоим образом не предполагает противопоставление государства и общества, — такое разграничение чуждо античной философской мысли. Здесь само общество, все его сферы пронизаны политическим, государственным началом. У античных мыслителей речь идет об обществе-государстве как единой целостности. Конфликт между отдельным индивидом и государством еще не обнаруживается в то время именно потому, что мысль противопоставить их друг другу не получила признания.

Переход к Новому времени ознаменовался созданием гражданского общества и соответственно выявлением отличий между ним и сугубо государственными институтами. Мыслители того времени, открыв личность, вместе с тем осознали непреложный факт вечной антиномии между личностью и обществом. Отвергается античная и средневековая идея тождества частного и общественного, утверждается идея первичности общества по отношению к государству. Все это в конечном счете способствовало формированию идеи гражданского общества и мира политического как самостоятельных подсистем человеческого социума. Она окончательно утвердилась во второй половине XVIII—XIX в. в процессе формирования капиталистической системы с ее основополагающими атрибутами: частной собственностью, рыночной экономикой, представительной-парламентской демократией и правовым государством, разграничением между социальной и политической сферами, экономическими, социальными и политическими функциями.

В итоге традиционная концепция гражданского общества-государства стала подвергаться эрозии и соответственно пересмотру. Это все более отчетливо стало обнаруживаться в традиции, представленной Дж. Локком, А. Фергюсоном, С. Пуфендорфом, И. Кантом, физиократами. Как утверждал, например, Дж. Локк, общество предшествует государству, оно существует «по природе», а государство

представляет собой некое «новое тело». Если оно каким-либо образом уничтожается, то общество сохраняется со всеми своими естественными законами и правами.

Дальнейшее развитие эта идея получила в Декларации независимости Соединенных Штатов 1776 г., в программном документе Великой французской революции 1789 г. — Декларации прав человека и гражданина, в работах представителей классического либерализма, а затем в различных течениях общественно-политической мысли XIX—XX вв.

3.2. Гражданское общество: сущность и важнейшие структурные элементы

Суть идеи гражданского общества, как следует из изложенного выше, состоит в признании дуализма общества и государства, индивидуального и коллективного начал. Причем такой дуализм характерен главным образом для общественно-политической системы, отождествляемой с капитализмом, политической демократией и правовым государством. Здесь, как в целостном социуме, выделяются следующие взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы: производственная (или экономико-хозяйственная), социальная, духовная и политическая. *Производственная* подсистема обеспечивает материальную инфраструктуру, а *политическая* — механизм реализации общей воли и общего интереса всех основных составных элементов системы в целом. *Социальная* и *духовная* сферы в совокупности составляют *гражданское общество*, которое также можно обозначить как единую подсистему.

С идеально-типологической точки зрения гражданское общество — это своего рода социальное и социокультурное пространство, в котором люди связаны и взаимодействуют между собой в качестве независимых как друг от друга, так и от государства индивидов.

Именно в гражданском обществе обеспечиваются самые различные формы плюрализма — от сугубо социального до конфессионального и этнонационального. Это арена деятельности частных лиц, классов, групп, корпораций, сословий, институтов, которая регулируется гражданским правом и прямо не зависит от государства. Как отмечал Г. В. Ф. Гегель, многочисленные составляющие общества зачастую несопоставимы, неустойчивы и подвержены серьезным конфликтам. Оно напоминает поле боя, где сталкиваются частные интересы, причем чрезмерное развитие одних элементов гражданского общества может привести к подавлению других его элементов.

Иначе говоря, гражданское общество представляет собой форму самоорганизации людей, включающую разного рода добровольно сформировавшиеся негосударственные социальные, экономические, профессиональные, образовательные, религиозные, культурные и иные институты, организации, объединения, союзы. Это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их производства и воспроизводства, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений. Они призваны обеспечить условия для социализации и самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальные или коллективные.

Формирование гражданского общества неразрывно связано с формированием идеи индивидуальной свободы, самоценности каждой отдельно взятой личности. С этой точки зрения основополагающее значение в Новое время имели формирование и утверждение идеи о природенных, неотчуждаемых правах каждого человека на жизнь, свободу и стремление к счастью. Неудивительно, что мыслители Нового времени объявили потерявшими силу все формы наследственной власти и сословных привилегий. Они поставили на первое место свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельной, независимой единицы социального действия. Коль скоро основополагающая доминанта гражданского общества — отдельно взятая личность, то его несущими конструкциями являются все те институты, организации и группы, которые призваны содействовать всесторонней реализации личности, ее потенций, интересов, целей, устремлений. Эти институты и ассоциации служат для отдельного индивида источниками власти и влияния.

Разумеется, в данном аспекте основополагающая роль центральной ячейки общественного организма, источника влияния и авторитета сохраняется за семьей. Немаловажную роль играют родственные связи, соседские общины, профессиональные организации, творческие научные и образовательные институты, трудовые коллективы, сословия, социальные слои, классы и т. д., с которыми люди так или иначе отождествляют себя.

Важной единицей социального действия в гражданском обществе является *группа*. Очевидная характеристика группы — функциональная взаимозависимость составляющих ее членов. Группа существует и функционирует в силу разделяемых всеми ее членами интересов, целей, установок, ценностей, что в свою очередь предполагает взаимную зависимость ее членов друг от друга в деле реализации совместных

целей и интересов. Чем очевиднее и определеннее эти цели и интересы, тем выше жизнеспособность и функциональная эффективность группы. Спаянность группы обеспечивается тем, что поведение всех ее членов регулируется определенным комплексом норм и правил, нарушение которых чревато далеко идущими последствиями вплоть до распада данной группы.

Одной из наиболее институционализированных форм группы являются заинтересованные группы, представляющие собой разного рода организации или ассоциации рабочих, фермеров, предпринимателей, представителей различных профессий (например, врачей, адвокатов, инженеров и т. д.), церковные, женские, молодежные и иные общественные организации, объединенные общностью интересов. Заинтересованные группы и организации предоставляют отдельному индивиду необходимое поле для реализации его возможностей и потребностей. Они отражают разнообразие экономических, этнических, религиозных, региональных, демографических, профессиональных и иных интересов.

В результате социальная жизнь оказывается ареной столкновений и сотрудничества конкурирующих друг с другом групп, вступающих в разного рода союзы, коалиции, компромиссы, соглашения. Это помогает группам уравнивать друг друга, удерживая всю социальную и политическую систему в своеобразном равновесии, препятствуя резкому сдвигу общественно-политической оси влево или вправо. Все эти институты, организации и центры служат в качестве опор и своеобразных референтных групп для отдельной личности в ее взаимоотношениях с государством. В значительной мере степень независимости граждан от государства, степень демократичности общественно-политической системы пропорциональна степени полицентричности распределения власти в обществе.

Гражданское общество, вычлененное из человеческого социума в качестве самоосознанной и самостоятельной сущности, придает ему новое качество. Все его подсистемы пронизаны единым комплексом основополагающих, или осевых, принципов, ценностей, установок и ориентации. Такое понимание уже само по себе означает, что каждая из названных ранее подсистем может сохраниться и функционировать лишь при том условии, что все остальные подсистемы также исправно выполняют свои функции.

При всем сказанном гражданское общество нельзя представлять как промежуточное звено, некую прокладку между сферой производства и сферой политической. Оно органически проникает в сферу как политического, так и экономики. С определенными оговорками мож-

но сказать, что гражданское общество и правовое государство в свою очередь предполагают определенный тип экономики, основанный на частной собственности и системе свободного рынка. Более того, можно сказать, что экономика, если абстрагироваться от ее инфраструктурных и чисто технико-экономических аспектов, является частью гражданского общества.

Обратившись к схеме, приведенной в гл. 2, мы можем убедиться в том, что исключение любой из ее вершин ведет к отпадению от нее половины, а исключение оси АВ вообще лишает ее смысла. Если взять данную конфигурацию за основу, то сам собой снимается пресловутый вопрос о том, определяет ли базис надстройку или, наоборот, надстройка — базис. В силу своей неразрывной взаимосвязанности все подсистемы детерминируют друг друга.

Показателем единства всех подсистем человеческого социума является также существование комплекса так называемых промежуточных институтов, которые выступают в качестве несущих конструкций одновременно и самого гражданского общества, и мира политического. Речь идет, например, о политических партиях, организациях, объединениях, средствах массовой информации, анализу которых посвящаются специальные главы данной книги.

Следует учесть также то, что гражданское общество — это не только определенный комплекс институтов, но и система отношений. В этом качестве оно есть духовное, социокультурное и политико-культурное образование. Соответственно оно включает не только институты, функционирующие в этих сферах, но и всю произведенную в них продукцию, как материальную, так и духовную.

Поэтому естественно, что гражданское общество невозможно представить без национальных, религиозных и других традиций, обычаев, мифов, символов, стереотипов поведения, морально-этических норм, ценностей и т. п. Оно включает систему социальных связей, в которой формируются и реализуются экономические, профессиональные, культурные, религиозные и иные интересы людей.

3.3. Принцип разделения различных сфер общественной жизни

Свобода личности предполагает наличие как многих центров власти, исключающих монополию какого-либо одного лица, социальной группы, партии и т. д. и уравнивающих всевластие государства, так и свободы выбора во всех сферах общественной жизни. основополагающее значение с этой точки зрения имеет частная собственность.

Вслед за Гегелем можно сказать, что гражданское общество — это общество частных собственников, которые независимо от своего социального статуса, религиозных и политических воззрений, расовой, этнонациональной принадлежности и иных обстоятельств в юридически-правовом отношении равны перед законом.

Члены гражданского общества вправе реализовывать свои интересы с помощью всех тех средств, которые предусмотрены законом, выбирать род занятий и профессию, место проживания и т. д. Как писал С. Л. Франк, *«частная собственность есть реальное условие бытия человека как духовно-телесного существа; тем самым она есть реальное условие его свободы как члена общественного целого и, следовательно, условие бытия самого гражданского общества»*.

Разумеется, в современных условиях эта роль частной собственности нуждается в определенном переосмыслении, но остается фактом то, что свобода выбора в важнейших сферах жизни, в том числе и политической, невозможна без свободы экономического выбора, что в свою очередь предполагает наличие альтернативных источников получения средств существования. При этом важно учесть, что необходимым условием возникновения и утверждения подлинного гражданского общества является разграничение между экономической и политической властью, между собственностью и властью. Слияние политической и экономической власти неизбежно ведет к той или иной форме тирании.

Индивидуализм, основанный на отождествлении личной свободы и частной собственности, стал могущественной стимулирующей силой развития производительных сил, общественного развития и формирования политической демократии. И действительно, как показала история и демократических, и тоталитарных систем, не может быть свободы личности там, где нет разнообразия, многообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора. Без свободы выбора ни одно занятие не способно оказывать благотворное влияние на человека. То, что человек не выбрал по собственной воле, то, что навязано ему извне принудительно, не может стать частью его внутренней сущности, остается чуждым его истинно человеческой природе.

«Политическая свобода служит гарантией личной свободы, но она не может ее заменить», — подчеркивал Б. Констан. Поэтому естественно, что гражданское общество предполагает разграничение между правами человека и правами гражданина. Гражданское общество обеспечивает права человека, в то время как государство — права гражданина. В обоих случаях речь идет о правах личности, в первом случае — ее правах как отдельного человеческого существа на

жизнь, свободу, стремление к счастью, а во втором случае — о ее политических правах.

Очевидно, что в качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает личность, ее право на самореализацию. Оно утверждается на признании права индивидуальной, личной свободы. Особенность гражданского общества состоит в разделении политической и социальной сфер, политических и социальных функций. Здесь правовой статус человека отделен от его социально-экономической роли в гражданском обществе. Он одновременно частное лицо и гражданин общества. Сфера частных интересов, наемного труда и частных прав освобождена от политического контроля.

С этой точки зрения обращает на себя внимание некое разделение позиций значительной части людей, с одной стороны, как личностей, членов гражданского общества, с другой стороны, как граждан государства, членов политического сообщества. Это разделение, в частности, проявляется в том, что большинство людей в странах Запада, занятое насущными проблемами жизнеобеспечения и жизнедеятельности, уделяет мало внимания политической сфере, рассматривая ее как далекую от конкретных реалий жизни.

Реалии тоталитаризма и демократии реагируют на такое положение вещей совершенно по-разному. Тоталитаризм стремится к тому, чтобы ликвидировать частное начало и автономию в социальной жизни, демократия защищает их. Гражданское общество и правовое государство возникли и развивались как реакция против идеала средневековой теократии. Одна из основных их характеристик — светское начало, которое столь же существенно, как и правовое начало. Здесь упраздняется гомогенное единство политики и религии, политики и идеологии, утверждается раздвоение общественного и частного, общества и государства, права и морали, политической идеологии и науки, религиозного и светского и т. д.

Религия, мораль, наука, искусство и другие духовные феномены начинают существовать в полном своем объеме и в своем истинном качестве с их отказом от политического характера. Это можно наглядно продемонстрировать на примере религии. Как подчеркивал К. Маркс, *«так называемое христианское государство нуждается в христианской религии, чтобы восполнить себя как государство. Демократическое же государство, действительное государство, не нуждается в религии для своего политического восполнения. Напротив, оно может абстрагироваться от религии, ибо в нем осуществлена мирским способом человеческая основа религии»*.

Противопоставив абсолютный авторитет Творца авторитету традиции и церкви, обосновав идею равного ничтожества всех перед Богом и возможности равного постижения Божественной истины каждым отдельно взятым верующим независимо от коллективного опыта, М. Лютер, а за ним Ж. Кальвин и другие отцы-основатели протестантизма подвели почву под отрицание средневековой иерархичности как в религиозной, так и в мирской сфере. Вера была сделана личным делом самого верующего, который уже сам мог выбрать церковную деноминацию для отправления своей веры.

Процесс дальнейшей дедогматизации, демифологизации и секуляризации различных течений христианства, довершив дело, способствовал формированию идеи свободы совести как одного из основополагающих условий прав личности и гражданина. В результате отделения религии от государства она выражает уже не общность, а различие. Она оказывается изгнанной из политической общности в сферу частных интересов, перемещенной из государства в гражданское общество, из сферы публичного права в сферу частного права.

Аналогичную метаморфозу претерпевают также наука, литература, искусство, все, что составляет социокультурную и духовную сферы, весь комплекс институтов и организаций, призванных осуществить социокультурное и духовное воспроизводство общественной жизни, обеспечить социализацию, воспитание и обучение подрастающего поколения. При всей необходимости государственной поддержки и помощи это та сфера, где требуется наибольшая степень самостоятельности, инициативы, самовыражения, поскольку именно здесь человеческое начало проявляется в наиболее концентрированном виде. Это та сфера, где недопустимы какой бы то ни было классовый подход, идеологизация, политизация, государственное вмешательство и тем более огосударствление.

В целом сущностной характеристикой гражданского общества является своеобразный эклектизм — сочетание и учет интересов самых разнообразных социальных и политических сил, что предполагает столкновения, противоречия, конфликты между ними, дополняющиеся противоречиями между частными и государственными интересами.

Но вместе с тем главное предназначение гражданского общества состоит в достижении консенсуса между различными социальными силами и интересами. Оно призвано определить нормы и границы, способные блокировать разрушительные потенции борьбы различных сил и направить ее в созидательное русло. Противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-истори-

ческого прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым антагонизмом между людьми.

Еще И. Кант ввел понятие «моральной автономии» личности, согласно которому о правовом государстве можно говорить лишь там, где признается, что общество само, независимо от государства, располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить отдельного индивида соблюдать общепринятые нравственные нормы. Именно институты гражданского общества, такие, как семья, школа, церковь, соседские или иные общины, разного рода добровольные организации и союзы, способны играть эту роль. Такая функция в сущности чужда государству, и оно прибегает к ее выполнению лишь в том случае, если институты гражданского общества демонстрируют свою неспособность к этому. Здесь основополагающее значение имеет встроенный механизм достижения гражданского согласия.

Суть вопроса заключается в том, что именно интегральная совокупность, а не арифметическая сумма всех составляющих, их сущностное единство, а не безразличное многообразие делают гражданское общество тем, что оно есть на самом деле. Особенность любого более или менее жизнеспособного сообщества людей, в том числе гражданского общества, состоит в его сущностном единстве, в том, что оно есть совокупность не только однопорядковых, сходных между собой элементов составляющих его людей, социальных групп, отношений, установок, но также их различий, многообразия, плюрализма.

В то же время этот плюрализм нельзя представлять, как это нередко делается, в виде некоего хаотического разнообразия, простого множества разнообразных изолированных начал, лишенного внутреннего субстанционального единства. Совсем наоборот. Как подчеркивал С. Л. Франк, *«гражданское общество есть как бы молекулярная общественная связь, изнутри сцепляющая отдельные элементы в свободное и пластически гибкое целое»*. Иначе говоря, для гражданского общества характерно сосуществование в его рамках разнородных социальных сил, институтов, организаций, заинтересованных групп и т. д., объединенных общим интересом.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что гражданское общество представляет собой исторический феномен, возникший на определенном этапе исторического развития. Оно теснейшим образом связано с рыночной экономикой, политической демократией и правовым государством. Все эти составляющие современной общественно-политической системы обуславливают и дополняют друг друга. Поэтому для нас весьма актуален и важен вопрос о том,

существует ли гражданское общество в России, и если да, то каковы его особенности.

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо отметить, что в настоящее время Россия еще не преодолела в полной мере переходный период, главное содержание которого состоит в радикальной трансформации прежней советской общественно-политической системы, основанной на фактическом слиянии господствовавшей коммунистической партии, государства и гражданского общества, в современную политическую демократию и правовое государство. В данной связи важно учитывать, что в марксизме, служившем идеологической основой советского режима, была заложена возможность полного растворения индивидуально-личностного начала в коллективном, будь то гражданское общество или государство.

У основоположников марксизма речь шла о построении коммунистического общества без государства. Вот почему в их глазах применительно к будущему отношения между государством и гражданским обществом теряли всякий смысл. В царстве свободы вы не вправе поднимать вопросы о свободах. Они представляли себе общество не только без господства, но и без власти. Считалось, что освобождение человечества придет в результате уничтожения классовых различий и последующей ликвидации разделения между гражданским обществом и государством, а также достижения координации и объединения личного и коллективного существования. В итоге в условиях реального социализма государство, которое рассматривалось как выразитель и гарант всеобщего интереса, по сути дела полностью подчинило, поглотило и подменило собой гражданское общество.

С исчезновением СССР и переходом России на рельсы экономической модернизации и создания политической демократии на повестку дня со всей остротой встал вопрос о гражданском обществе, о его сущности, путях и формах возрождения и укрепления его институтов, ценностей, отношений. На этом пути Россия за последние десять лет добилась заметного прогресса. Прежде всего восстановлено в правах частное начало в общественной жизни и особенно его краеугольный камень — частная собственность. Постепенно в экономике утверждаются рыночные принципы свободной конкуренции. Восстановлены и более или менее успешно функционируют множество автономных, независимых от государства социальных, культурных, профессиональных, образовательных и иных институтов.

При всех возникающих на этом пути трудностях формируются разнообразные заинтересованные группы и политические партии, свидетельствующие о более или менее успешно протекающем про-

цессе кристаллизации и структурирования интересов различных социальных сил. Наиболее зримым показателем успеха в этом направлении является формирование и институционализация независимых средств массовой информации. Однако нельзя забывать, что Россия прошла лишь незначительный отрезок этого весьма сложного и долгого пути.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные подсистемы человеческого социума и дайте их общую характеристику.
2. Какова взаимосвязь этих подсистем?
3. Какое место среди этих подсистем занимает гражданское общество?
4. Перечислите основные исторические вехи формирования и эволюции гражданского общества.
5. Каковы сущностные характеристики гражданского общества?
6. Назовите основные элементы гражданского общества.
7. В чем суть плюрализма и принципа разделения различных сфер общественной жизни?
8. Каковы особенности формирования гражданского общества в России?

Глава 4

Мир политического: сущностные характеристики и основные составляющие

Как уже отмечалось, современная общественно-политическая система состоит из взаимосвязанных, взаимопереплетающихся, но все же относительно самостоятельных подсистем. Напомним, что такими подсистемами являются экономическая, или производственно-хозяйственная, гражданское общество (т. е. совокупность социальной, культурной и духовной сфер) и политическая. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что здесь речь идет об их условном разграничении, поскольку они теснейшим образом связаны друг с другом, дополняют друг друга и не могут функционировать друг без друга.

Не существует и не может существовать какое бы то ни было аполитическое общество, поскольку все сферы и формы общественной жизни и деятельности в той или иной форме и степени пронизаны политическим началом. Поэтому выделение мира политического из всей совокупности общественных институтов и отношений, постижение смысла политических феноменов представляет собой трудную, но крайне важную для общества задачу. Именно в мире политического разрабатываются политические программы и платформы, идейно-политические установки, политические стратегии, пути, формы и средства их реализации.

4.1. Основные вехи формирования мира политического

Теперь попытаемся выяснить, какое именно содержание вкладывается в понятие «политическое» и связанные с ним понятия «мир политического», «политическая сфера» (или политическая подсистема). Термины «политика», «политическое» восходят к древнегреческому слову «polis» (город-государство) и производным от него «politeia» (конституция), «politicos» (гражданин, государственный деятель). В античной Греции словом «polis» обозначалась вся многообразная — экономическая, духовная и политическая — жизнь обще-

ства. Иначе говоря, общество, т. е. совместная человеческая жизнь во всех ее формах и проявлениях, мыслилось как нераздельное целое с государством.

Как сложилось подобное представление, соединявшее общество и государство в одном понятии?

Выше уже указывалось, что во времена Античности и Средневековья вся практическая жизнь людей, их духовное самоощущение и мирозерцание характеризовались целостностью и нерасчлененностью. Это, несомненно, не предполагало социальную гармонию, отсутствие в жизни общества противоречий и конфликтов. Но как природа была для человека Античности, по выражению поэта, «храмом всех богов», так и полис — поприщем, на котором гражданин выступал в качестве законодателя и подданного, священнослужителя и прихожанина, земледельца, ремесленника и философа одновременно. Так, например, культурное начало, философия, литература, изобразительное искусство, музыка пронизывали и хозяйство, и право, и повседневную жизнь людей. Скажем, древнегреческий театр — это в равной мере и храм искусств, и политический форум.

Не было разделения между законодательной и исполнительной ветвями власти, властью и законом. Толкование и исполнение закона было прерогативой самого государства. Эту идею с полной определенностью сформулировал Аристотель. В его представлении более важным является благо не отдельно взятого человека, а государства. Аристотелю принадлежат знаменитые слова о том, что человек по природе своей есть существо политическое, что по сути дела было равнозначно утверждению: человек по природе своей есть существо общественное.

Дух единения государственного и общественного начал, подчинения интересов индивида благу общества наиболее ярко выражал распространенный в древнегреческих городах-государствах институт остракизма. Суть его заключалась в том, что гражданина полиса, обвиненного в совершении какого-либо проступка или преступления, в зависимости от тяжести вины наказывали изгнанием из города-государства на определенный срок или навечно. Причем, для того чтобы подвергнуть человека такому наказанию, не требовалось предъявления ему конкретного обвинения, доказательства вины и уж тем более не предусматривалось его право на защиту и обжалование приговора.

Подвергавшиеся остракизму лица зачастую обрекались на изгнание просто потому, что сограждане пожелали избавиться от них. Сам институт остракизма символизировал неограниченную власть общины

над жизнью индивида, отсутствие у гражданина права выступать против воли сообщества. Так, когда суд приговорил, например, великого мыслителя древности Сократа к смертной казни за безбожие, философ не только не пытался оспорить приговор, но и отказался совершить подготовленный друзьями побег. Приняв чашу с цикутой (смертельным ядом), Сократ исполнил свой нравственный и гражданский долг, полагая недопустимым не подчиняться закону, не следовать воле афинского народа.

С рассматриваемой точки зрения особенно показателен пример общины. Что же представляла собой община? Была ли в ней политическая жизнь? Какое место занимала в жизни человека? В весьма различных исторических условиях община выступала носителем всего комплекса общественных функций и во многом определяла систему отношений между составлявшими ее людьми: производственных, семейно-бытовых, культурных. Отсюда и характерный не только для русского, но и для многих других языков синонимический ряд: община — мир.

В дальнейшем с усложнением социального состава и структуры первобытного общества, по мере усиления социального расслоения община превратилась в самоуправляющуюся организацию непосредственных производителей. Она не только обеспечивала жизнь и воспроизводство крестьянского хозяйства, но и выполняла другие социальные роли. Нередко община выступала в качестве низовой административно-территориальной ячейки, решавшей определенные политические задачи и прежде всего регулировавшей хозяйственные и социальные отношения между общинниками.

Особенно большую роль община играла в русской истории. В сельской общине, восходящей к древней истории славян и сохранившейся в России вплоть до начала XX в., была сосредоточена вся семейная, общественная и политическая жизнь людей. Общинники выбирали из своей среды старост, сотских, десятников и дьяков, которые назывались земскими и волостными. С их помощью общинники осуществляли суд и расправу, управляли делами общины и поддерживали порядок. Важнейшие вопросы решались на общих собраниях. До образования Московского государства общины призывали, выбирали и меняли князей, а когда возникали благоприятные условия, добивались политической самостоятельности.

Приобретение все более растущей самостоятельности миром политического началось на сравнительно позднем этапе исторического развития, но окончательное разграничение трех основных подсистем — экономической, гражданского общества и политической —

осуществилось в XVIII–XIX вв. в процессе формирования капиталистической системы. Только с этого исторического момента и можно вести речь о мире политического как самостоятельной подсистеме, отделенной как от экономических институтов, так и от гражданского общества. Особую актуальность и значимость проблема разграничения мира политического от остальных подсистем социально-политической системы приобрела с формированием и утверждением во все более растущем числе стран политической демократии и правового государства, о которых речь пойдет в следующих разделах учебника.

4.2. Системные и структурные составляющие мира политического

Один из путей определения сущности и содержания любого понятия — это выявление основных его контуров, параметров и составных элементов. Мир политического — это самостоятельная сфера жизнедеятельности людей, отличная от экономической, социальной и духовной. Проблема его определения сводится к проблеме вычленения границ между ним и другими подсистемами человеческого общежития. Мир политического представляет собой весьма сложный и многослойный комплекс явлений, институтов, отношений, процессов и т. д. и включает множество сфер, таких, как государственно-правовая, партийная, избирательная, механизмы принятия решений, структурные и системные компоненты и т. д.

Естественно, что политические реальности и феномены невозможно понять без учета системы общения, средств и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, социокультурной и политико-культурной сферами, так и с миром политического в собственном смысле этого слова. Когда мы говорим о мире политического, то имеем в виду уже застывшие, статичные, существующие в каждый конкретный момент феномены, структуры, составные элементы, в также условия их нормального функционирования и взаимодействия друг с другом. Но политическое не ограничивается этим, одной из важнейших его характеристик является динамика, поскольку это сфера, которая подвергается постоянным изменениям. К тому же политическое в своей интегральной части содержит теоретический и социально-философский аспекты. В данном контексте оно охватывает историю политических учений и традиций, политических систем и идейно-политических парадигм и течений и др.

При всем том в центре мира политического стоят государство, власть и властные отношения — основополагающие категории политической философии и политической науки, которые дают ключ к пониманию сущности и предназначения политики, политических институтов и всего мира политического. Только поняв природу власти и государства, можно выделить политику из всей общественной системы, комплекса общественных отношений.

Как правило, в политической сфере зачастую значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются. А это определяет господствующие в обществе нормы и правила игры, поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическую символику и знаковую систему, а также другие компоненты национальной культуры. В массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, как бы врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Общественная природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традицией, с чем-то таким, чем он гордится: собственным языком, собственной символикой. Именно в национальной культуре человек ищет свое отражение, в ней он идентифицирует себя с себе подобными и, собственно говоря, узнает себя. Будучи формой выражения бытия человека, культура в равной мере относится и к сущности, и к существованию человека. Можно сказать, что *культура — это базис суверенного бытия людей.*

Применительно к рассматриваемому здесь вопросу речь идет о политической культуре, в которой как бы в превращенной форме реализуется ряд важнейших аспектов политического мировоззрения людей и политической философии. *Политическая культура* — это комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, политического, законах и правилах их функционирования. В этом смысле политическая культура составляет в некотором роде дух, который одушевляет формальные политические институты.

Мир политического состоит как бы из двух самостоятельных сфер. В нем выделяют конкретную, или повседневную, *политическую практику*, осуществляемую исполнителями всех уровней в лице чиновников, функционеров, служащих государства, партий, организаций, объединений, корпораций, институтов мирового сообщества или международно-политической системы, и *сферу разработки* полити-

ческих программ, идеологий, курсов стратегического характера на всех уровнях и принятия решений относительно путей, форм и средств их реализации. Это примерно соответствует тому водоразделу, который М. Вебер проводил между чиновником и политиком. Задача чиновника состоит исключительно в беспрекословном профессиональном выполнении принятых политиком решений. При этом он не несет ответственности за направление и содержание политического решения. Такую ответственность несут политики, которые берут на себя функцию разработки программных установок и основных направлений их реализации.

Исходя из подобных соотношений, австрийский социолог и политик А. Шеффле назвал первую сферу сферой «повседневной государственной жизни», а вторую — сферой «политики». В первой сфере все решения по каждому конкретному случаю принимаются в повседневной практической деятельности в соответствии с четко установленными правовыми или иными нормами, правилами, предписаниями и существующими прецедентами. Здесь уместно говорить не о политике в собственном смысле слова, а о повседневном административном управлении. О политике, считал Шеффле, мы вправе говорить лишь в тех случаях, когда речь идет о легитимизации нового положения вещей, например заключении договора с иностранным государством, принятии парламентом нового закона о налогах, проведении избирательной кампании, подготовке оппозицией акций протеста или подавлении правительством этих акций.

Разумеется, такое разграничение носит условный характер, поскольку новая расстановка политических сил и соответственно принятие политических решений возможны и в процессе повседневного государственного управления. С рассматриваемой точки зрения интерес представляет то, что в английском языке для обозначения политики используются два термина: «policy» и «politics». Как отмечал известный французский социолог Р. Арон, *«слово “политика” в первом его значении — это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом»*. Во втором значении это слово *«относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противоборствуют различные политические (в значении policy) направления. Политика как область — это совокупность, внутри которой борются личности или группы, имеющие собственную policy, то есть свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение»*. Все это говорит о том, что политика представляет собой одновременно и сферу деятельности, и форму деятельности.

Государство является субъектом политики не только как носитель власти и властных отношений в рамках отдельно взятой страны, но и как носитель государственного суверенитета на международной арене, как один из многих субъектов политических отношений между различными государствами. Поэтому естественно, что в мир политического составной частью входит система международных отношений, международно-политический аспект всех тех субъектов, отношений, процессов, принципов и др., которые в совокупности составляют мировое сообщество.

Этот факт особенно актуален в наши дни, когда усиливаются интеграционные тенденции во всех сферах жизни разных государств и народов, регионов и континентов, более того, когда международная система приобрела действительно всемирный характер, а международные отношения — поистине глобальные масштабы.

Все изложенное выше дает достаточные основания для вывода о том, что понятие политического значительно шире и богаче понятий государства, политической системы, власти. Однако при всей многозначности данного понятия, когда говорят о мире политического, имеют в виду особую сферу жизнедеятельности людей, связанную с властными отношениями, с государством и государственным устройством, с теми институтами, принципами, нормами, которые призваны гарантировать жизнеспособность того или иного сообщества людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей. Иначе говоря, под политическим подразумевается все то, что имеет касательство к феноменам, институтам, организационным формам и отношениям в обществе, за которыми признаны окончательная власть и авторитет, существующие в этом обществе для утверждения и сохранения порядка и реализации других жизненно важных для него целей.

4.3. Политические отношения

Естественно, что политические реальности и феномены невозможно понять без учета системы общения, средств и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, социокультурной и политико-культурной сферами, так и с миром политического в собственном смысле этого слова.

Иначе говоря, важной структурно-функциональной составляющей мира политического являются политические отношения между различными социальными силами, борющимися за власть, за доступ

к системе принятия политических решений и т. д. Под политическими отношениями понимается взаимодействие субъектов политической жизни в процессе завоевания, перераспределения и реализации политической власти. Их сущность и формы определяются социальными, экономическими, этнонациональными, конфессиональными и иными факторами. Специфика политических отношений состоит в том, что они выражают взаимосвязи между субъектами через отношения власти, в той или иной форме определяют характер всех других общественных отношений. Взаимопереплетаясь, группируясь в пучки взаимосвязей на основе определенных реальностей и интересов, они интегрируются в общую структуру политической системы.

Поскольку борьбу за власть ведут различные социально-политические силы, преследующие свои цели и интересы, политические отношения пронизывает дух соперничества, конкуренции. Это верно на уровне как отдельно взятой страны, так и мирового сообщества, где в качестве субъектов политических отношений выступают отдельные государства. Поэтому и говорят о международных или межгосударственных отношениях.

Деятельность и функционирование политической системы предполагают определенные правила игры. Различают правила, призванные регулировать пути, способы и методы, с помощью которых члены общества могут воздействовать на политическую власть, и правила, определяющие способы реализации политической власти. Первые охватывают отношения подчинения и участия, а вторые — отношения управления и регулирования.

Именно в рамках политических отношений формируются правила и нормы политической игры, принимаются законы, образуются партии, организации, избираются выборные органы власти, появляются и воспроизводятся политические институты, реализуется политика государств на международной арене, создаются союзы, подписываются межгосударственные и международные договоры и т. д. На основе политических отношений складывается упорядоченная последовательность действий и взаимодействий, имеющая определенный смысл. В процессе реализации политических отношений осуществляется политический процесс.

Любые отношения предполагают как минимум две стороны, между которыми они происходят. Без этого условия отношения просто невозможны. Эти две стороны могут быть представлены равноправными или равновеликими субъектами или же субъектом и объектом. В первом случае в качестве примера могут быть приведены

отношения двух равных по весу, влиянию и статусу партий при выдвижении единого кандидата на ту или иную выборную должность или же двух великих держав при заключении союза для противодействия общему врагу на международной арене. Наглядное представление о втором случае дают, например, отношения между управляющими и управляемыми субъектами в системе государственного управления.

4.4. Политический процесс

Политические отношения теснейшим образом связаны с политическим процессом. Последний по сути дела является результатом реализации политических отношений. Именно в политическом процессе в значительной степени раскрываются роль и функции как власти и государства в целом, так и различных органов государственной власти в частности. Это один из важнейших путей волеизъявления граждан, в ходе которого различные социально-политические силы пытаются защищать свои права и интересы, доводить их до властных структур и добиваться от них принятия того или иного комплекса мер и шагов для их реализации. Именно в ходе политического процесса принимаются сколько-нибудь значимые для общества решения.

Любой процесс протекает в силу участия в нем разнородных социально-политических сил с разными, зачастую конфликтующими интересами и устремлениями. Процесс — это движение, динамика. То же самое можно сказать и о политическом процессе, в ходе которого разрабатываются и принимаются жизненно важные для населения и государства решения, определяются формы, пути, условия и средства их реализации.

Политический процесс охватывает действия различных субъектов политических отношений, которые могут как поддерживать правящий режим, так и находиться к нему в оппозиции. Его результатом может быть сохранение и стабилизация существующего положения, постепенная реорганизация или отмена выполнивших свою функцию, изживших себя или показавших свою неэффективность институтов, органов, принципов государственно-политической системы, смена правительства и даже режима, создание новых институтов, принятие новых законов и нормативных актов и др.

Отражая происходящие в обществе изменения, политический процесс регулирует распределение власти между различными социально-политическими силами. Он протекает в различных формах. Речь идет прежде всего об избирательном процессе, главная

задача которого состоит в обеспечении представительства различных групп, общин, слоев, классов во властных структурах. Мы говорим о демократическом процессе, процессе перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии, о процессе перерождения демократии в диктаторский режим, механизме и процессе согласования интересов, процессе принятия решений, законодательском процессе и т. д.

Выше отмечалось, что в политическом процессе, как и в политических отношениях, участвуют минимум две стороны. При этом возможно как сотрудничество, так и ожесточенная конкуренция вовлеченных в него сторон. Политический процесс может приобретать массовый характер, когда речь идет, например, о выборах всех уровней. Он может осуществляться также между узким кругом должностных лиц, например, при принятии законов в парламенте или какого-нибудь решения по конкретным вопросам. Процессы могут протекать на разных уровнях: международном, общегосударственном, региональном, местном, внутри разных социально-демографических групп, слоев, политических партий и т. д.

Как правило, политический процесс протекает в рамках существующего в каждый конкретный период политического режима с соблюдением общепринятых правил игры, большей частью регулируемых конституционными нормами. В этом случае он постоянно легитимизирует и воспроизводит существующие отношения, принципы, институты и нормы. Речь идет о стабильных политических процессах, которые протекают в стабильной экономической и социально-политической среде и для которых характерны устойчивые механизмы принятия политических решений и отработанные формы политической мобилизации граждан. Это, как правило, общества с высоким уровнем легитимности политической власти, правовых норм и политической культуры, где преобладают диалог, согласование, партнерство, договор, консенсус.

В такие периоды более или менее глубокие изменения, происшедшие в обществе, находят свое выражение в экономических, социальных и иных реформах, призванных привести его институциональные структуры в соответствие с изменившимися реальностями. На протяжении всего XX столетия именно такая картина наблюдалась в крепко укоренившихся западных демократиях, которые с помощью широкомасштабных реформ коренным образом изменили лицо так называемого свободно предпринимательского капитализма XIX в.

Политические процессы даже в рамках стабильных политических систем носят сложный, нелинейный характер, их описание в рамках

даже самой совершенной теории не представляется возможным. Это особенно верно применительно к нестабильным, склонным к частым переменам и нестабильности политическим системам. В спокойные времена, когда между основными социально-политическими силами существует консенсус или согласие по основополагающим вопросам государственного устройства и правилам политической игры, эти процессы носят плавный, временами вялотекущий характер. Проблемы решаются по мере их возникновения и, что особенно важно, позволяют избегать внепарламентских, противоправных, насильственных действий со стороны тех или иных социально-политических сил.

В переходные, кризисные периоды, связанные с далеко идущими социальными, экономическими, политическими и иными изменениями, они протекают бурно, стремительно. Здесь речь идет о нестабильных, быстро сменяющихся политических процессах, возникающих и развивающихся в условиях кризиса власти и государственно-политической системы в целом. Так, например, в период реформ 90-х годов прошлого века в России процессы трансформации прежней тоталитарной политической системы в демократическую и централизованно плановой экономики в рыночную протекали такими «калейдоскопическими» темпами, что за 10–15 лет она прошла путь, равный тому, который западные страны преодолели за несколько десятилетий, а то и поколений.

Многие политические процессы обладают собственным внутренним ритмом или цикличностью, повторяемостью основных стадий взаимодействия участвующих в них субъектов, структур и институтов. Например, электоральный процесс осуществляется в связи с избирательными циклами, и соответственно политическая активность населения тесно связана с периодами выдвижения кандидатов в государственные органы, обсуждения их кандидатур и избрания. Пик такой активности приходится на время выборов, после чего политическая жизнь как бы затихает.

Все изложенное выше дает достаточные основания для вывода о том, что понятие политического значительно шире и богаче понятий государства, политической системы, власти и т. д. Однако при всей многозначности данного понятия, когда говорят о мире политического, речь все же идет об особой сфере жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями, государством и государственным устройством, с теми институтами, принципами, нормами и др., которые призваны гарантировать жизнеспособность того или иного сообщества людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей.

Иначе говоря, под политическим подразумевается все то, что имеет отношение к феноменам, институтам, организационным формам и отношениям в обществе, за которыми признана окончательная власть и авторитет, существующие в этом обществе для утверждения и сохранения порядка и реализации других жизненно важных для него целей.

Контрольные вопросы

1. Какое содержание вкладывается в понятие «мир политического»?
2. Назовите основные вехи формирования мира политического.
3. Каковы системные и структурные составляющие мира политического?
4. Что вы понимаете под политическими отношениями?
5. Дайте характеристику политического процесса.
6. Какова взаимосвязь между политическими отношениями и политическим процессом?

Глава 5

Власть: сущностные характеристики

Власть и господство — базовые характеристики любого человеческого сообщества. С этим мы в той или иной форме встречаемся почти во всех сферах жизни людей. Речь может идти, например, о власти родителей над детьми в семье, руководителя предприятия над работниками, президента ассоциации над ее членами, мэра города над своими подчиненными, папы над прихожанами католической церкви. Часто понятие «власть» используется в качестве метафоры. Говорят, например, о власти традиций, власти пред-рассудков, власти идей, власти любви. Говорят также о власти человека над самим собой, власти над природой. При всем том свое наиболее адекватное выражение понятие власти находит в политической сфере. Большинство исследователей совершенно справедливо придерживаются того мнения, что лишь власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является политической. Она отличается совершенством своей внутренней организации и степенью подчинения себе управляемых. Хотя власть и наделяется некоторыми общими, универсальными значениями, в разных социокультурных системах она может пониматься по-разному, иметь особые оттенки, включаться в разные системы координат идеального и др.

5.1. Исторические корни власти

Власть, как и государство, является одним из ключевых элементов мира политического. В течение многих веков мыслители, ученые и исследователи различных социально-философских и идейно-политических направлений пытались определить фундаментальную природу власти, основные ресурсы, обеспечивающие обладание властью и ее реализацию, границы, в которых могут быть использованы эти ресурсы, и соответственно применение самой власти. Немаловажное место в этих поисках занимало установление основных источников власти, факторов ее возникновения и последующей эволюции.

Как социально-политический феномен власть составляет анти-тезу состояния безвластия, отсутствия власти. Началу (греч. «арх») власти в качестве символа организованного порядка в сообществе

людей, регулируемого определенным комплексом общеобязательных норм и правил, противопоставлялось безначалие (греч. «анархэ»), безвластие в качестве символа общественного устройства, в котором отсутствуют всякая власть, господство и принуждение. Ксенофан называл «анархией» время без Архона, т. е. без высшего правителя государства. Идеал такого общества, получивший позже большую популярность, на рубеже нашей эры изобразил римский поэт Овидий, назвавший его «золотым веком», «когда люди без всяких судей сами, по собственной воле соблюдают честность и справедливость».

Греческое слово «анархэ», означающее свободу от господства или состояние свободы, равно как и прилагательное «анархос», сохраняет свое значение в почти неизменном виде со времен Гомера и Геродота. Анархическими можно считать общину без вождя, общество без государства, армию без командующего, команду корабля без капитана, банду разбойников без главаря и др. Причем большей частью с античных времен это слово употреблялось с отрицательным оценочным оттенком. Для большинства античных мыслителей был самоочевидным тот факт, что человеческое общежитие всегда нуждается в «архэ», т. е. во властном начале, призванном укротить стихийные импульсы людей и обеспечить порядок в обществе.

Анализ исторических форм сообществ людей показывает, что разного рода идеи о некогда существовавших свободных обществах без принуждения и господства относятся к жанру политических утопий, но никак не к реальной истории. То же самое верно и применительно к различным вариантам анархизма, которые в отличие от большинства традиционных утопий, предлагавших модели справедливой власти, предлагают (во всяком случае в идеале) идею свободы от любых форм власти. Уже в первобытнообщинных сообществах существовали системы нормирования и регулирования социальных отношений. М. Вебер называл эту систему «регулируемой анархией». Но с такой оценкой можно согласиться лишь с соответствующими оговорками. Уже первобытная община, по-видимому, была немыслима без конкретных обязательных норм, правил и табу, предусматривающих самый широкий спектр наказаний, в том числе насильственных.

Более того, властный императив теснейшим образом связан с первоначалами человеческой истории. Рассматриваемую в качестве инструмента контроля поведения людей власть только с определенными оговорками можно назвать историческим феноменом. Дело в том, что власть коренится в самой природе человека как общественного

существа. Именно властное начало сыграло если не определяющую, то во всяком случае немаловажную роль в процессе вычленения человека из стада.

Дело в том, что само возникновение человека, его выход из животного или стадного состояния теснейшим образом связан с укрощением отдельных природных задатков. Необходимость такого укрощения была вызвана потребностями формировавшегося человеческого общества подчинить эгоистически-индивидуалистические и агрессивные устремления отдельно взятого индивида императивам формировавшейся социальной жизни, интересам общины, коллектива в лице рода или племени. По-видимому, особенно на первоначальных этапах в основе власти лежало скорее отрицательное, нежели положительное начало. Не случайно табу и по сей день имеет запретительный смысл.

В этом смысле рудиментарные элементы власти первоначально возникли в форме отдельных табу, или запретов, на те или иные действия или акты, которые считались очевидными в стадном состоянии. Или, иначе говоря, первоначально власть коренилась в табу. Первым властным актом, по-видимому, нужно считать именно первое табу, т. е. запрет делать, или приказ, веление не делать человеку то-то и то-то.

По-видимому, первого, кто произнес сакраментальное выражение «Ты не должен...», можно считать основателем власти и закона. Без таких табу невозможно себе представить переход людей от состояния безвластия и вседозволенности, или анархэ, к состоянию архэ, когда человеку под угрозой наказания, в том числе и путем применения физического насилия, не дозволяется делать те или иные вещи.

В основе этого лежит тот факт, что сама сущность человека определяется прежде всего социальным началом. Поскольку становление человека — процесс формирования его сущности, антропогенез представляет собой одновременно и социогенез. Иначе говоря, антропогенез и социогенез теснейшим образом связаны друг с другом, составляют две стороны единого процесса антропосоциогенеза. Процесс становления человека и человеческого общества есть процесс формирования механизмов обуздания, ограничения, подавления зоологических инстинктов, таких, например, как пищевой и половой, постановки их под контроль общества, введения в определенные социальные рамки. Другими словами, императивы очеловечивания диктовали необходимость формирования внешних механизмов подчинения человека нормам человеческого общежития.

Одним из таких важных механизмов и являлось табу. Оно, как искусственное человеческое образование, лежит у истоков власти и позитивного закона или права. Иначе говоря, власть так же стара, как и сам человеческий вид. В этом смысле процесс табуизации по сути дела совпадал с процессом формирования власти. Стало быть, власть возникла не на определенном этапе человеческой истории, а вместе с самим человеком, она неотделима от человека как общественного существа. Не случайно древнегреческое слово «архэ» означает одновременно «власть», «главенство», «начало» или «первоначало». Аристотель сообщает, что Фалес, считая воду первоначалом всех вещей, именовал это первоначало словом «архэ». Не случайно и то, что, провозгласив свою знаменитую максиму *panta rei*, т. е. все течет, все изменяется, Гераклит объявил сам процесс изменения, непрерывную смену возникновения и разложения первоначалом — архэ. В более поздние эпохи, например в поздней античности и в наше время, ослабление власти связано с вольным или невольным снятием тех или иных табу, с процессом частичной детабуизации. С этим же связаны различные формы анархии, нигилизма, вседозволенности.

Из сказанного можно сделать вывод, что власть возникла с возникновением человеческого общества и вместе с ним прошла длительный путь развития. Весь исторический опыт убедительно показывает, что она — необходимый элемент общественной организации, без которого невозможны жизнеспособность и функционирование общества. Она призвана регулировать взаимоотношения между людьми, между ними, обществом и государственно-политическими институтами. Более того, власть является одним из главных (если не самым главным) ресурсов любого человеческого сообщества.

Притягательность власти с данной точки зрения состоит в том, что властные рычаги дают возможность влиять на производство, распределение и потребление этих ресурсов. Очевидно, что те, кто занимает подчиненное положение, будут стремиться свергнуть существующие власти и занять их место. Поэтому борьба между теми, кто обладает властными рычагами, и теми, кто стремится их взять, составляет неизменный закон человеческой жизни.

Ключ к власти лежит в способности ее субъекта контролировать поведение других людей и манипулировать социально-политическими процессами. В данном контексте под властью подразумевается способность ее субъекта (отдельной личности, группы людей, организации, партии, государства) навязать свою волю другим людям, распоряжаться и управлять их действиями с помощью насильственных

или ненасильственных средств и методов. Другими словами, здесь речь идет о способности того или иного субъекта навязать свое господство другим людям, группам, классам, обществу в целом.

5.2. Власть и монополия на законное насилие

Можно выделить множество первоначальных истоков власти и господства. Самым бесспорным из них является сила, которая в свою очередь выступает в разных формах. Следует отметить, что по данному вопросу существует множество мнений — от буквального отождествления власти с силой и физическим насилием до полного отрицания этой связи.

В реальной истории человечества сила слишком часто выступала в качестве не последнего, а первого и решающего аргумента. Необходимость наличия насилия и принуждения как механизмов регулирования поведения людей в обществе определяется недостаточностью одних только средств поощрения и порицания. Неотъемлемым атрибутом власти являются санкции, наказания, в том числе физическое принуждение. Подчеркивая значимость этого факта, в «Законах Ману» отмечалось: *«Наказание — царь, оно — мужчина, оно — вождь и оно — каратель... Если бы царь не налагал неустанно Наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле. Весь мир подчиняется (только) посредством Наказания»*. Необходимость санкций, наказаний, запретов вытекает из самой противоречивой природы человека.

По-видимому, выражение «сильный всегда прав» восходит еще к тем временам, когда спор решался исключительно с помощью физического насилия. В этом смысле власть представляет собой проявление превосходства в сугубо материальном смысле: если я обладаю способностью подавить или убить другого человека, то я «сильнее» его, я способен подчинить его своей власти.

Слишком часто власть являлась результатом военной победы, узурпации, брато- и отцеубийства, государственного переворота или какого-либо другого незаконного деяния. Для любого историка это настолько очевидный факт, что здесь вряд ли надо приводить какие-либо примеры. Поэтому без всякого преувеличения можно сказать, что с самого зарождения власти на ней, как говорится, лежит каинова печать. Приходится признать и то, что в основе множества самых мирных, считающихся в наши дни самыми законными и укладывающимися в рамки права общественных и политических феноменов лежат насилие и другие формы противозаконных действий.

Так, все важнейшие атрибуты современной демократии и правового государства прошли испытание насилием. Например, национально-государственный суверенитет, торжество права и закона над Божественным правом государей на власть, разделение властей первоначально являлись объектами ожесточенной идеологической и политической (в том числе вооруженной) борьбы между противоборствующими группами, сословиями, классами, государствами.

На пути разработки, учреждения и институционализации этих принципов и институтов каждая страна прошла через революции, гражданские войны, цареубийства и другие формы насилия. Великобритания, считающаяся одной из самых совершенных демократий современного мира, пережила две революции, причем первый раз она избавилась от своего короля, отрубив ему голову. Еще в большей степени это верно применительно к Франции, которая, прежде чем окончательно принять демократические ценности и институты, прошла через несколько революций и переворотов. В США политическая демократия и рыночно-капиталистические отношения одержали окончательную победу лишь в результате самой жестокой и кровопролитной со времен Мария и Суллы гражданской войны.

Безусловно, власть ни в коем случае нельзя сводить к силе, тем более к голой физической силе или насилию. Но нельзя не учитывать и тот факт, что власть, не опирающаяся на силу, не способная добиться реализации своих решений, в том числе силой или угрозой применения насилия, может оказаться благим пожеланием или просто блефом. В этом смысле власть представляет собой форму выражения силы. Поэтому естественно, что и государство, и власть самым тесным образом связаны с насилием. Государство, даже самое демократическое, во многих отношениях есть механизм принуждения, насилия над людьми. Но это насилие особого рода. Еще Т. Гоббс (продолжая в этом вопросе традицию Н. Макиавелли) усматривал главный признак государства в *«монополии (курсив мой.— К.Г.) на принуждение и насилие»*. С тех пор этот тезис в разных редакциях стал общим для большинства теорий государства. Данную мысль в несколько иной форме выразил известный немецкий правовед XIX в. Р. Иеринг, который подчеркивал, что государство обладает абсолютной монополией на принуждение.

Наиболее завершенную разработку упомянутый тезис получил у М. Вебера. Он, в частности, утверждал, что государство невозможно определить социологически в терминах его целей или из содержания его деятельности, поскольку нет такой задачи, которая была бы исключительным достоянием государства. Поэтому, говорил Вебер,

четко очерченный признак государства следует искать в средствах, которые оно использует. Таким средством, по его мнению, и является насилие. *«Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником “права” на насилие считается государство».*

Хотя сущность государства и власти, политического в целом, как будет показано ниже, нельзя свести всецело к отношениям господства и подчинения, все же с точки зрения власти и властных структур эти отношения отличают политическое от других сфер общественной жизни. Более того, государство, власть и насилие немыслимы друг без друга. При этом подчеркнем, что насилие не является единственным средством государства. Но это специфическое для него средство.

Государство, особенно если речь идет о современном государстве, в котором как в едином организме сочетается множество разнообразных конфликтующих, зачастую несовместимых друг с другом интересов, устремлений, установок и др., не в состоянии обеспечить выполнение своей главной функции по реализации общей воли своих подданных одними только уговорами или благодаря их сознательности и доброй воле. В данном контексте власть является как бы данью, отдаваемой греховной природе человека, средством, призванным бороться с несовершенством человека и социального мира в целом.

Мировая история, по большому счету, еще не знала государства без механизмов и средств предотвращения и наказания уголовных правонарушений, без системы исправительных учреждений. Насилие или угроза применения насилия является мощным фактором, сдерживающим людей от всякого рода попользований на жизнь, свободу, собственность других членов общества. Непременные атрибуты государства — человек с ружьем, армия, полиция, призванные гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасность как самого государства, так и всех без исключения его подданных. Они составляют инструмент силового обеспечения политики государства. В этом контексте прав французский мыслитель конца XVIII — начала XIX в. Ж. де Мэстр, который говорил: «Бог, сотворивший власть, сотворил и наказание... палач сотворен вместе с миром».

Государство отличается от всех других форм организации людей тем, что оно располагает военной силой и судебно-репрессивным аппаратом. Более того, государство вправе не только применить к своим

подданным в случае необходимости насилие, но и требовать от них служения с оружием в руках для применения вооруженного насилия к врагам самого государства.

При этом необходимо учесть следующее обстоятельство. В принципе насилие может быть применено и нередко применяется родителями в отношении своих детей, руководителем предприятия — в отношении своих подчиненных и др. Но все дело в том, что в любом из этих случаев действия применяющих насилие противоречат закону. Более того, закон запрещает такие действия под угрозой применения к ним самим насилия. Что касается государства, то формы, средства, условия использования им насилия или угрозы применения насилия строго определены и регламентированы законом.

Поэтому и говорят о *легитимном*, или *узаконенном*, насилии со стороны государства. Важно учесть также не только легитимность насилия, применяемого государством, но и то, что ему, и только ему, принадлежит это исключительное право. Коль скоро все граждане, независимо от социального положения, национальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности, равны перед законом, ни один из них не вправе (кроме тех случаев, которые предусмотрены законом) применить насилие в отношении другого человека. Это касается и разного рода организаций, объединений, союзов, заинтересованных групп.

Другими словами, право применения или угрозы применения насилия отнято у всех индивидов и коллективов, составляющих общество, и сосредоточено в одних руках — у государства. Государство не просто наделено правом на применение насилия, а пользуется исключительным правом, т. е. монополией на применение насилия. Поэтому-то и говорят, что государство обладает монополией на легитимное, или узаконенное, насилие. Причем такая монополия составляет важнейшее условие самоорганизации и интеграции высоккодифференцированного общества.

Очевидно, что в современном государстве сила, насилие и принуждение облекаются в форму писаных или неписаных законов, разного рода запретов и предписаний, которые в существенной своей части строго определены и при необходимости исполняются с использованием силы. При всем сказанном власть отнюдь не сводится всецело к функции насилия. Во властных отношениях подчиненный, будучи одной из сторон, тоже является участником этих отношений.

Государство представляет собой единство всеобщего и частного интереса, синтез всеобщей и частной идеи. Здесь к началу личной свободы и личных прав присовокупляются начала обязанности. Каждый

конкретно взятый гражданин должен действовать не только в собственных интересах, но и во имя общего блага, не только преследовать частные цели, но и носить в своем сознании начала общественные. Все это позволяет сделать вывод, что власть проявляется не только в насилии, но также в различных *«динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между человеком и человеком, личностью и обществом, социальными группами, классами, государствами, блоками государств»*.

Общество или государство — это не некое механическое соединение тех или иных институтов и отношений, а формы самоорганизации человеческих сообществ, где единство не навязано извне силой, а дано как бы изнутри. С этой точки зрения немаловажен тот факт, что помимо насилия власть имеет своим основанием целый ряд других источников, например традицию, обычай, добровольное делегирование полномочий гражданами на основе договора и т. д., место, значение и роль которых общеизвестны.

Поэтому политическая власть никогда не бывает всеисключающей. Рядом с ней и часто в противовес ей существует множество других источников и форм власти и авторитета, которые призваны уравновешивать и ограничивать ее. Это власть и авторитет традиции и обычая, разного рода организаций, объединений, институтов гражданского общества, таких, как церковь, семья, университеты, бизнес, общественное мнение и средства массовой информации, профсоюзы и заинтересованные группы, господствующие в обществе нравственные императивы.

В значительной мере степень независимости граждан от государства, степень демократичности общественно-политической системы прямо пропорциональна степени полицентричности распределения власти в обществе. Как же в этом случае совместить принцип единства и неделимости верховной власти государства? Дело в том, что в соответствии с большинством современных теорий верховная государственная власть имеет некие границы, которые она не вправе преступать. Это — неотчуждаемые права личности на жизнь и свободу мысли от внешнего вмешательства.

Как подчеркивал П. И. Новгородцев, императивом для верховной власти остается «идея суверенитета народа и личности». Между правом, государством и отдельно взятой личностью существует некий договор относительно этих неотчуждаемых прав личности на жизнь, свободу и независимость, договор, подкрепленный «народовластием и парламентаризмом» в конституции. Гарантией сохранения и реализации прав личности П. И. Новгородцев считал строгое разделение

прерогатив и функций ветвей власти, призванное не допустить перекоса в пользу какой-либо одной из них, в том числе и «деспотизма парламента». При этом он всячески подчеркивал, что «под единой властью... не разумеется, конечно, власть единоличная».

Очевидно, что в современную идею суверенитета органически встроены принципы, не допускающие ее использования в целях установления деспотизма, будь то исполнительная или законодательная ветвь власти или отдельное лицо. Необходимо учесть, что в подавляющем большинстве стран развитого мира сама политическая власть не является неким монолитом, а различные ее компоненты уравнивают друг друга как бы изнутри. Этому, в частности, служит *система сдержек и противовесов*, предполагающая существование множества конкурирующих между собой центров власти, призванных обеспечить «равновесие власти».

Особенно важное значение для достижения такого равновесия имеет принцип разделения власти на три главные равносущные ветви — *законодательную, исполнительную и судебную*. Разделение властей отражает конкретные интересы конкретных социальных и политических сил, их борьбу и взаимодействие.

5.3. Основные параметры власти

При анализе власти неизбежно возникает вопрос о ее соотношении с политическим влиянием и политическим авторитетом. Авторитет и власть настолько связаны друг с другом, что нередко встречаются довольно существенные трудности при их разграничении. Показательно, что в английском языке слово «*authourity*» используется для обозначения как власти, так и авторитета. Абстрагируясь от этого, можно констатировать, что на различных этапах исторического развития авторитет, по-видимому, служил одним из немаловажных источников власти. Это могли быть та или иная форма харизмы, авторитет полководца, ученого, мага, жреца, священнослужителя, хорошего специалиста в своей области и др.

Интересны в этом плане наблюдения германского исследователя О. Хеффе, который, в частности, обратил внимание на тот факт, что современное немецкое слово «*Herrschaft*» (господство) восходит к древнегерманскому слову «*herscaf(t)*», которое в свою очередь является производным от другого древнегерманского слова — «*heg*» (в современном немецком языке — «*hehr*»), означающего «благородный», «почтенный». Получается, что «господство» первоначально служило для обозначения превосходства в социальном статусе. Позже значение

слова «herrschaft» стали выводить из другого слова — «herr», которое обозначает превосходство в возрасте и авторитете. «Herr» — это прежде всего форма обращения, но постепенно указанное слово приобрело смысл правового и экономического превосходства.

По мнению некоторых авторов, влияние — наиболее всеохватывающее из этих понятий, поскольку объединяет все формы убеждения, давления, принуждения и т. д. Выделяется также принуждение, рассматриваемое как форма влияния, характеризующаяся высокой степенью оказываемого давления, выражающегося в различных формах — от экономического, социального, политического или иного запугивания до применения насилия. И действительно, в определенном смысле политическую власть и политическое влияние невозможно отличать друг от друга, поскольку власть представляет собой определенную форму влияния, а влияние — это просто проявление причинно-следственных отношений.

При всем том власть отличается от просто влияния тем, что она опирается на санкции. Как отмечали Г. Лассуэлл и А. Каплан, *«именно угроза применения санкций ограничивает власть от влияния вообще. Власть — это особый случай осуществления влияния: она представляет собой процесс воздействия на политику других агентов с помощью (реальной или потенциальной угрозы) применения строгих санкций за неподчинение объявленному политическому курсу»*.

Или, иначе говоря, власть может использовать физические санкции или угрозу физических санкций в случае неподчинения повелению или приказу. Влияние предполагает, что то или иное лицо может модифицировать свое поведение или образ жизни, полагая, что его интересы могут быть лучше реализованы, если следовать образу жизни, поведения или просто совету другого лица. О политическом авторитете мы можем говорить в том случае, если лицо, которому приказывают поступить определенным образом, считает, что тот, кто приказывает, имеет на то моральное или иное право. Можно, например, обладать высоким научным или нравственным авторитетом, не обладая при этом властью.

В целом власть нельзя отождествлять ни с авторитетом, ни с влиянием, хотя в идеале и то и другое являются важными ее ингредиентами. В данном аспекте власть представляет собой систему отношений господства и подчинения, главная цель которой состоит в обеспечении выполнения директивы, приказа, воли и др. с помощью влияния, авторитета, разного рода санкций и прямого насилия.

Таким образом, с функциональной точки зрения задача власти состоит в реализации целей управления, здесь власть призвана осуще-

ствлять отношения господства и подчинения между правителями и управляемыми. Государство невозможно представить себе без властвования, господства и подчинения. Более того, можно сказать, что феномен власти имманентно присущ обществу. Но вместе с тем следует особо подчеркнуть, что власть имеет множество различных источников и опор и представляет собой многосторонний феномен, различающийся по своим масштабам, весу, объему и стоимости. Выделяются различные формы проявления и функционирования власти: насилие и принуждение, наказание и поощрение, контроль и управление, соперничество и сотрудничество. Она может иметь как негативный, так и позитивный смысл.

Из этого можно сделать вывод, что государство обладает публичной властью, т. е. прерогативой отдавать приказы и принуждать повиноваться этим приказам, что обеспечивается, в частности, монополией на легитимное насилие. Вместе с тем социальная система власти, будучи некоторой целостностью, включает ряд подсистем: правовую, административно-управленческую, военную, воспитательно-образовательную и др. В них как по горизонтальному, так и по вертикальному срезу устанавливаются определенные, характерные для каждой из них отношения. Конституции, кодексы, законы, административные решения и т. д. являются средствами реализации власти.

В то же время власть подчиняется праву, призванному четко определить властные прерогативы и функции государства. В данном контексте особенность государства состоит в том, что оно обеспечивает реализацию повелительной силы норм права, которые отличаются от моральных, вероисповедных или иных норм, к которым у государства нет доступа.

Власть существует не в вакууме. Основные ее параметры определяются в зависимости от ресурсов, которыми она располагает, целей, которые она перед собой ставит, и ее способности контролировать положение. Она предполагает прежде всего взаимодействие между различными ее субъектами, в качестве которых в сфере международных отношений выступают разные государства. В этом контексте можно сказать, что власть — это своеобразная система коммуникации между различными ее субъектами, между субъектами и объектами, между двумя или более лицами или сторонами, участвующими в системе властных отношений, а не просто достояние одной из сторон. *«Власть, — подчеркивал Т. Парсонс, — занимает в анализе политических систем место, во многих отношениях сходное с тем, которое занимают деньги в экономических системах».* В этом смысле, по справедливому

замечанию К. Дойча, власть представляет одно из «платежных средств» в политике, которое применяется там, где не срабатывает влияние или добровольное согласование действий.

Суверенное национальное государство — главный субъект политики в качестве носителя власти не только в рамках отдельно взятой страны, но также на международной арене. Будучи носителем суверенитета и единой воли составляющих его людей, государство вправе не только использовать свои полномочия внутри страны, но и распространять свои действия вовне, вступая во взаимоотношения с другими государствами. Именно государство имеет реальные властные полномочия осуществлять внешнюю политику, выступать в качестве субъекта отношений с другими государствами, заключать межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир.

В сфере международных отношений власть — это прежде всего способность одного субъекта контролировать поведение другого субъекта или группы субъектов. При таком понимании власти необходимо определить, кто кого или что контролирует. А это предполагает, что акторы (действующие лица) международных отношений взаимодействуют друг с другом. Соответственно власть в данной сфере предполагает конфликт. С этой точки зрения важно определить, как субъекты международной политики, вступающие во взаимоотношения между собой или находящиеся в состоянии конфликта, воспринимают и оценивают друг друга.

Как правило, субъекты мирового сообщества называют сверхдержавами, великими державами, средними и малыми государствами в зависимости от масштабов власти, которой они обладают. Естественно, от масштабов власти зависят вес и влияние конкретного государства на мировой арене. Из этого можно сделать вывод, что в международных отношениях, как и во внутриполитической системе, власть зачастую играет ту же роль, которую деньги играют в экономике, или, как отмечал Дж. Ротгеб, роль «международно-политической валюты», используемой для приобретения определенных результатов или достижения своих внешнеполитических целей.

Власть — величина не постоянная. Как и сумма денег, объем ее может уменьшаться или увеличиваться. Например, энергичный деятель, пользующийся поддержкой населения, способен придать власти дополнительные значимость и силу. Власть сама по себе символична и является инструментом выявления, определения и реализации коллективных целей. Ее эффективность в данном контексте определяет меру ее ценности. Власть прибегает к силе лишь в тех случаях, когда члены коллектива не подчиняются его общим интересам.

С этой точки зрения власть сильна и дееспособна не тогда, когда она всемогуща и прибегает к силе в качестве не *prima ratio* (первого аргумента), а *ultima ratio* (последнего аргумента). Она сильна тогда, когда проявляет максимум заботы о членах общества и обеспечивает оптимальные условия для их безопасности и самореализации. Злоупотребление властью, подавление свободы граждан заложены не в сущности самой власти, а в необоснованной и неоправданной ее концентрации. Нельзя забывать, что политика — это не только насилие или угроза применения насилия, наказание и конфликт, но и обещания, вознаграждения, сотрудничество, обмен и др. В методологическом плане власть как отношение между двумя или более партнерами опирается на общепринятые или юридически закреплённые в данном обществе ценности и принципы, определяющие и регулирующие место, роль и функции как отдельного человека, так и социальных групп в системе общественных и политических отношений.

Государство как носитель и субъект власти, обладая специальным профессиональным аппаратом, выполняет основные функции по управлению делами общества и распоряжается его природными, материальными и людскими ресурсами. Среди этих функций важное место занимают управление социальными и экономическими процессами, сферами духовной жизни, регулирование социальных, национальных, международных отношений, обеспечение национальной безопасности и общественного порядка, гарантирование соблюдения общеобязательных норм и правил поведения в обществе и государстве.

Контрольные вопросы

1. Какое именно содержание вкладывается в понятие «политическая власть»?
2. Когда и почему возникла власть?
3. Что такое монополия на законное насилие?
4. Каково соотношение между властью, авторитетом и влиянием?
5. Можно ли свести власть к одному только насилию? Если нет, то почему?
6. Что имеют в виду, когда говорят, что в сфере политики власть играет ту же роль, что деньги в экономике?

Глава 6

Государство: сущность и принципы организации

Государство и власть являются теми ключевыми элементами, вокруг которых объединяются все остальные составляющие мира политического. Определение сущностных характеристик государства и власти сопряжено с немалыми трудностями. Само понятие «государство» — в смысле политически организованного общества — сравнительно новое и связано с именем Н. Макиавелли. Древние греки использовали в данном значении слово polis, а римляне — термины «res publica» и «civitas». Выражение «status rei publicae» и подобные ему, например «status rei romanae», которые были в хождении в Античности, в конечном счете трансформировались в понятие «государство» («stao», «staat», «etat», «state»). С самого начала данное понятие предполагало отношения господства и подчинения. Этот факт нашел наиболее законченное выражение в своем русском эквиваленте — слове «государь».

6.1. Общая характеристика

Как правило, понятие «государство» используется в двух значениях. Так, например, когда речь идет о вмешательстве государства в экономическую жизнь или же за что-то оно подвергается критике, то речь идет об институтах и должностных лицах, составляющих в совокупности систему управления. А когда говорят, что Франция, Великобритания, Россия являются государствами, то имеется в виду, что они составляют человеческие сообщества особого типа, особым образом организованные нации, обладающие суверенитетом. Очевидно, что эти два значения тесно связаны между собой: государство в первом смысле управляет государством во втором смысле.

Государство организует и формализует мир политического. Оно является носителем политической власти, которая приведена в институционализированную форму и в таком качестве играет определяющую роль в реализации отношений власти. Государство представляет собой базисную структуру правления и порядка в обществе. Это — институт, призванный коллективно ограничивать индивидуальные

интересы и страсти и тем самым обеспечивать контролируемую и упорядоченную свободу перед лицом возможных злоупотреблений силой, хаоса и беспорядков. Государство включает механизмы, структуры, учреждения, юрисдикцию, власть и властные отношения, права, комплекс систематизированных отношений и т. д.

Государство включает систему или, вернее, машину управления — правительство, состоящее из конкретных органов и лиц, занимающих официальные должности и осуществляющих власть от имени государства. Высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов в совокупности играют роль управляющей подсистемы, составные компоненты которой связаны между собой сложными функциональными отношениями. Они принимают решения общенационального значения, обязательные для исполнения как всеми без исключения звеньями государственного аппарата, так и гражданами.

Каждый из высших органов государственной власти имеет реальную структурно-функциональную определенность, установленную конституцией, обладает известной самостоятельностью. Это вытекает из самого принципа разделения властей на три самостоятельные ветви — законодательную, исполнительную и судебную. В этом качестве каждая из ветвей выступает как самостоятельная подсистема в отношении общей управляющей системы.

Ключевыми особенностями современного государства являются: централизация политической власти, единые механизмы административного управления, постоянные профессиональные армии, легитимизация власти через институт представительства и др. На протяжении всего XX столетия происходило неуклонное расширение инструментария политики государства в экономической и социальной сферах, что вело к дальнейшему увеличению его роли в общественной жизни.

Современное государство есть одновременно и арена политической борьбы за власть, и ставка последней. *Государственная идея* — комплекс формализованных, догматизированных политико-правовых норм, правил, установок. В целом можно согласиться с Г. Алмондом, который характеризовал государство как нормативный центр политической системы, ее предел и оправдание.

При таком подходе политику можно было бы определить как государственное осуществление общего блага, хотя при этом допускаются негосударственные и неполитические формы его достижения. Зачастую государство не без оснований рассматривается как институциональный аспект политического взаимодействия людей,

составляющих то или иное общество. Более того, государство есть в некотором роде наиболее высокоорганизованная форма политического сообщества.

Ключевая роль государства в мире политического помимо всего прочего, как указывалось выше, проявляется и в том, что именно вокруг него, как выразителя интересов всего общества, группируются все остальные политические институты, разворачивается борьба между различными социально-политическими силами, прежде всего за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления.

Государство по своей сущности призвано обеспечить целостность и единство институтов и учреждений, выполняющих разнообразные функции управления. Например, политические партии, избирательная система, система представительства и т. д. немислимы сами по себе, вне их связи с государством. Если партии и другие институты представляют интересы и позиции тех или иных категорий и группировок граждан в политической системе, то государство призвано выражать всеобщий интерес, оно есть главный инструмент реализации власти, главный субъект суверенитета.

6.2. Территориальный императив

Государство представляет все общество в целом, им и от его имени принимаются властные решения, касающиеся всех членов общества и обязательные для выполнения ими. В основе государства лежит стремление к достижению стабильности внутреннего и внешнего мира, пронизывающее все человеческое бытие. Внутри государства, вокруг государства и между государствами происходит большая часть политических процессов.

Государство является основной формой политической самоорганизации общества на строго ограниченной географической территории, подчиненной определенному виду политического господства. С данной точки зрения отличительная особенность современного государства заключается в том, что оно представляет собой коллективность, жестко привязанную к определенной территории. Иначе говоря, важнейшая особенность государства — так называемый территориальный императив. Вопрос о государстве — это изначально и прежде всего вопрос о границах, отделяющих территорию одних стран от других.

Территория, важнейшие параметры которой в свою очередь определяются географией и месторасположением, имеет немаловажное

значение для исторических судеб и перспектив любого государства или народа. Более того, в древнейший период истории человечества, когда природа в буквальном смысле слова продолжала диктовать людям формы жизнеустройства и хозяйственной организации, географический фактор играл определяющую роль в жизни людей и государств. При этом важно учесть, что география и месторасположение имеют множество аспектов, таких, как размеры и масштабы территории конкретного государства, топография, климат, условия для сельскохозяйственного производства, наличие природных ресурсов, доступ к морям и океанам и др. От этих аспектов зависит целый ряд параметров, которые указывают на потенциальные и реальные возможности государства, определяющие его место в мировом сообществе. Как показывает исторический опыт, сама земля, территория государства составляет тот стратегический ресурс, который по значимости, возможно, превосходит все остальные ресурсы.

Ландшафт, степень плодородия почвы, природные ресурсы и другие факторы непосредственным образом сказываются как на структуре и отдаче народного хозяйства, так и на плотности населения. Топография и климатические условия страны крайне важны для развития путей сообщения, размещения ресурсов и народнохозяйственной инфраструктуры, внутренней и внешней торговли. Положение относительно океанов и морей определяет близость или удаленность от важнейших рынков, центров силы и очагов конфликтов. Немаловажное значение для безопасности и национальных целей имеет также близкое окружение государства.

Все эти и другие связанные с ними факторы имеют решающее значение при реализации государством своих внутри- и внешнеполитических проблем. Поэтому неудивительно, что на протяжении всей истории, вплоть до недавнего времени, государства видели свою цель в защите и — по возможности — в расширении территорий. Государства, особенно великие или мировые, во все времена руководствовались императивом расширения своего контроля над соседними странами и народами, а по возможности — и над всей международной системой.

Со времени Вестфальского мира 1648 г. территориальные границы государств считаются священными и неприкосновенными (об этом более подробно см. ниже). Политическая организация современного мира базируется прежде всего и главным образом на разделении стран и народов по территориальному принципу. Причем, как увидим ниже, на данной территории нет какой-либо иной власти, кроме власти суверенного государства, юрисдикция которого распространяется на эту территорию.

Государство есть субъект права, и в качестве юридического лица его право-законность основывается на коллективности, неделимости единой территории, на которой «живет» эта коллективность. Как подчеркивал Л. Дюги, *«характер государства может и должен признаваться только за коллективностью, располагающей политической властью и обитающей на определенной территории»*.

Поэтому неудивительно, что само понятие политической власти с самого начала отождествлялось с отправлением власти на определенной территории и с самой этой территорией. Церковь, например, обладает той или иной формой власти и авторитетом, но она не является государством. Католическая и православная церкви по всем признакам представляют собой организованную коллективность. Церковь обладает верховной властью в делах веры, располагает администрацией, построенной по иерархическому принципу, но в отличие от государства не связана с определенной территорией.

6.3. Легитимность

Было бы чистейшей воды лукавством утверждать, что государство в одинаковой мере служит интересам, потребностям, нуждам всех слоев, классов, групп, категорий населения. Никогда нельзя забывать ту банальную истину, что общество — не гомогенное образование, оно состоит из разнородных конфликтующих социально-политических сил, обладающих разными весом и влиянием, потребностями и интересами, разными, так сказать, весовыми категориями.

Поэтому при любой форме государственного правления, в том числе и демократической, будут члены общества или граждане, более и менее равные. Даже применительно к демократии нельзя в буквальном смысле трактовать тезис, постулирующий, что власть принадлежит народу. Сторонники буквалистского толкования принципа народовластия, отстаивая формулу *«пусть народ решает сам»*, в должной мере не учитывают тот факт, что сначала необходимо установить, из кого именно этот самый народ состоит. Народ, взятый сам по себе, — это абстрактная категория; в качестве таковой он ничего не может решать, он не правит и не может сам собой править. Это противоречит самой природе власти. Всякие рассуждения о народной власти, народовластии и прочем представляют собой не более чем политические и идеологические лозунги.

Власть имеет иерархическую природу, и на протяжении всей истории она часто служила интересам отдельных личностей, групп, классов, кланов, династий. Как полагают, еще в 430 г. до н.э. Перикл ут-

верждал что *«лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все»*. В том же духе более чем через две тысячи лет Ш. Монтескье говорил: *«Хотя все пригодны для того, чтобы выбирать, не каждый пригоден быть избранным»*.

И действительно, ни один народ не может обойтись без людей, способных управлять и властвовать, он просто нуждается в них. Повидимому, были правы В. Парето, Г. Моска и другие авторы, которые считали, что ведущие позиции в структурах власти, особенно в ее верхних эшелонах, при любом политическом режиме занимают представители элиты. Фактом является то, что при любом режиме существуют относительно компактные и более или менее организованные группы лидеров, из среды которых выдвигаются руководители государства, политических партий и движений. В совокупности они составляют так называемый политический класс.

Но при этом необходимо отметить, что институциональные, социокультурные, идейно-политические и иные факторы и особенно сам тип политической системы оказывают глубокое влияние на роль элит в различных политических режимах. Правящая или политическая элита по-разному реализует властные функции при демократических, авторитарных и тоталитарных режимах. Что касается демократической формы правления, то она отличается от других форм не отсутствием элит, а наличием множества элит, конкурирующих друг с другом в борьбе за голоса избирателей.

Поэтому любая власть не может не испытывать потребность в системе легитимизации, сущность которой состоит в обосновании и оправдании права на властвование существующей в данной стране формы правления. Эта проблема теснейшим образом связана с другим кардинальным вопросом об источниках и пределах власти. Устойчивость и жизнеспособность любой социально-политической системы или формы правления зависят от готовности ее субъектов жить в соответствии с определенными законами и правовыми нормами. А это в свою очередь зависит в большей степени от уважения к власти и закону со стороны если не всех, то во всяком случае большинства граждан, признания ими законности или легитимности этой системы, чем от страха применения к ним тех или иных санкций. Обеспечение легитимности, или легитимизация, — это форма обоснования, которая призвана интегрировать разрозненные институты, отношения, процессы, подсистемы и т. д., придавая тем самым смысл всему социальному порядку.

Политическая легитимизация — это признание по меньшей мере большинством общества правомерности господства, действующего

в данный конкретный период политического режима. Даже самые тиранические режимы прошлого и наших дней претендуют на легитимность своей власти и считают нужным всячески подчеркивать ее. Как показывает исторический опыт, такую легитимность невозможно обеспечить одними только насильственными средствами. К примеру, Римская империя основывалась не только на силе и страхе применения принудительных санкций, но и на согласии, доброй воле и уважении ее подданных. Если этого нет, то презумпции законности режима и справедливости его законов бросается вызов.

Симптоматично, что доверию и уважению народа к правителям еще Конфуций придавал огромное значение. Так, отвечая на вопрос одного из своих учеников, Цзы Гуна, о сущности истинного управления, он говорил, что в хорошо управляемом государстве должно быть достаточно продовольствия, вооружения и народ должен верить правителям. Причем, утверждал он, в случае крайней необходимости можно отказаться от вооружения, продовольствия, но не от доверия народа, поскольку *«без доверия [народа] государство не сможет устоять»*. Многие могущественные мировые державы, которые казались вечными и незыблемыми, распались и становились достоянием истории именно вследствие потери большинством их граждан веры в способность государства обеспечить народу безопасность, благополучие и справедливость.

Система легитимизации власти прошла длительный и сложный путь формирования и эволюции. В течение всей истории человечества вплоть до Нового времени определяющую роль в этом отношении играли мифология и религия. Их роль и функции состояли в обосновании идеи божественного происхождения власти вообще и власти того или иного князя, царя, императора, династии в частности. Нужно учесть, что в той или иной форме эта «божественная идея» прошла через историю почти всех существующих на Земле народов, способствуя их консолидации в самые трудные времена.

Более того, многие идеи, ценности, установки, связанные с мифологией и религией, составляли саму инфраструктуру общественного сознания различных сообществ людей, племен и народов. Мифы и религия, будучи частью исторической традиции того или иного народа, пронизывают его культурное наследие и не могут не отразиться на характере общественного сознания. В большинстве мифов древних народов настойчиво подчеркивался божественный характер власти верховных правителей. Считалось само собой разумеющимся, что цари, фараоны, императоры, короли прошлого получали власть как бы прямо из рук богов или же сами объявляли себя верховными божествами.

В большинстве мифов древних народов божества, от которых правители получают власть, являются, как правило, воплощениями справедливости, правды и добродетели, например шумерский бог Шамаш, древнеегипетская богиня Маат. Божественный характер власти фараонов означал, что она соответствует естественному божественному порядку справедливости — богине Маат. Эти представления отражены почти во всех известных древних законах.

В древнекитайском мифе о божественном происхождении власти вся власть сосредоточена в личности императора Поднебесной, который является звеном, связывающим народ с Небом. В системе государственного устройства Конфуция роль высшей направляющей силы отводилась Небу, определяющему, по его мнению, судьбу как самой Поднебесной, так и всех ее жителей. Поэтому неудивительно, что Небо изображается как страж основных догматов учения самого Конфуция, одно из центральных мест в котором занимает идея о цзюнь-цзы.

Согласно Священному Писанию законы еврейского народа получены Моисеем прямо от Бога. Бог передал власть людям, но в экстремальных случаях он действует непосредственно сам, например через откровения, разного рода чудеса и т. д. В соответствии с подобными установками легитимность власти объявляется волей божией и выводимым из нее естественным правом.

Показательно, что и в наши дни нередко формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену пытаются объяснить ссылками на божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно к тем ее местам, где говорится, что Бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один, наделяя его своей благодатью. Крайние формы этого мифа отводят другим народам и странам лишь роль фона, на котором разворачивается история того или иного богоизбранного народа. История предоставляет нам множество свидетельств того, что идея величия и богоизбранности была присуща чуть ли не каждому великому народу, особенно в период его восхождения.

Легитимность власти нередко достигалась — и этот способ отнюдь не стал достоянием истории — путем ее персонификации. Здесь личность носителя власти в глазах подданных становится воплощением власти и даже самой властью, человек отождествляется с властью, он сам по себе как бы приобретает атрибуты власти. Этот феномен проявляется, в частности, в таком признаке, как приверженность харизматическому лидеру. Речь идет о том, что то или иное лицо, облеченное властью или помогающее ее, обосновывает свои притязания

собственными достоинствами: мужеством, храбростью, героизмом в бою, решительностью в действиях, мудростью при принятии тех или иных решений, какими-либо физическими и духовными качествами. Нередко именно личные качества давали возможность их носителям вознестись к вершинам власти и, более того, навсегда «прописаться» в качестве главных героев в анналах истории. Это первые племенные вожди, воины, «основатели» наций, городов-государств, империй, религий, «спасители отечества», люди, подобные Цезарю, солдатские императоры в поздней Римской империи периода упадка, Наполеон и др.

Ярко выраженная персонализация политической жизни и государственной власти характерна для России. Она способствует тому, что установки, симпатии и антипатии россиян ориентированы скорее на личности конкретных политиков, нежели на политико-идеологические программы. В этом контексте облик и судьбы российской истории на различных ее этапах определяли Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, В. И. Ленин, Б. Н. Ельцин и другие личности. По сравнению с остальной Европой в России отделение власти над людьми и власти над вещами, государственной власти и собственности, государственной или политической сферы и экономической, социальной и иных сфер произошло значительно позже и в весьма несовершенной форме.

Чтобы доказать законность своей власти или подчинить людей своей воле, государи во все времена использовали самые ухищренные средства. Среди них центральное место занимал запрет на информацию, которая каким-то образом способна подрвать господствующую форму правления. Именно этой цели с самого начала служила цензура, призванная скрывать от широкой общественности неугодные правящему режиму факты и сведения, не допускать ее к так называемым подрывным идеям и концепциям.

Верность этого суждения доказывается множеством примеров из истории человечества от Античности до наших дней. Самые, казалось бы, светлые головы античности в лице Гераклита, Платона и других призывали запретить, например, Гомера, Гесиода. Как известно, пресловутая практика «изгнания философов» широко применялась в самых что ни на есть демократических Афинах. Именно там институт остракизма стал одним из важнейших средств защиты спокойствия и целомудрия рядовых граждан. Для достижения данной цели не брезговали и цикутой, как это было с Сократом.

Особенно широкие масштабы цензура во всех ее формах и проявлениях приняла с институционализацией христианства в качестве государственной религии Римской империи. Рассматривая величайших

мыслителей древности как исчадия ада и на этой основе санкционировав уничтожение большинства их творений, Отцы Церкви и христианские мыслители по сути дела способствовали фактическому обрыву античной традиции и преданию забвению на многие века духовного наследия античного мира. После принятия императором Константином христианства оно стало государственной религией Римской империи и приступило к утверждению своего верховенства в вопросах как веры, так и государственного правления, используя для этого все возможные и невозможные средства — от составления списков запрещенных книг до костров инквизиции.

Характерно, что в тех случаях, когда не хватает аргументов для обоснования законности режима или формы правления, как правило, прибегают к разного рода лжи и фальсификациям. Так, признавая за государством право внедрять мифы, способствующие сплочению общества, Платон оправдывал обман и ложь, если они служат интересам государства. Однако, говорил он, ложь может быть исключительным правом правительства: должна быть «одна царская ложь».

Классическим примером такой лжи, построенной на фальсификации, являлся так называемый «Константинов дар» — грамота, составленная в папской канцелярии примерно в середине VIII в., с помощью которой римские папы в течение многих столетий обосновывали свои притязания на светскую власть в Западной Европе. В ней, в частности, утверждалось, что еще император Константин, принявший христианство и сделавший его государственной религией Римской империи в IV в., передал собственноручно папе Сильвестру I верховную власть над западной частью империи, в том числе над Италией. Подложность грамоты удалось доказать только Лоренцо Балле в XV в.

При всем том государство, как и любой другой общественный институт, считается легитимным, если оно служит благу всей совокупности его граждан. Главное требование, предъявляемое к властителям, — это гарантия справедливости правления. Принцип справедливости служит оправданию власти независимо от того, как трактуется само это понятие. Здесь как нельзя лучше подходит максима: «*salus populi suprema lex*», т. е. благо народа — высший закон. Однако остается нерешенным вопрос о том, что есть благо, интерес, воля народа. Именно по критерию справедливости и несправедливости и соответственно легитимности и нелегитимности проводилось разграничение между различными формами правления.

Намного более сложную систему легитимизации мы имеем в современном мире. Она сложилась в процессе возникновения и институционализации современного светского национального государства

со всеми его атрибутами и сущностными характеристиками, такими, как суверенитет, конституционализм, парламентаризм, правовое начало, разделение властей и др.

Большой интерес с данной точки зрения представляют типы легитимизации, предложенные М. Вебером. Вебер полагал, что правители могут претендовать на легитимность своего правления, а управляемые — принять его законность на следующих трех основаниях.

Первое — это «авторитет вечно вчерашнего», нравов, «традиционное» господство в том виде, «как его осуществляли патриарх или патримонильный князь старого типа».

Здесь легитимность основывается на общепринятой убежденности в святости традиций и необходимости подчинения правителям, осуществляющим власть согласно традициям. Вебер рассматривал это как самый универсальный и самый примитивный вариант власти. Однако и современные системы в значительной мере черпают свою легитимность из своих традиций. Так, многие аспекты политической системы Великобритании, например монархия, принимаются ее гражданами в силу их традиционности.

Второе — исключительные личные качества правителей, например героизм, принципиальность, смелость, решительность и т. д., объединяемые понятием харизмы.

Третье — «господство “легальности”», в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой компетентности, обоснованной рационально созданными правилами, т. е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил». Здесь законность власти определяется по признакам ее соответствия принципам рациональной организации, эффективности и права. То, что делается на законных основаниях, рассматривается как легитимное. Отсюда Вебер выводил следующие типы власти: *традиционную, харизматическую и правовую*.

В современных системах легитимизации в той или иной мере сохраняют актуальность и значимость все названные Вебером типы. Например, одной из опор, на которых держится английская государственно-политическая система, являются традиционные институты монархии и палаты лордов. Еще большее значение для ее сохранения, жизнеспособности и эффективного функционирования имеют принципы рациональной организации. Среди них центральное место занимают принципы правления права и закона, конституционализма и парламентаризма и др.

Разумеется, помимо названных в зависимости от национально-исторических, политико-культурных и других факторов могут быть

использованы также иные средства, доводы и аргументы. Например, при легитимизации либеральной демократии с этой целью привлекаются такие важнейшие атрибуты, служащие показателями ее народности и справедливости, как принципы представительства, выборности, плюрализма и др.

6.4. Суверенитет

В большинстве современных подходов к легитимности центральное место занимает идея суверенитета. Иначе и быть не может, поскольку она затрагивает такие ключевые вопросы, как источник и природа верховной власти. Трудно установить источник суверенитета государства. Но тем не менее это реальный феномен. Проблема суверенитета затрагивает не только иерархию властных структур в рамках государства, но и место самого государства в ряду человеческих сообществ, союзов, коллективов. Когда говорят о суверенитете государства, то подразумевается, что все другие коллективы — общины, семьи, ассоциации, провинции, товарищества — занимают подчиненное по отношению к нему положение.

Теория национального, или государственного, суверенитета формировалась вместе с идеей национального государства. Еще Ж. Боден совершенно справедливо подчеркивал, что государство без суверенитета немислимо. И действительно, суверенитет составляет одну из основополагающих сущностных характеристик государства, тем более современного национального государства. Значимость и универсальность суверенитета состоят в том, что государству всецело и исключительно принадлежит верховная власть над всеми другими конкретными формами и проявлениями власти на всей территории, на которую распространяется его юрисдикция.

Суверенная власть не зависит от какой-либо иной власти, наоборот, все остальные власти зависят от нее, берут свою легитимность от нее. Государство может быть только суверенным. *Суверенитет* — основополагающий критерий государства. Если нет суверенитета, то нет и государства. Суверенитет определяет само бытие государства. Он призван обеспечить унификацию, единение, самоопределение и функционирование властной системы и служит критерием противопоставления государства догосударственным формам человеческих сообществ.

Немаловажен вопрос об источниках суверенитета. Само собой разумеется, что при господстве идей божественного происхождения власти источником верховной власти в государстве считалась

божественная воля. Постепенно сформировалась теория договорного происхождения государства и соответственно власти. К ней восходят теории народного суверенитета, согласно которым власть коренится в воле народа.

Суверенитет означает, что юрисдикция государства распространяется на всю его территорию и на всех людей, проживающих на этой территории. Государственный суверенитет включает такие основополагающие принципы, как единство и неделимость территории, неприкосновенность территориальных границ и невмешательство во внутренние дела. Если какие бы то ни было иностранное государство или внешняя сила безнаказанно нарушает границы другого государства или заставляет его руководителей принять то или иное решение, не отвечающее собственным национальным интересам, то можно говорить о нарушении суверенитета этой страны. А это явный признак слабости данного государства и его неспособности обеспечить собственный суверенитет и национально-государственные интересы.

Различается суверенитет внутренний и внешний. *Внутренний суверенитет* — это право и полномочия повелевать всеми людьми, обитающими на национальной территории, как гражданами данного государства, так и негражданами. *Внешний суверенитет* призван обеспечить территориальную целостность и невмешательство во внутренние дела страны со стороны внешних сил.

6.5. Национальное государство

Как уже отмечалось, идея суверенитета неразрывно связана с национальным государством. В Средние века и большую часть Нового времени власть политического центра не в одинаковой степени распространялась на все население и все находящиеся в его подчинении территории. То, что внешне казалось единым политико-государственным образованием или пространством, на самом деле представляло собой конгломераты множества сатрапий, провинций, княжеств, владений и др. Чем дальше они отдалялись от центра, тем слабее оказывалась хватка центра. В результате зачастую на периферии государства обширные территории в политическом отношении пользовались значительной долей самостоятельности. В этом смысле правы те, кто считает, что в период до появления национальных государств короли, императоры, цари и т. д. имели владения, границы которых не всегда были четко очерчены.

Период феодализма (примерно с VIII по XV в.) характеризовался системой взаимно пересекающихся связей и обязанностей, в которой

весь средневековый мир был фрагментирован на множество мелких, автономных по отношению друг к другу частей. Так, на Апеннинском полуострове на большую часть территории одновременно претендовали римский папа, император Священной Римской империи и император Византии. Причем на эти же территории претендовали также местные правители и полуавтономные города.

Политическая карта Европы с тех пор много раз перекраивалась. На территории одной только Германии до ее объединения в последней трети XIX в. существовало около 300 самостоятельных политических образований. По данным исследователей, в 1500 г. в Европе существовало примерно 500 более или менее самостоятельных политических образований, которые нередко имели весьма неопределенные границы.

В результате ни одного правителя или ни одно государство нельзя было считать суверенным в смысле обладания верховной властью над данной территорией и конкретным населением. Существовали государственные образования, которые не полностью контролировали свои территории, т. е. не обладали монополией на законное насилие на подведомственных им территориях. Например, феодальные государства сквозь пальцы смотрели на вооруженные стычки и конфликты между своими вассалами, но при условии, что последние не забывали о собственных обязанностях перед верховным сюзереном.

В течение Нового времени политическая карта Европы была радикально перекроена. И действительно, национальное государство в строгом смысле слова лишь около 200 лет выполняло роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических отношений, в том числе и международных. Германия и Италия, какими мы их знаем сегодня, вышли на общественно-политическую авансцену только во второй половине XIX в. Начало коренной перестройке международно-политической системы в данном направлении в Европе было положено Реформацией и восхождением национальных государств.

Централизованное национальное государство руководствуется скорее национальными или общегосударственными интересами, нежели династическими интересами того или иного правящего дома. По мере формирования крупных национальных государств и поглощения ими множества мелких политических образований и четкой фиксации государственных границ политическая карта Европы приобретала совершенно иной вид. Так, к 1900 г. число государств сократилось примерно до 25.

Государство — это такое образование, в котором в различных сочетаниях представлены и теснейшим образом сплетены этнонациональные, социокультурные, имущественные и гражданские интересы людей. Для его самоорганизации ключевое значение имеет основополагающая цель, ради реализации которой различные компоненты пришли к согласию. Как правило, такой целью является прежде всего выполнение общей воли и обеспечение всеобщего блага или интереса. Однако последние нуждаются в объяснении. Как и государство, они не имеют сколько-нибудь реальной формы существования, которую можно было бы ощутить или проверить с помощью органов чувств, представить в какой-либо материальной форме.

Если мы говорим, что государство действует, то допускаем, что оно обладает некой общей волей, в соответствии с которой оно действует. Но что такое воля и где, в каком конкретно органе, институте, феномене она сосредоточена? Скажем, в монархической Франции или самодержавной России можно было говорить о воле Франции или России, которая персонифицировалась в личности, соответственно французского короля или русского царя. Очевидно, что весьма трудно, если не невозможно, во-первых, очертить конкретные контуры этой воли, а во-вторых, определить, каким именно образом она выражается в личности конкретного короля и царя. Точно так же мало что можно сказать и о воле какого-либо народа или нации, ибо это тоже абстрактное понятие.

Речь, разумеется, идет об общей воле всей совокупности граждан государств и об их общем интересе. Кто же эти граждане государства? Попытаемся ответить на этот вопрос. Формирование нации предполагает подчинение родовых, племенных, архаических, патриархальных и других начал неким универсальным, космополитическим началам в пределах определенной территории. Здесь фактически во всех случаях имеет место длительный исторический процесс сведения к единому знаменателю множества исходных элементов, являвшихся достоянием отдельных родоплеменных, этнических и иных образований, и конструирования на их основе некоторой общей для всей нации социокультурной инфраструктуры. На различных этапах истории в орбиту этого процесса попадал все более широкий круг родоплеменных групп, этносов, народов.

В государственных образованиях, созданных на родоплеменной или этнокультурной основе, отношения между людьми регулируются с помощью обычаев и традиций, в национальном государстве — государственно-правовыми нормами и законами. Государство в современном смысле этого слова возникло, по-видимому, только

тогда, когда родоплеменной принцип, или принцип кровно-родственных отношений организации жизнеустройства людей и их разграничения дополнился территориальным принципом. По сути дела государство в современном мире немислимо без четкого разграничения территории, которую оно занимает, и территорий других государств.

Можно привести множество примеров, когда принадлежность к нации не совпадает с этнической и антропологической принадлежностью. Нация предполагает не только и не столько антропологическое и этническое происхождение индивида, сколько его социокультурную, историко-культурную и государственную принадлежность. Национальное государство пришло на смену сословному, партикуляристскому и административному. Во многих аспектах процессы формирования гражданского общества и национального государства, во всяком случае на Западе, совпадали, взаимно стимулировали друг друга.

В обоих случаях имел место процесс универсализации и космополитизации. В случае с гражданским обществом это был процесс ликвидации сословных или иных привилегий и утверждения гражданского статуса всех членов общества, равных перед законами государства. Государство в свою очередь измеряет поведение всех своих граждан «общей меркой», независимо от их социальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности. Оно способствует национальному сплочению и институционализации нации, хотя не заменяет и не упраздняет ее.

Процесс формирования национальных государств сопровождался формированием соответствующей международно-политической системы. Условием притязаний каждого государства на верховную власть на своей территории является признание и за другими государствами равных прав на ведение дел по своему усмотрению в пределах своих границ. В результате формирование современных национальных государств стало частью процесса взаимного признания права юрисдикции в пределах соответствующих территорий, тем самым каждое государство обязывалось не вмешиваться в юрисдикцию другого государства.

Очевидно, что характер и формы современных государств определились на пересечении национальной и международной сфер. Именно на этом пересечении действовали те факторы, которые определили размеры государства, его внешнюю конфигурацию, организационные структуры, этнический состав, материальную инфраструктуру и т. д. Центральное значение с данной точки зрения имела

способность государств обеспечивать и увеличивать свою мощь и в силу этого контролировать положение дел внутри страны и отношения с внешним миром.

Иными словами, речь шла о способности государств создавать средства принуждения в лице армии, военно-морских сил и других атрибутов военной мощи и использовать их в случае необходимости. Некоторые исследователи даже утверждают, что функции государства *носят главным образом военный и геополитический характер, а не экономический и внутривполитический.*

При этом каждое государство на практике проводило политику, направленную на защиту национальных интересов. Лучше всего это проявлялось в лихорадочном захвате ведущими европейскими державами в XIX в. колоний. Земля, море и постепенно воздушное пространство стали рассматриваться в качестве ресурсов, подпадающих под законный суверенитет того или иного государства на том единственном основании, что именно оно первым захватило определенную территорию и осуществляет над ней контроль. Захват и раздел ресурсов и территорий удавался тем державам, которые располагали соответствующими вооруженными силами, поскольку большей частью это было результатом силовой политики.

Иначе говоря, постепенно утвердился принцип суверенного равенства всех входящих в международное сообщество государств. Каждое из них самостоятельно определяет свою собственную форму правления, часто силой оружия или с помощью угрозы применения силы, и не признает над собой какой-либо иной верховной власти.

В качестве высшей ценности рассматривалась максимально возможная свобода каждого отдельно взятого государства в плане реализации своих национальных интересов. Здесь над государствами нет какой-либо иной суверенной власти, способной на законных основаниях навязать им свою волю. Именно государству принадлежит определяющая роль в реализации национального интереса на международной арене. Причем каждое государство ставит свой национальный интерес выше интересов всех других государств.

В этом плане суверенитет представляет собой международную юридически-правовую концепцию, используемую для определения главного субъекта верховной власти в международной системе. Такой верховной властью или суверенитетом обладает только государство, оно является единственным или главным носителем прав и обязанностей в системе международного права, единственным законным агентом применения легитимного насилия. Только государства имеют

право формулировать и реализовывать международную политику. Все другие организации, группы или отдельно взятые лица таким правом не обладают.

Суверенитет государства отнюдь не означает, что оно вправе и способно делать все, что хочет, и может действовать изолированно от других членов мирового сообщества. Суверенитет и взаимозависимость государств друг от друга отнюдь не являются противоречивыми категориями. Суверенитет государства в рассматриваемом контексте означает лишь то, что оно само решает, как справиться со своими внутренними и внешними проблемами. *«Независимость — это не что иное, как умение распорядиться своей зависимостью»*, — справедливо подчеркивал такой решительный сторонник независимости и величия Франции, как Ш. де Голль.

6.6. Абстрактность и анонимность власти и государства

Важный принцип государства — универсализм, или всеобщность. В формальном смысле его не интересуют специфические национальные стереотипы поведения, а также культурное своеобразие поведения тех или иных этнических, религиозных или иных групп. Внимание к ним появляется лишь в тех случаях, когда они наносят ущерб интересам и правам отдельного гражданина, независимо от его социальной, национальной, религиозной принадлежности. Можно сказать, что государство имеет дело не с конкретными Ивановым, Сидоровым, Карапетяном, Мухаметшиным, Магомедовым и др., как представителями конкретных народов или конфессий, а с абстрактным гражданином, оно озабочено обеспечением условий реализации его интересов, прав и свобод.

Как не без оснований отмечал Э. Дюркгейм, назначение государства состоит в том, чтобы, с одной стороны, направлять «неразумную мысль» толпы с помощью «более продуманной мысли», а с другой стороны, освободить индивида, возратить личности тот «простор», который отняли у нее «местные группы, обладающие властью, и церковь». Государство владеет наиболее совершенной внутренней организацией и в силу этого способно добиваться эффективного подчинения делу реализации своих целей всех подданных или граждан. Национальное государство обладает узаконенными полномочиями и средствами мобилизовывать своих граждан, собирать с них налоги, наказывать врагов и награждать друзей, объявлять и вести войны и др.

Государство призвано обеспечить предсказуемость поведения как людей, так и общественных и политических институтов, освободить население от страха за свою жизнь, создать благоприятные условия для его безопасности и взаимодействия как граждан единого государства. Государственная власть носит институционализированный характер и отделена от личности того или иного конкретного руководителя, главы государства или правительства, от самого правительства, находящегося в данный период у власти.

С этой точки зрения основополагающими сущностными характеристиками современного государства являются его абстрактность, безличность и анонимность. В истории человечества государство в большинстве случаев носило персонифицированный характер, т. е. отождествлялось с личностью определенного правителя или династией, которой принадлежала власть в государстве. В древнем Вавилоне это, например, государство Саргонидов, в Персии — империи Ахеменидов и Сасанидов, в средневековой Европе — королевства Каролингов и Меровингов. Нередко империи или царства, созданные той или иной выдающейся личностью, прекращали свое существование со смертью своего основателя. Такая участь постигла, например, империи Александра Македонского и Наполеона Бонапарта.

Положение радикально изменилось с появлением национально-правового государства, которое постепенно оттеснило административное государство. Абстрактность и безличность в этом государстве достигли совершенной формы и проявляются, в частности, в суверенитете, правовом характере и монополии на законное насилие. В таком государстве предполагается единый, обязательный для всех правовой порядок, уничтожаются неравенство и разнообразие прав, которые зависели бы от социального, наследственного или иного статуса конкретного члена общества, утверждаются равносущность всех граждан и принцип равного обеспечения их прав.

В современном национальном государстве само государство и государственный аппарат как бы отделены от работающих в них чиновников и служащих, а правительство как таковое — от его членов, в том смысле, что государство и правительство, государственный аппарат не являются собственностью тех, кто обеспечивает их функционирование. Политики, чиновники, должностные лица государства являются работниками, нанятыми им для выполнения определенных ролей и функций. Их мировоззренческие и иные позиции должны быть отодвинуты на второй план, приоритет отдается критериям профессионализма.

Религия и идеология, которые при всех их различиях эпистемологического, сущностного и концептуального характера в методологическом плане представляют собой однопорядковые явления, отделены от государства. Парламентская демократия с ее этнокультурным, социальным, социокультурным и другими формами плюрализма не приемлет ни государственной религии, ни государственной идеологии. Признав плюрализм интересов и партий, религиозных, этнокультурных, социально-экономических и иных различий, нельзя не признать плюрализм идеологий или идеологических течений в каждой отдельной стране. Такое положение и создает основу «единства в многообразии», консенсуса по основополагающим вопросам государственно-политического устройства. Особенно зримо абстрактность и безличность проявляются в современном правовом государстве.

6.7. Правовое государство

Власть варьируется от состояния полной анархии до жесточайшей диктатуры. В сущности неразрешимая антиномия между этими двумя крайностями делает достижение более или менее приемлемого положения весьма трудным делом. Как показывает исторический опыт, всякая анархия, любые беспорядки и революции заканчиваются установлением самых крайних форм всевластия. Когда перестают действовать внутренние обязательства, в действие вступают внешние формы, призванные обеспечить организационные принципы.

Существует своего рода закономерность: чем меньше мы способны к обузданию своих внутренних стихийных побуждений, особенно деструктивных, тем больше вероятность их подавления извне помимо нашей воли и желаний. Если в обществе господствуют нетерпимость, анархия, хаос, война всех против всех, то рано или поздно это кончится установлением в стране той или иной формы диктатуры. А диктатура в свою очередь ведет к полному подавлению всех проявлений свободы.

В Новое время более или менее приемлемое решение данной проблемы было найдено на путях создания политической демократии и правового государства. Как уже отмечалось, государство основано на силе. В правовом государстве эта сила узаконена, более того, она строго подчинена нормам права. Отвергая постановку вопроса о том, что первично — право или государство, германский правовед Г. Хенкель не без оснований утверждал, что *«государство есть право как нормирующая деятельность, а право есть государство как нормированное состояние»*.

Иными словами, в правовом государстве они взаимно предполагают и дополняют друг друга. Государство становится правовым именно потому, что оно подпадает под власть права. С этой точки зрения можно, по-видимому, говорить, что праву принадлежит приоритет над государством, и вслед за Л. Дюги утверждать, что *«государство есть не что иное, как сила, отданная на служение праву»*.

В правовом государстве четко и точно определены как формы, пути и механизмы деятельности государства, так и пределы свободы граждан, гарантируемые правом. Это значит, что государство связано правом — оно вправе разрабатывать и принимать тот или иной закон, но и само обязано действовать в рамках этого закона, подчиняться ему. Иначе говоря, государство, издавшее закон, обязано уважать этот закон до тех пор, пока он существует и продолжает действовать, хотя за ним остается право его пересмотреть или даже отменить. Более того, оно подсудно и может быть осуждено собственным судом. Именно это в значительной мере обеспечивает правовой характер государства.

Соответственно представление о правовом государстве ассоциируется с двумя основополагающими принципами: *порядком в государстве и защищенностью гражданина*. Отцам-основателям либерального мировоззрения принадлежит идея, что в государстве должны властвовать не отдельные личности, а право и законы. Задача государства состоит в том, чтобы регулировать отношения между свободными гражданами на основе строгого соблюдения законов, которые призваны гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности и другие права человека и гражданина.

В правовом государстве только законно избранное правительство правомочно применять силу в качестве инструмента принуждения. Как подчеркивал немецкий правовед XIX в. Р. Иеринг, право никогда не может заменить или вытеснить основную стихию государства — силу. Слабость власти есть смертельный грех государства, зачастую в глазах людей она менее прощательна, чем жестокость и произвол со стороны государства. Не случайно, например, в мусульманском мире в Средневековье был весьма популярен хадис: «имам-деспот лучше смуты». В Европе в период религиозных войн формировалось убеждение, что даже тирания лучше гражданской войны, ввергающей народ в хаос.

И действительно, нередко для большинства людей бывает важнее эффективность и дееспособность власти в обеспечении порядка в обществе, чем ее легитимность и демократичность. Именно из-за слабости власти, ее неспособности защищать интересы как своих граждан,

так и национально-государственные интересы Веймарская республика рухнула под натиском национал-социалистического движения, установившего в Германии самую свирепую тираническую диктатуру. Точно так же во многом из анархии периода Гражданской войны в нашей стране родился жесткий большевистский режим.

В данном контексте правовое государство призвано достичь более или менее приемлемой гармонии между властью государства и принципом правовой самостоятельности подвластного. Задача, прямо скажем, весьма трудная, особенно если учесть антиномичность отношений власти и права.

Достижение некоего равновесного состояния между этими двумя началами обеспечивается конституционной юрисдикцией, призванной оспаривать любой акт государственных органов, если он противоречит конституции или ущемляет права и свободы личности, защищать не только частные права, но и публичные интересы, не только права индивида, но и конституции. Правовое государство, в отличие от деспотического или полицейского, само себя ограничивает определенным комплексом постоянных норм и правил.

Как уже отмечалось, в правовом государстве должны господствовать законы, а не люди, функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона. Предусматривается неукоснительное соблюдение принципа верховенства права и закона, призванного обеспечить права и свободы всех граждан во всех сферах жизни, а со стороны граждан — уважение к законам и институтам существующей системы. При таком понимании сила государства законна лишь в том случае, если она применяется в строгом соответствии с правом, всецело служит праву. Причем закон, каким бы суровым он ни был, обязывая отдельного гражданина к соблюдению общепринятых правил поведения, в то же время ставит четко очерченные границы прерогативам государства в отношении индивидуальной свободы. Еще И. Кант сформулировал основополагающую идею правового государства: *«Каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующий в его отношении к гражданину»*. Законодатель так же подзаконен, как и отдельный гражданин. Подзаконность государственной власти дополняется признанием за отдельной личностью неотъемлемых и неприкосновенных прав, предшествующих самому государству.

Именно при таком подходе свободу можно рассматривать как право каждого индивида делать то, что позволяют законы. В правовом государстве законы имеют одинаковую силу для всех без исключения

членов общества, независимо от их социального, политического или иного статуса, защита отдельного человека от власти и произвола соответствует защите всех.

Поэтому личное право невозможно без гарантии политического права, уравнивающего всех друг перед другом. Как писал К. Ясперс, *«даже величайшие заслуги перед государством не являются основанием неприкосновенности власти индивидуума. Человек остается человеком, и даже лучший из людей может стать опасным, если его власть не сдерживается определенными ограничениями»*.

Прочная власть — это власть плюс законность. Прочность власти зависит как от ее эффективности, так и от ее законности. Сущность правового государства заключается в определении способов, которыми осуществляются цели и содержание государственного правопорядка. Оно призвано обеспечить оптимальные условия для реализации способностей и интересов гражданина как суверенного и самостоятельного существа в рамках, установленных в соответствии с принципами всеобщности (категорического императива) и взаимности (золотого правила).

Следует провести различие между законом и правозаконностью. Но для понимания этого положения необходимо осознание различий между законом и правом, что не всегда имеет место. *Закон* представляет собой важный инструмент и атрибут любого государства, обеспечивающий его универсальность. Он обладает некоторой формой всеобщности — в том смысле, что его правомерность и авторитет должны признать все и соответственно все должны ему подчиняться.

В целом трудно себе представить государство без законов и без определенных правовых норм. В этом плане любое государство есть определенный законом правопорядок. Можно сказать, что все древние и средневековые государства имели законы и правопорядок, при этом еще не будучи правовыми. Причем это относится ко всем без исключения формам правления — деспотической, аристократической, олигархической, республиканской и др. То же самое относится и к современным тоталитарным государствам, которые зиждились на беззастенчивом нарушении основополагающих прав человека.

Правозаконность предполагает равное отношение государства ко всем без исключения своим гражданам. Правозаконность предусматривает также, что государство может принимать, регулировать, модифицировать и исправлять законы не самочинно, а лишь в известных, установленных правом ограниченных пределах. Т. Гоббс одним из первых сформулировал эту мысль так: *«Никакие решения предыдущих судей, какие когда-либо были, не могут стать законом, если они проти-*

воречат естественному праву, и никакие судебные прецеденты не могут делать законным неразумное решение или освободить данного судью от заботы найти то, что справедливо (в подлежащем его решению случае), исходя из принципов собственного естественного разума».

Но история Нового и Новейшего времени знает немало примеров, когда этот принцип явно или неявно нарушался. Даже в условиях демократии большинство может действовать законно и вместе с тем нарушая принципы правозаконности и справедливости. Поэтому некоторые исследователи совершенно справедливо указывали на то, что демократия способна привести к установлению самой жесткой диктатуры. Об этом убедительно свидетельствуют перипетии прихода к власти А. Гитлера в 1933 г.

Как отмечалось выше, гражданское общество и правовое государство возникли и развивались как реакция против идеала средневековой теократии. Одна из основных их характеристик — светское начало, которое столь же существенно, как и правовое начало. Здесь упраздняется гомогенное единство политики и религии, политики и идеологии, утверждается раздвоение общественного и частного, общества и государства, права и морали, политической идеологии и науки, религиозного и светского и т. д. Религия, мораль, наука, искусство и другие духовные феномены начинают существовать в полном своем объеме и истинно в своем качестве, отказавшись от политики.

При этом необходимо признать, что не было и не бывает идеальной власти и идеального государства. Человечество еще не придумало некую совершенную форму государственного устройства, которая была бы эффективна, жизнеспособна, справедлива, иными словами, одинаково нравилась бы всем и в одинаковой мере выражала бы интересы и волю всех без исключения групп, слоев, сословий, классов, одновременно соответствовала бы принципам защиты прав человека и свобод личности. В известном изречении древних римлян *«Gubernatorum vituperatio populo placet»* — народу нравится критиковать правителей — отражена суть вопроса.

Это относится ко всем без исключения формам власти, в том числе и к демократии. Известно, что все сторонники аристократической формы правления, начиная с Гераклита и Платона, не говоря уже о приверженцах различных форм единоличной диктаторской и тиранической власти, всячески порицали ее и предавали анафеме. Другие ученые и политики, будучи не всегда принципиальными противниками демократии, указывали на ее недостатки и таящиеся в ней угрозы.

Достаточно отметить, что опыт XX в. в целом подтвердил правоту А. де Токвиля, предупреждавшего о таящихся в демократии опасностях

для свободы, возможностях «тирании большинства», которая может быть не менее, если не более, жестокой, чем тирания немногих или одного. При всех достоинствах и преимуществах демократии очевидны относительность и ограниченность таких ее атрибутов, как парламентаризм, система представительства, всеобщего избирательного права и др. Они не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. Решение одних проблем чревато возникновением новых, порой еще более серьезных проблем.

Контрольные вопросы

1. Почему государство является осевым элементом мира политического?
2. Дайте характеристику государства как формы политической самоорганизации общества.
3. В чем сущность государства как территориального коллектива?
4. В каких формах выступает государство?
5. Что понимается под легитимностью?
6. Что понимается под суверенитетом?
7. Как соотносятся между собой нация и государство?
8. Дайте основные сущностные характеристики правового государства.
9. В чем отличие правового государства от других форм политической самоорганизации общества?
10. В чем отличие между законностью и правозаконностью?

Глава 7

Система государственного управления

Государство представляет собой комплекс институтов, учреждений и органов, каждый из которых выполняет свои специфические функции законодательного, исполнительного и судебного характера. Центральное место в его организационной структуре занимает система государственного управления. Главная ее функция — это управление важнейшими сферами общественной жизни, обеспечивающими единство и эффективное функционирование всего общества. Именно система управления играет определяющую роль в реализации внутренней и внешней политики государства.

7.1. Понятия «управление» и «система государственного управления»

Действующая в наши дни система государственного управления возникла вместе с появлением национального государства и современной политической системы. Показательно, что сами понятия «система государственного управления» и «теория государственного управления» вошли в политический лексикон лишь в конце XIX—XX вв.

Прежде всего возникает вопрос о том, какое содержание вкладывается в понятие «управление». Упрощенно управление можно рассматривать как руководство действиями определенной группы или коллектива людей по достижению какой-либо цели. Поскольку институт управления представляет собой важный структурно-функциональный элемент любой более или менее значимой организации или системы, будь то университет, государственный институт, церковь, деловое предприятие и др., его можно рассматривать как универсальный феномен.

Управляющая система занимает ключевое место в любой организации. Главное ее предназначение — сохранение и обеспечение единства и целостности организации, ее жизнеспособности и эффективного функционирования. Что касается системы государственного управления, то она представляет собой многогранный и сложный

институт. Эта сложность еще более возрастает в связи с происходящими в настоящее время в мире широкомасштабными и динамическими изменениями.

Понятие «система государственного управления», или «государственное управление», используется в узком и широком смысле. При узком его понимании имеется в виду деятельность исполнительной власти, прежде всего правительства и государственно-административного аппарата всех уровней, по организации и управлению различными областями общественной жизни. В широком толковании под управлением понимается деятельность государства в целом — от обеспечения национального суверенитета и защиты национальных интересов на международной арене до решения конкретных повседневных вопросов общественной жизни внутри страны. В этом смысле данное понятие в некоторых аспектах совпадает с политическим управлением, в задачу которого входят разработка, принятие и реализация высшим руководством страны долгосрочных и стратегических решений, определяющих приоритетные направления социально-экономического и политического развития страны.

Государственное управление — это совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов, каждому из которых отведены четко определенное место и функции. В этом смысле государство можно было бы назвать формой самоорганизации человеческих сообществ для управления социальными, экономическими и иными сферами и процессами в пределах каждой конкретной страны. К функциям государственного управления относятся реализация всего комплекса решений, принимаемых правительством и другими директивными органами; взимание налогов и распределение доходов; формирование и выполнение бюджета; создание и сохранение в надлежащем порядке инфраструктур всех сфер общественной жизни, осуществление связей с иностранными государствами и др.

Очевидно, что управление предполагает наличие субъекта и объекта управления, управляющих и управляемых. Под *субъектом управления* понимается специальный аппарат, включающий в себя систему институтов, органов, учреждений и организаций, в задачу которых входит выполнение широкого комплекса функций по управлению важнейшими сферами общественной жизни и отношений государства с остальным миром. *Объект* — это то, на что направлено управляющее воздействие.

Субъект и объект находятся в постоянных прямых и обратных связях друг с другом. В процессе этих связей выясняется то, как воспри-

нимаются и принимаются объектами распоряжения и приказы субъектов и как эти распоряжения и приказы выполняются. Процесс управления считается состоявшимся при передаче команды со стороны субъекта и принятии ее объектом. Наиболее приемлемой для современных реалий можно считать ситуацию, когда каждое действие субъекта вызывает адекватную обратную реакцию объекта управления. Поэтому отношения между субъектом и объектом нельзя рассматривать исключительно как отношения господства и подчинения, поскольку не менее важное значение здесь имеют отношения сотрудничества, взаимодействия, взаимного влияния и т. д.

7.2. Принципы организации системы управления

Можно сказать, что сущность государственного управления раскрывается в принципах его организации, целях, функциях, управленческом процессе, характере деятельности, статике и динамике, горизонтальной и вертикальной структурах. Система государственного управления, равно как и само государство, имеет иерархическую структуру. Прежде всего важно учесть, что она строится на разделении властных полномочий по горизонтали и по вертикали. В первом случае речь идет об их разделении на каком-либо одном уровне, например федеральном, между различными равными по своему статусу министерствами или подразделениями различных министерств в горизонтальном разрезе.

Во втором случае мы имеем разделение по властной вертикали сверху вниз по принципу подчинения нижестоящих уровней вышестоящим. Здесь преобладают отношения субординации, власти и подчинения, свободы и зависимости. Такая структура предполагает соблюдение исполнительской дисциплины низовыми структурами в отношении решений, принимаемых верхними эшелонами управленческой структуры.

Вершину иерархической лестницы системы государственно-административного управления занимают высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов и их аппаратов, которые связаны между собой сложными структурно-функциональными отношениями. Они принимают решения, имеющие жизненно важное значение для всего общества и обязательные для исполнения всеми без исключения звеньями государственного аппарата и гражданами. Процесс принятия решений является ключевым узлом в управлении важнейшими сферами общественной жизни.

Следует учесть также то, что система государственного управления имеет три основных уровня: общенациональный, региональный и местный. Общенациональный уровень включает администрацию главы государства или премьер-министра, в зависимости от господствующего в стране политического режима. Региональный уровень составляют органы государственно-административного управления республик, краев, областей, штатов, земель, провинций, департаментов и т. д., или, иначе говоря, субъектов Федерации в федеративных государствах, и административные единицы среднего звена в унитарных государствах. Нижний уровень управления представлен органами местного управления, или местного самоуправления, которые могут принимать собственные решения.

Единая система вертикальных связей между различными уровнями власти, иерархическая подчиненность низших уровней высшим отнюдь не противоречат той или иной степени автономии или самостоятельности нижестоящих властных органов. Дело в том, что в демократическом государстве политические и иные решения должны, когда это возможно и выгодно, приниматься на том уровне, где они возникают. Как правило, региональные и местные власти понимают местные проблемы лучше, чем центральные власти. Естественно, они способны более оперативно реагировать на эти проблемы и принимать адекватные конкретной ситуации решения.

В обеих названных системах центральное место занимают органы исполнительной власти. В плане ведения повседневных дел в государстве ключевая роль принадлежит правительству. Важнейшая функция правительства — управление государственным аппаратом, посредством которого осуществляются властные функции. Оно располагается на вершине механизма и аппарата управления, которые в совокупности составляют как бы становой хребет современного государства, органически скрепляющий в единое целое различные его институты по горизонтали и вертикали, и играют главную роль в системе государственного управления важнейшими сферами жизни общества.

В настоящее время во всех индустриально развитых странах государственный аппарат во главе с правительством представляет собой мощную разветвленную систему разнообразных органов, министерств и ведомств, служб управления государственными предприятиями, разного рода систем специализированных комитетов и комиссий и т. д.

Для выполнения возложенных задач в распоряжение правительства по решению высших органов государственной власти и в соответствии с конституцией страны предоставляются такие основопола-

гающие атрибуты государственной власти, как финансы, армия и иные воинские формирования, правоохранные органы, важнейшие средства коммуникации и т. д.

Государственное управление осуществляется как правовыми нормами, так и средствами принуждения. Оно построено на принципе «дозволено все, что не запрещено законом». Характер и масштабы используемых государственной властью средств и способов управленческих действий определяются формой государственного устройства. Естественно, они более или менее существенно отличаются в демократическом, авторитарном и тоталитарном государственно-политических режимах.

При демократической системе, как правило, управление осуществляется с соблюдением общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. При авторитарной и тоталитарной системах имеет место прямо противоположная ситуация, когда эти права и свободы могут постоянно произвольно нарушаться. В тоталитарном или в любом диктаторском типе государства жизненно важные для общества решения принимаются в узком кругу власть имущих, часто без учета мнения народа. Здесь нередко действует принцип, согласно которому цель оправдывает средства.

7.3. Бюрократия как важнейшая составляющая системы управления

В настоящее время во всех индустриально развитых странах государственный аппарат во главе с правительством представляет собой мощную разветвленную систему разнообразных органов, министерств и ведомств, служб управления государственными предприятиями, разного рода систем специализированных комитетов и комиссий и т. д.

Огромный административный аппарат, созданный для решения сложных проблем современной жизни, постепенно завоевывал определенную автономию от законодательной и судебной ветвей и нередко оказывался в состоянии самостоятельно формулировать и практически осуществлять политический курс в тех или иных сферах общественной жизни. Несмотря на то что правительство юридически считается высшим органом управляющей системы, во многих странах у него появился ряд новых функций, относящихся к так называемому политическому планированию, оно вторгается в сферу законодательства, разрабатывая и формулируя многие законопроекты, которые затем проходят через парламенты.

Более того, развитие событий в этой области привело к тому, что возникло совершенно новое образование анонимной власти в лице бюрократии. Восхождение и институционализация бюрократии были предопределены самими закономерностями становления современного государства. Национальное государство, бюрократия и капитализм развивались в тесной зависимости друг от друга. Именно с помощью бюрократического аппарата, как считал М. Вебер, были преодолены негативные последствия сословного порядка и принципа наследственной передачи феодальной власти по наследству.

При всех негативных оценках, ассоциируемых с бюрократией, последняя превратилась в неотъемлемый элемент современных организаций, а также всех политических систем. Современный аппарат государственного управления невозможно представить без четких, рационально разработанных формальных норм и правил, без строгой профессионализации политики, что тесно ассоциируется с бюрократией.

Особенность государственного аппарата состоит в том, что в отличие от высших органов государственной власти, которые находятся в прямой зависимости от результатов избирательной борьбы и расстановки сил в парламентах, его служащие не зависят от этих колебаний и перестановок на вершине государственной машины. Будучи инструментом осуществления непосредственных властных функций, армия чиновников и служащих государственного аппарата продолжает делать свое дело независимо от правительственных кризисов, роспуска парламента, досрочных выборов и т. д. Основная масса чиновничества представляет собой стабильный контингент лиц, составляющих костяк системы государственного управления. Поэтому неудивительно, что чиновничество стало могучей и влиятельной силой, подчас независимой от подлежащих периодической смене правительства и выборных органов власти.

Чиновник, занимающий тот или иной пост в аппарате управления, является экспертом определенного профиля, в то время как его выборный руководитель, как правило, находится, так сказать, в положении дилетанта. Более того, в процессе выполнения своих обязанностей чиновник накапливает большой объем конкретной информации, что еще более усиливает его влияние и позиции. Этому же способствуют также так называемые «кодексы бюрократии», согласно которым важнейшие сферы ее деятельности изъяты из-под контроля общественности.

В определенной степени влияние и вес бюрократии можно ограничить и уравновесить с помощью выборных представительных органов. Но под прикрытием конфиденциальности и секретности бюрок-

ратия способна противодействовать попыткам выборных органов получить соответствующую информацию. В результате бюрократизм во всевозрастающей степени пронизывает выборные демократические институты, отвоёвывая у них одну позицию за другой.

7.4. Особенности системы управления в России

В России как в федеративном государстве сложилось три уровня государственного управления: центральный, или федеральный, и субъектов Федерации, а также уровень местного самоуправления, выведенного согласно конституции за скобки государственной власти. Такая градация проявляется, в частности, в том, что государственная собственность разделена на две крупные и относительно автономные подсистемы: федеральную и субъектов Российской Федерации. Имущество, входящее в федеральную собственность, принадлежит Российской Федерации в целом. В результате федеральная собственность и собственность субъектов Российской Федерации — это два самостоятельных объекта управления.

Важно учесть и то, что в Российской Федерации, как и в большинстве федеративных демократических государств, в соответствии с конституцией местные органы власти отнесены к числу институтов гражданского общества, наделенных комплексом полномочий и прерогатив по управлению местными делами. (Эта проблема более подробно рассмотрена в главе, посвященной системе местного самоуправления.)

Поскольку важнейшим условием сохранения единства страны является создание единого экономического, социального, политического и социокультурного пространства, особую значимость и актуальность приобретают поиск и разработка оптимальной системы взаимоотношений между федеральным центром и субъектами Федерации. Это в свою очередь предполагает создание и укрепление механизмов реализации разносторонних экономических, финансовых, торговых, инвестиционных связей между ними как по горизонтали, так и по вертикали.

Важность такой постановки вопроса станет очевидной, если учесть, что на протяжении 1990-х годов многие руководители регионов проявляли склонность к противопоставлению интересов своего региона общегосударственным интересам. Некоторые республики и области часто принимали законы, противоречащие Конституции Российской Федерации. Создавались даже так называемые губернаторские партии, всецело подчинявшиеся руководителю региона. До сих пор сохраняется ситуация, когда средства массовой информации полностью контролируются руководителями регионов.

В кризисных ситуациях, как это было, например, после дефолта в августе 1998 г., руководители отдельных областей принимали меры, направленные на ограничение движения товаров за пределы своих границ. Такая политика, естественно, не могла не ослабить властную вертикаль, продолжение развития такой ситуации грозило серьезными негативными последствиями для перспектив российской государственности.

Только в последние несколько лет все более отчетливо проявляется тенденция к преодолению таких и подобных им негативных процессов и восстановлению властной вертикали. Преодолев своего рода анархию, характерную для взаимоотношений центра и субъектов Федерации в первой половине 1990-х годов, власти федерального центра и субъектов Федерации сейчас прилагают усилия для восстановления властной вертикали при оптимальном разделении предметов ведения, должного вертикального разделения властных полномочий между соответствующими уровнями государственной власти.

Во многих республиках, краях и областях уже отменены законодательные и нормативно-правовые акты, противоречащие федеральной конституции. Созданы семь федеральных округов, которые призваны усилить контроль федерального центра над деятельностью властных структур субъектов Федерации. Предпринимается комплекс других мер по укреплению российской государственности. О действенности этих мер свидетельствует, в частности, провал на губернаторских выборах последних лет целого ряда действующих губернаторов, которые чуть ли не уверовали в свое всевластие и неуязвимость.

7.5. Какое содержание вкладывается в понятие «политика»?

Система управления, или управляющая система, служит в качестве инструмента реализации политики государства. Это вполне объяснимо, если учесть, что основополагающая функция государства — это управление социальными, экономическими, технологическими, духовными и иными отношениями и процессами, происходящими в обществе, всеми важнейшими сферами общественной жизни.

Понятия «политика» и «политическое» характеризуются многозначностью. Но на вопрос, что такое политика, люди, как правило, отвечают по-разному. Говорят, например, о валютной политике банков, о политике профсоюзов во время забастовки, школьной политике городских властей, политике дирекции предприятия или школы, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем.

Что же все-таки представляет собой политика? Политика в собственном смысле слова представляет собой, с одной стороны, сферу деятельности людей, где осуществляется взаимодействие между различными, зачастую противоборствующими или конфликтующими социально-политическими силами по поводу власти и властных отношений. В этом плане политика теснейшим образом связана с миром политического. Более того, нередко эти понятия используются в качестве синонимов. С другой стороны, под политикой понимается форма деятельности государства и его институтов, общества, политических партий, организаций, движений и даже отдельно взятой личности по управлению различными областями общественной жизни: экономикой, социальной сферой, культурой, образованием, наукой, здравоохранением и т. д. В более узком смысле это понятие используется для характеристики и описания деятельности государства в различных сферах общественной жизни. Иначе говоря, под политикой понимается комплекс основных направлений деятельности государства, которые выражают сущность и социально-политическое назначение государственного управления обществом.

Политика является результатом и проявлением функционирования мира политического. В качестве основных субъектов политики выступают как государство, так и различные государственные и политические институты и учреждения, партии, организации, движения и даже отдельные личности. Она связана с принятием решений людьми, наделенными для этого соответствующими полномочиями со стороны общества. Именно с помощью политики государство определяет смысл существования общности людей в рамках государства, общую волю и общий интерес всех членов общества, а партии, организации, движения и т. д. — свои цели, волю и интересы своих членов.

Именно с помощью политики государство осуществляет управление важнейшими сферами жизни людей, обеспечивая реализацию общей воли и интересов всех членов общества. Поэтому не случайно политику иногда называют «искусством управлять». Она в той или иной форме и степени затрагивает всех граждан государства. В ней принимают участие огромные массы людей, преследующих свои социальные, экономические, культурные и иные интересы. Степень сложности и многогранности политики зависит от масштабов экономического, социального, этнонационального, конфессионального и других форм плюрализма в обществе.

Политика призвана решать жизненно важные для общества повседневные и стратегические проблемы, разрабатывать и реализовывать программы обеспечения жизнеспособности, эффективного

функционирования и дальнейшего развития как общества в целом, так и отдельных его подсистем. В этом плане говорят о политике экономической, промышленной, аграрной, социальной, военной, в области образования, здравоохранения и др.

Политика как форма деятельности ее субъектов проявляется в политическом процессе, в ходе которого каждый из этих субъектов защищает и «продвигает» свои интересы. Характер и особенности политических процессов обеспечивают функционирование или, напротив, противодействуют функционированию политической системы. Их содержание, формы и направления самым непосредственным образом зависят от формы государственного правления или типа политической системы, от национальных, исторических, социально-экономических, социокультурных и иных факторов и т. д.

В этом смысле политика включает как конфликты, борьбу и конкуренцию за власть и влияние, так и совместные действия людей в поисках оптимальных путей функционирования и развития общества и государства. Поэтому и говорят о политических конфликтах, политической борьбе, политическом курсе, политических программах и т. д.

Для целей эффективной реализации политики в важнейших ее проявлениях субъекты Федерации должны обладать соответствующими ресурсами — материальными, финансовыми, людскими и др. Особенно важное значение с этой точки зрения имеет ресурс власти. Без власти не может быть нормальной, эффективной политики. Правы те исследователи, которые считают, что любая общественная проблема приобретает политический характер, если ее решение тем или иным образом связано с властью.

Политика — это не только борьба и конкуренция за власть и влияние различных противоборствующих или конфликтующих социально-политических сил и интересов, но и форма их взаимодействия в целях поиска оптимальных путей развития общества и государства.

Политика воплощает в себе взаимосвязь и взаимозависимость, диалектику внутренних и внешних условий и факторов развития общества и государства. Поэтому естественно, что политика разделяется на внутреннюю и внешнюю.

7.6. Внутренняя политика

Внутренняя политика представляет собой совокупность направлений деятельности государства в экономической, социальной, научной, образовательной, демографической, правоохранительной, военной и других важнейших сферах общественной жизни. Ключевое значение

имеет деятельность государства, направленная на обеспечение условий функционирования и развития основных сфер жизнедеятельности общества, его целостности, жизнеспособности и стабильности.

Для реализации целей внутренней политики государство использует широкий спектр средств, таких, как государственный бюджет, налоги, система социального обеспечения, финансирование науки, образования, здравоохранения, судебные и правоохранительные органы.

Политика государства в различных сферах общественной жизни отнюдь не ограничивается общегосударственным уровнем деятельности центральных властей, осуществляющих ее с помощью бюджетно-финансовых и иных рычагов. В действительности масштабы и роль государства значительно шире. Как уже говорилось выше, различают три уровня управления в государстве: общегосударственный, региональный и местный. Соответственно политика тоже осуществляется на этих трех уровнях. При этом надо учитывать и то, что регионы, области, края, республики в Российской Федерации, штаты в США, Индия, Мексике, земли в Германии и т. д. имеют свои собственные интересы и цели, не всегда совпадающие с общегосударственными. Они вправе принимать политические решения по вопросам, имеющим жизненно важное значение для населения своего региона или муниципалитета. Действия по их реализации при определенных условиях могут негативно отражаться на политике центральных властей, направленной на достижение единых общегосударственных стандартов уровня жизни, социального обеспечения, систем образования, здравоохранения, трудовых отношений, ценообразования и др.

Внутренняя политика государства в зависимости от направления может быть экономической, промышленной, аграрной, социальной, военной, в области занятости, трудовых отношений, образования, здравоохранения, охраны правопорядка и др. К примеру, именно государству принадлежит главная роль в обеспечении гарантий свободы предпринимательской деятельности, защите прав собственника, прав потребителей и т. д. Особенно незаменима роль государства как гаранта поддержания конкурентной среды, где определяющее значение имеет антимонопольное или антитрестовское законодательство. Государство играет незаменимую роль в валютной и финансовой сферах, обеспечивая гарантии надежности национальной валюты и стабильность денежной системы. Ключевое место в политике государства занимают составление, принятие и распределение государственного бюджета по соответствующим статьям, определяющим, куда пойдут и как будут израсходованы обозначенные в нем средства.

Особенно актуальна роль государства в управлении экономическими процессами в периоды спадов и кризисов, когда на первый план выходят проблемы мобилизации всех ресурсов для восстановления экономики.

С учетом всего этого можно утверждать, что современная рыночная экономика не может существовать и эффективно функционировать без взаимодействия с государством, органами его законодательной и исполнительной власти. Обоснованность этого тезиса станет особенно очевидной, если учесть, что для нормального и эффективного функционирования рыночной экономики требуются благоприятная социальная, организационная, нормативно-правовая среда, политическая стабильность, поддерживаемые силой и авторитетом государства.

Одним из важнейших инструментов обеспечения этих условий является социальная политика государства. Социальная политика — это комплекс мер, принимаемых и реализуемых государством для достижения благосостояния широких слоев населения, предотвращения диспропорций в доходах различных групп населения, уменьшения и смягчения последствий социального неравенства, создания сносных условий жизни неимущих и малоимущих, стариков, инвалидов и др.

Данное направление государственной политики очень важное, поскольку социальная инфраструктура играет ключевую роль как в определении магистральных направлений развития самого общества, так и в обеспечении общих условий функционирования и развития экономики. В условиях неразрывной взаимосвязи социальной и экономической сфер социальная политика призвана решать принципиально важные экономические задачи. Дело в том, что социальная политика направлена на предотвращение и преодоление нестабильности в обществе, что имеет решающее значение для жизнеспособности и эффективного функционирования национальной экономики.

Круг вопросов, которые охватывает социальная политика, весьма широкий и касается почти всех сфер общественной жизни и большинства граждан государства. Главная ее задача — обеспечение справедливого распределения доходов. При этом речь идет не только об имущих и неимущих, богатых или бедных, но и о делении населения на различные категории: по половому признаку, расовой принадлежности, возрастному признаку, на работающих и безработных, лиц с различным образованием и т. д.

Военная политика — это часть общей политики государства, служащая обеспечению национальной безопасности страны от внешних

и внутренних угроз, защиты и реализации национальных интересов, территориальной целостности, суверенитета страны и т. д. Главная цель военной политики — разработка и реализация мер по укреплению обороноспособности страны, и прежде всего путем сохранения на должном уровне, а при необходимости — путем наращивания вооруженных сил. В этом отношении военная политика имеет как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический аспект. Здесь, как ни в одной другой сфере, наблюдаются теснейшая взаимосвязь и единство внутренней и внешней политики государства.

Самостоятельным объектом государственной политики являются межнациональные отношения. Как известно, в современном мире большинство стран являются многонациональными. В условиях, когда этнонациональный фактор вышел на передний план и стал катализатором многих противоречий и даже вооруженных конфликтов, межнациональные отношения приобретают все возрастающее значение. Проблемы этнонациональных, культурных, языковых меньшинств в последние десятилетия становятся все более значимыми и в тех странах, которые, во всяком случае в теории, считаются государствами одной нации (например, Франция, Германия, Великобритания и др.).

Политика государства в этом направлении призвана обеспечить правовое, социальное, культурное, политическое регулирование межнациональных отношений. Важно учитывать, что на государство ложится особая ответственность за защиту и обеспечение интересов, прав и свобод не только отдельно взятого человека или гражданина, но также этнонациональных, конфессиональных, культурных и иных меньшинств. Государство называется правовым именно потому, что оно гарантирует равные права всем своим гражданам, независимо от их социального статуса, расы, национальности, вероисповедания. От неукоснительного соблюдения этого золотого правила во многом зависят перспективы существования многонациональных государств.

Важной составной частью внутренней политики является политика, направленная на охрану и оздоровление окружающей среды, или экологическая политика. Она имеет своей целью рациональное использование и возобновление природных ресурсов, сохранение и развитие био- и социосфер, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность и экологическую безопасность человека. Значимость экологической политики постоянно возрастает. Это объясняется большей частью постоянным и неуклонным расширением ареала человеческой деятельности, включая глубины океанов и космическое пространство.

Политику нельзя считать раз и навсегда данной и неизменной реальностью, не подлежащую каким бы то ни было изменениям. Это — феномен исторический, подверженный изменениям в зависимости от общественно-исторических, социально-экономических, политических, геополитических и иных условий существования данного государства. Обоснованность этого тезиса становится очевидной, если учесть, что с течением времени одни проблемы устаревают и утрачивают свое значение, а другие, наоборот, выходят на передний план и приобретают приоритетное значение. В зависимости от этого меняются содержание, характер и направления внутренней политики государства.

В современных условиях политика теснейшим образом связана с той или иной степенью вмешательства государства в общественно-политические, социально-экономические и иные процессы. Так, в XX в. спектр политических курсов был весьма широк — от существенного ограничения вмешательства государства в социальную и экономическую сферы в демократических странах до полного огосударствления экономики в тоталитарных государствах. В демократических странах характер, направления и масштабы такого вмешательства в значительной степени зависят от исторических, социокультурных, политико-культурных и множества других факторов. Например, на протяжении 1990-х годов в силу сложившихся условий главная задача, стоящая перед российским государством, заключалась в том, чтобы вывести экономику страны из глубокого системного кризиса, снизить рост инфляции, реализовать программу приватизации государственного имущества. С решением этих проблем в первые годы нынешнего столетия на первый план выдвинулись проблемы обеспечения стабильного экономического роста, сокращения разрыва в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения, сокращения числа бедных в стране и др.

В то же время в различных сферах требуются разные формы и средства реализации политики. Например, в духовной сфере эффективность политики нельзя и невозможно оценивать по показателям прибыльности и конкурентоспособности продукции, как это принято в сфере экономики. Здесь основополагающее значение имеют критерии обеспечения духовного здоровья общества, без которого невозможна и рыночная экономика, придерживающаяся принципа добросовестной конкуренции.

Очевидно, что разные политические силы по-разному могут относиться к такому вмешательству. К примеру, сторонники монетаризма и экономического либерализма, придерживаясь так называемой кон-

цепции минимального государства, считают, что роль правительства в регулировании деятельности субъектов экономической деятельности должна быть сведена к минимуму. По их мнению, наилучшим инструментом регулирования этой деятельности является «невидимая рука рынка». Соответственно они — за политику сокращения государственных расходов в экономической, социальной, образовательной, научной и иных сферах. Для сторонников кейнсианства, наоборот, азбучной истиной является необходимость активной политики государства в важнейших сферах общественной жизни. На этом основании они поддерживают политику правительства, направленную на поддержание покупательной способности населения в качестве инструмента экономического роста, создания рабочих мест, реализации широкомасштабных государственных социальных программ и т. д. Что касается приверженцев тоталитаризма, то большинство из них выступает за тотальное огосударствление экономики, ее полное подчинение государству.

В целом можно сказать, что внутренняя политика государства играет решающую роль в создании и защите социальной и экономической инфраструктуры, защите всех институтов гражданского общества и обеспечении надлежащих условий их жизнеспособности и эффективного функционирования.

7.7. Внешняя политика

Как уже указывалось, государство — субъект политики, выступающий в качестве ее носителя не только внутри страны, но и на международной арене. Именно государство имеет реальные властные полномочия осуществлять внешнюю политику, вступать в межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир.

Ведущую роль в системе международных отношений играют великие державы, несущие особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности. Их особая роль на мировой арене признана практически всем мировым сообществом, и это несмотря на утвердившийся в международном праве принцип равноправия всех без исключения государств независимо от размера их территории, экономической и военной мощи, политического влияния.

Немаловажное место в мировой политике занимают также межгосударственные союзы, всемирные и региональные организации: Организация Объединенных Наций (ООН), Европейский союз (ЕС), Организация американских государств (ОАГ), Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Организация африканского единства

(ОАЕ), Организация «Исламская конференция» (ОИК) и др. Заметную роль играют международные организации в решении проблем сырья и энергетики (например, ОПЕК). Важные функции возложены на Международное агентство ООН по атомной энергии (МАГАТЭ), призванное предотвратить распространение ядерного оружия и обеспечить развитие атомной энергии в мирных целях.

Существенным фактором мировой политики стали ежегодные совещания по важнейшим экономическим и внешнеполитическим вопросам «Большой семерки», а теперь, после того как Россия стала членом этой организации, — «Большой восьмерки», в которую входят восемь наиболее индустриально развитых стран: США, ФРГ, Франция, Великобритания, Япония, Италия и Канада, а также Россия. Главное внимание на совещаниях «Восьмерки», как правило, уделяется решению таких вопросов, как обеспечение экономического роста, сглаживание несбалансированности внешнеэкономических связей, инфляция, безработица. Вместе с тем все большее внимание уделяется военно-стратегическим, внешнеполитическим и другим вопросам.

Активными субъектами, или агентами, международных отношений в последнее время стали многонациональные и транснациональные корпорации, оказывающие все возрастающее влияние не только на характер функционирования и тенденции развития мировой экономики, но и на политические, социальные, культурные и иные процессы во всемирном масштабе. Сегодня решения, принимаемые в их штабах, порой могут сказаться на жизни граждан отдельных стран, особенно малых и средних, в большей степени, чем решения, принимаемые их правительствами.

Основу международной политики составляют взаимоотношения, сотрудничество, противоречия, конфликты между разными народами и странами, не подчиняющимися какой-либо единой для всех них верховной власти. Одна из главных функций международных отношений — найти пути и способы разрешения конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов разных государств. Предельно острым выражением конфликта является война. Но в современном мире государства прибегают к войне как способу обеспечения своих национальных интересов лишь в том случае, если все другие средства не дали положительного результата. Как правило, государства предпочитают решать возникающие между ними споры за столом переговоров, на путях взаимного сотрудничества и поиска согласия. Поэтому конфликт и консенсус, спор и согласие в единстве обеспечивают жизнеспособность и функционирование мирово-

го сообщества. Интенсивность конфликтов и устойчивость согласия зависят от конкретной ситуации в мире, от расклада социальных и политических сил, экономических, военно-политических и других факторов.

В подавляющем большинстве стран, в том числе и в России, основные внешнеполитические функции возложены на министерство иностранных дел; в США внешней политикой занят государственный департамент, возглавляемый государственным секретарем; во Франции — министерство внешних сношений; в Аргентине — министерство внешних сношений и культа и т. д. Будучи важным звеном в механизме государственного управления, внешнеполитическое ведомство призвано представлять и защищать права и интересы государства в сфере международных отношений.

Главным средством осуществления внешней политики является дипломатия. Общеизвестный принцип межгосударственных отношений — взаимность. Это значит, что государства должны строить отношения друг с другом на равноправной, взаимовыгодной основе, особенно в вопросах, касающихся обеспечения международной безопасности. Дипломатические отношения между государствами устанавливаются и регулируются по взаимному согласию в соответствии с нормами международного права и практикой международного общения. Они призваны способствовать укреплению связей между государствами, решению возникающих между ними проблем на взаимоприемлемых условиях. Сам факт их установления служит свидетельством международно-правового признания государствами друг друга, — признания фактического (де-факто) и юридического (де-юре).

Для реализации дипломатических отношений создаются специальные внешнеполитические представительства: посольства, миссии, консульства, торговые и иные представительства. Важнейшая их функция состоит в информировании своего правительства о положении дел и событиях в стране пребывания, а также в информировании правительства страны пребывания о политике представляемого ими государства.

Само понятие «дипломатия» связано с искусством ведения переговоров и поисков взаимоприемлемых решений в целях предотвращения или урегулирования международных конфликтов, расширения и углубления межгосударственного и международного сотрудничества в экономической, политической, культурной и иных областях. Дипломаты разрабатывают соглашения о торговле, о таможенных пошлинах, транспорте, почтовом и телеграфном сообщении, валютных расчетах. Дипломатам приходится решать такие деликатные вопросы,

как предоставление права политического убежища и выдача преступников, защита прав человека и др.

Каждое суверенное государство как субъект международных отношений проводит собственную внешнюю политику, которая определяется множеством факторов, включая уровень социально-экономического и общественно-политического развития, географическое положение, национально-исторические традиции, цели и потребности обеспечения суверенитета и безопасности и т. д. Совокупность этих факторов в переложении на внешнюю политику фокусируется в концепции национального интереса.

Национально-государственные интересы формируются в соответствии с геополитическим положением и ресурсными возможностями государства в точках пересечения множества взаимопереплетающихся, взаимосвязанных, взаимодополняющих, конфликтующих, разнонаправленных интересов, предпочтений, целей. Реальные, объективные национальные или государственные интересы, ориентированные на сохранение суверенитета, территориальной целостности страны, являются главным движущим фактором внешнеполитической деятельности государств и реализации международных отношений. Но сама концепция национального интереса пронизана ценностными нормами и идеологическим содержанием.

Это особенно верно в отношении так называемых ложных или превратно понятых национальных интересов. Здесь имеются в виду такие интересы, которые сформулированы исходя из идеологических предпочтений, устремлений отдельных группировок правящего класса к установлению своей гегемонии в отдельном регионе или во всем мире.

Столкновение реальных интересов порождает реальные конфликты, но реальные конфликты на международной арене могут быть порождены и так называемыми ложно понятыми и превратно сформулированными национальными интересами или соображениями национальной безопасности. Так обстояло дело при принятии руководством СССР решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г., а также при американо-английской агрессии против Ирака весной 2003 г. И в том, и в другом случае лидеры обеих держав не сумели отделить долгосрочные стратегические национально-государственные интересы от сиюминутных, конъюнктурных целей и вовлекли свои народы в дорогостоящие, заранее обреченные на позорное поражение авантюры.

Существуют различные по своей значимости национальные интересы. Они подразделяются на главные и второстепенные, постоянные

и переменные, долгосрочные и конъюнктурные. Главные и постоянные интересы определяются важнейшими геополитическими параметрами: местом и ролью данного государства в системе межгосударственных отношений, его престижем и военной мощью, способностью отстаивать свой суверенитет и гарантировать безопасность своих союзников. К главным национальным интересам относятся прежде всего обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства, его безопасности, стабильности и процветания. Они обеспечиваются государством всеми имеющимися в его распоряжении средствами: политическими, идеологическими, экономическими, дипломатическими, военными и, наконец, путем угрозы применения или реального применения силы вплоть до объявления войны.

Второстепенные и переменные интересы носят производный характер и, изменяясь под влиянием многих факторов, могут служить предметом торга при реализации главных и постоянных интересов государства.

Среди главных целей государства в системе мирового сообщества, соответствующих его национальным интересам, ключевое место занимает обеспечение безопасности страны, стабильности политической системы, благополучия общества. Главная составляющая национального интереса — императив самосохранения государства. В крайнем своем выражении эта цель выступает как обеспечение выживания государства, отстаивания всего того, что придает смысл, значимость самому его существованию. В таком контексте национальная безопасность тесно связана с защитой общественно-политической системы страны. В этом случае речь идет о способности государства защищать и отстаивать свои внутренние интересы, принимая меры по сохранению единства сообщества, целостности национального государства как носителя общих ценностей, характеризующих образ жизни данного народа.

Очевидно, что область исследования национальной безопасности охватывает средства, формы и методы, с помощью которых то или иное государство планирует и разрабатывает внешнеполитическую стратегию, обеспечивает свою безопасность. Государство располагает разными средствами защиты своих интересов. Самым радикальным из них является применение или угроза применения насилия. Нация не может жертвовать своими законными интересами и способна, в случае если эти интересы подвергаются опасности, отстаивать их с помощью войны.

Главная ответственность за реализацию этой функции возлагается на вооруженные силы. В начале XIX в. известный германский военный

теоретик Клаузевиц сформулировал свой знаменитый афоризм: «Война есть продолжение политики иными средствами». Но государственные деятели действовали в духе этого афоризма задолго до Клаузевица. Дело в том, что отношения между государствами характеризуются взаимными противоречиями, конкуренцией и конфликтами. В своих крайних проявлениях конкуренция может перерасти в войну между соперничающими сторонами. Агрессия, война одного государства против другого столетиями воспринимались политиками как законное и приемлемое средство разрешения возникающих конфликтов.

В условиях ядерного века главными целями мирового сообщества является сохранение и обеспечение международной безопасности, создание условий, исключающих нарушение всеобщего мира и возникновение глобального конфликта. Основные принципы поддержания мира и международной безопасности сформулированы в Уставе и других документах ООН. Эти принципы предусматривают, в частности, принятие коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру, подавления актов агрессии, неприменения насилия при разрешении международных споров.

Контрольные вопросы

1. Какое содержание вкладывается в понятия «управление» и «государственное управление»?
2. Какое место система государственного управления занимает в структуре государственного устройства?
3. Каковы принципы организации системы государственного управления?
4. Каковы функции государственного управления?
5. Какое место в системе государственного управления занимает бюрократия?
6. Какое содержание вкладывается в понятие «политика»?
7. Дайте общую характеристику внутренней политики государства. Каковы ее основные цели и задачи?
8. Назовите основные направления внутренней политики.
9. В чем состоят роль и функции внешней политики?
10. Что такое национальный интерес?
11. Какое содержание вкладывается в понятие национальной безопасности?

Глава 8

Политическая система

Прежде чем приступить к анализу политической системы, необходимо принять во внимание, что одним из важнейших методических инструментов анализа в западной политической науке начиная с 1950-х годов стал системный анализ. Однако с легкой руки зачинателей этого подхода — американских политологов Д. Истона, К. Дойча, Г. Алмонда понятия «политическая система» и «системный подход» на Западе фактически стали использоваться как синонимы. Однако системный подход представляет собой одно из методологических направлений в политологических исследованиях, и его никак нельзя путать с политической системой, представляющей собой реальное институциональное образование.

8.1. Системный подход или политическая система?

Большинство западных политологов подразумевают под политической системой совокупность политических взаимодействий, ролей и функций, существующих в каждом сообществе. Как считал, например, Д. Истон, *«мы можем характеризовать политическую систему как... комплекс взаимодействий, с помощью которых достигается и осуществляется властное размещение ресурсов в обществе»*.

Модель политической системы Истона и других системников построена по аналогии с кибернетической системой, функционирующей в замкнутой цепи. Для них отправной точкой служит разрыв с традиционным подходом, построенным на изучении прежде всего структуры системы и используемых в ней механизмов принятия решений.

Сторонники системного подхода анализировали главным образом отношения системы с ее средой, которая в свою очередь состоит из комплекса других систем, входящих в глобальную социальную систему: экономической, культурной, религиозной, экологической, биологической, психологической, международной и др. Отношения между политической системой и ее средой определяются двоякого рода элементами: интересами, требованиями и поддержкой граждан, дающими системе импульс для действия и называемыми *входом*,

и решениями, принимаемыми системой в качестве реакции на эти интересы, требования и поддержку, называемыми *выходом*.

Или, говоря иначе, вход идет со стороны среды и дает импульс системе, а выход является реакцией системы на импульс среды. Таким образом осуществляется обратная связь между входом и выходом. Выход вызывает обратную реакцию среды, которая порождает новый вход, на который система реагирует новым выходом, и так до бесконечности по принципу действия замкнутой кибернетической цепи. В схематическом виде модель Д. Истона представлена на рис. 2.

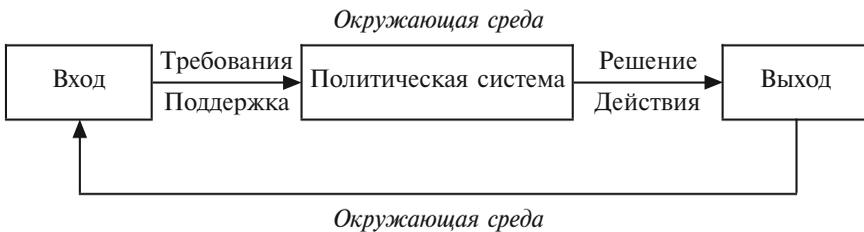

Рис. 2

Справедливости ради следует отметить, что в принципе сторонники системного анализа, например в лице Г. Алмонда, признают необходимость выделения при анализе политической системы структур, выполняющих политические функции. Но при этом Алмонд считал, что единицей политической системы является роль. По его мнению, преимущество концепции роли по сравнению с такими понятиями, как «институты», «организации» или «группы», состоит в том, что она более широкая и более открытая. Она может включить формальные и неформальные учреждения, семьи, электорат, толпу, временные и постоянные группы и т. д., поскольку они имеют отношение к политической системе. Исходя из этого Алмонд определяет политическую систему *«как комплекс взаимодействующих ролей или как структуру ролей, если понимать под структурой систематизацию взаимодействий»*.

Очевидно, что при таком подходе вопрос об институциональной структуре, «анатомии» политической системы как бы теряет актуальность. К тому же Истон, Алмонд и другие приверженцы данного подхода исходили из того, что понимаемую так политическую систему можно обнаружить во всех коллективах, осуществляющих функции адаптации и интеграции.

Как считал, например, М. Дюверже, имеется столько вариаций политической системы, сколько существует разновидностей коллек-

тивов или человеческих сообществ. Можно конструировать и анализировать политические системы отдельной партии, объединения партий в одной стране, однотипных партий в нескольких странах. Можно говорить также о политических системах профсоюзов, ассоциаций, администраций, общин, регионов, церквей, армий.

Очевидно, что такой подход в значительной мере обесценивает саму идею вычленения политической системы как самостоятельного феномена, обладающего собственными, только ему одному присущими характеристиками. В рамках этого подхода внимание концентрируется на ролях, функциях и взаимодействиях в ущерб изучению самой политической системы с ее институтами, структурами и их взаимоотношениями, которые как бы выносятся за скобки.

В результате получалось, что сторонники такого подхода, делая ударение на действиях, отодвигали на задний план или вовсе игнорировали субъекты этих действий в лице политических институтов. Взаимодействия политической системы со средой, обратные связи входов и выходов, разумеется, важны, но они составляют лишь один из множества аспектов проблемы.

Центральное место в исследовании должны занимать сама политическая система, ее структурные элементы, конфигурация и т. д. Как представляется, в рассматриваемом контексте главная задача исследователя состоит в том, чтобы определить и проанализировать то, что находится и происходит внутри черного ящика.

Политическая система предполагает наличие не только системы отношений, но и в первую очередь структур, институциональной инфраструктуры, на основе которых могут разворачиваться эти отношения. Как подчеркивал Т. Парсонс, структура составляет «анатомию» социальной системы, а функции — ее «физиологию».

Этот постулат в не меньшей мере верен и применительно к политической системе. Говоря о политической системе, мы подразумеваем политическое устройство, политическую самоорганизацию общества, которые невозможно представить себе без институциональной структуры. При анализе политических отношений и взаимодействий прежде всего необходимо определить их субъекты. Возьмем, например, нормы и правила политической игры. Можно ли изучать их сами по себе, без основополагающего документа — конституции, в которой эти нормы и правила законодательно зафиксированы.

В этом случае вопросы, касающиеся того, кем и с помощью каких механизмов и инструментов управляется та или иная страна, не менее важны, чем вопрос о том, как управляется страна. Если поставить

эти вопросы или один из них перед россиянином, то, по-видимому, получим ответ: «Президентом в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Государственной Думой и Советом Федерации, а также судебной властью, в соответствии с федеральной конституцией». Если задать эти вопросы американцу, то ответ, очевидно, будет аналогичным: «Президентом страны в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Конгрессом и Верховным судом». Другой возможный ответ, вытекающий из системного подхода: «В процессе взаимодействия ролей в сфере политики» — не отражал бы всю полноту реального положения.

Разные политические системы отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием тех или иных институтов, характером их конфигурации, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т. д. Политические режимы составляют устойчивые и хорошо скоординированные комплексы институтов, элементы которых трудно отделить друг от друга. Существует также тесная взаимозависимость между политическим режимом и экономическими структурами, идеологиями, системами ценностей и господствующим в обществе мировоззрением.

8.2. Основные характеристики политической системы

Не вызывает сомнений тот факт, что системные, или организационные, характеристики приобретает все то, что подпадает под понятие политического. Основные его компоненты, тяготея к центру, формируются в систему. Этот факт определяется уже в силу существования между различными компонентами политического более или менее тесных взаимоотношений.

Любая система или организация предполагает прежде всего структуры, институциональную инфраструктуру, на основе которых могут развертываться взаимодействие и взаимоотношения различных составляющих. Политическое устройство, политическую самоорганизацию общества невозможно представить себе без институциональной инфраструктуры. Разные политические системы отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием тех или иных институтов, характером их конфигурации, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т. д.

Система состоит из структуры и взаимодействующих друг с другом частей. Структура представляет собой основополагающий элемент, который и позволяет говорить о системе как некоем едином целом.

Она служит в качестве объединяющего все компоненты системы элемента. Более того, структуру условно можно определить как постоянную величину, а составляющие систему акторы — как переменные величины.

Можно сказать, что политическая система охватывает институционально-организационный аспект подсистемы политического с его основополагающими целями, субъектами, отношениями, процедурами, механизмами и функциями. Она характеризуется интегрированностью, что в свою очередь предполагает вертикальную и горизонтальную согласованность ее структурных элементов. Жизнеспособность политической системы определяется тем, насколько в ней преобладают согласие и сотрудничество между отдельными элементами.

Политическая система самодостаточна в том смысле, что в силу своей внутренней организации и ресурсов, а также ее доступности к необходимым ресурсам в окружающей среде она обладает способностью функционировать автономно, реализуя свои ценности, нормы и коллективные цели, приспособляясь к условиям среды. Политическая система любой страны открыта влиянию окружающей среды, с которой она вовлечена в процессы обмена и из которой получает важнейшие стимулы для своей деятельности.

Необходимо учесть, что структура — это абстракция, которая основана на некоей ранжировке институтов и отношений. Но остается вопрос о принципах и формах самой ранжировки. В политической системе она устанавливается в соответствии с действующими писаными или неписаными конституциями. Ее составные элементы располагаются в порядке иерархического соподчинения низших уровней высшим. Одни (вышестоящие уровни) призваны командовать или управлять, а другие (нижестоящие) — подчиняться.

Очевидно, что без соответствующего выяснения вопроса об анатомии и институциональных субъектах политической системы не может быть и серьезного разговора о ее целях и функциях, об условиях и принципах распределения и реализации политической власти и о многих других ключевых проблемах политологии. С этой точки зрения политическая система представляет собой комплекс институтов и организаций, в совокупности составляющих политическую самоорганизацию общества. Это прежде всего институты и органы управления, руководства и координации политической жизни. Нередко имеет место фактическое отождествление политической системы и государства, что со строго научной точки зрения не совсем правомерно.

Выделение понятия «политическая система» диктуется прежде всего тем, что оно свободно от правоведческих и законоведческих

значений, ассоциируемых с понятием «государство». Его концептуальное значение шире и позволяет включать феномены и процессы, не всегда отождествляемые с собственно государством, но тем не менее без государства нет политической системы, и, естественно, оно должно стоять в центре внимания политологического исследования. Борьба между различными социально-политическими силами разворачивается прежде всего за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления. Государство по своему существу призвано обеспечить целостность и единство разнообразных институтов и агентств, выполняющих разнообразные функции управления.

Политические партии, избирательная система, система представительства немислимы вне их связи с государством. Если партии и другие институты представляют интересы и позиции тех или иных категорий и группировок граждан в политической системе, то государство выражает всеобщий интерес, оно есть главный инструмент реализации власти, главный субъект суверенитета. Это, собственно говоря, основная форма политической интеграции общества на строго ограниченной географической территории, подчиненной определенному виду политического господства.

В самом государстве центральное место занимают парламент, правительство и все исполнительные органы власти, административный аппарат, институты, занимающиеся отправлением правосудия. Высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов в совокупности играют роль управляющей подсистемы, составные компоненты которой связаны между собой сложными функциональными отношениями.

Каждый из высших органов государственной власти обладает реальной структурно-функциональной определенностью, установленной конституцией, известной самостоятельностью по отношению друг к другу. Это вытекает из самого принципа разделения властей на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную. В этом качестве каждая из них выступает как самостоятельная подсистема по отношению к общей управляющей системе.

Как уже отмечалось, немаловажное значение в политической системе играют партии и связанные с ними организации, объединения, союзы, иные механизмы реализации политического процесса. Подчеркивая значимость партий, германский политолог К. фон Байме называл современные западноевропейские политические системы

«партийными демократиями». Нередко партии, партийные и избирательные системы рассматриваются как самостоятельная сфера, существующая отдельно от политической системы.

Более обоснованной в этом вопросе представляется позиция Г. Алмонда. Он, в частности, проводил различие между двумя уровнями политических структур: институциональным и ассоциативным. При этом государство и его институты составляют первый, а партии — второй уровень. Однако партии играют существенную роль как в определении структуры политической системы, так и в ее функционировании.

Показательно, что ряд исследователей оценивают партии в качестве структурообразующих элементов политических режимов в рамках той или иной политической системы. Партии во многом определяют жизнеспособность и функционирование политической системы. Более того, в тоталитарной системе единственная господствующая партия органически и неразрывно сливается с государством, так что выделить институциональный и ассоциативный уровни здесь невозможно.

Современные политические системы немыслимы без партий и связанных с ними институтов. Не случайно, например, в конституции ФРГ зафиксирован юридический и политический статус партий, они признаются главными политическими организациями государства.

Помимо названных базовых структурных элементов политическая система включает различные общественно-политические организации, комитеты политического действия, институты и механизмы принятия решений, такие, например, как институты корпоративизма (об этом см. в последующих главах). В целом политическая система охватывает институционально-организационный аспект подсистемы политического с его основополагающими целями, субъектами, отношениями, процедурами, механизмами, функциями.

8.3. Опыт типологизации политических систем

Функционирование политической системы, как уже отмечалось, предполагает определенные правила игры. Различаются правила, призванные регулировать пути, способы и методы воздействия членов общества на политическую власть, и правила, определяющие способы реализации политической власти. Первые охватывают отношения подчинения и участия, а вторые — отношения управления и регулирования. Поэтому естественно, что важная структурно-функциональная составляющая мира политического — это политические отношения.

Если речь идет об отношениях, то предполагается существование и субъектов этих отношений. К. Маркс считал субъектами политики и политических отношений классы, А. Парето и Г. Моска — элиты, А. Бентли, Д. Трумэн и др. — заинтересованные группы.

Однако очевидно, что политические отношения могут реализовываться как между различными политическими институтами, так и между различными социально-политическими силами: классами, этносами, массами, электоратом в целом, мафией, партией, университетом, церковью, военно-промышленным комплексом и т. д. Иначе говоря, и те, и другие могут выступать в качестве субъектов политических отношений.

С рассматриваемой точки зрения одним из основных для всех теорий политического является вопрос, поставленный некогда Платоном: «Кто должен господствовать?», или «Чья воля может и должна доминировать в обществе?» На этот вопрос существует множество разных ответов: воля Всевышнего, воля истории, воля государства, воля народа, воля большинства, воля класса, партии, вождя и т. д. Вопрос может быть поставлен и несколько иначе: кому следует править? почему? как? в чьих интересах? И т. д. В зависимости от ответов на эти и подобные им вопросы формулируются и конструируются основополагающие параметры политической системы. Поэтому естественно, что классификация или типологизация политических систем составляет одну из важнейших задач политологии.

Значительный интерес представляют существующие типологизации, истоки которых можно обнаружить в античной общественно-политической мысли. Еще Платон разделил древнегреческие города-государства на следующие типы: 1) монархия — правление одного хорошего человека и ее искаженная форма — тирания; 2) аристократия — правление нескольких хороших людей и ее искаженная форма — олигархия; 3) демократия — правление многих или всего народа. Показательно, что Платон не приводит искаженную форму демократии, считая, что сама демократия — наихудшая форма правления.

Продолжая традицию Платона, Аристотель выделял два основных критерия для различения государства или «конституции»: *«Природа цели, ради которой государство существует, и различные формы власти, которой люди и их ассоциации подчиняются»*. В соответствии с первым критерием Аристотель проводил различие между системами, в которых правители управляют «в общих интересах», т. е. для достижения «хорошей жизни» не просто лично для себя, а для всех членов системы, и системами, в которых правители преследуют скорее собственный корыстный интерес, нежели общий.

Правильными Аристотель считал те формы власти, которые независимо от числа властвующих управляются, «руководствуясь общественной пользой», а те, которые имеют в виду собственную выгоду, только благо правящих, — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей. В соответствии со вторым критерием Аристотель различал формы правления по количеству властвующих. *«Государственное устройство, — писал он, — означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства».*

По Аристотелю, правление одного — это монархия, или царская власть, правление немногих — аристократия, правление большинства — полития. Их отклонения составляют соответственно тиранию, имеющую в виду выгоды одного правителя, олигархию — выгоды состоятельных граждан и демократию — выгоды неимущих. Схематически типологизация Аристотеля выглядит следующим образом.

Количество властвующих	Чьи интересы выражает власть	
	всех	свои
Один	Монархия	Тирания
Немногие	Аристократия	Олигархия
Многие	Полития	Демократия

В Новое время наиболее известные типологизации систем правления принадлежат Т. Гоббсу и Ш. Монтескье. Т. Гоббс различал три формы государства в зависимости от числа людей, в руках которых сосредоточена власть: монархия — правление одного человека, аристократия — правление части граждан, демократия — правление всего народа или большинства народа. Что касается тирании и олигархии, говорил Гоббс, то это лишь «различные названия монархии и аристократии». А те, «кому причинено огорчение при демократии, называют ее анархией». Сам Гоббс отдавал предпочтение безоговорочно монархической форме правления.

Ш. Л. Монтескье, продолжая традицию Аристотеля, в первых 13 книгах своего главного труда «О духе законов» (1748) разработал типологизацию, в которой различаются три главные формы правления: республика, монархия, деспотия. «Республиканское правление, — писал он, — это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое, при котором

управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов, между тем как в деспотическом все вне законов и правил движется волей и произволом одного человека».

В принципе, характеризуя так же, как Аристотель, эти две системы по количеству властителей, Монтескье вместе с тем внес в их трактовку существенные корректировки. Например, рассматривая монархию и деспотию как системы, в которых властвует один, Монтескье делал важную оговорку: монархия — это система, в которой властвует один, однако строго придерживаясь установленных законов, а деспотия — система, при которой правит один, не признавая каких бы то ни было фиксированных законов, на основе произвола.

Если для Аристотеля демократия и аристократия составляли совершенно разные типы правления, то Монтескье рассматривал их как две формы одного и того же правления — республиканского. При первой правит весь народ, при второй — часть его. Причем, по его мнению, каждая форма правления базируется на некоем этосе или принципе, без которого невозможны ее стабильность и жизнеспособность. Это добродетель — при республике, честь — при монархии и страх — при деспотизме.

Далее Монтескье подверг сомнению универсальность аристотелевской типологизации, ее пригодность для всех исторических эпох и обществ. Она основывалась на греческом полисе, который Аристотель считал универсальной формой самоорганизации общества. Монтескье, наоборот, исходил из того, что каждый из выделенных им типов правления появляется в конкретных общественно-исторических условиях. Например, если республиканская форма правления была характерна для античных полисов, то монархия — для современной ему Европы, а деспотия — для азиатских империй. По его мнению, каждый из трех типов правления соответствует определенным размерам территории, занимаемой данным политическим сообществом: республика — небольшой территории; монархия — территории средней величины, а деспотизм — обширным размерам империи.

Большой популярностью пользуется типологизация систем легитимизации и правления, предложенная М.Вебером (см. гл. 5). Напомним, что Вебер выделял три власти: традиционную, харизматическую и правовую.

Существует целый ряд других типологизаций. Они в целом развивают и конкретизируют приведенные выше и в то же время повторяют, дополняют и перекрывают друг друга. Назовем некоторые из них. Так, Г. Алмонд различал следующие типы политической системы: ан-

гло-американский; континентально-европейский, исключая страны Скандинавии и Бенилюкса, которые в свою очередь включают признаки обоих названных типов; доиндустриальный или полуиндустриальный тип, распространенный за пределами евроамериканского региона, и тоталитарный. М. Дюверже выделил следующие типы: либерально-демократический, социалистический, консервативно-диктаторский, традиционную монархию и др. Д. Эптер писал о диктаторской, олигархической, косвенно-представительной и прямой представительной системах.

Интерес представляет классификация С. Н. Айзенштадта, включающая примитивные (или первобытные) системы, патримониальные империи, кочевые или завоевательные империи, города-государства, феодальные системы, централизованные бюрократические империи и современные системы, которые подразделяются на демократические, автократические, тоталитарные и слабообразованные.

Каждая из перечисленных типологизаций имеет свои достоинства и свои недостатки. С учетом всех достижений мировой и отечественной политической науки ниже автором предлагается собственная типологизация политических систем. В античной Греции типологизацию строили на одной и той же модели политической организации — полисе.

В наши дни в большинстве случаев используется однолинейная схема типологизации: либо по вертикали — разграничение и сравнение «низших» и «высших» форм правления (рабовладельческие — феодальные — капиталистические; патриархальные — традиционалистские — рационалистические), либо по горизонтали (коллективистские — индивидуалистические; диктаторские — либеральные; тоталитарные — демократические и т. д.). Поэтому часто вне поля зрения исследователей оставалась проблема соотношения разных уровней типологизации, например соотношение между собой демократии — унитаризма; тоталитаризма — федерализма; демократии — федерализма и др.

Предлагаемая здесь типологизация строится на основе выделения системообразующих характеристик, наличия или отсутствия тех или иных институтов, их конфигурации и взаимоотношений как друг с другом, так и с гражданским обществом, принципов функционирования, приверженности нормам права и основным ценностям прав и свобод человека. В соответствии с этими признаками различаются либерально-демократический и диктаторский типы политической системы, в рамках которых обнаруживаются довольно существенные национальные и типологические различия.

С политическими системами теснейшим образом связаны политические режимы, которые отличаются друг от друга по принципам и характеру организации и функционирования властных институтов. Здесь также нельзя обойтись без выявления и анализа форм территориально-административного устройства государства. С этой точки зрения выделяются такие типы государства, как унитарное, федерация и конфедерация, каждый из которых в конкретных национально-страновых условиях имеет свою специфику.

Контуры политической системы в самой общей форме уже были очерчены. Сущностные характеристики конкретных блоков и типов политических систем будут рассмотрены в следующих главах. Здесь же внимание будет сконцентрировано на третьем аспекте типологизаций, но прежде вкратце рассмотрим, что понимается под политическим режимом.

8.4. Политические режимы

Наряду с термином «политическая система» часто используется понятие «политический режим». Как же соотносятся эти два понятия? Пожалуй, это еще один запутаннейший вопрос в современной политической науке. Не случайно между ними нередко вообще не делается каких бы то ни было различий. Например, американский политолог М. Хагопян использует понятия «полития», «политическая система» и «режим» как синонимы. По его словам, эти термины в широком смысле обозначают «фундаментальную организацию политической жизни». Они выражают общие структурные характеристики политического порядка.

М. Дюверже, приложивший немало усилий для раскрытия этой проблемы, использовал понятия «политическая система» и «политический режим» как синонимы. В нашей литературе нередко в одинаковом значении используются понятия «президентский режим» — «президентская система»; «парламентская система» — «парламентский режим»; «демократический режим» — «демократическая система»; «тоталитарный режим» — «тоталитарная система» и др.

Существуют ли различия между этими парами понятий, и если существуют, то в чем они состоят? Главные отличия политического режима намечаются в рамках самих политических систем по принципам организации ветвей и конкретных институтов власти, формам и методам осуществления политической власти. Некоторые политологи рассматривают партии и партийные системы в качестве стержневых элементов политических режимов.

По словам, например, М. Дюверже, «базой для фундаментальной классификации современных режимов становится разница между однопартийными, двухпартийными и многопартийными системами». В принципе такой подход не противоречит высказанному выше, поскольку, как будет показано в гл. 9, конфигурация партийных систем в значительной мере зависит от характера соответствующего режима.

В либерально-демократической системе определяющее значение для классификации политических режимов имеет характер разделения властей, которое оказывает существенное влияние на конфигурацию, соотношение, прерогативы и функции основных властных институтов. Здесь прежде всего необходимо различать режимы по роли, которую играют в них глава государства и глава правительства. С этой точки зрения различаются режимы: конституционная монархия, парламентская республика, президентская республика и смешанная президентско-парламентская республика. При этом необходимо отметить, что конституционная монархия, за исключением процедуры избрания главы государства, по базовым параметрам совпадает с парламентским режимом. Схематически эту типологизацию можно изобразить в следующем виде (рис. 3).

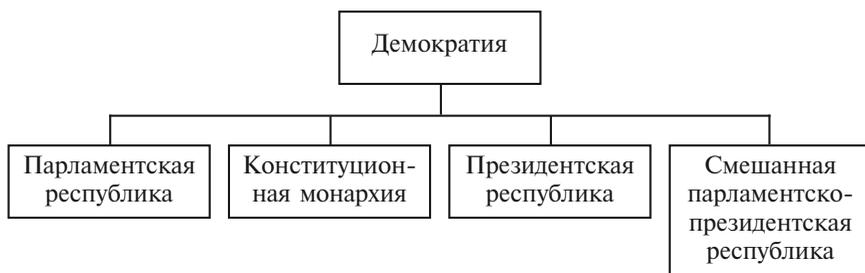

Рис. 3

В диктатуре, или политической системе диктаторского типа, разделение властей отсутствует. Поэтому в качестве главного критерия можно принять формы организации и функционирования унитарной иерархической власти. По этому критерию в современной диктаторской политической системе различаются авторитарные и тоталитарные режимы. Внутри этих последних существует целая гамма особенностей, нюансов, модификаций. Так, в рамках тоталитаризма различаются большевистский, нацистский и фашистский режимы. В рамках авторитаризма также выделяют несколько типов режимов: традиционно-монархический, гражданский, военный, авторитаризм

модернизации. Типологизация режимов политической системы диктаторского типа приобретает более сложную конфигурацию, которую можно представить в виде схемы (рис. 4).

Рис. 4

Необходимо учесть, что как в авторитаризме, так и в тоталитаризме (об этом будет сказано ниже) существуют смешанные типы, сочетающие в себе разные элементы.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая система?
2. Чем она отличается от системного подхода?
3. Каковы структурные составляющие политической системы?
4. Какие существуют типологизации политических систем?
5. Назовите основные типы политических систем.
6. Чем они отличаются друг от друга?
7. Что такое политический режим?
8. Каково соотношение между политической системой и политическим режимом?

Глава 9

Территориально-политическая организация государственно- политической системы

Выше уже говорилось о том, что политическая организация современного мира базируется прежде всего и главным образом на разделении стран и народов по территориальному принципу. Само государство теснейшим образом связано определенной территорией. Когда говорят о территориальном или территориально-административном разделении государства, имеют, как правило, в виду принципы и механизмы взаимоотношений между центральными и местными органами государственной власти. В реальной жизни эти принципы и механизмы выражаются в унитаризме, федерализме и конфедерализме. При всех формах территориального устройства нижний уровень социально-политического управления занимают органы местного управления.

9.1. Унитарное государство

Унитарный тип — одна из самых распространенных форм территориально-политической организации как в современном мире, так и в прежние периоды истории человечества. Большинство национальных государств сформировались как унитарные. Таковыми были все абсолютистские монархии Европы. Таковыми были все восточные деспотии.

В унитарном государстве центральные власти делегируют свои полномочия территориальным органам самоуправления, а в федеральном государстве унитаризм существует в рамках субнациональных единиц: штатов, земель, провинций, областей. Унитарное государство, независимо от того, централизованное оно или децентрализованное, демократическое или авторитарное, характеризуется господством единой системы органов власти и правосудия, руководствующихся едиными правовыми и конституционными нормами.

Здесь все управленческие образования сверху донизу подчинены центральному правительству и являются его административными

подразделениями. Руководители местных органов власти в демократических государствах, хотя и избираются на выборах, их прерогативы существенно ограничены, их деятельность контролируется центральным правительством. Разумеется, масштабы централизации и такого контроля в разных странах варьируются. Но вместе с тем необходимо отметить, что унитарное устройство не обязательно предполагает жесткую административную централизацию. Такая централизация, как правило, характерна для авторитарных и тоталитарных государств независимо от их территориально-государственного устройства. Например, хотя СССР формально считался федеративным государством, на деле для него были характерны жесткий унитаризм, централизация и регламентация.

В современных высокоразвитых индустриальных обществах централизация, сыгравшая немалую положительную роль на определенном этапе исторического развития (например, в периоды образования национальных государств, индустриализации, восстановления народного хозяйства после Первой и Второй мировых войн и т. д.), утрачивает характерные для нее преимущества. В последние десятилетия в большинстве унитарных государств, таких, как Италия, Франция, Великобритания и др., наметились все более четко проявляющиеся тенденции к децентрализации, передаче местным органам все более растущего круга властных полномочий и функций.

Например, в Италии имеются различия между областями с обычным статусом и теми, которые сохраняют особый статус на основе специфических культурных, этнических или исторических особенностей. Это — Сицилия, Сардиния, Валле д'Аоста, Трентино-Альго Адидже. Все более растущей самостоятельности в решении местных проблем добиваются Шотландия, Уэльс и другие области Великобритании. Это позволяет им оперативно реагировать на изменяющиеся условия жизни на местах, эффективно руководить социальными и политическими процессами. Но при этом в силе остается основополагающий принцип, по которому всю структуру сверху донизу определяют центральные органы государства. Децентрализованные образования не вправе произвести какие бы то ни было изменения в этой структуре по собственному усмотрению, без согласия на то центральных властей. И с этой точки зрения в ряде стран в последнее время происходят существенные изменения. Так, с принятием конституции 1978 г. в Испании по сути дела наметилась тенденция к федерализации. Первыми получили автономию при сохранении сильного центра страна Басков и Каталония, а затем Галисия и Андалусия. Другие провинции также имеют собственные правительства, обладающие гарантированными конституцией вла-

стными полномочиями. В результате Испания заняла как бы промежуточное положение между унитаризмом и федерацией.

В процессе реформирования государственно-административной системы в течение трех десятилетий (1962–1993 гг.) Бельгия из унитарного государства превратилась в федерацию: две этнолингвистические общности, из которых состоит эта страна, — франкоязычная Валлония и фламандскоязычная Фландрия — стали равноправными субъектами федерации.

9.2. Федеративное государство

Во многих странах современного мира утвердился федеративный тип государственно-территориального устройства. К их числу относятся Австралия, Австрия, Аргентина, Бразилия, Индия, Канада, Малайзия, Мексика, Нигерия, США, Германия и др. Федеративный путь государственного обустройства избрала и новая Россия, поэтому она и называется Российской Федерацией.

Те или иные элементы федерализма существовали еще в античной Греции. В современном смысле федерализм связан с возникновением буржуазного общества и национального государства. Зачинательницей и одной из первых федераций была Нидерландская республика семи соединенных провинций, основанная в 1579 г. В силу целого ряда причин она вскоре распалась. Наиболее старой из всех существующих федераций являются США, основанные конституцией 1787 г.

Отцом-основателем самой теории федерализма считается Иоханнес Альтзузиус (1562–1638), который разработал так называемую федеральную теорию народного суверенитета. Согласно этой теории государство характеризовалось как союз общностей, иерархически возвышающийся над меньшими по размерам общностями или союзами, связанными между собой прямо или косвенно особым соглашением. Особенно большую популярность идеи федерализма получили во второй половине XIX — начале XX в., когда интенсифицировались процессы образования современных национальных государств. Известный французский автор XIX в. П. Ж. Прудон даже предсказывал, что «XX век откроет эру федераций». Как бы подтверждая правоту Прудона, известный французский социолог Р. Арон рассматривал федерализм как единственное пригодное для наших дней средство, способное вывести из тупика и наладить порядок.

Федерация — это союзное государство, состоящее из множества (как в случае с Россией и США) или нескольких (Канада) государственных образований, обладающих определенной степенью самостоятельности

в тех или иных сферах общественной жизни. Федеративное устройство призвано обеспечить хозяйственное и политическое единство страны с большой территорией и разобщенными районами. Оно успешно сочетает в себе преимущества государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью членов. Здесь общая воля, служащая в качестве некоей невидимой оси государства, вырабатывается как бы из двух источников: волеизъявления всех ее граждан, с одной стороны, и государств-членов — с другой.

Федеративное устройство государства существенным образом отражается на структуре высшего законодательного органа, который состоит из двух в принципе равноправных палат, например сената и палаты представителей конгресса США, Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Существование двух палат позволяет сочетать представительство населения страны в целом с территориальным представительством от земель, штатов, провинций, а в Российской Федерации — национальных республик, краев и областей.

Две палаты отличаются друг от друга по своим функциям, властным полномочиям, а во многих случаях и по способу избрания их депутатов. Если нижние палаты, как правило, формируются посредством прямых выборов, то верхние палаты в разных странах комплектуются по-разному. Так, например, в США члены сената, выступающего в качестве верхней палаты, избираются путем прямого тайного голосования жителей отдельно взятого штата как представителя данного штата. В России депутаты Совета Федерации избираются законодательными собраниями соответствующих субъектов федерации.

Федерация как единое неделимое государство немислима без его безусловного суверенитета на всей занимаемой им территории. Вместе с тем федерация — это объединение государств или государственных образований. Поскольку о государстве правомерно говорить тогда, и только тогда, когда оно обладает той или иной долей суверенитета, то можно утверждать, что федерация делит суверенитет со своими субъектами.

Возникает вопрос о качестве и объеме суверенитета на двух государственно-властных уровнях. Иначе говоря, речь идет о делимости суверенитета между федеральным уровнем и субъектами федерации. Здесь два источника и уровня власти: центральное или федеративное правительство и правительства отдельных штатов (в США, Индии, Мексике и т. д.), земель (в ФРГ), провинций (в Канаде), республик, краев, областей (в Российской Федерации). Последние делегируют часть своих властных полномочий федеральному правительству. В принципе в его ведение пе-

редаются основополагающие для любого государства проблемы обороны, внешней политики, денежного обращения и финансового регулирования, политики в области труда и трудовых отношений, социальной защиты населения и др. Полномочия по всем вопросам, не переданным федеральному правительству, остаются за субъектами федерации. При разграничении полномочий и компетенций между двумя уровнями обеспечивается верховенство федеральной конституции и законов, соответствие им конституций и законов субъектов федерации.

Одним из важнейших принципов федерализма может считаться так называемая субсидиарность. Суть ее состоит в распределении полномочий между различными уровнями власти таким образом, что в ведении верхних эшелонов власти остаются только те функции, которые они могут выполнять лучше, чем нижние эшелоны. Соединяя политические и экономические идеи федерализма, субсидиарность является практическим воплощением принципов децентрализации и плюрализма в территориальных терминах.

Согласно Основному закону страны в исключительное ведение федерального центра входят следующие сферы: внешняя политика и оборона, координация деятельности по защите конституции и основ конституционного строя, внешнеполитических и внешнеэкономических интересов страны, гражданство, денежная система, таможня и охрана границ, почта и электросвязь, железные дороги и авиация, авторское и издательское право, координация взаимодействия субъектов федерации в борьбе с уголовной преступностью и др.

В ведении субъектов федерации находятся сферы образования, культуры, коммунального хозяйства, здравоохранения, занятости трудоспособного населения и др. Они самостоятельно решают бюджетные проблемы, хотя при этом должны учитывать требования национальной экономической стратегии и долгосрочного финансового планирования. Это комплекс проблем, имеющих жизненно важное значение для граждан данного региона.

Из принципа субсидиарности вытекает принцип автономности, самоуправления субъектов федерации. Субъекты федерации, а именно земли в Австрии и Германии, штаты в США, провинции в Канаде, республики, края, области в Российской Федерации, имеют право принимать собственные конституции и законы, обладают значительной степенью самостоятельности в решении достаточно широкого круга проблем. Проблемы, как правило, решаются на том уровне, на котором они возникают.

Иначе говоря, власть осуществляется множеством правительственных органов, каждый из которых обладает своими властными

полномочиями и компетенциями. Имеет место определенное разделение власти по вертикали, призванное сдерживать и уравновешивать вес и влияние различных уровней и органов управления. Федерализм подразумевает многообразие реализации властных функций в рамках упорядоченной структуры связей. Здесь мы имеем не слияние, а единство в многообразии.

Различаются договорные и конституционные федерации. В первом случае федерация — это объединение государств, которые на основе договора делегировали ряд своих прав и прерогатив общему для них центральному правительству. При этом каждый член федерации сохраняет за собой суверенитет в принадлежащей ему юрисдикции. Центральное правительство не может вносить какие-либо изменения в конституционный договор, а каждый член федерации может при желании расторгнуть этот договор.

В конституционной федерации не предусмотрено право ее субъекта выйти из союза. В истории было несколько случаев разделения федерации: в 1965 г. из федеративного государства Малайзия, образованного в 1963 г., вышел один из штатов, Сингапур, определившийся как самостоятельное суверенное государство; в 1992 г. Чехословацкая федерация распалась на два самостоятельных государства — Чехию и Словакию.

Попытки силового решения проблем выхода из федерации, как правило, чреватые непредсказуемыми последствиями. Это воочию продемонстрировали события и перипетии, связанные с выходом в начале 1860-х годов из состава США одиннадцати южных штатов, с развалом СССР и Югославии в наши дни.

Исторический опыт, особенно нашей страны, Югославии и Чехословакии, показал бесперспективность попыток разрешения национального вопроса в рамках федерации путем ее национально-политической организации. С этой точки зрения для нас несомненный интерес представляет то, что перед такими классически федеративными государствами, как США и Германия, продемонстрировавшими свою жизнеспособность и историческое долголетие, не стояла проблема решения национального вопроса. Политико-территориальное деление в этих странах не связано с национально-территориальным делением, национальность определяется гражданством страны.

9.3. Конфедерация

Конфедерация представляет собой внутренне противоречивую форму политического союза суверенных государств. Для нее прежде всего характерны юрисдикционные споры, немислимые для федера-

тивного или унитарного государства. Здесь каждое входящее в конфедерацию государственное образование почти в полном объеме сохраняет свои властные прерогативы. Поэтому центральное правительство и запрашивает у правительств отдельных государственных образований полномочия для выполнения тех или иных проблем, и они решают, какие именно полномочия предоставить центральному правительству.

Поскольку слабое центральное правительство получает средства на свою деятельность за счет более или менее добровольных взносов от нижестоящих правительств, индивидуальный гражданин испытывает на себе влияние центрального правительства лишь косвенно и отдаленно. В целом можно утверждать, что федерация предполагает наличие центра, который вправе принимать властные решения, затрагивающие интересы всех субъектов федерации. Конфедерация, будучи союзом независимых государств, таким центром не располагает.

В качестве примеров конфедерации можно привести США со времени завоевания независимости 1776 г. до принятия конституции континентальным конгрессом в 1787 г. (точнее, до ее введения в действие в 1789 г.), Германский союз в 1815–1867 гг. Здесь отдельно стоит Швейцария. Швейцарская конфедерация возникла в 1291 г. как союз трех кантонов (Швиц, Ури, Унтервальден) для защиты от притязаний Габсбургской монархии. По-видимому, ее можно относить к конфедерациям в лучшем случае до середины XIX в. Дело в том, что на протяжении всей своей истории в ней все более отчетливо преобладала тенденция к дрейфу в сторону федерализма. Как показал исторический опыт, конфедерация является одной из самых нежизнеспособных форм государственного устройства.

Вероятно, прав один из отцов-основателей Общего рынка Ж. Монне, который говорил, что существуют два типа конфедераций: те, которые трансформируются в федерации, и те, которые терпят неудачу. США, которые из слабоструктурированной конфедерации превратились в мощное федеративное государство, и Швейцария, которая, формально сохранив название конфедерации, на деле приобрела качество федерации, подтверждают обоснованность этого тезиса.

9.4. Местное управление

Предвосхищая анализ сущностных характеристик государственного устройства демократического типа, который будет дан в гл. 10, целесообразно отметить, что в современном мире органы местного управления или самоуправления занимают особое положение. Об

этом свидетельствует тот факт, что вопрос о характере взаимоотношений между органами местного самоуправления и структурами государственной власти является предметом постоянных споров и дискуссий среди как отечественных, так и зарубежных политиков, государственных деятелей, исследователей различных идейно-политических направлений. Одни считают их самостоятельной, независимой от государства структурой управления, а другие — составным элементом государственной власти, занимающим ее низшую ступень, или формой организации государственного управления на местах.

Анализ реального положения и функций системы местного самоуправления показывает, что истина, как говорится, находится в середине между этими двумя, на первый взгляд, противоположными позициями. Верно, что в конституциях большинства стран с демократическим типом политической системы, в том числе и Российской Федерации, местное самоуправление отделено от структур государственной власти. Имеет место конкуренция между органами государственной власти и местным самоуправлением за те или иные прерогативы и полномочия. Государство стремится полностью подчинить себе органы местного самоуправления, а эти последние в свою очередь пытаются получить как можно большую самостоятельность от центрального и регионального правительств.

В этой связи необходимо определить содержание, сходство и различия понятий «местное управление» и «местное самоуправление». О местном управлении говорят в том случае, когда его руководство назначается соответствующими государственными органами и представляет государственную администрацию на местах. Местное самоуправление теснейшим образом связано с идеей народного суверенитета, согласно которой главным и единственным источником и носителем власти является народ данной страны. В соответствии с этой идеей народ вправе установить у себя любые формы власти, которые он сочтет наиболее подходящими для реализации своих интересов. Органы местного самоуправления, будучи наиболее очевидным воплощением идеи народного суверенитета, избираются непосредственно населением соответствующего муниципального образования и подотчетны ему.

Очевидно, что местное самоуправление, с одной стороны, действует в тесном взаимодействии с центральной и региональной властями. С другой стороны, оно является самостоятельным институтом, выражающим и защищающим интересы местных сообществ, обладающим собственной легитимностью, муниципальной собственностью, налоговой базой для наполнения местного бюджета, рядом полномо-

чий и др., а также определенной самостоятельностью по отношению к структурам государственной власти.

В большинстве демократических стран, особенно с федеративным типом государственного устройства, предпочтение отдается местному самоуправлению. В унитарных государствах большей частью местное управление составляет нижний уровень системы государственного управления. Это особенно верно применительно к странам с авторитарными и полудемократическими режимами.

В Великобритании и США существуют только органы местного самоуправления. При этом отсутствуют назначаемые сверху представители центра на местах. Для большинства стран, таких, например, как Франция и Италия, характерна смешанная система, сочетающая в себе элементы самоуправления и государственного управления. Говоря о статусе местного самоуправления, нельзя представлять, что оно находится вне контроля государства. Так, в Великобритании государственный контроль над деятельностью местного самоуправления находится в компетенции Министерства жилищного хозяйства и местного управления, во Франции и Италии — Министерства внутренних дел, в Японии — Министерства по делам местной автономии и т. д., а в федеративных государствах — административных органов субъектов федерации.

Органы местного самоуправления не в состоянии сколько-нибудь эффективно функционировать вне государства и вопреки его воле, без учета его интересов. В этом плане органы государственной власти и органы местного самоуправления не исключают, а дополняют друг друга, они работают в тесном взаимодействии друг с другом. Нельзя забывать, что местные проблемы в конечном счете являются частью общегосударственных проблем. В этом отношении органы местного самоуправления участвуют в реализации государственной политики на местах.

Место и роль местных органов самоуправления узаконены в ряде международно-правовых документов. Среди них в первую очередь следует назвать Европейскую хартию местного самоуправления, принятую 15 октября 1985 г. В этом документе под местным самоуправлением понимаются «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть дел публичной власти и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения». Принципы и положения хартии обязательны для всех государств—членов Совета Европы. Именно с их учетом формулируются конституционно-правовые основы местного самоуправления.

Правовой статус, полномочия, задачи, функции и формы деятельности органов местного самоуправления в каждой конкретной стране определяются конституцией или специальными законами о местном самоуправлении. Согласно Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления выведены из структуры государственной власти. Принцип отделения органов местного самоуправления от системы органов государственной власти зафиксирован в ст. 12 Конституции: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Это положение получило подтверждение в ст. 3 Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятого 28 августа 1995 г.

Местное самоуправление, работая в тесном контакте с населением, является одним из важнейших механизмов, призванных сократить административную дистанцию между властью и гражданами, способствовать преодолению их отчуждения от государства, приобщению людей к демократическим ценностям и институтам, воспитанию у них чувства ответственности и гражданственности.

Главная линия разграничения между государством и местным самоуправлением определяется масштабами прав, полномочий и ответственности, которыми они наделены. В большинстве стран с демократической политической системой такое разграничение осуществляется путем децентрализации властных структур и введения принципа субсидиарности, суть которого заключается в разделении прав, управленческих функций и соответственно ответственности между общенациональным, региональным и местным уровнями. Этот принцип предусматривает передачу нижестоящими уровнями вышестоящим уровням управленческой вертикали лишь тех функций, которые они не способны эффективно осуществлять сами.

В целом в круг полномочий местного самоуправления входят все те вопросы, которые не отнесены к компетенции государственных органов федерального и регионального уровней и относятся непосредственно к сфере жизнеобеспечения данного соответствующего муниципального уровня. Такой подход получил отражение в законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Как отмечается в ст. 6 этого Закона, «муниципальные образования вправе принимать к своему рассмотрению иные вопросы, отнесенные к вопросам местного значения законами субъектов Российской Федерации, а также вопросы, не исключенные

из их ведения и не отнесенные к ведению других муниципальных образований и органов государственной власти».

К этому кругу вопросов относятся: регулирование и управление социальной и экономической жизнью людей на местах; жилищно-коммунальное обслуживание населения; обеспечение должного уровня народного образования и здравоохранения; обеспечение нормального функционирования муниципальных больниц и родильных домов, муниципальных библиотек, детских садов и спортивных площадок; предоставление медицинской помощи бездомным, домам престарелых и лицам, нуждающимся в специальном уходе; благоустройство улиц, парков, кинотеатров, театров и других общественных мест, уборка мусора и др.

В компетенцию органов местного самоуправления входят также выдача лицензий на право торговли, установление правил торговли, выделение земельных участков под строительство, выдача разрешений или запрета на проведение уличных шествий, митингов, демонстраций и т. д. В некоторых странах, так, их как США, Канада, Франция, муниципалитеты имеют собственную муниципальную полицию.

Для выполнения своих полномочий и функций местное самоуправление нуждается в соответствующих финансовых средствах. Поэтому естественно, что в его обязанности входит обеспечение доходной части местного бюджета и распределение денежных средств по соответствующим статьям в пределах этого бюджета. Доходы формируются за счет местных налогов (муниципального подоходного, налога с земли, с доходов компаний, с собственности и др.) различных дотаций, субсидий, трансфертов, поступающих из бюджетов центрального правительства и правительств регионов. О соотношении объемов доходов, получаемых муниципалитетами за счет налогов, государственных субсидий и других источников, наглядное представление дают следующие данные: США — 65:23:12; Япония — 42:40:28; Германия — 21:45:34; Франция — 42:34:24; Бельгия — 36:54:10; Дания — 46:44:10.

Что касается положения в этой сфере в России, то здесь в настоящее время институт местного самоуправления находится на начальной стадии формирования и развития, и было бы преждевременно говорить о его разграничении по вертикали от государственной власти и утверждении как самостоятельной системы управления делами местных сообществ. Пока не развита муниципальная инфраструктура, большинство муниципальных образований находится в бедственном финансовом положении, не разработаны сколько-нибудь

эффективные механизмы предоставления им федеральным центром трансфертов и другой финансовой помощи. Другими словами, перед органами местного самоуправления, не имеющими необходимого опыта реализации возложенных на них конституцией функций, стоит множество сложнейших вопросов, которые они еще не в состоянии решать самостоятельно.

Контрольные вопросы

1. Дайте характеристику территориально-политической организации государства.
2. Какие существуют формы территориально-политической организации государства?
3. Каковы их сущностные характеристики?
4. Как соотносятся друг с другом принципы государственного суверенитета и федерализма?
5. Каковы отличия конфедеративного государства от унитарной и федеративной форм государственного устройства?
6. Какую роль играет местное самоуправление в системе общественного управления?
7. Какое отношение местное управление имеет к политической демократии?
8. Каков характер взаимоотношений между государством и органами местного самоуправления?
9. Каковы предметы ведения органов местного самоуправления?

Глава 10

Демократия: принципы, установки и ценности

В политической литературе, да и в публицистике, а также в средствах массовой информации редко можно встретить какой-либо другой термин, который использовался бы столь часто, как термин «демократия». Трудно назвать также проблему, которая бы привлекала столь пристальное внимание исследователей, как проблема демократии. Эта проблема необъятна по своим масштабам, поэтому естественно, что ее освещение в учебном курсе политологии сопряжено с прямо-таки непреодолимыми трудностями. В предлагаемой главе основное внимание уделяется анализу основополагающих принципов демократии и ее конкретного институционального воплощения в лице правового государства.

10.1. Понятие «демократия»: истоки и содержание

Основные факторы и этапы формирования и эволюции либерально-демократической системы правления и идей демократии в целом совпадают с важнейшими вехами формирования и эволюции гражданского общества и правового государства. Более того, все эти три компонента в совокупности составляют основу либерально-демократической общественно-политической системы. Она связана с утверждением и легитимизацией в процессе капиталистического развития новой по сравнению со Средневековьем системы миропонимания, в которой свободный индивид признается в качестве самостоятельной единицы социального действия.

В этом контексте либерализм, особенно на начальном этапе, внес наибольший вклад в формирование и утверждение демократической формы правления и правового государства, поэтому-то и принято говорить о *либеральной демократии*. Однако современная демократия отнюдь не сводится к либерализму — в ее формирование значительный вклад, особенно в XX в., внесли и другие идейно-политические течения.

Демократия имеет длительную и древнюю историю, и ее можно рассматривать как результат развития западной цивилизации, особенно греческого и римского наследия, с одной стороны, и иудео-христианской традиции — с другой. Термин «демократия» происходит от греческого слова «*demokratia*», состоящего в свою очередь из двух слов: «*demo*» — народ и «*kratos*» — власть, правление. Обращает на себя внимание многозначность и неопределенность самого понятия «демократия».

В настоящее время термин «демократия» используется в нескольких значениях.

Во-первых, в своем первоначальном смысле он означает форму правления, при которой право принятия политических решений осуществляется непосредственно всеми без исключения гражданами, действующими в соответствии с правилами правления большинства. Эта форма известна под названием *прямой демократии*, или *демократии участия*.

Во-вторых, это форма правления, где граждане осуществляют свое право не лично, а через своих представителей, избранных ими и ответственных перед ними. Ее, как правило, называют *представительной* или *плюралистической*.

В-третьих, это форма правления, где власть большинства реализуется в рамках конституционных ограничений, имеющих своей целью гарантировать меньшинству условия для осуществления определенных индивидуальных или коллективных прав, таких, например, как свобода слова, вероисповедания и др. Это *либеральная*, или *конституционная*, демократия.

В-четвертых, термин «демократический» часто используется для характеристики любой политической или социальной системы, которая независимо от того, является ли она действительно демократической или нет, ставит своей целью свести к минимуму социальные и экономические различия, особенно те, которые вызваны неравным распределением частной собственности. Данную форму называют *социальной демократией*, крайним выражением которой является *социалистическая демократия*.

Можно привести еще множество других значений понятия «демократия». Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в неправомочности какого бы то ни было однозначного его толкования.

В западной политической традиции возникновение идеи демократии ассоциируется с городами-государствами Древней Греции. Платон и Аристотель в своих изысканиях по созданию систематической теории политики характеризовали демократию как один из пяти или шести главных типов правления. Греческую историю в период ее расцвета можно рассматривать как историю борьбы между демократи-

ческими и олигархическими или аристократическими государствами, наиболее ярко выраженными представителями которых выступали Афины и Спарта.

Древнегреческая демократия во многих своих аспектах существенно отличалась от демократии наших дней. Прежде всего это была система прямого правления, при которой весь народ (точнее, совокупность свободных граждан) являлся как бы коллективным законодателем и в которой не была известна система представительства. Такое положение стало возможным в результате ограниченных размеров древнегреческого государства, которое охватывало, как правило, город и прилегающую к нему сельскую территорию, население которых крайне редко превышало 10 тыс. граждан.

В древних демократических городах-государствах каждый гражданин был наделен правом участвовать в принятии решений, касающихся его жизни и деятельности. Значительная часть граждан в течение своей жизни хотя бы раз занимали один из множества существовавших в городе-государстве выборных постов. Не было разделения между законодательной и исполнительной властями: обе эти ветви были сосредоточены в руках граждан. Политическая жизнь характеризовалась значительной активностью граждан, которые живо интересовались всеми сторонами и аспектами процесса управления.

Прямая демократия такого рода рассматривалась в качестве идеальной формы многими мыслителями Нового времени. Референдум и гражданская инициатива, сохранившиеся в конституциях ряда стран (например, Швейцарии), могут рассматриваться как элементы прямой демократии, унаследованные от прошлого представительной демократией.

Другое важное отличие античной демократии в сравнении с современной состояло в трактовке равенства. Античная демократия не только была совместима с рабством, но и предполагала его в качестве условия освобождения от физической работы свободных граждан, которые посвящали себя разработке и решению общественных проблем. Современные демократии, как правило, не признают в политической сфере какие бы то ни было различия и привилегии, основанные на социальном происхождении, классе, расе и поле.

Основополагающее значение для формирования и утверждения демократии имела возникшая в Новое время идея прирожденных, неотчуждаемых прав каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Неразрывная взаимосвязь этой триады выражается в убеждении, что частная собственность — основа индивидуальной свободы. Она в свою очередь рассматривается в качестве необходимого

условия самореализации отдельного индивида, выполнения главного предназначения его жизни.

Теории демократии интегрировали в себя основной комплекс идей, относящихся к этим двум феноменам. Здесь отметим лишь то, что XX век внес свои коррективы в теорию и практику демократии. Несомненно, необходимым условием демократии в любых ее формах является политическая свобода. Но она не может быть соответствующим образом реализована там, где нет реального выбора в социальной и экономической сферах, где велико социальное неравенство.

Свобода как идеал в условиях демократии всегда соотносится с принципом справедливости. При этом надо помнить, что там, где социальное неравенство способствует подрыву принципа справедливости, необходима та или иная система перераспределения материальных благ. Рыночная система и свободная конкуренция, как показывает мировой опыт, обеспечивают наилучшие условия и возможности для роста производительности и стимулирования индивидуальной инициативы.

В то же время рыночные силы постоянно порождают социальную несправедливость, выталкивая часть граждан на обочину общественной жизни. С этой точки зрения противоречие между требованиями социальной справедливости и императивами экономической эффективности остается постоянно воспроизводящим себя противоречием современного индустриального общества.

Одной из попыток решения этого противоречия стала система кейнсианства, сыгравшая большую роль в преодолении Великой депрессии 30-х годов и построенная на постулате идеологической, политической и социально-экономической недостаточности индивидуализма, свободной конкуренции и свободного рынка. Эта система обосновала и необходимость усиления роли государства в важнейших сферах жизни общества. В противовес концепции государства — «ночного сторожа» — была выдвинута концепция государства благосостояния. Она основана на идее необходимости и возможности преодоления социальных конфликтов путем обеспечения с помощью государственного вмешательства удовлетворительных условий жизни всем слоям населения.

Сторонники государства благосостояния постулируют равную значимость экономической и социальной сфер и необходимость органического соединения свободно-рыночных отношений с социальной политикой государства, сочетания рыночных и социальных принципов, гуманизации рынка посредством разработки и реализации государ-

ством системы социальной политики, направленной на гарантирование минимального жизненного уровня всем слоям населения.

Главную цель государства благосостояния его сторонники усматривали и продолжают усматривать в том, чтобы добиться синтеза экономической свободы, социальной защищенности и справедливости. Другими словами, в государстве благосостояния политические права дополняются социальными правами, предусматривающими предоставление всем членам общества принятого в данном обществе минимума материальных благ.

10.2. Основные принципы и установки демократии

Демократия — это одна из основных форм политической самоорганизации общества. Комплекс институтов и организаций, структура и функционирование которых основываются на либерально-демократических мировоззренческих и ценностных постулатах, нормах, установках, составляет политическую систему демократии. В настоящее время существует несколько теорий демократии, основными из которых являются *плюралистическая, партиципаторная (или демократия участия), рыночная, плебисцитарная, консоциативная, представительная, народная, социалистическая.*

Наиболее распространенной из них является плюралистическая. Следует отметить, что во всех этих теориях, за исключением социалистической, присутствуют основные элементы плюрализма. Например, консоциативная, или согласительная, модель демократии, в наиболее законченной форме реализованная в Швейцарии, предусматривает систему правления, основанную не на принципе власти большинства, а на принципе пропорционального распределения власти между политическими, религиозными и этническими группами. Приход к власти элиты (что дает основание говорить об элитарной модели демократии) не обязательно устраняет различия между демократией и авторитаризмом и тоталитарными режимами.

По-видимому, были правы В. Парето, Г. Моска и другие ученые, которые считали, что ведущие позиции в структурах власти, особенно в ее верхних эшелонах, при любом политическом режиме занимают представители элиты. И действительно, при каждом режиме имеются относительно компактные и более или менее организованные группы лидеров, из среды которых выдвигаются руководители государства, политических партий и движений. В совокупности они составляют так называемый политический класс. Но при этом необходимо отметить,

что институциональные, социокультурные, идейно-политические и иные факторы (и особенно сам тип политической системы) оказывают глубокое влияние на роль элит в различных политических режимах. Правящая, или политическая, элита по-разному осуществляет властные функции при демократических, авторитарных и тоталитарных режимах.

В целом демократическая форма правления характеризуется не отсутствием элит, а наличием множества элит, конкурирующих друг с другом за голоса избирателей. Учитывая все это, при анализе основных принципов и установок демократии в качестве исходной берется плюралистическая модель. Хотя институты и формы демократии в разных странах могут варьироваться, существует некоторый комплекс принципов, норм и ценностей, составляющих условия *sine qua non*, без которых любой режим нельзя расценивать как демократический в собственном смысле слова.

Основными институтами современной либеральной демократии являются: народное представительство, осуществляемое с помощью свободных выборов; система разделения властей, обеспечивающая контроль исполнительной власти (президента, правительства) властью законодательной (парламентом); иерархия юридически-правовых норм, основанная на принципе законности, и др. Один из важнейших принципов, на которых покоится современная демократия, — система разделения властей на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную.

Сама эта теория в более или менее четко сформулированной форме возникла в конце XVII — первой половине XVIII в. Существенный вклад в разработку этой проблемы внес Дж. Локк, ставший в некотором роде идеологом «славной революции» 1688 г., когда решался вопрос об ограничении властных полномочий монарха в пользу парламента. Обосновав необходимость четкого разграничения законодательной и исполнительной ветвей власти, Локк вместе с тем не выделял судебную власть как самостоятельную ветвь и рассматривал судопроизводство как прерогативу исполнительной власти.

Обосновывая мысль о необходимости учреждения судебной власти в качестве самостоятельной ветви, Ш. Л. Монтескье писал: *«Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной... Все погибло бы, если бы в одном и том же лице*

или учреждений... были соединены эти три власти». При этом важно отметить, что Монтескье подчеркивал не только независимость ветвей власти друг от друга, но и необходимость их взаимного дополнения и уравнивания. У него разделенные власти выступают как подсистемы единой системы, как три ветви единого ствола.

Таким образом, именно Монтескье принадлежит приоритет в окончательном формулировании теории разделения верховной власти на три самостоятельные ветви. В этой теории, в той форме, какую она приняла к настоящему времени, независимость различных ветвей власти обосновывается тем, что в любом государстве существуют некие фундаментальные функции, которые в силу коренных различий в самой их природе можно реализовать раздельно.

Глава государства, парламент, правительство, судебная власть имеют строго очерченные права и полномочия. Условием обеспечения политической свободы является установление оптимальных взаимоотношений между различными ветвями и органами власти. При этом ни одна из властей не должна быть неограниченной или преобладать над другими ветвями. Как отмечал Ш. Л. Монтескье, *«чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга».*

Судебная власть выступает главным гарантом соблюдения конституции и законности двумя другими ветвями власти, арбитром при возникновении трений и споров между ними. Она обеспечивает бесперебойное функционирование системы сдержек и противовесов. Для этого создается специальный судебный орган. Во Франции это Конституционный совет, в функции которого входит определение правомочности действий президента и парламента, соответствие принимаемых ими указов, постановлений и законов конституции, а также международным соглашениям и договорам. В Германии аналогичные функции выполняет Федеральный конституционный суд, обладающий довольно широкими полномочиями. В США конституционный надзор осуществляет Верховный суд, а в России — Конституционный суд.

Мерилом демократичности и правового характера современного государства во второй половине XX в. становится его приверженность принципам и положениям Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. и дополненной 19 декабря 1966 г. двумя пактами: один — об экономических, социальных и культурных правах, другой — о гражданских и политических правах. Без принципа неприкосновенности личности, без свободы слова и прессы, а также доступа к информации, касающейся общественных дел, право голоса теряет смысл. Без свободы от произвольных

арестов партия, находящаяся у власти, может терроризировать своих противников и серьезно ослаблять оппозицию. Для обеспечения гражданских, политических и других прав основополагающее значение имеет система политически независимых судов.

Одной из ключевых характеристик демократии является политическое равенство всех без исключения граждан перед законом с его принципом «один человек — один голос». Этот принцип, чтобы не оставаться просто декларацией, предполагает целый ряд других элементов, которые интегрально входят в само определение демократии. Речь идет прежде всего об идее, согласно которой правительство должно действовать в соответствии с четко фиксированными и общепринятыми процедурами, позволяющими без каких-либо препятствий выражать и обнародовать позиции, интересы, устремления всех заинтересованных лиц и групп.

Основополагающее значение для теории демократии имеют формирование и утверждение современной идеи народного представительства, в соответствии с которой представительные органы власти избираются не пожизненно, а на определенный, строго фиксированный конституцией срок. Периодическая подотчетность выборного представителя перед избирателями стала существенным элементом демократической теории. И это естественно, поскольку если демократия действительно означает самоуправление народа, то недостаточно, чтобы на государственные посты должностные лица только избирались народом (даже всеобщим голосованием). Они еще должны периодически отчитываться перед народом за свои действия.

В плюралистической модели сфера политики рассматривается как хорошо отлаженный механизм, в котором участвует множество заинтересованных групп, взаимно сдерживающих и уравнивающих друг друга в процессе реализации своих интересов. Она предполагает наличие в обществе множества центров власти, вступающих в конфликты, соглашения, компромиссы, в ходе которых принимаются взаимоприемлемые решения. Такой плюрализм гарантирует условия для борьбы различных социально-политических сил в случае возникновения между ними конфликтов, достижения равновесия и компромисса в обществе.

Исключая монополию на власть со стороны какого-либо одного лица, социальной группы, партии и т. д., либерально-демократическая модель постулирует идею самого широкого выбора во всех сферах общественной жизни. Основополагающее значение с данной точки зрения имеет свобода экономического выбора и соответственно наличие альтернативных источников получения средств существова-

ния. Здесь в качестве само собой разумеющихся, самоочевидных постулатов принимаются идеи частной собственности, свободного рынка, свободного предпринимательства.

Именно в силу той значимости, которая придается данному принципу, на Западе большую популярность получила так называемая рыночная теория демократии. Основные положения этой теории впервые сформулировал Й. Шумпетер в книге «Капитализм, коммунизм, демократия», опубликованной в 1942 г. В ней откровенно и однозначно использовалась рыночная терминология для анализа и трактовки демократии и демократического процесса. Продолжая эту линию, Э. Доунс, Э. Шатшнайдер, А. Вильдавски и др. отождествляли политический процесс с обменом в условиях конкуренции на рынке. Голосование на выборах рассматривалось как обмен голосов за определенный политический курс, а деятельность политиков — как деятельность предпринимателей, занятых на рынке завоеванием и укреплением позиций путем торгов и наращиванием поддержки в поисках коалиций.

Либерально-демократическая система включает принцип «согласия не соглашаться» с мнениями и позициями других членов или групп общества. И действительно, где нет свободы несогласия или господствует принцип единогласия, там нет и не может быть демократии, независимо от того, как она называется — «народной», «либеральной», «буржуазной», «социалистической».

В этом смысле демократии близки принципы критического рационализма, особенно готовность выслушивать критические аргументы и учиться на опыте, руководствуясь принципом: *«Я могу заблуждаться, прав можешь быть ты, и вместе мы, возможно, нападём на след истины»*. При таком подходе при решении сколько-нибудь значимых проблем в идеале отвергается волевое навязывание позиций одной части общества другой его части. С данной точки зрения существенным признаком демократии как формы правления большинства является соблюдение интересов и прав меньшинств.

Это, в частности, выражается в наличии лояльной и конструктивной оппозиции в качестве законного партнера в демократическом процессе. Терпимость в отношении элементов, которые отвергают фундаментальные принципы демократии и ее право на существование, не может быть приемлема, поскольку они представляют угрозу самому существованию демократии.

Само собой предполагается соблюдение и правительством, и оппозицией «правил игры», суть которых состоит в общепринятом согласии на мирную передачу власти от одной (побежденной) партии

другой (победившей) в ходе избирательного процесса, ротацию власти на всех уровнях и т. д. Различным и независимым как от государства, так и друг от друга организациям, ассоциациям, иным заинтересованным группам на законных основаниях предоставляются конституционные гарантии мирной конкуренции за доступ к власти.

Особенно важное значение имеет то, что в отличие от тоталитарной и авторитарной моделей, где сила занимает статус *prima ratio*, т. е. первого, или главного, аргумента, призванного решать возникающие в обществе конфликты путем нанесения противной стороне поражения, в демократической модели сила отодвинута на задний план и оставлена про запас в качестве *ultima ratio*, т. е. последнего аргумента, используемого только в случае необходимости, а конфликты разрешаются путем соглашений, компромиссов, судебных разбирательств.

10.3. Недостатки и достоинства демократии

Демократия в значительной мере представляет собой механизм или средства решения возникающих в обществе проблем. В этом смысле главное ее предназначение состоит в создании приемлемых для большинства людей рамок и механизмов разрешения конфликтов. Поэтому в процедурах демократии важное место занимает определение источников конфликта и его субъектов. Поскольку демократия — это процесс, в котором участвуют разнообразные силы, ее ни в коем случае нельзя свести к какому бы то ни было одному цвету, одному «изму». Самое главное состоит в том, чтобы при любых путях и средствах реализации основополагающих принципов демократии последнее условие было соблюдено.

В этом сила, жизнеспособность и одновременно слабость демократии. В стремлении избавиться от заложенных в ней слабостей, исправить, заменить формальную демократию «сущностной», «социальной» или иными формами «истинной» демократии имманентно присутствует опасность тотализации путем слияния общества и государства и соответственно уничтожения самой демократии.

Многие мыслители прошлого, будучи не всегда противниками демократии, предупреждали о ее недостатках и таящихся в ней угрозах. Примечательно, что Платон считал демократию самой коррумпированной после тирании формой правления. Аристотель называл демократию самой низшей из всех законных форм правления, в наибольшей степени склонной перерождаться в тиранию. Продолжая эту тенденцию, И. В. Гёте писал: *«Ничто так не отталкивает, как большинство, ибо оно состоит из кучки сильных лидеров, из плутов, которые*

приспосабливаются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая движется за ними, не имея ни малейшего представления о том, чего она хочет».

Подобных, не совсем лестных оценок деятельности демократии выдающимися мыслителями прошлого — множество. Но достаточно отметить, что опыт XX в. в целом подтвердил правоту А. де Токвиля, предупреждавшего о таящихся в демократии опасностях для свободы, возможностях «тирании большинства», которая может быть не менее, если не более, жестокой, чем тирания немногих или одного. Здесь уместно отметить, что А. де Токвиль был одним из тех, кто рассматривал развитие государственно-политических систем по пути демократии как неизбежную закономерность. Разумеется, нет и не может быть совершенной демократии, но, несмотря на все недостатки, она самая лучшая и самая гуманная форма правления из всех до сих пор известных. У. Черчилль как-то говорил, что *«демократия — ужасная форма правления, если не считать всех остальных».*

Демократическая форма правления действительно характеризуется многими недостатками и связана с целым рядом издержек. Но при всем том человечество еще не придумало более эффективную и вместе с тем более соответствующую воле большинства членов общества и одновременно духу свободы личности форму правления. Достоинства демократии могут быть сомнительны, но пороки диктатуры самоочевидны.

Очевидны относительность, временная и пространственная ограниченность парламентаризма, системы представительства, всеобщего избирательного права и других атрибутов демократии. Они не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. Решение одних проблем чревато возникновением новых, порой еще более серьезных, но это не может служить достаточным основанием для потери веры в саму демократию. Демократия есть прежде всего фундаментальная установка, своего рода шкала ценностей, определенная концепция человека и его места в обществе.

В некотором смысле демократия представляет собой также образ жизни, базирующийся на фундаментальном постулате о равенстве всех людей перед законом и праве каждого члена общества на жизнь, свободу и частную собственность. Очевидно, что демократия предполагает определенные условия для своего утверждения и нормального функционирования. Важно, чтобы каждый человек сознавал не только пределы своих интересов и прав, но также пределы своей ответственности и обязанности к самоограничению. А это вещи, приобретаемые в результате длительного исторического опыта. *«Если демократия*

открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, — писал П. И. Новгородцев, — то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приводит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни».

Несмотря на большую по сравнению с другими моделями политической системы сложность демократии, ее выживаемость во многом зависит от того, насколько ее принципы и механизмы доступны пониманию среднего человека, от того, что избиратели подразумевают под подлинной демократией. Что касается современных условий парламентской демократии — всеобщего голосования, плюрализма партий и политических организаций, представляющих разного рода заинтересованные группы, — то очевидно, что ни одно правительство не может завоевать власть без согласия и доброй воли большинства избирателей.

Здесь немаловажное значение имеют состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение. В этой связи показательно, что, несмотря на различия — порой существенные — по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства, большинство политически активного населения стран Запада разделяет идеи конституционализма, индивидуализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати.

Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования разнообразных конфликтующих друг с другом интересов, группировок, партий. В этом контексте важно подчеркнуть, что стабильность в обществе и обеспечение такой законности имеют мало шансов, когда политические противоречия совпадают с мнениями социального, религиозного, культурного, расового, этнонационального или иного разделения в обществе. Стабильность демократии особенно эффективно обеспечивается в том случае, если главные политические партии имеют сторонников среди различных слоев и групп населения.

10.4. Конституционные основания демократии

Демократический характер политической системы определяется тем или иным основополагающим документом, прежде всего в форме конституции, которая фиксирует гражданские свободы и права человека, плюрализм, договорную систему и принцип представительства. Важное значение для развития демократической теории имели фор-

мирование и утверждение идеи о необходимости ограничений на политическую власть, требуемых для того, чтобы правительство реализовало свои основные функции обеспечения общего блага.

Принцип конституционного правления, который прошел сложный и длительный путь формирования и эволюции, стал в некотором роде материальным воплощением идеи ограничения действий верховной власти в рамках народного согласия. Но что же такое конституционное правление и конституция? Говоря о «конституции государства», Аристотель имел в виду его сущностное содержание или структуру. В аналогичном духе говорилось о «конституции человека». В таком широком смысле любое государство имеет свою «конституцию». У древних греков конституция (*Politeia*) означала форму правления, следовательно, считалось, что все шесть форм правления, которые выделял Аристотель, имели конституции.

История все же отдала предпочтение иному пониманию конституции и конституционализма. В современном понимании конституция, независимо от формы, включает принципы организации, законы, правила, нормы, регулирующие деятельность государства. В узком смысле, когда говорят, например, о конституционном режиме, то имеют в виду, что этот режим или правительство подлежат определенным ограничениям и действуют в соответствии с установленными правилами и нормами, а не произвольно, по своему усмотрению. Под «конституционализмом» понимается также комплекс теорий или идей, характеризующих и обосновывающих конституционные принципы.

С самого начала конституция была призвана поставить закон выше личности властителя. Именно в силу того, что суверен во всех странах ставился выше закона, стала неизбежна революция, призванная подчинить его закону и создать законодательные собрания, в той или иной форме и степени представляющие волю народа. Отсюда появление в ходе Французской революции 1789 г. и особенно революции 1848 г. писанных конституций на европейском континенте.

Главная идея конституции — это разделение и ограничение власти для оптимального обеспечения свободы. Заслугу отцов-основателей американской конституции лорд Дж. Эктон видел в том, что им удалось решить проблему, которая веками волновала многих политических философов и мыслителей. Суть этой проблемы состояла в следующем: как наделить государство достаточными властными полномочиями, чтобы оно было способно обеспечить общественный порядок и эффективность управления, и в то же время ограничить эти полномочия, для того чтобы исключить незаконное ущемление гражданских свобод.

Конституция определяет горизонтальное и вертикальное распределение прерогатив между различными ветвями и уровнями власти, фиксируя, какие органы или ветви власти осуществляют соответственно законодательные, исполнительные и судебные функции, как они формируются, как взаимодействуют друг с другом, какими правилами, нормами и процедурами в своих действиях руководствуются. Тем самым конституция четко очерчивает рамки и формы коллективной политической борьбы, смены правительства, взаимодействия правительства и оппозиции, принятия политических решений и др.

В этом пункте вопрос о конституционализме соприкасается со сферой демократии и демократических институтов. И это естественно, поскольку в наши дни конституционное правительство — это по своей сути демократическое правительство. Почти все писанные конституции содержат декларацию относительно основных органов и ветвей власти, возлагаемых на них властных прерогатив, а также относительно того, как они связаны друг с другом и как сдерживают и ограничивают друг друга.

В случае, когда та или иная страна не имеет писаной конституции, важнейшие институты правления устанавливаются исторически, а традиции и обычаи утверждают их прерогативы и рамки. Знаменитое выражение Наполеона о том, что конституция должна быть «краткой и туманной», отражает реальности эпохи, в которой конституции являются сводами правил с широкими потенциальными возможностями для злоупотреблений.

В современных условиях жизнеспособность конституции измеряется пределами, в которых она обеспечивает эффективное функционирование таких фундаментальных институтов власти, как суды, законодательные собрания, исполнительные органы, политические партии и др. Конституция обеспечивает необходимый уровень и основу легитимизации государственного правового порядка.

Любая конституция, заслуживающая это название, включает в себя следующие основополагающие положения: верховенство закона, конституционные права, реализация которых обеспечивается механизмом разделения властей, сдержек и противовесов. Конституция должна четко очертить формы и рамки политической борьбы. Демократическая конституция выполняет три основополагающие функции: выражает согласие народа, в силу которого устанавливается само государство; фиксирует определенную форму правления; предоставляет и одновременно ограничивает властные полномочия правительства.

Конституция фиксирует фундаментальные принципы политического устройства, а не постоянно меняющиеся законы. Этим принци-

пам подчиняются все законы государства и действия правительства, которые должны согласовываться с конституционными нормами. В этом смысле конституцию можно рассматривать как своеобразную узду на политическую власть, призванную не допустить неограниченного господства последней над обществом и людьми.

Иначе говоря, ограничения составляют краеугольный камень конституционализма, и поэтому так или иначе система ограничений занимает центральное место в любой конституции, заслуживающей это название. Утверждение тех или иных специфических путей и средств реализации правительственных действий уже самим своим фактом запрещает другие пути и средства. Но конституции, как правило, идут дальше и ограничивают власть, устанавливая пределы прерогатив высших ее органов и фиксированные процедуры, по которым она действует.

10.5. Либерально-демократические режимы

Разобрав основные параметры и принципы либерально-демократической политической системы, перейдем теперь к анализу основных режимов этой системы. Выше уже говорилось о том, что классификация либерально-демократических режимов производится исходя из характера разделения властей, конфигурации государственных институтов, их функций и др. Как отмечалось ранее, по данному признаку различаются парламентский, президентский, смешанный президентско-парламентский режимы. С этой точки зрения особенно показательна роль, которую играют глава государства и глава правительства.

При *парламентском режиме* глава государства — это по сути дела титулярный церемониальный руководитель страны, который символизирует суверенитет и величие государства. Он занимает первое место в иерархии церемониальных, почетных рангов и выполняет ряд особых задач в области внешней и внутренней политики. Он может носить официальный титул короля или королевы в конституционных монархиях, например, как в Швеции, Норвегии, Великобритании, Бельгии, Дании, Голландии, Испании и др., или президента в президентской или парламентской республике, как в США, Франции, Германии, Италии и т. д.

Ограниченность и слабость реальных прерогатив главы государства при парламентской форме правления проявляются, в частности, в том, что он избирается в большинстве случаев не в ходе всеобщего прямого голосования, а специально уполномоченными органами,

например парламентом. Так, президент Германии избирается особым собранием, одна половина которого формируется из депутатов бундестага, а другая — из представителей земельных парламентов. Что касается конституционных монархий, то там глава государства — монарх — получает власть по наследству.

Центральную роль при парламентском режиме играет парламент. Он занимает привилегированное положение по отношению к другим органам государственной власти. Прототип парламента как органа сословного представительства возник еще в XIII в. в Англии. Но реальное значение парламент как самостоятельная ветвь государственной власти (законодательной и представительной) приобрел после социально-политических революций XVII—XIX вв. Ныне парламент и парламентаризм стали неотъемлемыми структурными и функциональными элементами политической системы либерально-демократического типа.

В разных странах для обозначения законодательного и представительного органа власти применяются разные названия. «Парламент» как собственное наименование высшего представительного органа власти используется в Великобритании, Италии, Японии, Канаде, Бельгии, Индии и других странах. В США и странах Латинской Америки он называется конгрессом, в Швеции — риксдагом, в Финляндии — сеймом, в России — Федеральным Собранием и др.

В государствах с федеративной формой государственного устройства парламенты, как правило, строятся по двухпалатной системе (США, Канада, ФРГ, Австралия, Россия и др.). Нижние палаты в двухпалатных парламентах и однопалатные парламенты образуются путем прямых выборов. Верхние палаты в разных странах образуются по-разному: в США, Италии и некоторых других странах — на основе прямых выборов, в Германии и Индии — путем непрямых, многоступенчатых выборов, причем в ряде стран (Великобритания, Канада) часть их членов занимает места в порядке наследования или назначения.

Первоначально парламент был создан в качестве не только противовеса правительству, но и инструмента представительства граждан. Сам факт, что депутаты парламента избираются прямым всеобщим голосованием и выступают выразителями народного суверенитета, наделяет их значительной долей независимости по отношению к правительству. Чтобы стать депутатом и сохранить за собой эту должность, члену парламента достаточно обеспечить доверие к себе и поддержку избирателей своего избирательного округа. Независимость депутатов проявляется, в частности, в том, что на них распростра-

няется парламентский иммунитет, согласно которому во время своей деятельности они пользуются принципом неприкосновенности. В случае совершения тем или иным депутатом уголовно наказуемых преступлений для его привлечения к уголовной ответственности требуется специальное решение парламента, лишающее его иммунитета и статуса неприкосновенности.

Для организации своей деятельности парламент создает ряд органов и выбирает должностных лиц (председателя (спикера), его заместителей, секретарей и т. д.). Важное место занимают различные комитеты и комиссии, которые, как правило, состояются из членов всех представленных в парламенте партий пропорционально их численности.

В функции парламента входят разработка и принятие законов, принятие государственного бюджета, ратификация международных договоров, избрание органов конституционного надзора и др. В странах, где предусмотрена ответственность правительства перед парламентом, последний формирует правительство и контролирует его деятельность. Если глава государства всего лишь церемониальный руководитель, то глава правительства, избираемый парламентом, — главный активный политический руководитель страны. Ему принадлежит главная роль в формировании политики и руководстве правительством. Что касается самого правительства, то его формирует та партия, которая обладает большинством в парламенте и несет перед ним ответственность.

Главная задача парламента — формирование правительства. Именно в ходе парламентских выборов выясняется, какая партия или коалиция партий будет формировать правительство. Типичный образец парламентского режима дает Германия. Здесь вся полнота законодательной власти передана законодательному собранию или парламентау в лице бундестага. Права президента как главы государства существенно урезаны и сведены фактически к представительским функциям. Бундестаг не только формирует правительство, но и выбирает главу правительства — канцлера. Причем фракция партии большинства играет активную роль в работе правительства, в принятии им ответственных решений. Само правительство формируется из числа депутатов парламента, представляющих партийные фракции парламентаского большинства.

Сильными позициями обладает исполнительная власть при парламентанской форме правления в Великобритании. Здесь партия, победившая на парламентаских выборах, становится правящей и формирует правительство, а проигравшая образует «официальную оппозицию»

ее величества», ожидая своей очереди на победу при следующих выборах. Премьер-министр, избираемый партией большинства в парламенте, обладает довольно широкими полномочиями. Причем правительство вправе осуществлять далеко идущие изменения в обществе, такие, например, как национализация ряда ведущих отраслей экономики (при правительстве лейбористов) или денационализация и реприватизация тех или иных отраслей (при консервативном правительстве М. Тэтчер).

Нередко в парламентских республиках высший законодательный орган по тем или иным причинам может быть распущен досрочно, после чего назначаются внеочередные выборы. Здесь важно отметить и то, что при парламентском режиме правительство не всегда формируется партией, завоевавшей наибольшее число голосов. Так, в Германии, Австрии, Ирландии, Норвегии, Швеции не раз правительство возглавляла партия, занявшая по числу завоеванных на выборах голосов второе место и вступившая при этом в коалицию с какой-либо небольшой партией. Такое положение может привести к нестабильности правительства, его зависимости от колебаний позиций входящих в коалицию мелких партий.

При *президентском режиме*, типичным примером которого является форма правления в США, президент является одновременно главой государства и главой правительства. При этой форме глава исполнительной власти избирается прямым голосованием всеми гражданами на всеобщих выборах. После избрания президент формирует правительство или кабинет министров. При этом кандидаты на ряд ключевых постов должны быть утверждены законодательным собранием. Правительство в данном случае выполняет своего рода роль «личного штаба» президента.

При американской президентской форме правления некоторыми особенностями характеризуются и выборы в конгресс. Согласно Конституции США, конгресс состоит из двух палат: верхней — сената и нижней — палаты представителей. Сенаторы избираются на шесть лет от штатов в целом, а члены палаты представителей — на два года, главным образом от так называемых конгрессистских дистриктов (округов), а в ряде случаев и от штатов в целом. От каждого штата независимо от численности его населения избираются по два сенатора, которые являются представителями штатов как территориально-административных единиц. Палата представителей состоит из конгрессменов, избираемых жителями штатов. Число конгрессменов зависит от численности населения этих штатов. С 1912 г. общее число членов палаты представителей составляет 435 человек.

Для президентского режима, особенно американского, характерен так называемый феномен раздельного голосования и «раздельного правления». Суть первого состоит в том, что значительное число избирателей, голосуя за кандидата «своей» партии на пост президента страны по списку кандидатов в законодательное собрание, могут поддержать представителей конкурирующей партии. В США кандидаты на пост президента от республиканской партии часто побеждали за счет привлечения на свою сторону сторонников демократической партии, и наоборот.

Именно этим обстоятельством объясняется феномен «раздельного правления». В США это такое положение, когда Белый дом в Вашингтоне возглавляет представитель одной партии, в то время как в одной или обеих палатах конгресса большинство принадлежит соперничающей партии.

О характере различий в процедурах формирования правительств победившими партиями наглядное представление можно составить, сравнив эти процедуры в классически президентской системе США и классически парламентской системе Великобритании. При парламентской системе каждая партийная фракция в парламенте выступает как единая команда, в которой все члены придерживаются более или менее строгой дисциплины. Поскольку на выборах избиратели голосуют большей частью за партийный список, а не за конкретного кандидата, депутат, выступивший против линии партии, рискует быть исключенным из партии. Здесь партия большинства контролирует и законодательную, и исполнительную власть.

Показателен пример Великобритании, где все послевоенные правительства, за исключением одного, опирались на однопартийное большинство в парламенте. В США правительство формируется главой государства — президентом — внепарламентским путем. Характер отношений президента как главы государства и одновременно главы правительства с его партией иной, чем в странах с парламентарной системой.

В американской политической системе отсутствуют такие институты европейского парламентаризма, как роспуск парламента главой государства и ответственность правительства перед парламентом. В Великобритании, например, премьер-министр, получив мандат от электората и сосредоточив в своих руках функции руководства партией и кабинетом, правит через парламент. Он, равно как и возглавляемый им кабинет, ответствен перед парламентом. В случае вотума недоверия или каких-либо других чрезвычайных обстоятельств премьер-министр вправе распустить парламент и назначить новые выборы.

В США президент осуществляет реальный контроль над федеральной администрацией. Он не является лидером партии в европейском смысле слова. Властные функции фактически распределены между президентом и конгрессом, внутри конгресса — между палатами, а внутри палат — между десятками постоянных комитетов, располагающих значительной самостоятельностью.

В отличие от британского премьер-министра американский президент правит не через конгресс, а вместе с конгрессом. Хотя президент лишь формально считается главой партии, он не является таким юридически. Активисты партии и поддержавшие ее кандидата избиратели ожидают от президента реализации программы, с которой он пришел к власти. Для этого президент должен создать кабинет министров, которые принимают его программу и способны провести ее в жизнь. Он должен также укомплектовать штат Белого дома, призванный содействовать достижению этой цели.

Некоторые авторы выделяют также *ультрапрезидентскую* форму правления, при которой достигнута наибольшая независимость президента от высшего законодательного собрания. Это объясняется в сущности способом избрания президента — всеобщим прямым голосованием, что ставит его в независимое от парламента положение, поскольку парламент в принципе лишен возможности оказывать какое бы то ни было влияние на исход выборов.

Более того, в ряде стран, обладая правом вето, президент располагает возможностями контролировать деятельность парламента. К этому следует добавить и то, что согласно конституции некоторых стран, например Франции, ряда африканских и латиноамериканских стран, президент вправе выступать с законодательной инициативой по вопросам, затрагивающим важнейшие сферы общественной жизни.

Показательно, что в 1970—1980-х годах, в условиях неуклонного усиления реальных прерогатив в руках исполнительной власти, многие аналитики не без оснований забили тревогу относительно наметившихся авторитарных тенденций в ряде индустриально развитых стран. Так, известный американский историк и политолог А. М. Шлезингер-младший написал объемный труд под красноречивым названием «Имперское президентство». В нем речь шла о том, что президент США по объему сосредоточившихся в его руках реальных властных полномочий далеко превзошел многих монархов и императоров прошлого. М. Дюверже, используя подобные аргументы, характеризовал режим, установленный Ш. де Голлем во Франции, как республиканскую монархию.

Парламентско-президентскому, или президентско-парламентскому, режиму исполнительной власти присущ своего рода дуализм, заключающийся в том, что руководящие исполнительные функции являются прерогативой и президента, и кабинета министров, ответственного перед парламентом. Следовательно, глава государства — президент и глава правительства — премьер-министр выступают в двух лицах. Как президент, так и парламент избираются путем прямого всеобщего голосования. Президент оказывает существенное влияние на формирование правительства и назначение на ключевые посты. Правительство зависит от президента, но в то же время оно ответственно перед парламентом, который вправе его сменить.

Типичным примером этого типа является режим во Франции. Здесь президент, от которого зависит правительство, разрабатывает стратегию социально-экономического и политического развития страны. Возможен конфликт между главами государства и правительства. Так было, например, во Франции в середине 1980 — начале 1990-х годов, когда Елисейский дворец занимал представитель социалистической партии, а пост премьер-министра — представитель правоцентристских сил.

Что касается России, то установленный у нас режим можно назвать смешанным президентско-парламентским. У нас, как и во Франции, глава государства — президент и глава правительства — премьер-министр выступают в двух лицах. Президент выступает гарантом сохранения единства государства. Он определяет стратегические направления развития страны и наделен широкими полномочиями для реализации этих направлений. В то же время, хотя правительство ответственно перед президентом, парламент имеет определенное влияние на его формирование. В частности, требуется согласие парламента на назначение председателя правительства. Парламент решает вопрос о доверии правительству. Но оперативная деятельность последнего выведена из-под контроля Федерального Собрания.

Следует отметить, что вопрос о том, какой из трех основных режимов в наибольшей степени подходит России, отнюдь не простой и остается предметом острых споров и дискуссий. И президентский, и парламентский режимы имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Верно, что в странах, переживших тоталитаризм или близкие к нему режимы (Германия, Италия, Испания, Япония), утвердились парламентские режимы (хотя в последних двух в форме конституционной монархии). В этих странах именно парламентские институты во многом позволили изжить, преодолеть основные атрибуты, ценности и установки антидемократизма. Но в условиях России

без сильного центра, скрепляющего все регионы страны в единое целое, парламентаризм, так сказать, в чистом виде чреват определенными непредсказуемыми последствиями.

Казалось бы, с учетом вековых традиций России, тяготеющих к авторитаризму, державности, персонификации политики, наилучшая альтернатива для нашей страны — это президентский режим. Тем более, как представляется, в свете происшедших в стране за последние годы трансформаций перспективы сползания к диктатуре в какой бы то ни было форме не столь существенны, как это изображается отдельными публицистами. Для этого уже нет достаточных механизмов, структур, социально-психологических, идейно-политических и иных предпосылок. Но тем не менее, учитывая российские традиции, мы должны весьма осторожно оценивать пригодность этого режима для России.

Другими словами, парламентский режим в условиях переходного периода способен поощрять неустойчивость и тормозить стабилизационные процессы, а чисто президентский режим при определенном стечении обстоятельств чреват скатыванием к той или иной форме авторитаризма. Смешанный режим, сочетая в себе институты парламентаризма и президентского правления, способен обеспечить стабилизацию и консолидацию огромной страны вокруг центра, естественно, при учете интересов различных социально-политических сил, народов, регионов и республик.

Контрольные вопросы

1. Какое содержание вкладывается в понятие «демократия»?
2. Каковы сущностные, системообразующие признаки демократии?
3. Назовите основные определения и модели демократии.
4. Назовите важнейшие конституционные принципы демократии.
5. Что такое конституция, каковы ее место, роль и функции в политической демократии?
6. Каковы конституционные принципы политического устройства?
7. Какие существуют либерально-демократические режимы?
8. Дайте общую характеристику каждого из них.
9. Какой из названных режимов в наибольшей степени соответствуют российским реальностям?

Глава 11

Политические партии

Важнейшими субъектами политических отношений в либеральной демократии являются партии и избирательные системы. Именно в них конкретно выражаются основополагающие принципы демократии: политический плюрализм, представительство, выборность должностных лиц. Партии и избирательная система, переводя различные формы плюрализма в гражданском обществе в подсистему политического, в сферу властных отношений, составляют единый механизм завоевания власти. Основные партии в их взаимодействии, взаимоотношении, взаимных конфликтах и взаимной ротации у власти рассматриваются как единая партийная система, во многом определяющая жизнеспособность и функционирование всей политической системы в целом.

11.1. Основные вехи формирования партий

Партии не всегда играли ту роль, которая им в настоящее время отведена в политической системе индустриально развитых стран. Они прошли длительный путь формирования и эволюции, являются продуктом социально-экономического и общественно-исторического развития каждой конкретной страны. Серьезный отпечаток на них накладывают исторические традиции, демографические и этнокультурные процессы, особенности религии и др.

В тех или иных формах разного рода группировки, фракции, клики всегда составляли интегральную часть политической жизни. Существовали олигархические и демократические «партии» в древнегреческих городах-государствах; популяры, выражавшие интересы плебса, и оптиматы, стоявшие на стороне нобилитета в Древнем Риме; гвельфы, защищавшие интересы пополанов, или торгово-ремесленного люда городов, и гиббелины, выступавшие выразителями интересов нобилей, или феодалов, в средневековой Италии, и т. д.

Однако это были по сути дела небольшие группы сподвижников, объединившихся вокруг отдельных влиятельных политических лидеров, государственных деятелей. Разумеется, у них не могло быть и речи о сколько-нибудь четко структурированной организации, аппарате, членстве и других атрибутах партии в ее современном понимании.

Показательно, что вплоть до XIX в. термины «партия», «фракция», «интерес» и т. д. использовались как взаимозаменяемые. Осознание необходимости партий в современном понимании как инструментов реализации политического процесса появилось лишь в процессе формирования капиталистических институтов и буржуазной политической системы.

Этот процесс занял много поколений и в разных странах протекал по-разному. Первоначально партии стали важным элементом политической системы ряда стран Запада, а затем и всех тех стран, которые впоследствии встали на путь либеральной демократии. Первыми из этих стран стали Великобритания и США. Наиболее показателен с рассматриваемой точки зрения американский опыт. В Декларации независимости и Конституции США, заложивших основы государственной и политической системы молодой буржуазной республики, партии вовсе не упоминаются, а в «Федералисте», в котором обосновывались основные параметры формировавшейся американской государственности, о них говорится в негативном смысле.

В целом большинство политических деятелей периода утверждения США как самостоятельного современного государства были убеждены, что партии совершенно не пригодны в рамках республиканской формы правления. По мере формирования каждая политическая партия лишь одну себя считала законной и ставила цель ликвидировать противную сторону. Симптоматично, что фактически вплоть до 1844 г. ни одна политическая партия, которая потеряла президентский пост, не завоевала его обратно. Но тем не менее постепенно в США утвердились две крупные национальные партии — демократическая и республиканская — как интегральные составляющие американской политической системы.

В Великобритании начало межпартийной борьбы в современных ее формах восходит к периоду так называемой славной революции 1688 г. В центре этой борьбы стоял вопрос о расширении прерогатив парламента за счет сокращения прерогатив королевской власти. Постепенно противоборствующие политические силы оформились в более или менее спаянные партийные группировки, получившие название вигов и тори (а в XX в. — либералов и консерваторов).

Особенно болезненно и трудно процесс формирования партий шел в континентально-европейских странах. Но тем не менее в XIX в., охватив большинство стран Запада, этот процесс заметно ускорился. Хотя на всем протяжении столетия дискуссии о правомерности и значимости партий не прекращались, к концу столетия партии стали важнейшими составляющими современных политических систем.

К примеру, если в 1861 г. в Великобритании в парламентских выборах партии вообще не участвовали, то в 1951 г. в высшие властные структуры не был избран ни один не зависимый от партии претендент.

Другими словами, признание законности разнообразных интересов в обществе обуславливало признание законности политических инструментов в лице партий, призванных представлять эти интересы в системе власти. Связанный с институтом представительства принцип выборности должностных лиц в ведущих органах власти обеспечивал избирателям возможность выбора между альтернативными политическими курсами и лидерами, призванными представлять избирателей, выступающих в поддержку той или иной альтернативы.

Именно здесь партии и партийная конкуренция стали играть ключевую роль. Постепенно получила признание мысль, что в политической борьбе партия приобретает дополнительную силу в результате критики со стороны другой партии и что партия только теряет, когда оппозиция слишком слаба.

Важным фактором, способствовавшим возникновению партий, были организационные потребности функционирования больших политических систем, формирования определенных государственно-политических структур, призванных отразить разнообразие интересов. Этот процесс приобрел необратимый характер вследствие осознания растущим числом людей неизбежности и закономерности разделения формировавшегося гражданского общества на разнородные, конфликтующие между собой социальные силы, группы, классы со своими особыми интересами. Уже Э. Бёрк, оценивая тенденции общественного развития, в одном из своих памфлетов (1769) писал, что «партийное разделение, независимо от того, действуют ли партии в целом в интересах добра или зла, — вещь не отделимая от свободной системы правления».

Как показывает исторический опыт, разнообразие интересов, ориентаций, установок, ценностей, являющееся основополагающей характеристикой любого сложного и жизнеспособного общества, неизбежно обуславливает разное понимание роли государства, взаимоотношений государства и отдельного индивида и соответственно разные социально-философские и идейно-политические установки. Люди с одинаковыми интересами и воззрениями объединяются между собой для достижения общих целей совместными силами. Причем признание законности существования соперничающих между собой интересов и фракций неизбежно приводило к признанию законности политических инструментов, призванных представлять эти интересы и фракции в государственно-политической системе, системе власти.

Таковыми инструментами и оказались партии, формировавшиеся путем приведения к общему знаменателю разнородных интересов и позиций основных социально-политических сил формировавшегося буржуазного общества. Большое значение имела также постепенная законодательная легализация таких демократических ценностей и принципов, как свобода слова, печати, собраний, вероисповедания, что создавало правовые возможности для оформления политической оппозиции.

При утверждении и институционализации современных политических, в том числе и партийных, систем важное значение имело то, что большинство партий не подвергали сомнению определенный комплекс политических, государственных и правовых принципов, положенных в основу формировавшейся политической системы. Несмотря на различия по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства, большинство политически активного населения разделяло идеи конституционализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования противной стороны. Принцип представительства приобретал особенно большую актуальность по мере неуклонного вовлечения в политический процесс широких слоев населения, которые раньше как бы оставались в стороне от политических споров и конфликтов.

Наблюдается определенная хронологическая последовательность в возникновении партий в зависимости от идейной ориентации. Либерализм и либеральные партии возникли в борьбе против феодальных режимов. В Европе в середине XIX в. либералы первыми создали свои организации с собственной идеологией и фракциями в парламенте. Таковыми организациями стали Прогрессивная партия в Германии, Бельгийская либеральная партия и др. По их примеру подобные организации создали и консерваторы, например Клуб консерваторов в Англии. И те и другие довольно долго считали себя не партиями, а объединениями единомышленников. Дальнейшее расширение избирательного права подтолкнуло их организационно укрепить свои партии.

Французская революция, которая стала переломным этапом в переходе от феодализма к капитализму, дала сильнейший толчок образованию на европейском континенте разнородных консервативных группировок, именовавших себя «аристократами», «роялистами», «придворными партиями», а во второй половине XIX — начале

XX в. сформировавшихся в консервативные партии. Они по сути дела возникли в качестве реакции и противовеса либеральным партиям.

Рабочие партии возникли в борьбе с капиталистической системой, аграрные партии — как реакция против индустриального развития, христианские партии — в борьбе против секулярных, антиклерикальных движений, коммунистические — против капитализма и социал-демократии, а фашистские — против коммунизма и демократии во всех ее формах и т. д.

Следует различать партии, возникшие в качестве парламентских в рамках самого парламента, и внепарламентские партии. Первые возникли сравнительно рано и рассматривались как часть парламентского механизма. Затем формировавшиеся в обществе группы стали принимать эти партии в качестве выразителей своих интересов.

Сами партии предпринимали усилия по привлечению в свои ряды новых членов, а также искали массовую поддержку среди различных групп. Такой именно путь проделала, например, консервативная партия Великобритании, которая сформировалась в структурах парламента. Наоборот, лейбористская партия Великобритании первоначально сложилась как внепарламентская организация в недрах английского рабочего движения и лишь позже стала парламентской партией.

В континентально-европейских странах, где традиция конституционной оппозиции привилась позже, большинство партий возникли вне парламента — первоначально из разного рода клубов, студенческих организаций, профсоюзов, крестьянских кооперативов и др.

Некоторыми специфическими особенностями отличался процесс формирования политических партий в России. В первую очередь следует назвать сохранение большого веса и влияния сословно-феодальных институтов, господство самодержавия, запоздалое развитие капитализма, отставание процессов становления гражданского общества, институтов парламентаризма, правового государства и многое другое.

В конце XIX — начале XX в. современники отмечали «неутвержденность общественного состава», имея в виду недифференцированность и неопределенность интересов различных групп населения. Не случайно В. О. Ключевский как-то заявил, что не сочувствует «партийно-политическому делению общества при организации народного представительства». Такой подход во многом объяснялся неразвитостью инфраструктуры гражданского общества, что действительно могло способствовать искажению партиями реального представительства общественных интересов в политической сфере.

Тем не менее в конце XIX — начале XX в. партии стали фактором политической жизни России; особенно сильный толчок к их формированию и консолидации дала буржуазная революция 1905 г. Либеральные организации и партии формировались на основе сил, группировавшихся вокруг Вольного экономического общества, Юридического общества при Московском университете, Союза взаимопомощи русских писателей, комитетов грамотности в Москве, земских организаций. К концу 1905 г. оформились такие партии, как «Союз 17 октября» (октябристы), конституционно-демократическая (кадеты), мирного обновления, торгово-промышленная, правового порядка и др.

Сразу после Манифеста 17 октября 1905 г. оппозиционные организации и партии заняли заметное место на политической арене, что, в частности, проявилось в их активности на первых свободных выборах в I Государственную думу. Показательно, что в 1906 г. П. А. Столыпин предложил лидерам кадетов и октябристов войти в правительство, на что последние ответили отказом.

В тот же период на авансцену вышла и та политическая партия, которая, совершив в 1917 г. государственный переворот и разогнав в начале 1918 г. Учредительное собрание, стала могильщицей всех остальных партий и организаций, самого нарождавшегося парламентаризма и демократических институтов. Речь, разумеется, идет о Российской социал-демократической рабочей партии.

11.2. Роль и функции партий в политической системе

Что же такое политическая партия и каковы ее роль и функции? Существует множество определений политической партии. Одно из первых таких определений дал известный английский политический деятель и философ XVIII в. Э. Берк. *«Партия, — писал он, — представляет собой организацию людей, объединенных с целью продвижения совместными усилиями национального интереса и руководящихся некоторым специфическим принципом, относительно которого все они пришли к согласию».*

Современное понимание партий с соответствующими типологическими признаками начало формироваться в XIX — начале XX в. Интерес представляет позиция немецкого исследователя В. Хасбаха, который рассматривал партию как *«союз людей с одинаковыми политическими взглядами и целями, стремящихся к завоеванию политической власти с целью использования ее для реализации собственных интересов».*

Наиболее приемлемое определение дал М. Вебер, который считал партии *«общественными организациями, опирающимися на добровольный прием членов, ставящих себе целью завоевание власти для своего руководства и обеспечение активным членам соответствующих условий (духовных и материальных) для получения определенных материальных выгод или личных привилегий либо для того и другого одновременно»*. Очевидно, что во всех этих определениях партия рассматривается как группа людей, объединившихся для участия в политической жизни и преследующих цель завоевания политической власти.

В этом качестве в большинстве случаев партии выражают интересы определенных социальных сил и призваны представлять эти силы в структурах власти. В данном контексте, как уже отмечалось, партии играют ключевую роль несущей конструкции как гражданского общества, так и политической системы. В большинстве стран статус и деятельность партий регулируются специальными законами или конституционными нормами.

Часто эти законы представляют собой довольно объемистые кодексы, детально предписывающие функции партий на общенациональном и местном уровнях. Эти предписания, в частности, включают: процедуры и правила избрания делегатов на партийные съезды или конференции; сроки и порядок их проведения, процедуры избрания должностных лиц партийной организации; порядок и сроки проведения избирательных кампаний и выборов и др.

В структурном отношении в партии можно выделить три уровня. Самый неопределенный и размытый уровень — это блок избирателей, которые идентифицируют себя с данной партией и систематически голосуют за нее на выборах. Они составляют массовую базу, которая обеспечивает кандидатов партии поддержкой у избирательных урн. Принадлежность к такой группе весьма трудно определить, поскольку она больше основывается на декларируемой приверженности, на официальной вовлеченности в партийную организацию.

Второй уровень — это сама официальная партийная организация. Естественно, организационная структура партии берет начало там, где находятся избиратели. Поэтому, как правило, она начинается на уровне самой низшей первичной ячейки избирательного округа. В США, например, демократическая партия имеет 2,5 тыс., а республиканская — 2 тыс. окружных организаций. Главная их задача состоит в мобилизации на местном уровне избирателей в поддержку кандидатов своей партии. Почти все современные политические партии

имеют партийный аппарат, представляющий собой особую группу людей, профессионально занимающихся организационными вопросами политической деятельности партии. Они занимаются административными вопросами, организуют предвыборные кампании кандидатов партий, устанавливают сроки, место и порядок проведения партийных съездов, обеспечивают соблюдение правил избрания делегатов на съезды.

Третий уровень — это партия в системе правления, состоящая из должностных лиц в государственном аппарате, которые получили свои посты в силу принадлежности к соответствующей партии. К ним относятся: президенты, губернаторы, члены парламента, законодательных собраний областей, штатов, земель, местных органов и др. Естественно, такая иерархия во многом носит условный характер и в разных странах имеет свою национальную специфику.

В современных либерально-демократических системах партии, как правило, выступают носителями конкурирующих друг с другом политических курсов. При этом они не ставят под сомнение законность существующего конституционного строя, основополагающих прав и свобод граждан, утвердившиеся и общепринятые в данной стране правила политической игры, и т. д. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования противной стороны.

Это относится как к правящим партиям, так и к большинству партий, остающихся в оппозиции. Партии, принципиально не приемлющие существующую систему, либо постепенно отодвигаются на периферию политической жизни, либо вовсе исчезают с политической арены. Живучесть и успех многих левых партий в индустриально развитых странах, которые первоначально не принимали существующую систему, не в последнюю очередь определяются тем, что они в конечном итоге в той или иной форме интегрировались в эту систему.

В идеале цель партии состоит в реализации представительства в политической системе тех слоев населения, интересы которых она выражает. Осуществляя представительство различных социальных групп, слоев, сословий, интересов, партии соединяет общество и государство в неразрывное единое целое. Важное значение имеет то, что в современном сложном и высокоразвитом индустриальном обществе люди со своими особыми интересами, устремлениями, ориентациями, установками могут участвовать в политической жизни в качестве членов различных союзов, объединений, партий.

Необходимо отметить и то, что в такой большой организационной системе, как государство, которое призвано реализовывать общее благо, слагаемое в свою очередь из множества разнородных, часто конфликтующих и противоборствующих интересов и имеющее принудительную юрисдикцию, контроль со стороны народа или общества практически невозможен без этих союзов, объединений, партий. Партии не только выражают интересы тех или иных социальных групп, но и активно участвуют в формировании этих интересов. Они выполняют функции объединения интересов различных социальных групп и слоев путем сведения их к единому знаменателю.

Партии исторически выдвинулись как институт, способный координировать и контролировать процесс принятия решений на уровне государства. Они подталкивают представителей противостоящих интересов и взглядов к заключению соглашения, приведению в соответствие различных требований, согласованию действий и т. д. Партии, соединяя гражданское общество с государством, способствуют преодолению или смягчению конфликтов, имманентным отношениям между ними.

Именно благодаря партиям обеспечивается функционирование законодательных собраний и исполнительной власти. Можно утверждать, что именно сильные партии не ослабляют, а, наоборот, укрепляют государство, обеспечивая каналы обратной связи последнего с обществом, его контроль над политическим процессом. Соответственно слабость партий неизбежно оборачивается слабостью государства.

В целом партии призваны преобразовывать разнообразные интересы в альтернативные политические курсы и реализовывать их на государственном уровне. Как отмечал Ж. Бурдо, партию отличает от других массовых организаций то, что она охватывает «организационными щупальцами» по вертикали и горизонтали как можно больше секторов общества.

Пронизывая все политические институты, партии проводят мобилизацию общественного мнения в поддержку выдвигаемых ими проблем, идейно и организационно обеспечивают избирательные кампании и выдвигают кандидатов на выборные должности на всех уровнях власти. При этом, выступая одновременно и как агенты конфликта между различными интересами, и как инструмент достижения согласия между ними, партии приобретают функции своего рода интегрирующих нервов и кровеносных сосудов между обществом и миром политического, объединяя их в единое неразрывное целое.

С идеей партии как законной оппозиции тесно связана идея выборности, призванная обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Роль выразителя народного суверенитета отводится лишь избирательному корпусу. Характерно не только и не столько возможно более полное участие масс в принятии политических решений, сколько открытая конкуренция с целью завоевания тех или иных правительственных постов и контроль над деятельностью тех, кто находится у власти.

С самого начала одна из главных функций политических партий и избирательной системы состояла в формализации и институционализации политического участия граждан, замене спонтанных, стихийных, неорганизованных и зачастую «незаконных» (бунт, восстание и др.) форм политических действий «узаконенными», институционализированными формами участия через партии и избирательную систему. Введение принципа смены политической власти в процессе конкуренции между двумя или несколькими партиями как бы отделяло конкретных людей, сменявшихся у власти, от самой избирательной системы и партий.

В большинстве стран партийные организации в значительной степени или полностью контролируют механизм выдвижения своих кандидатов на выборах и сам процесс проведения выборов. Например, в Италии выдвигать кандидатов в палату депутатов вправе только политические партии или организованные политические группы. При этом показательно, что список кандидатов, выдвигаемых той или иной партией, не имевшей представительства в предшествующей легислатуре (законодательном собрании), должны подписать не менее 350 избирателей соответствующего округа. Подобного рода требования — часто значительно более жесткие — предъявляются во многих странах. Поэтому любое лицо, стремящееся сделать политическую карьеру, должно принять существующую партийную систему и найти общий язык с руководством партий, партийными функционерами на соответствующих уровнях.

Как правило, свою карьеру будущий политик начинает, совмещая учебу в колледже или университете, работу по найму и т. д. с работой в молодежной организации той партии, взгляды которой он разделяет. Постепенно способный молодой политик поднимается по карьерной лестнице и в случае победы своей партии на выборах может рассчитывать на ту или иную должность в составе возглавляемого ею правительства. Именно участвуя в предвыборной кампании, в политических дискуссиях и баталиях, работая в тех или иных парламентских

комиссиях и комитетах, политик набирается практического опыта, вырабатывает качества, необходимые для профессиональной политической и государственной деятельности.

11.3. Партии и заинтересованные группы

Анализ важнейших характеристик партий будет неполным, если не затронуть вопрос о разного рода группах и объединениях — тех базовых структурах, на которых основываются как сами партии, так и политические феномены в целом. В классической демократической теории почти ничего не говорится о группах. В центре ее внимания находятся отдельный индивид и государство. Реальное положение таково, что государство имеет дело скорее с группами, нежели с отдельно взятыми индивидами.

Например, член парламента, решая как ему голосовать, думает не столько об Иване, Петре, Сидоре, сколько о потребностях и интересах фермеров, рабочих, учителей. С точки зрения политической значимости группы выполняют такие функции, как формулирование и оценка политических проблем, наблюдение за действиями правительства, реализация действий по проталкиванию тех или иных интересов. Разумеется, не все группы имеют отношение к политике. Но вместе с тем очевидно, что политика осуществляется преимущественно на групповой основе.

Здесь прежде всего речь идет о так называемых *заинтересованных группах*, под которыми понимаются разного рода организации, объединения, союзы предпринимателей, рабочих, фермеров, учителей, адвокатов, производителей той или иной продукции и др. Эти группы являются средством политического действия, направленного на достижение специфических, сравнительно ограниченных целей. Для этого они используют организованное давление на власть и политических деятелей. Поэтому их часто называют *группами давления*.

Если главная цель партий — завоевание власти для реализации определенного политического курса, то заинтересованные группы, или группы давления, как указывает само их название, преследуют цель оказать влияние на политику. Партия, как правило, включает людей с разнообразными интересами и разными установками и ориентациями, в то время как заинтересованные группы состоят из тех, кто преследует специфические для всех ее членов интересы и концентрирует свое внимание главным образом на одной или нескольких проблемах.

Партия формулирует такие политические позиции, которые носят общий характер, и не делает ударение на какой-либо специфической проблеме. Если мнения избирателей резко расходятся, большинство кандидатов пытаются занять среднюю позицию, чтобы не оттолкнуть ту или иную значительную группу избирателей. Заинтересованные группы могут занимать четко очерченные позиции по специфическому и ограниченному кругу вопросов, объединяющих всех членов этих групп. Например, американская «Нейшнел райфл ассоушиэйшн» состоит только из лиц, заинтересованных в непринятии закона о контроле за продажей и ношением огнестрельного оружия.

Заинтересованные группы обеспечивают каналы как для эффективной конкуренции, так и для массового участия в политическом процессе. Они обладают значительными ресурсами для уравнивания тех или иных действий государства, задевающих их интересы. Они также предоставляют отдельному индивиду возможность оказывать давление на политических лидеров и тем самым принимать участие в политике. С этой точки зрения организованные группы, которые вмешиваются в отношения между отдельным гражданином и государством, составляют предпосылку для демократической политики.

Испытанным средством воздействия заинтересованных групп на курс государственно-политических институтов и политических партий является так называемое *лоббирование*. Это прием, с помощью которого заинтересованные группы добиваются реализации своих целей. Лоббисты — люди высокой квалификации, во многих случаях хорошо знающие свое дело, способные доходчиво объяснить сложные и трудные вопросы — естественно, в свою пользу. В коридорах власти они добиваются финансовых выгод или налоговых и иных льгот для своих клиентов, устанавливая связи с нужными людьми в разного рода парламентских комитетах и учреждениях исполнительной власти.

Нередко лоббисты выполняют роль посредников в разного рода сделках между заинтересованными группами и политическими деятелями, выступают в качестве связующего звена между заинтересованными группами и законодателями, оказывая существенное влияние на формирование политического курса правительства. Особенно большим влиянием они пользуются в США. Некоторые авторы даже называют лоббизм «третьей палатой» законодательных учреждений и «интегральным элементом системы управления Америки».

В настоящее время в США существует множество ассоциаций, выступающих в качестве объединений заинтересованных групп, представляющих предпринимательские круги. Среди них наиболее крупными являются Торговая палата США (объединяет 27 тыс. штатных и мест-

ных палат, 200 тыс. компаний-членов и 13 тыс. предпринимательских ассоциаций) и Национальная ассоциация промышленников (в нее входят 75% всех промышленных компаний США), Национальная ассоциация малого бизнеса (500 тыс. компаний) и Национальная федерация независимого бизнеса (400 тыс. компаний), «Американская федерация фермерских бюро», Американский нефтяной институт, «Шоссейное лобби», «Военно-промышленное лобби», «Еврейское лобби» и т. д.

О характере и разнообразии подобных объединений в ФРГ дает представление перечень их названий: Объединение немецких профсоюзов, Федеральное объединение союзов немецких работодателей, Федеральное объединение германской промышленности, Союз налогоплательщиков, Союз демократических ученых, Немецкий спортивный союз и т. д.

Наиболее активно к тактике лоббирования прибегают представители бизнеса (как крупного, так среднего и мелкого), их предпринимательские ассоциации и организации. Важная задача, стоящая перед ними, — всемерное воздействие на формирование политической стратегии правительства. Особую настойчивость в этом направлении проявляют руководители корпораций, которые проникают в политические круги, используя личные дружеские и партийно-политические связи, участие в предпринимательских и профессиональных ассоциациях, а также в различных подкомиссиях.

Для реализации своего влияния в политической жизни страны бизнес создал широкую сеть различных организаций. В США это так называемые совещательные комитеты бизнеса при правительстве, вроде совещательного комитета по частному предпринимательству во внешней торговле или совещательного комитета промышленников при Министерстве обороны США. В настоящее время их насчитывается около 2 тыс.: политические организации бизнеса, как, например, Комитет бизнеса за сокращение налогов, Круглый стол бизнеса, Чрезвычайный комитет за развитие американской торговли и др. Эти и подобные им организации призваны отстаивать интересы бизнеса в различных государственно-политических институтах и учреждениях, содействовать формированию удобного бизнесу политического курса в тех или иных сферах общественно-политической жизни.

В отличие от США большинство групп давления в европейских странах тесно связаны с правительством. Нередко отдельные функции правительства делегируются им, например установление цен, реорганизация тех или иных отраслей промышленности в соответствии с определенным планом, введение квот и т. д. Часто имеет место прямая

правительственная поддержка, например, в таких начинаниях, как совместное владение акциями правительства и частных лиц или организаций, поощрение правительством картелей и др. Правительство и политические партии часто совместными усилиями способствуют деятельности заинтересованных групп.

Формирование и институционализация заинтересованных групп в России начались с переходом на рельсы демократизации. Развернулись процессы организационного оформления объединений, союзов, групп, претендующих на представительство интересов различных социальных групп в структурах государственной власти. Они становятся важнейшей структурной составляющей гражданского общества и выражением плюрализации основных сфер общественной жизни, а также общепринятых правил политической игры.

Сформировавшиеся и продолжающие формироваться в российском обществе заинтересованные группы характеризуются многообразием. Это — предпринимательские, финансовые, коммерческие союзы, объединения, ассоциации (например, Российский союз предпринимателей и промышленников (РСПП), Союз предпринимателей и арендаторов, Союз кооператоров, Союз малых предприятий, Союз менеджеров, Биржевой союз и др.), военно-промышленный комплекс, крупные корпорации, такие, например, как «Газпром», РАО ЕЭС, ЛУКОЙЛ и др., общественные организации и движения (например, Гринпис), профессиональные союзы, творческие организации, такие, например, как союзы журналистов, кинематографистов, адвокатов, движения в защиту прав человека, поддержку демократических реформ, экологии, религиозные общества, клубы и т. д.

11.4. Опыт типологизации политических партий

Политические партии отличаются друг от друга по нескольким параметрам. Важнейшими из них являются организационные структуры и членство. В соответствии с ними различаются партии массовые и кадровые.

Массовые партии большей частью сформировались вне парламента. Рекрутируя свою социальную базу в основном из низших слоев населения, массовые партии приняли характер социальных движений, ориентированных на рабочих, крестьян и разнородные религиозные группы. Их организационная структура в значительной мере сложилась раньше завоевания ими побед на выборах и проведения кандидатов в парламенты.

Считается, что массовая партия, как правило, отличается программностью политических установок. В большинстве своем, особенно на первоначальном этапе, партии этого типа характеризовались левой ориентацией. В дальнейшем, следуя их примеру, многие крестьянские и религиозные партии стремились к тому, чтобы приобрести вид массовых партий.

Массовые партии отличаются также высокой степенью идеологизированности. Здесь идеология используется для массовой политической мобилизации. Их «базовая субстанция» — это масса членов. Они существуют главным образом благодаря членским взносам. Причем члены партии не только платят взносы, но и активно участвуют в делах партии. Это, как правило, левые партии коммунистической, социалистической и социал-демократической ориентации.

Задача *кадровых партий* состоит в том, чтобы мобилизовать в конкретном избирательном округе так называемых *нотаблей*, или влиятельных лиц, способных привлечь поддержку максимально возможного числа избирателей из различных социальных слоев независимо от их идеологических ориентаций. То, что массовыми партиями достигается количеством, у этих партий обеспечивается подбором соответствующих кадров, способных эффективно организовать избирательную кампанию. Этому признаку соответствуют многие европейские партии консервативной ориентации.

Республиканская и демократическая партии США во многом сочетают в себе массовое и кадровое начала, и с этой точки зрения их можно назвать гибридными. Отдельные партии могут существовать в форме некоего объединения нескольких партий. Типичный пример подобного — правоцентристский Союз за французскую демократию (СФД) во главе с бывшим президентом Франции В. Жискард-д'Эстеном, представляющий собой коалицию пяти партий и группировок. Не случайно во Франции некоторые партии предпочитают называть себя не партиями, а объединениями, союзами, движениями, секциями и др.

Важное значение для классификации партий имеет членство. Необходимо отметить, что членство в течение длительного времени оставалось неясным и аморфным. Многие партии практически не делали особых различий между своими членами и теми, кто их просто поддерживает на выборах. И сейчас многие партии либеральной и консервативной ориентации не могут сколько-нибудь точно назвать количество своих членов.

Определенно можно сказать одно: число лиц, считающих себя членами партий, составляет лишь малую часть населения той или

иной страны. В США, например, политикой всерьез интересуется весьма узкая прослойка граждан — менее 10% всего взрослого населения страны. Как правило, это преимущественно представители высшего и среднего слоев, хорошо информированные и образованные, иногда имеющие определенный опыт практической политической работы. По имеющимся данным, только 2–3% населения Германии обнаруживают желание вступить в какую-либо политическую партию, а члены многих общественных организаций лишь номинально принадлежат к ним, не принимая участия в формировании этих организаций.

Различаются партии *организационно оформленные*, члены которых получают партийные билеты и платят членские взносы, и *организационно неоформленные*, которые характеризуются отсутствием официального членства. Во втором случае, чтобы примкнуть к той или иной партии, достаточно публичного заявления избирателя о своей приверженности к этой партии. Наиболее типичными примерами первых являются коммунистические партии, а вторых — республиканская и демократическая партии США, консервативная партия Великобритании.

Кроме того, различаются партии с *прямым и косвенным членством*. В первом случае в партию принимаются в индивидуальном порядке, а во втором — человек становится членом определенной партии просто в силу того, что входит в какую-либо связанную с ней организацию. Так, в лейбористскую партию Великобритании, а также социал-демократические партии Швеции, Норвегии и Ирландии на коллективных началах входят профсоюзы, поэтому здесь члены профсоюзов являются коллективными членами этих партий. Для коммунистических партий характерно исключительно прямое членство.

Типологизация партийных систем проводится также по числу существующих в стране партий. По этому принципу различают *одно-, двух- и многопартийные системы*. При многопартийной системе каждая партия представляет более или менее четко очерченные идейно-политические или идеологические позиции. Спектр этих позиций простирается от крайне правых до крайне левых. Остальные партии занимают промежуточное положение между этими двумя крайними полосуками.

Как правило, в многопартийных парламентах места располагаются в форме некоторого полукруга, где, следуя традиции французской революции, представители консервативных и правых партий рассаживаются с правой стороны от председательствующего, левее — близкие им по духу партии, в центре — умеренные и дальше, в самом конце, — представители леворадикальных партий.

Такая группировка по линии «правые — левые», основанная на позициях и установках по социально-экономическим и политическим проблемам, сопряжена со значительной долей упрощения реального положения в обществе. Например, в такую схему не всегда можно втиснуть религиозные, этнонациональные, региональные, местнические, профессиональные и иные интересы. Это, в частности, выражается в том, что с середины 70-х годов в политической жизни стран Европы значительное развитие получили националистические и регионалистские движения и партии, которые представлены всеми оттенками идеологического спектра — от крайне правого фламандского блока и реваншистской южнотирольской партии до ультралевой баскской «Эрри батасуна»

Часто их даже невозможно классифицировать по линии «правые—левые», «консерваторы—либералы». Например, центристские партии Франции, разделяя общие позиции по целому ряду социально-экономических проблем, в то же время расходятся по некоторым проблемам, касающимся религии, государства, революционных традиций, социально-классовых различий и т. д.

Как правило, в многопартийных системах ни одна партия не способна завоевать поддержку большинства избирателей. Страны с многопартийной системой, типичной для парламентской формы правления, как правило, имеют коалиционные правительства или кабинеты министров. В таких странах ни одна партия не способна выступить в качестве представителя всей или почти всей нации и поэтому не может формировать правительство без привлечения или поддержки представителей других партий. Нередко такая фрагментарность обрекает парламентские коалиции на неустойчивость, а правительства, основанные на них, — на постоянную нестабильность.

Двухпартийная система предполагает наличие двух крупных партий, каждая из которых имеет шанс завоевать на выборах большинство мест в законодательном собрании или голосов избирателей на выборах исполнительной ветви власти. Двухпартийная система отнюдь не означает отсутствие других партий. Например, в течение XX в. в Великобритании в качестве одной из двух главных партий лейбористы пришли на смену либералам. В то же время в послевоенные десятилетия либералы сохраняли статус парламентской партии, а социал-либеральный альянс, образовавшийся в начале 1980-х годов, иногда завоевывал до 25% голосов избирателей.

Особенно показательно с этой точки зрения положение дел в США, где господствует классическая двухпартийная система в лице демократической и республиканской партий. За всю историю существования

двухпартийной системы США более 200 кандидатов третьих партий пытались добиться избрания на пост президента страны. Однако лишь восемь из них сумели завоевать более миллиона голосов избирателей. В ряде случаев, особенно на уровне штатов, третьи партии становились влиятельной политической силой. Но при всем этом важной особенностью двухпартийной системы в США стало неприятие большинством избирателей на общенациональном уровне третьих партий.

В типологизацию по шкале двухпартийности и многопартийности следует внести определенные коррективы. Здесь, как правило, выделяют «совершенную» двухпартийную систему (как, например, в США и Великобритании), при которой две основные партии вместе собирают до 90% голосов, и систему двух с половиной партий (как, например, в Германии), при которой какая-либо третья партия обладает достаточной электоральной базой, чтобы внести коррективы, порой существенные, в привычную игру двух основных партий, собирающих голоса 75–80% избирателей.

Что касается многопартийной системы, то в данном случае также можно выделить, условно говоря, «совершенную» многопартийность (как в большинстве индустриально развитых стран) и многопартийность с одной доминирующей партией (как в Японии), которую не следует путать с однопартийной системой.

Систему, которая господствовала в Италии до 1994 г., иногда называли несовершенной двухпартийной системой в силу того, что в ней в течение почти всего послевоенного периода основные позиции занимали две крупные партии — христианские демократы и коммунисты. При этом первые всегда находились у власти, а вторые — в оппозиции. Но после введения здесь в 1994 г. мажоритарной избирательной системы положение радикально изменилось — образовались два блока: левых и правых партий. Примерно такое положение (разумеется, с соответствующими оговорками) наблюдается в Японии, где власть в послевоенный период монополизировала либерально-демократическая партия, а социалисты и коммунисты ни разу не были допущены к власти. Эта традиция нарушилась только в середине 1993 г., когда либерально-демократическую партию у власти сменила коалиция из восьми партий.

Для двух- и многопартийной систем характерно прежде всего существование политической конкуренции. Именно отсутствие такой конкуренции при однопартийном режиме дало З. Найману основание утверждать, что одну единственную партию, господствующую в обществе, нельзя считать партией в истинном смысле этого слова. И действительно, поскольку партия есть «часть» политического со-

общества, то ее можно воспринимать лишь в соотнесенности с другими частями или партиями, которые вступают в конкурентную борьбу за свою долю власти и влияния в стране.

Различают два типа межпартийного соперничества. Германский исследователь Ф. Ленер называет их *гомогенной* и *гетерогенной* конкуренцией. При втором типе конкуренции соперничающие партии оспаривают друг у друга поддержку одних и тех же групп избирателей, а при первой — каждая партия опирается на свой электорат и выступает на выборах с программой, в которой в максимальной степени отражены его интересы.

Гомогенный тип в большей степени характерен для многопартийных систем, господствующих в большинстве индустриально развитых стран. В США утвердился гетерогенный тип межпартийного соперничества. Две главные партии страны — республиканская и демократическая — отличаются неоднородностью и разношерстностью социальной базы. Обе партии по своему социальному составу являются конгломератами разнородных и зачастую противоборствующих группировок бизнесменов, фермеров, учителей, юристов, студентов, врачей и т. д.

Другими словами, в США партии — это политические организации, построенные на сочетании интересов различных, часто конфликтующих социальных слоев и групп независимо от их классовой принадлежности. Если в европейских странах разного рода коалиции образуются между более или менее близкими по своим позициям партиями, то в США они создаются в рамках двух главных партий. В Европе коалиции различных групп избирателей образуются большей частью после выборов между двумя или несколькими партиями для формирования правительства, в Америке — до и в период избирательных кампаний.

Нужно отметить, что феномен коалиционных правительств во многих европейских странах объясняется отсутствием каких-либо жестких линий, разграничивающих программы и электорат различных партий друг от друга. Это особенно верно, когда речь идет о «народных» партиях, или партиях «для всех». Показательно, что предвыборные платформы большинства этих партий обычно не содержат каких-либо развернутых теоретических разработок и характеризуются прагматизмом и приверженностью ко всевозможным компромиссам. Они характеризуются направленностью на решение большей частью повседневных, конъюнктурных проблем, стоящих перед обществом.

Это во многом обусловлено тем, что в индустриально развитых странах, как правило, выборы выигрывают не экстремисты правого

или левого толка, а умеренные деятели, выказывающие тяготение к центру идейно-политического спектра. Это в свою очередь способствует сглаживанию различий в программах и платформах партий, в их идейно-политических ориентациях. Поэтому в их предвыборных программах почти нет различий по важнейшим проблемам внутренней и особенно внешней политики.

11.5. Новейшие тенденции в эволюции партий

В настоящий момент в развитых капиталистических странах Запаदा социальные и политические конфликты концентрируются вокруг более или менее четко очерченных основных полюсов, которые в сфере идеологии условно можно обозначить как консерватизм, либерализм, социал-демократизм. Условно, потому что каждый из этих полюсов, примыкающих в центре друг к другу, имеет свой левый, правый и умеренный сегменты.

В то же время существуют социально-политические силы, ориентирующиеся на правый и левый варианты радикализма или, иначе говоря, выступающие в пользу выхода за пределы господствующей политической системы. Но все же было бы ошибочно представлять дело таким образом, будто здесь существуют четко разграниченные, фронтально противостоящие друг другу социально-политические силы и отражающие их интересы идеологические течения, между которыми имеется непреодолимая стена.

Дело в том, что во всех главных партиях индустриально развитых стран присутствует некое сочетание социал-демократических, либеральных и консервативных элементов. С этой точки зрения прав теоретик западногерманского консерватизма К. Биденкофф, утверждая, что в настоящее время политическую реальность Германии (добавим от себя — и большинства других стран Запада) «отличает своего рода непросматриваемость, нетранспарентность — отсутствие четкой картины, когда для каждого явления находится своя ниша в общественно-политической структуре».

В чем суть этого феномена? В течение всей истории индустриально развитых стран существовала более или менее тесная корреляция между характером голосования различных групп избирателей и их социально-классовым положением. Как правило, неимущие и имеющие низкий доход слои населения голосовали за партии левой ориентации, а население с более высокими доходами — за консервативные и правые партии.

В США это были соответственно реформистская демократическая партия и республиканская партия консервативной ориентации. В За-

падной Европе дело обстояло несколько сложнее, но все же рабочий класс и неимущие слои населения склонялись к социал-демократическим и другим левым партиям, а представители состоятельных слоев — к либеральным и консервативным партиям. Причем вплоть до конца 1960-х годов слои населения с низкими доходами более положительно оценивали государственное вмешательство в экономику и программы социальной помощи.

В последние полтора-два десятилетия заметные изменения наблюдаются и в США, и в странах Западной Европы. Нарушается корреляция между голосованием избирателей за ту или иную партию и их принадлежностью к определенной социальной группе. Снижается доля рабочих в социал-демократических партиях. Растущее число слоев населения с низкими доходами голосует за партии либеральной и консервативной ориентации, а представители средних слоев — за социал-демократические и другие левые партии.

Это со всей очевидностью показали результаты выборов последних лет в ряде стран Западной Европы и США, где значительную часть электората консервативных партий составили представители профсоюзов, включая и «синие воротнички». У большинства партий наблюдается тенденция ориентирования не просто на традиционно «свои», четко очерченные группы избирателей, а на гетерогенный по своему составу электорат, на который претендуют и другие партии.

В результате большинство крупных политических партий, в том числе и социал-демократических, по сути дела перестали быть сугубо классовыми и превратились, по их собственному определению, в так называемые «народные партии», или «партии для всех», претендующие на представительство всех слоев населения. В этой связи Р. Дарендорф не без оснований отмечал, что применительно к таким партиям, как СДПГ, СвДП, ХДС/ХСС, понятия «левая» и «правая» стали относительными.

Первыми с претензией на статус «народной» выступили христианско-демократические партии. Первоначально эти партии возникли как реакция против секуляризации важнейших сторон общественной жизни и отделения церкви от государства. Но после Второй мировой войны в их программах не акцентируется вопрос о вероисповедании. Так, в программе Австрийской народной партии, принятой в 1972 г., говорится, что она не связывает себя с каким бы то ни было вероисповеданием или церковным институтом.

«Народными» провозгласили себя многие социалистические и социал-демократические партии. Одной из первых это сделала социал-демократическая партия Германии. После принятия Годесбергской

программы в 1959 г., в которой был зафиксирован отказ от марксизма и идеи классовой борьбы, СДПГ превратилась из организации преимущественно рабочего класса в партию рабочих и средних слоев. В настоящее время в ней особенно велика доля технической интеллигенции, представителей предпринимательских кругов, молодежи.

По-видимому, республиканская и демократическая партии США, в отличие от многих европейских партий, с самого начала действовали как партии «для всех». По своему социальному составу обе они являются конгломератами разнородных, зачастую противоборствующих друг с другом социально-политических группировок.

Концепция «народной партии» вынуждает все партии, как левой, так и правой ориентации, формулировать свои позиции по множеству разнообразных вопросов, чтобы привлечь на свою сторону новые группы избирателей путем включения в программу соответствующих требований. Это вносит дополнительный элемент в наметившуюся неопределенность и неустойчивость социальной базы и итогов выборов.

Имеет место тенденция к увеличению фрагментации партийных систем, расширению спектра партийно-политических альтернатив, возрастанию влияния новых социальных движений и экологических партий, которые в совокупности создают трудные проблемы для «укоренившихся» партий. Наблюдается тенденция к возрастанию колебаний идейно-политических позиций и партийно-политических предпочтений значительных контингентов избирателей. Для них стали характерны довольно резкие переходы от одних партий к другим — с либеральных на право-консервативные позиции и наоборот. Это свидетельствует об увеличении «автономии» избирателей по отношению к партиям.

Одним из признаков такой автономии стал неуклонный рост числа избирателей, называющих себя независимыми либо голосующих за кандидата не своей, а конкурирующей партии. По словам А. М. Шлезингера-младшего, в США в XIX в. «принадлежность к той или иной партии передавалась по наследству, как религия». Со второй половины 1960–1970-х годов это положение стало меняться, что проявилось, например, в ослаблении партийной самоидентификации значительных контингентов избирателей. Это выражается, в частности, в увеличении числа избирателей, голосующих не за «свою», а за конкурирующую партию.

По данным многочисленных опросов общественного мнения, в США на протяжении всего послевоенного периода в количественном отношении демократы значительно преобладали над республиканцами. Но тем не менее в течение трех последних десятилетий кандидаты на пост президента от демократической партии оказались не способ-

ны выиграть большинство президентских избирательных кампаний. Это особенно примечательно, если учесть тот факт, что с 1932 г., за исключением двух коротких периодов, демократам удавалось удерживать контроль над конгрессом в своих руках.

В других индустриально развитых странах подобные тенденции проявляются в оттоке избирателей, например, от социал-демократов к консервативным или альтернативным партиям и движениям и наоборот. По данным ряда исследований, и здесь ослабевает приверженность избирателей к крупным традиционным партиям.

Сомнения в способности партий решать стоящие перед обществом проблемы порождает феномен так называемого «негативного голосования», т. е. голосования не за того, кому надо оказать поддержку, а против того, кто отвергается. Так, по мнению многих наблюдателей, важную роль с точки зрения результатов президентских выборов в США в 1980 г. сыграл «негативный фактор», т. е. желание избавиться от Дж. Картера. Согласно опросу общественного мнения, проведенному службой Янкеловича незадолго до выборов, 43% избирателей заявили, что, отдавая свои голоса за Рейгана, они фактически голосуют не за Рейгана, а против Картера.

В дальнейшем этот феномен особенно отчетливо проявился в европейских странах, где правящие партии вынуждены были уступить место у власти оппозиционным партиям зачастую не в силу изменения партийно-политических предпочтений избирателей, а в результате негативного отношения к партиям, стоящим у кормила власти.

При всем том значение этих тенденций не следует преувеличивать. Анализ реального положения показывает, что политические партии пока сохраняют важное значение в качестве главных инструментов реализации политических функций, особенно в роли центрального элемента избирательного процесса. Хотя их власть и влияние уменьшились, было бы преждевременно делать вывод о драматическом развале партий, поскольку отток от них избирателей проявляется пока как наметившаяся тенденция.

11.6. О перспективах развития партийной системы в России

С точки зрения формирования и институционализации партий и партийной системы в России все еще не завершился в полной мере переходный период. Политические партии в истинном смысле этого слова возникают лишь тогда, когда общество достигает соответствующего уровня социально-политической дифференциации, когда социальные

слои и группы более или менее четко осознают свои интересы. Для этого необходимы кристаллизация и институционализация интересов заинтересованных групп, объединений, блоков, других составляющих гражданского общества.

Сейчас еще преждевременно говорить о сколько-нибудь обозначившемся структурировании интересов различных социально-политических сил. О реальном представительстве социальных сил и интересов в политической системе можно говорить лишь тогда, когда, по крайней мере вчерне, оформятся и утвердятся более или менее прочные основания их жизнеустройства. Гарантом стабильности общества и политической системы является существование широкой институционализированной прослойки средних слоев, или среднего класса, который в свою очередь служит социальной опорой умеренного центристского политического курса, равноудаленного от крайних полюсов идеологического и идейно-политического спектра.

Центризм в политике обеспечивает возможный в данных конкретных условиях оптимальный баланс общественных интересов, проведение такого курса, который в идеале призван реализовать некую среднюю линию между экономической эффективностью и социальной справедливостью, экономической свободой и социальным равенством. Что касается ситуации в нашей стране, то было бы напрасным трудом заниматься разграничением политических сил на правых, левых и центр, либералов, консерваторов и умеренных. Такое деление возможно лишь при сформировавшейся демократии и высокой культуре гражданственности в обществе.

В течение большей части пореформенного периода, вплоть до последних нескольких лет, в России по сути дела отсутствовала сколько-нибудь четко сформированная единая система политической коммуникации, сам политический процесс протекал как бы при отсутствии интеграции и взаимопонимания между его участниками. Не было необходимого консенсуса большинства граждан относительно общих целей и средств их достижения, общепринятых правил политической игры и т. д. Ожесточенные политические дискуссии не были соответствующим образом связаны с процессом принятия политических решений.

В 90-х годах минувшего века только началось формирование инфраструктуры гражданского общества, которое одно способно обеспечить условия для формирования и институционализации реально заинтересованных групп, а также организаций, клубов, объединений, политических партий, способных представлять их интересы в структурах власти.

Весь мировой опыт показывает, что уровень развития демократии непосредственным образом зависит от того, насколько институционализировался политический плюрализм, который проявляется и выражается прежде всего в политических партиях. Но зрелость и жизнеспособность политического плюрализма, включая партийную систему, определяются тем, в какой степени в обществе сформировались, институционализировались и заявили о себе разнообразные центры и источники власти и влияния.

Как раз с этой точки зрения определяющее значение имеет соответствующая инфраструктура, призванная обеспечить условия для кристаллизации групповых интересов и оформления соответствующих негосударственных организаций, объединений, союзов. Это создает основу для воплощения в жизнь ценностей и принципов политического плюрализма, что находит отражение в возникновении многочисленных новых общественно-политических движений, организаций и объединений.

В 1990 г. был принят Закон СССР «Об общественных объединениях», в котором законодательно закреплены порядок их образования, права и принципы деятельности. В марте 1991 г. началась регистрация партий, а к концу 1991 г. уже было зарегистрировано 26 партий и 16 общественно-политических движений. В настоящее время многие из них уже исчезли с политической арены и на смену им пришлось множество новых партий, объединений, союзов. Им еще предстоит доказать свою легитимность, получив поддержку у избирателей, подтвердить, что они действительно являются реальными политическими партиями, за которыми стоят социальные силы.

Сейчас невозможно определить, кого именно, какие слои, группы, категории населения они представляют. Для них характерны малочисленность, слабость организационной структуры, неопределенность и аморфность социальной базы, отсутствие сколько-нибудь четко сформулированных позитивных программ и идейно-политических платформ. По этим показателям почти все они являются лишь прототипами партий, а не партиями в собственном смысле этого понятия.

Опыт перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии целой группы стран (сначала в Германии и Италии, а затем во второй половине 1970-х — начале 80-х годов в Греции, Испании и Португалии) показывает, что для создания и институционализации полноценных и дееспособных политических партий требуется достаточно много времени.

Так, в первые послевоенные годы в Германии на местном, земельном и общенациональном уровнях возникли десятки политических

партий, хотя оккупационные войска США, Великобритании и Франции всячески препятствовали появлению мелких партий и содействовали концентрации политических сил Западной Германии в немногие крупные партии.

Процесс формирования устойчивых, жизнеспособных крупных партий занял несколько лет. Мелкие партии в качестве самостоятельных, сколько-нибудь значимых политических сил отошли на задний план, а главными составляющими партийной системы Германии стали блок ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП.

Аналогичная ситуация наблюдалась также в Италии. Что касается Греции и особенно Испании и Португалии, то первоначально в этих странах на политической авансцене появилось множество десятков партий (в одной Португалии их насчитывалось около 300), и сохранившимся до настоящего времени партиям, чтобы показать свою жизнеспособность, пришлось много раз выдержать испытание выборами.

Именно такой путь предстоит и России. Поскольку этот процесс теснейшим образом связан с формированием и институционализацией избирательной системы, данный вопрос более подробно будет рассмотрен в следующей главе.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные исторические этапы формирования политических партий.
2. Что понимается под политической партией?
3. В чем отличие партии от заинтересованных групп?
4. Назовите основные функции партии.
5. В чем отличия между правящими и оппозиционными партиями?
6. Перечислите и охарактеризуйте основные типы партийной системы.
7. Каковы перспективы формирования политических партий в России?

Глава 12

Избирательные системы: механизмы и процедуры

С принципом представительства и идеей партии как законной оппозиции тесно связана идея выборности, призванная обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Роль выразителя народного суверенитета отводится лишь избирательному корпусу. Выборы по сути дела являются одним из ведущих институтов легитимизации существующей политической системы и политического режима.

12.1. Идея и принцип представительства

Политические партии возникли и развивались одновременно с идеей представительства и системой выборов руководителей органов государственной власти. Идея представительства, как уже указывалось, имела ключевое значение для формирования современной теории демократии и соответственно ее важнейших принципов: политического плюрализма, партий, избирательной системы.

Понятие «представитель» используется во многих значениях. Например, говорят о конкретном человеке как «типичном представителе» своей нации, профессии, социальной группы, о представителе такой-то страны, представителе главы государства, торговом представителе той или иной компании. В политическом лексиконе под терминами «представитель», «представительство» подразумевается принцип делегирования полномочий определенной группой лиц или партий конкретному человеку, организации, органу для отстаивания своих интересов в структурах власти.

Следует отметить, что в Античности сам принцип представительства был неизвестен. В тот период происходило непосредственное участие всех граждан в принятии решений по управлению делами полиса. Теория представительства начала формироваться в XVII–XVIII вв.

Главная заслуга в ее разработке принадлежит таким известным политическим мыслителям XVII—XIX вв., как Дж. Локк, А. де Токвиль, Дж. С. Милль, Б. Н. Чичерин и др.

В ней в органическом синтезе переплелись две важнейшие идеи представительной демократии. Это, с одной стороны, идея, согласно которой ни один человек не вправе править другим человеком без согласия последнего. С другой стороны, мысль о том, что, поскольку каждый отдельно взятый индивид не в состоянии непосредственно участвовать в управлении государством, интересы различных категорий населения могут быть представлены в системе власти особыми уполномоченными, которым делегированы соответствующие прерогативы и права.

Значимость института представительства помимо всего прочего состоит в том, что он дает возможность расширить пространственные рамки демократической и республиканской форм правления. Как выше говорилось, так называемая прямая демократия, которая предусматривает участие всех взрослых граждан в принятии сколь угодно важных решений, была возможна в сравнительно небольших сообществах, таких, как древнегреческие полисы, где численность полноправных граждан редко превышала 10 тыс. человек. Очевидно, что современному национальному государству, в котором численность населения достигает десятков и сотен миллионов, такая модель решительно противопоказана.

Именно институт представительства сделал возможным формирование республиканской или демократической формы правления в масштабах национального государства. Более того, утвердилось мнение, согласно которому такая форма правления тесно увязывалась с национальным государством. *«Чем меньше общество, — писал Дж. Мэдисон, — тем меньше возможностей для появления четко очерченных партий и интересов и тем чаще большинство окажется в одной и той же партии».* При расширении площади и увеличении населения получается «большое число партий и более значительное разнообразие интересов».

Принципы представительности и выборности представителей различных социальных групп в законодательные или иные органы власти по самой логике вещей поставили вопрос об инструментах и средствах политической реализации этих принципов. В качестве таких инструментов постепенно во всех ныне индустриально развитых странах утвердились политические партии, а механизмом реализации принципа представительства стала избирательная система.

12.2. Основные характеристики избирательной системы

Под избирательной системой понимается совокупность институтов, механизмов, норм, правил, процедур и отношений, обеспечивающих избрание ключевых органов публичной власти, для чего определяется порядок организации и проведения выборов. Это сложная и динамичная система, конкретные формы, содержание и характер которой определяются множеством факторов исторического, этнонационального, социокультурного, политико-культурного и иных факторов. Избирательная система и составляющий ее центральный элемент — институт выборов — играют ключевую роль в формировании структуры власти и ее легитимизации. Именно она обеспечивает избирательный процесс — от выдвижения кандидатов на выборные должности до подсчета поданных на выборах голосов и обнародования результатов.

Избирательная система — это исторический феномен, возникший в процессе формирования и дальнейшего развития институтов, ценностей и отношений политической демократии и правового государства. Составной ее частью является избирательное право, которое утвердилось в процессе длительной борьбы демократических сил на протяжении более чем двух веков. В Нидерландах, например, в 1800 г. избирательным правом пользовалось всего 12% взрослого населения, к 1890 г. эта цифра поднялась до 27%, а в 1900 г. — до 63%. Здесь всеобщее право голоса было введено для мужчин в 1917 г., а для женщин в 1919 г.

Вплоть до окончания Гражданской войны «цветные» американцы (за исключением незначительных групп в новоанглийских штатах) не участвовали в избирательном процессе. В 1870 г., т. е. через семь лет после обнародования президентской декларации об освобождении рабов (1863), была принята XV поправка к конституции, предоставляющая право голоса чернокожим. Лишь начиная с 1920-х годов они стали добиваться некоторых успехов в расширении своего участия в выборах. Важное значение имели законы 1950–1970-х годов, снявшие ограничения на участие чернокожих американцев в избирательном процессе.

В 1971 г. конгресс США одобрил XXVI поправку к конституции о снижении возрастного ценза на участие в голосовании с 21 года до 18 лет. Подобные законы в конце 1960-х — 1970-е годы были приняты и в большинстве других индустриально развитых стран. В США

женщины получили право голоса в 1918 г. (но впервые приняли участие в голосовании на выборах 1920 г.), в Нидерландах — в 1919 г., во Франции — в 1944 г., в Италии — в 1945 г., в Греции — в 1956 г., в Швейцарии — лишь в 1971 г.

В современном демократическом государстве, как правило, все без исключения граждане, достигшие избирательного возраста, за исключением лиц, оговоренных в действующем законодательстве, пользуются правом избирать и быть избранными. Избирательное право не зависит от пола гражданина, его возраста, национальности, языка, места жительства, отношения к религии и т. д. Причем действует принцип: «один человек — один голос». Хотя правила голосования конкретизируются в текущем законодательстве, основы избирательной системы наряду с принципами избирательного права в качестве основополагающих норм правовой системы страны закрепляются в ее конституции.

Результаты выборов, определяющие победителей и побежденных, во многом зависят от типа избирательной системы. Существуют три ее основных типа: мажоритарная, пропорциональная и смешанная мажоритарно-пропорциональная.

При *мажоритарной* системе депутаты в законодательные собрания избираются по одномандатным округам. Эта система утвердилась в Англии, США, Франции, Японии и ряде других стран. Чтобы одержать победу, партия должна завоевать большинство голосов в каждом из избирательных округов. Так, в США на президентских выборах если кандидат не завоевывает большинство, то он не получает ничего. Американская система выборщиков построена так, что кандидат получает или все, или ничего. В каждом штате кандидат, набравший 50%+1 голос, получает все 100% голосов выборщиков.

Мажоритарная система предполагает, что для получения голосов выборщиков третья партия должны завоевать не просто определенное количество голосов по всей стране, а географически концентрированную в каком-либо округе поддержку большинства избирателей. А это означает, что, если третья партия и одержит победу в том или ином округе или даже штате, она все же останется местным явлением.

В том случае, когда по одному и тому же округу баллотируются не два, а несколько кандидатов, победу может одержать тот, кто набрал менее 20–25% голосов. Показательно, что консервативная партия Великобритании не раз одерживала победу, получив лишь около 40% голосов избирателей, поскольку остальной электорат делился между лейбористской партией и либерал-социал-демократическим альян-

сом. В результате оказывается, что большинство избирателей не представлены в законодательном собрании.

Большинство, полученное победившей стороной, может быть двух видов: абсолютное и относительное. В первом случае победителем считается кандидат, завоевавший 50% + 1 голос всех участвовавших в голосовании избирателей. В том случае, когда ни один из кандидатов не получает требуемого числа голосов, назначается второй тур выборов, в котором принимают участие два кандидата, завоевавшие наибольшее число голосов в первом туре. Во втором туре победителем выходит уже кандидат, набравший относительное большинство голосов, т. е. получивший больше голосов, чем все остальные кандидаты каждый в отдельности. Если, например, в одном одномандатном округе за место борются, скажем, 10 кандидатов, то для победы может оказаться достаточным завоевать голоса каких-нибудь 13–15% избирателей. Очевидно, что при таком положении вещей говорить о депутате как реальном представителе округа не приходится.

Многие континентально-европейские страны практикуют *пропорциональную* систему, в соответствии с которой от каждого округа избирается несколько кандидатов, число которых распределяется пропорционально количеству завоеванных партиями голосов. Здесь создаются достаточно крупные избирательные округа, чтобы включить, скажем, пять представителей и разделить их между партиями пропорционально завоеванным ими голосам. Если, например, одна партия получает около 40% всех голосов, она соответственно получает 40% из пяти мест, т. е. два места. Если три другие партии получают от 16 до 24% голосов каждая, им предоставляется по одному месту.

Однако, если бы такой большой округ был бы расчленен на 5 мелких округов, имеющих по одному месту, все пять мест получила бы партия, завоевавшая 40% голосов всех избирателей, т. е. большинство (при условии, если бы ее сила распределялась примерно равномерно по первоначальному большому дистрикту). Другими словами, пропорциональная система представительства склонна предоставлять сравнительно мелким партиям место в законодательном собрании.

Перспектива завоевания своей доли участия во власти, хотя и малой, поощряет партии меньшинств и способствует сохранению многопартийной системы. Мажоритарная система способствует формированию двухпартийной или так называемой «двух с половиной» избирательной системы.

В ряде стран существует смешанная *мажоритарно-пропорциональная* система. Так, в ФРГ одна половина состава бундестага избирается на основе мажоритарной системы в один тур, а другая — на основе

пропорциональной системы. В Австралии палата представителей формируется по мажоритарной системе абсолютного большинства, а сенат — по системе пропорционального представительства. При этом отмечено, что мажоритарная система в один тур способствует установлению двухпартийности, пропорциональная система, наоборот, — многопартийности, а мажоритарная в два тура — объединению партий в коалиции.

Что касается избирательной системы Российской Федерации, то она призвана обеспечить избрание Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, членов законодательных собраний субъектов федерации, органов местного самоуправления в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов федерации. Согласно ст. 32 Конституции Российской Федерации все граждане «имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления».

В Российской Федерации Конституцией 1993 г. также была введена смешанная мажоритарно-пропорциональная система. В результате реформы 2004 г. она была заменена пропорциональной системой.

В научной и публицистической литературе, а также в общественных и политических кругах не прекращаются дискуссии и споры о преимуществах и недостатках мажоритарной, пропорциональной и смешанной избирательных систем. В этом отношении не является исключением и Россия, где дискуссии разворачиваются вокруг вопроса о соответствии или несоответствии той или иной из этих трех систем российским реальностям.

Одним из главных нововведений реформы стала отмена принципа избираемости губернаторов путем всеобщего голосования граждан соответствующих субъектов Российской Федерации и их избрание законодательными собраниями регионов по представлению главы государства. Нельзя отрицать, что формально замена прямых губернаторских выборов на их фактическое назначение Кремлем можно трактовать как отступление от демократических норм и институтов, возникших в середине 1990-х. Однако при оценке этого шага необходимо учесть, что сложившаяся к началу реформы ситуация в стране свидетельствовала о том, что применительно к большинству субъектов федерации лишь с большой натяжкой можно было говорить о демократической системе выборов глав администраций.

Более того, в ряде национальных республик, да и не только, под «флером» всенародных выборов были установлены самые что ни на

есть авторитарные режимы, которые стали одним из главных тормозов развития демократии. Большинство глав администраций, как правило, прямо или косвенно или через родственников и подставных лиц, участвуя в разделе собственности, окунулись в раздел собственности на вверенных им территориях. Почти все они подмяли под себя законодательные собрания, сколько-нибудь значимые политические партии и средства массовой информации, а также фактически контролировали региональные силовые структуры, спецслужбы и суды.

Поэтому неудивительно, что сохранение власти любыми путями и средствами стало смыслом их жизни и деятельности. Не секрет, что многие из них в буквальном смысле шантажировали Кремль доводами относительно того, что им нет реальной альтернативы, поскольку именно им принадлежит главная заслуга в обеспечении социальной и экономической стабильности, в предотвращении этнонациональных, конфессиональных и иных конфликтов в соответствующих регионах.

В качестве еще одной меры, призванной способствовать совершенствованию институтов государственной власти, прежде всего утверждению жизнеспособной партийной системы, ликвидирована смешанная мажоритарно-пропорциональная система и введена чисто пропорциональная система выборов в Государственную Думу по партийным спискам.

Следует отметить, что не существует совершенной во всех отношениях избирательной системы. У каждой из них можно найти как достоинства, так и недостатки. Этим во многом объясняются отличительные особенности каждой из национальных избирательных систем, применяемых в современном мире. Идеальная модель потому и идеальная, что в реальности она редко существует. В имеющихся ныне реальностях этот шаг, возможно, просто неизбежная необходимость, от которой зависят сами перспективы российской государственности и демократии.

12.3. Институт выборов

Центральное место в избирательной системе занимает институт выборов. Именно роль института выборов как инструмента легитимизации и стабилизации существующей системы и обусловила то, что в настоящее время в подавляющем большинстве стран действует всеобщее избирательное право.

Центральная проблема, которой занимаются партии, — это избирательный процесс. Лишь выиграв на выборах и завоевав выборные

должности, партия и ее руководство в состоянии утвердить собственные позиции и добиться власти для достижения своих целей. Успех на выборах является неременным условием выживания партии и мерой ее эффективности и жизнеспособности.

Поэтому естественно, что конкурентную политическую партию отличает от всех других форм политической организации то, что в центре ее внимания стоит вопрос о выборах. Она не всегда может принимать решения тактического характера, а в самой тактике нередко возможны ошибки. Но в долговременной перспективе, если она стремится остаться дееспособным конкурентом, завоевание выборных постов должно быть ключевым фактором в партийных решениях. В глазах избирателей мерилом положительной или отрицательной оценки деятельности партий опять же является успех последних на выборах.

В современных условиях для большинства населения основной, а зачастую и единственной формой участия в политике является избирательный процесс. Всеобщие выборы позволяют выявить расстановку политических сил в стране в целом, в отдельной области, штате, земле, на муниципальном уровне, избирательном округе, определить степень доверия избирателей к той или иной партии, конкретным ее лидерам, кандидатам, программным установкам и т. д. Они позволяют избирателям делать продуманный, осознанный выбор в пользу той партии и программы, которые, на их взгляд, в наибольшей степени соответствуют их позициям и интересам.

В свою очередь партия, претендующая на успех во время предвыборной кампании, должна убедить как можно более широкий круг избирателей в том, что именно она лучше других партий способна решить стоящие перед обществом проблемы, защитить интересы большинства населения.

Успех на выборах обеспечивает приток финансовых средств в партийную кассу и фонд избирательной кампании. Это является необходимым условием эффективного функционирования и выживания партий. Перечень разного рода должностей, постов, замещаемых с помощью выборов, довольно обширный.

Выборы как механизм замещения широкого круга должностей охватывают все уровни государственности — от центрального до местного, от президента или главы правительства страны до руководителей местного управления. В США, например, один раз в 4 года проводятся общенациональные выборы, на которых избираются президент и вице-президент страны, члены палаты представителей и сената конгресса США, и выборы на уровне штатов, где избираются губер-

наторы, члены законодательных собраний, генеральные прокуроры и другие должности местных властей. Некоторые должности на всех уровнях, кроме президентского, заменяются на так называемых промежуточных выборах, которые проводятся через каждые 2 года.

12.4. Избирательная кампания

Избирательная кампания представляет собой комплекс агитационных мероприятий, организуемых и проводимых политическими партиями и независимыми кандидатами с целью обеспечить себе максимальную поддержку избирателей на предстоящих выборах. Наряду с ними в избирательной кампании участвуют разного рода группы поддержки, общественные организации, средства массовой информации и т. д. Предвыборная агитация проводится с помощью собраний и митингов, печатных и электронных средств массовой информации, расклейки предвыборных афиш и плакатов и т. д. Сроки, порядок и формы проведения агитации, источники финансирования и т. д. более или менее строго регламентируются соответствующим законодательством.

Можно сказать, что избирательная кампания — это развернутый во времени процесс, состоящий из ряда последовательных этапов. Речь идет, во-первых, о назначении конкретной даты выборов; во-вторых, об образовании избирательных округов и участков; в-третьих, о начале и завершении регистрации избирателей; в-четвертых, о выдвижении и регистрации кандидатов; в-пятых, о начале и завершении предвыборной борьбы; в-шестых, о голосовании; в-седьмых, о подсчете поданных на выборах голосов.

В разных странах конкретная дата выборов назначается по-разному. При этом должны учитываться сроки, в течение которых кандидаты и политические партии получают возможность развернуть полноценную избирательную кампанию.

В США день голосования строго фиксирован. Так, голосование на выборах президента и членов конгресса проводится в первый вторник после первого понедельника ноября каждого високосного года, а так называемые промежуточные выборы в конгресс — в тот же день следующего четного года. Однако в большинстве стран заранее определенной даты выборов нет, поэтому необходимо принятие специального акта или решения соответствующего государственного органа, устанавливающего конкретную дату голосования.

В России выборы депутатов Государственной Думы назначаются Президентом Российской Федерации. Днем голосования является

первое воскресенье месяца, в котором истекает срок избрания нижней палаты прежнего созыва. Выборы Президента России назначаются Советом Федерации, а днем голосования является второе воскресенье месяца, в котором проходили предыдущие президентские выборы. Выборы в органы законодательной власти субъектов Федерации унифицированы с принятием Закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

В соответствии с этим Законом региональные выборы назначаются законодательным органом государственной власти субъекта Федерации. Конкретная дата голосования так же, как и на федеральных выборах, определяется в зависимости от сроков полномочий региональных органов власти. Муниципальные выборы назначаются представительным органом местного самоуправления. Общим правилом для всех уровней и видов выборов является их назначение только на выходной день — воскресенье.

В большинстве стран процесс и порядок проведения избирательных кампаний регламентируются установленными законодательными нормами. Например, отличающееся большой строгостью избирательное право Японии запрещает делать подарки избирателям, привлекать их обещанием продвижения по службе, обходить дома избирателей с целью предвыборной агитации. В ФРГ запрещено публиковать результаты опросов общественного мнения за две недели до выборов, а в Англии — в день выборов.

Достаточно регламентировано использование средств массовой информации, особенно телевидения и радио. Так, законодательно устанавливаются общее количество времени, отводимого СМИ для ведения избирательных кампаний, принципы его распределения между партиями и кандидатами, составляется расписание, в соответствии с которым общее время разбивается по дням избирательной кампании.

В основе регламентации избирательных кампаний лежат три важнейших принципа. Первый — это прежде всего обеспечение равенства возможностей для всех участвующих в выборах партий и кандидатов. Его суть состоит в том, что всем предоставляется равный максимальный лимит расходов на проведение выборов. С одной стороны, ограничиваются суммы пожертвований частных лиц и организаций в фонды избирательных кампаний, с другой стороны, во многих странах государство берет на себя финансирование предвыборной кампании. В то же время всем партиям и кандидатам предоставляется равное время на радио и телевидении.

Второй принцип — это так называемый принцип лояльности, в соответствии с которым кандидаты обязаны вести себя лояльно по отношению к своим противникам, не допускать какие бы то ни было фальсификации, оскорбления противника. Третий принцип — нейтралитет государственного аппарата, его невмешательство в ход предвыборной борьбы.

Важное место в избирательной системе занимает институт регистрации, который регулируется соответствующими законами. Как правило, в списки избирателей заносятся все граждане, имеющие право голоса. В большинстве индустриально развитых стран списки избирателей составляются местными органами власти. Они автоматически обновляют регистрацию избирателей, и, когда эти последние меняют место жительства, регистрация также автоматически следует за ними.

По-иному обстоит дело в США. Там регистрация для участия в выборах является сугубо личным делом самого голосующего. Она осуществляется специальными уполномоченными для этой цели чиновниками городских округов и графств, а также местными избирательными комиссиями и бюро. Одна из главных целей института личной регистрации избирателей состоит в том, чтобы дать руководителям избирательных участков возможность установить личность голосующего и определить, является ли он жителем данного избирательного округа и обладает ли правом голосовать на предстоящих выборах. В известной мере этим объясняется введение ценза оседлости в качестве одного из условий допуска граждан к избирательным урнам. От лиц, желающих участвовать в голосовании, требуется предоставить удостоверение личности, подтверждающее место жительства и гражданство.

Система личной регистрации предусматривает периодическое обновление избирательных списков. Причем сами кандидаты должны также периодически возобновлять свою регистрацию. Чтобы добиться права внесения в избирательные бюллетени, кандидаты должны соответствовать требованиям, предъявляемым законом к претендентам на ту или иную должность. Такие требования могут включать минимальный возрастной ценз, ценз оседлости, профессиональную пригодность для искомой должности и т. д.

Например, согласно Конституции США президентом страны может стать американский гражданин по рождению в возрасте не моложе 35 лет и проживающий в пределах США не менее 14 лет. Претенденты в члены палаты представителей должны быть жителями штата, но необязательно конгрессистского дистрикта, от которого они избираются. В ряде штатов кандидатами на такие должности, как судьи,

генеральные прокуроры, прокуроры, могут быть только практикующие юристы с определенным стажем по данной профессии. Подобные требования могут предъявляться к претендентам и на другие выборные должности.

Для участия в выборах установлен возрастной ценз. До конца 60-х годов нынешнего века во многих странах избирательное право предоставлялось с 21–23 лет. Но в ходе широких молодежных и студенческих движений конца 60-х — начала 70-х годов этот ценз во многих странах был снижен до 18 лет: в США — в 1971 г., в ФРГ и во Франции — в 1974 г., в Италии — в 1975 г. Для кандидатов, претендующих на выборные должности, в зависимости от властного уровня установлен более высокий возрастной ценз, скажем, 23–25 лет в нижнюю и 30–40 лет в верхнюю палаты парламента.

Для проведения выборов, в зависимости от их характера (всеобщие, региональные, местные), вся территория страны, области, провинции, района разбивается на избирательные округа, от которых избирается соответствующее число депутатов. Размер округа зависит от уровня выборов. Если для проведения местных выборов создаются небольшие округа на базе городского района, поселка, деревни, то для проведения выборов областного, регионального или федерального уровня несколько таких округов объединяются в один. Как правило, избирательные округа создаются так, чтобы каждый депутат (в зависимости от властного уровня) избирался от равного числа жителей или избирателей.

Под избирательной кампанией в формальном значении понимается установленный законом период, в течение которого политические партии и организации, а также государственные органы, ответственные за проведение выборов, осуществляют организационную, пропагандистскую и идеолого-информационную подготовку в соответствии с установленными правилами. Сюда же относится комплекс организационных, пропагандистских и иных мероприятий, проводимых отдельными партиями и кандидатами. В таких случаях говорят об «избирательной кампании» той или иной партии, того или иного кандидата.

Организация и проведение избирательных кампаний в разных странах осуществляются по-разному. В зависимости от сложившихся в стране традиций глава государства или правительства или парламент назначают официальную дату выборов. С этого дня начинается избирательная кампания, в ходе которой каждая партия выдвигает своих кандидатов или список кандидатов, которые должны пройти соответствующую регистрацию.

Для проведения избирательной кампании создается специальный штаб, в который входят профессионалы: распорядитель, финансовый агент, пресс-секретарь, политический организатор, составитель ежедневных планов, технический секретарь, специальный помощник. Помимо них нанимаются консультанты со стороны: специалисты по опросам общественного мнения, генеральный консультант, консультант по средствам массовой информации, специалисты по сбору средств по почте. После официального выдвижения кандидатов их имена вносятся в специальные избирательные бюллетени.

Существуют различные формы и пути выдвижения кандидатов. Например, в Великобритании любой претендент на выборную должность формально вправе участвовать в выборах в качестве кандидата, предварительно подав в соответствующий орган от своего имени заявление, подписанное кроме него самого еще несколькими избирателями. Но все же реально кандидаты почти исключительно выдвигаются партиями. Премьер-министр назначает дату выборов за два месяца до самих выборов. Как правило, руководители всех партий знают о дате выборов задолго до официального заявления премьер-министра и соответственно заранее готовятся к решающей пробе сил. Примерно такая же процедура существует в большинстве стран с парламентским режимом.

Несколько иная технология организации и проведения президентской избирательной кампании в Соединенных Штатах. Официально она начинается в феврале года выборов с праймериз в штате Нью-Гэмпшир и завершается в первый вторник после первого понедельника в ноябре избранием президента и других выборных должностей. При этом избирательная кампания проходит два этапа.

На первом этапе — этапе первичных выборов — борьба разворачивается между претендентами на номинацию внутри партий. Этот этап завершается общенациональными съездами партий, которые, как правило, созываются в июле—августе года всеобщих выборов. В настоящее время съезды выдвигают и утверждают официальных кандидатов партий на посты президента и вице-президента страны, а также формулируют и принимают их предвыборные платформы. После съезда предвыборная кампания вступает в новую фазу (второй этап) и завершается избранием президента, вице-президента и других выборных должностных лиц в первый понедельник после первого вторника в ноябре.

Следует отметить также специфику процедуры избирания президента США, которая отличается от процедуры избрания высших должностных лиц в других странах. Здесь избиратели формально как бы

прямо не участвуют в избрании претендента на пост президента. Дело в том, что партийные организации 50 штатов и федерального округа Колумбия предоставляют список кандидатов соответствующему должностному лицу вместе со списком так называемых выборщиков президента, которые в случае их избрания отдадут свои голоса кандидату партии. Они выступают в качестве партийных агентов, обязанных морально и политически поддерживать кандидата своей партии.

Как правило, в большинстве стран предвыборная агитация прекращается за сутки до открытия избирательных участков. Это делается для того, чтобы предоставить избирателям время и возможность самостоятельно обдумать и всесторонне взвесить свой выбор. Срок полномочий выборных должностных лиц ограничивается определенным, строго фиксированным в конституции периодом, как правило, от 2 до 6 лет, в зависимости от страны и должности.

Считается, что определенные конституцией срок и порядок избрания должностных лиц достаточны для того, чтобы избранное лицо могло реализовать свою программу, обеспечить стабильность и преемственность политического руководства. Учитывается и то, что этот срок не настолько велик, чтобы политик мог забыть о предстоящих выборах и не помнить о своей ответственности перед избирателями. Так, в США и России срок пребывания президента у власти — четыре года. Одно и то же лицо не может занимать этот пост больше чем два срока подряд.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под избирательной системой?
2. В чем состоят роль и функции избирательной системы?
3. Какие существуют типы избирательной системы?
4. Дайте характеристику избирательного права.
5. Какова роль института всеобщих выборов?
6. В чем суть избирательного процесса?
7. Что понимается под избирательной кампанией?
8. Каков порядок проведения избирательных кампаний?
9. Перечислите основные механизмы и процедуры избирательного процесса.

Глава 13

Политическая система России

Распад СССР привел к коренным изменениям в конституционном строе Российской Федерации в направлении рыночной экономики, политической демократии и федеративного устройства. Этот процесс осложнялся тем, что здесь переплелись взаимосвязанные и одновременно противоречивые пласты исторических, традиционных, социокультурных, этнонациональных, конфессиональных и иных реальностей. С самого начала на пути строительства национальной государственности на новых принципах Россия столкнулась с огромными трудностями, вызванными в значительной степени тем, что с распадом СССР и дискредитацией марксистско-ленинской идеологии и коммунистического идеала она оказалась как бы лишенной и самой национальной идеи.

13.1. Конституционные основы государственного устройства Российской Федерации

Принятие Конституции Российской Федерации в декабре 1993 г. обозначило тот рубеж, на котором был узаконен радикальный разрыв с государственно-политической системой СССР, что в свою очередь заложило начало новой эпохи в развитии российской государственности. Как отмечается в преамбуле конституции, ее принятие обеспечило возрождение суверенной государственности России на основе принципов политической демократии.

Основы конституционного строя, закрепленные в гл. 1 конституции, определяют устои государственного и общественного устройства Российской Федерации. Так, в ст. 1 говорится: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Следовательно, Россия представляет собой государство, во-первых, федеративное, во-вторых, правовое и, в-третьих, основанное на республиканской форме правления. Здесь «федерализм», «политическая демократия» и «правовое государство» выступают в качестве составных частей единой модели государственного устройства.

В конституции нашли отражение такие основополагающие принципы политической демократии и правового государства, как политический и идеологический плюрализм, разделение властей, подчинение государственной власти праву и закону, выборность высших органов государственной власти и т. д. Центральное место в конституции занимает гарантия прав и свобод человека и гражданина. Так, в ст. 2 говорится: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Конституция Российской Федерации имеет прямое действие. Как гласит ч. 1 ст. 15, «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Это значит, что она носит обязательный характер на всей территории Российской Федерации и для всех без исключения ее граждан. Обязанность соблюдать конституцию и федеральные законодательные акты распространяется на все органы государственной власти, в том числе на органы власти субъектов федерации, органы местного самоуправления, а также на всех без исключения должностных лиц, независимо от их ранга и статуса.

Конституция обладает верховенством над законами и иными актами, принимаемыми на уровнях как федерации, так и ее субъектов, а также местного самоуправления. Законы и подзаконные акты, которые противоречат ей, не могут иметь юридическую силу. Поэтому она олицетворяет собой государственную целостность, единство системы государственной власти, гарантию единства и неделимости государства.

Как указывалось выше, одним из ключевых принципов демократического государства является горизонтальное разделение власти на три ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Законодательное собрание, избираемое на основе всеобщего и равного избирательного права путем тайного голосования, рассматривается в качестве одного из ключевых составляющих структурной организации политической демократии. Этот принцип получил легитимизацию в ст. 10 конституции: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную».

Для федеративного государства, как правило, характерна двухпалатная структура Законодательного собрания. Две палаты отличаются

по своим функциям, властным прерогативам, а во многих случаях и по способу избрания их депутатов. Если нижние палаты, как правило, формируются посредством прямых выборов, то верхние палаты в разных странах комплектуются по-разному. В этом плане не является исключением и российский парламент — Федеральное Собрание, которое также имеет двухпалатную структуру: Совет Федерации и Государственную Думу.

Несмотря на то что Конституция Российской Федерации не определяет, как это принято в некоторых странах, палаты по принципу «верхняя» и «нижняя», все же по аналогии с парламентами других стран Совет Федерации можно назвать верхней, а Государственную Думу — нижней палатой. Но при этом обе эти палаты призваны решать задачу обеспечения действенной системы «сдержек и противовесов», имея своей целью блокировать возможность установления господства какой-либо одной из ветвей власти.

В соответствии со ст. 95 конституции в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта федерации, назначаемые соответственно администрацией и Законодательным собранием каждого из субъектов федерации. По принятым в научной литературе критериям Совет Федерации призван обеспечивать так называемое территориальное (или, как иногда называют, географическое) представительство. Государственная Дума, депутаты которой избираются путем всеобщего, прямого, тайного голосования, в свою очередь обеспечивает политическое представительство или представительство интересов населения Российской Федерации в целом. Тем самым подчеркивается, что Государственная Дума представляет весь российский народ, независимо от того, в каких субъектах избраны депутаты. Число депутатов в Государственной Думе составляет 450 человек.

Поскольку органом общенародного представительства является Государственная Дума, то именно на нее возложены основные обязанности по принятию федеральных законов. Именно в Государственной Думе начинается законодательный процесс, поскольку, согласно ст. 105 конституции, федеральные законы принимаются Государственной Думой. В случае принятия Думой того или иного закона во всех трех чтениях он направляется в Совет Федерации, который вправе одобрить или отклонить его. Продолжая законодательный процесс, начатый Государственной Думой, Совет Федерации как бы подвергает своеобразной проверке профессиональный уровень принимаемых ею законов.

Закон, получивший одобрение Совета Федерации, передается на подпись президенту, который вправе наложить на него вето, если,

по его мнению, он не соответствует конституции Российской Федерации. В таком случае закон в установленном Конституцией порядке вновь рассматривается и Государственной Думой, и Советом Федерации, и если он получает поддержку конституционного большинства, т. е. 2/3 депутатов, то подлежит обязательному подписанию президентом.

Государственная Дума дает согласие на назначение главы правительства большинством голосов членов Думы. Она осуществляет контроль за деятельностью правительства и в соответствии с ч. 3 ст. 117 конституции вправе поставить вопрос о доверии ему. Однако вынесение вотума недоверия не обязательно влечет автоматическую отставку правительства, поскольку решение этого вопроса входит в компетенцию Президента Российской Федерации. Единственный случай назначения председателя правительства без согласия Государственной Думы предусмотрен ч. 4 ст. 111, согласно которой в случае трехкратного вынесения вотума недоверия правительству президент вправе либо отправить его в отставку, либо распустить Государственную Думу, назначив в течение трех месяцев новые выборы.

Президент не имеет права распустить Государственную Думу в следующих случаях:

- в связи с выражением ею недоверия Правительству Российской Федерации в течение года после ее избрания;
- с момента выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации до принятия соответствующего решения Советом Федерации;
- в период действия на всей территории России военного или чрезвычайного положения;
- в течение шести месяцев до окончания срока полномочий Президента Российской Федерации.

Государственная Дума наделена также полномочиями утверждать и освобождать от должности председателя Центрального банка России и Уполномоченного по правам человека, объявлять амнистию, выдвигать обвинения против Президента Российской Федерации и отрешать его от должности.

Федеральное Собрание рассматривает все вопросы, связанные с основной экономической деятельностью правительства: федеральный бюджет; федеральный сбор налогов и т. д. Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счетную палату для осуществления контроля за исполнением государственного бюджета. Члены Правительства Российской Федерации обязаны по приглашению палат Федерального Собрания присутствовать на их заседаниях и отвечать

на вопросы членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы в порядке, определенном Регламентом палат.

Что касается законодательных и представительных органов субъектов федерации и муниципального управления, то по вопросам их исключительного ведения они вправе принимать законодательные акты независимо от Федерального Собрания, но в рамках конституции и законов Российской Федерации.

13.2. Президент и исполнительная власть

Конфигурация властной структуры Российской Федерации определяется смешанным президентско-парламентским характером политической системы. Ее особенность, в отличие, например, от чисто президентской системы США, где функции главы государства и главы исполнительной власти выполняются единолично президентом, состоит в том, что в России эти функции разделены между президентом и главой федерального правительства. Здесь сильная президентская власть органически сочетается с парламентом и правительством, формируемым президентом и одновременно ответственным перед парламентом. Главное отличие состоит в том, что глава государства и председатель правительства выступают в разных лицах.

Особое место в системе органов государственной власти Российской Федерации занимает президент. Согласно ст. 81 конституции Президентом Российской Федерации, избираемым на четыре года гражданами Российской Федерации на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании, может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет. В этой связи интерес представляет то, что 35-летний возраст установлен для избрания Президента в США, в Германии нижний предел составляет 40 лет, а в Италии — 50 лет. Можно сказать, что Президент Российской Федерации получает мандат доверия не от парламента, как, например, в Германии или Италии, а от всего населения России. О ключевой роли президента во властной структуре государства свидетельствует тот факт, что характеристика системы государственных органов Российской Федерации начинается с гл. 4 «Президент Российской Федерации».

Согласно ч. 1 ст. 80 конституции президент является главой государства, гарантом федеральной конституции прав и свобод человека и гражданина. Он — гарант суверенитета Российской Федерации, независимости, единства и целостности государства, главнокомандующий Вооруженными силами Российской Федерации. Именно на него

возложены полномочия и функции обеспечения единства, эффективного функционирования и взаимодействия всех ветвей и органов государственной власти. Особый статус президента во властной системе выражается также в том, что именно он определяет стратегические направления внутренней и внешней политики государства.

Конституционные полномочия президента можно условно разделить на законодательные и исполнительные. В первом случае речь идет о том, что президент играет немаловажную роль в формировании законодательной базы государства. В установленных законодательством рамках он вправе распускать Государственную Думу и назначить ее новые выборы. Он обязан представлять Федеральному Собранию ежегодные послания о положении дел в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Эти послания являются не нормативными актами, а заявлениями политического характера, содержащими программные установки и основные направления внутренней и внешней политики государства. Хотя с юридической точки зрения они не имеют обязательной силы, однако носят установочный характер.

Особенно важное значение имеет положение, согласно которому президент наделен правом отлагательного вето, в силу чего он может вернуть уже принятый парламентом закон со своими возражениями в Федеральное Собрание для повторного обсуждения и голосования. Подписывая федеральные законы, глава государства завершает законодательный процесс и придает закону обязательную силу. Это право дает президенту возможность активно участвовать в законотворческой деятельности, контролировать законодательный процесс. Его законотворческие полномочия проявляются также в том, что он вправе издавать указы, которые являются властными актами, имеющими обязательную силу на всей территории страны. Президент обладает правом законодательной инициативы, т. е. имеет право вносить в Государственную Думу законопроекты, инициировать референдумы.

Президент наделен полномочиями с согласия Государственной Думы назначать председателя правительства и персональный состав правительства, председательствовать на его заседаниях. При необходимости он вправе также отправить правительство в отставку. Президент представляет Государственной Думе кандидатуры для назначения на должность председателя Центрального банка и ставит перед Думой вопрос о его освобождении от должности. Он представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного суда Российской Федерации, Верховного суда

Российской Федерации, Высшего арбитражного суда Российской Федерации, генерального прокурора Российской Федерации и вносит предложение об освобождении действующего генерального прокурора от должности.

Президент назначает и освобождает высшее командование Вооруженных сил Российской Федерации, определяет основные направления военной политики. Он заключает и подписывает международные договоры, которые подлежат ратификации путем принятия федерального закона обеими палатами Федерального Собрания, осуществляет руководство внешней политикой страны и, как глава государства, представляет Российскую Федерацию на международной арене в отношениях с другими государствами.

Президент выступает от имени всех федеральных властей во взаимоотношениях прежде всего с властными структурами субъектов федерации. В соответствии с п. «к» ст. 83 конституции президент назначает и освобождает своих полномочных представителей в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Эта прерогатива президента еще больше усилилась в результате введения федеральных округов и института полномочных представителей в федеральных округах.

Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью. Это означает, что в период своего пребывания у власти никто не может применить в отношении его физическое или психическое насилие; он не может быть задержан, арестован, привлечен к какому бы то ни было виду правовой ответственности или отстранен от исполнения обязанностей. Но все это не означает, что глава государства вправе игнорировать предписания конституции и действующие законы. Конституцией Российской Федерации предусмотрен специальный механизм импичмента, т. е. досрочного (в качестве меры ответственности) отрешения президента от должности по решению суда в случае совершения им государственного преступления.

Формально все федеральные служащие подчинены президенту. Как глава государства, обладающий широкими полномочиями, президент формирует свою администрацию, которая действует в пределах полномочий президента и подчиняется непосредственно ему. В реализации важнейших целей государственной политики президенту помогает Совет Безопасности, который он формирует и возглавляет. В состав Совета входят министры обороны, внутренних дел и юстиции, председатели палат Федерального Собрания, а также другие лица, непосредственно обеспечивающие безопасность государства.

Все это свидетельствует о том, что президент обладает весьма широким кругом полномочий. Как властные полномочия, так и форма избрания, а также сроки пребывания у власти Президента Российской Федерации весьма близки к тем, что имеет американский президент, и на этом основании установленную в России государственно-политическую систему можно было бы назвать президентской. Однако в российской властной системе есть ряд механизмов и процедур, которые в чисто президентской системе отсутствуют. Например, американский президент не обладает полномочиями распускать конгресс. Российский президент такими полномочиями обладает. Наличие в структурах власти правительства и его председателя, а также роль парламента при формировании правительства, особенно его прерогативы в выражении последнему недоверия, дают основания называть Российскую Федерацию президентско-парламентской республикой.

Исполнительная власть Российской Федерации возглавляется Правительством Российской Федерации, которое состоит из федеральных министерств, государственных комитетов, федеральных комиссий Российской Федерации, федеральных служб и агентств. Эти органы государственной власти и высшее чиновничество совместно образуют единую государственно-бюрократическую вертикаль, в руках которой сосредоточена значительная политико-административная власть. Она имеет собственные корпоративные интересы, и ее кадровый состав меняется незначительно с приходом к власти новой администрации.

Председатель Правительства Российской Федерации с согласия Государственной Думы назначается президентом. В свою очередь председатель правительства предлагает президенту кандидатуры на должности его заместителей и федеральных министров. Непосредственно президенту подчиняются «силовые» министерства и ведомства, такие, как министерства обороны, внутренних дел, иностранных дел, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Федеральная служба контрразведки и др.

Федеральное правительство возглавляет единую систему исполнительной власти, образуемую федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов федерации. Ряд федеральных министерств, например Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Генеральная прокуратура имеют свои структуры в субъектах федерации. Прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и генеральному прокурору Российской Федерации.

Федеральное правительство разрабатывает и реализует единую государственную финансовую, кредитную и денежную политику; политику в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии; осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью и др. Одна из основополагающих целей правительства — защита и продвижение геополитических интересов России. В сфере внешнеэкономической деятельности Правительство Российской Федерации осуществляет регулирование и государственный контроль, в том числе экспорта и импорта, определяет таможенные пошлины и тарифы, осуществляет меры по обеспечению обороны страны и национально-государственной безопасности.

13.3. Судебная власть

Особенность судебной системы Российской Федерации состоит в том, что она охватывает три разновидности органов судебной власти: Конституционный суд; Верховный суд; Высший арбитражный суд и поднадзорные ему нижестоящие арбитражные суды. Назначение судей этих судов из числа представленных президентом кандидатов по конституции относится к исключительной компетенции Совета Федерации.

Конституционный суд призван осуществлять контроль за соответствием федеральных законов, нормативных актов президента, правительства, палат Федерального Собрания, а также нормативных актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления Конституции Российской Федерации, давать толкование положениям конституции и принимаемых на ее основе законов. Он вправе отменять любой не соответствующий конституции закон или нормативный акт, принятый органами других ветвей власти.

Иначе говоря, Конституционный суд призван обеспечивать верховенство и прямое действие конституции на всей территории Российской Федерации. Его решения обязательны для всех органов государственной власти, субъектов федерации и граждан. В этом отношении он играет незаменимую роль в сохранении единства российского государства, принципов федеративного устройства, а также норм, принципов и ценностей либеральной демократии.

В компетенцию и прерогативу Верховного суда согласно ст. 126 конституции входит рассмотрение гражданских, уголовных, административных и иных дел, подсудных судам общей юрисдикции.

Он возглавляет и осуществляет предусмотренные конституцией и федеральным законодательством надзор за деятельностью всех судов общей юрисдикции и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Гарантией эффективного осуществления хозяйственной деятельности является защита гражданских прав организаций и граждан-предпринимателей, осуществляемая Высшим арбитражным судом Российской Федерации, который согласно ст. 127 конституции является высшим судебным органом по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами. К компетенции арбитражных судов отнесены споры с участием организаций и граждан, занимающихся самостоятельной предпринимательской деятельностью без образования юридического лица.

В состав судебной системы Российской Федерации входят федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации. К федеральным судам относятся верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции. Частью единой судебной системы Российской Федерации являются конституционные (уставные) суды субъектов федерации, а также мировые судьи, которые являются судьями общей юрисдикции. В некоторых субъектах Федерации функционируют конституционные суды, в других — уставные суды, а где-то их функции выполняют суды общей юрисдикции.

Самостоятельность и независимость судей от законодательной и исполнительной власти является одним из важнейших принципов, на которых основывается правосудие в правовом государстве. Независимость судей, присяжных, народных и арбитражных заседателей устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным законом. Как отмечается в ч. 1 ст. 120 конституции, «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». Не допускается вмешательство какого-либо иного органа государственной власти или отдельно взятого должностного или частного лица, независимо от его статуса, в деятельность судей по осуществлению правосудия.

Независимость судей обеспечивается также принципом их неприкосновенности, который состоит в том, что они вообще не могут быть привлечены к ответственности за принятое решение, если вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена их виновность в преступном злоупотреблении. Этот принцип, который со-

ответствует международно-правовым нормам, не должен нарушать другие важные принципы судопроизводства: равенство всех перед законом и судом и неотвратимость наказания за правонарушение.

13.4. Взаимосвязь горизонтального и вертикального разделения властных полномочий

Федерализм и демократия с самого начала были теснейшим образом связаны друг с другом. Более того, именно процессы либерализации и демократизации государственно-политической системы на протяжении всего Нового времени, особенно в XX в., способствовали появлению теорий федерализма и федеративных государств. Показательно, что такие первые демократические государства, как Швейцария и США, формировались в форме федерации. Нельзя не согласиться с американским политологом И. Дючесиком, который, подчеркивая неразрывную связь демократии и федерализма, отмечал, что федерализм — это «территориальное выражение внутреннего кредо демократии».

В отличие от политической демократии, которая определяет системные характеристики государственно-политического устройства, принципы федерализма служат основой территориально-административного устройства государства. Здесь демократический характер государственного устройства проявляется в вертикальном разделении властей между федеральным центром и субъектами федерации. Федеративное государство построено на принципах разделения властных полномочий между федеральным центром, субъектами федерации и органами местного самоуправления. С этой точки зрения необходимо учитывать, что само государство ассоциируется с определенной территорией.

Иначе говоря, имеет место органический синтез принципов политической демократии и федерализма. Принцип разделения властей как по горизонтали, так и по вертикали, создавая механизм сдержек и противовесов как между различными ветвями власти, так и между ее различными уровнями, обеспечивает блокирование возможных попыток злоупотребления ею. Следуя этому двуединому принципу, федерализм призван обеспечить расширение и углубление демократии. Можно утверждать, что эти два начала взаимно дополняют и усиливают друг друга. Истинно федеративное государство может быть только демократическим — демократические принципы, ценности и отношения составляют сущностные характеристики федерализма.

В данном плане для федеративного государства определяющее значение имеет принцип дополняемости органов разных уровней, или принцип субсидиарности, в соответствии с которым осуществляется распределение властных полномочий, а также ответственности между различными уровнями власти. Это вполне объяснимо, если учесть, что органы государственной власти федерального центра и субъектов федерации действуют на разных уровнях — у них несопадающие предметы ведения.

При таком подходе очевиден тот факт, что целостность, единство и жизнеспособность, межнациональный, межконфессиональный и социальный мир и благосостояние в такой стране, как Россия, могут быть обеспечены лишь на путях построения правового федеративного государства, характеризующегося органическим сочетанием элементов централизации и децентрализации.

В этом отношении немаловажное значение имеет тот факт, что Россия представляет собой асимметричную федерацию. Теоретически симметричная федерация представляет собой идеальную модель. В ней все субъекты федерации признаются однородными по природе и статусу (например, в США — штаты, в Германии — земли, в Швейцарии — кантоны и т. д.). Для России создание реальной симметричной федерации сопряжено с практически непреодолимыми на данный момент трудностями, вызванными характерными для многих субъектов федерации особенностями.

В политико-правовом отношении под асимметричной понимается такая федерация, в которой не все субъекты обладают равным правовым статусом и отдельные субъекты добиваются для себя больших прав и полномочий, чем остальные субъекты. К числу таких федеративных государств относится, например, Канада, где франкоязычная провинция Квебек уже в течение многих десятилетий борется за предоставление ей особого статуса и даже независимости.

Асимметричность Российской Федерации определяется объективно существующими социокультурными, этнонациональными, историческими, географическими и иными различиями между различными регионами. В отличие от большинства других федеративных государств для России характерно органическое сочетание двух основополагающих принципов государственного устройства: национально-территориального, с одной стороны, и административно-территориального — с другой. Такое положение усугубляется наличием значительных различий между субъектами по уровню социально-экономического развития и степени прогресса в реализации реформ. Результатом этого является весьма сложный и противоре-

чивый характер взаимоотношений между федеральным центром и субъектами федерации.

В Конституции Российской Федерации провозглашено равноправие всех субъектов федерации по отношению к федеральным органам государственной власти (ст. 5). Однако вместе с тем Конституция Российской Федерации закрепила ряд положений, которые узаконивают фактическое неравенство статуса разных субъектов. Из перечисленных в ней 89 субъектов (число их в результате слияний более мелких с крупными постепенно сокращается) 21 являются республиками, 6 — краями, 49 — областями, 2 — городами федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), 1 — автономной областью и 10 — автономными округами. Причем в них проживает более 140 народов. В целом их можно разделить на национально-государственные (республики), административно-территориальные (края, области, города Москва и Санкт-Петербург), автономные или национально-территориальные (автономная область, автономные округа). Тем самым в конституции признается существование различных типов субъектов федерации.

Причем если республики как государства или государственные образования, входящие в состав Российской Федерации, имеют свои конституции и наделены правом устанавливать свои государственные языки (ст. 68), то другие субъекты федерации (например, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа) имеют лишь уставы. Автономные округа обладают сложным правовым статусом, признаются равноправными субъектами федерации, правомочными вступать в прямые взаимоотношения с центром.

Некоторые исследователи и публицисты видят в создании «полноценной», по их понятиям, симметричной федерации панацеею от всех бед. Очевидно, что совершенствование отношений между федеративным центром и субъектами федерации по сути дела предполагает отказ от принципа сосуществования в Федерации неравноправных субъектов, в частности краев, областей, национальных и национально-автономных республик. Разумеется, это весьма трудная и сложная проблема, унаследованная Россией исторически. Реальность состоит в том, что на данном конкретном этапе реализация этого принципа сопряжена со множеством трудностей, связанных с историческим различием скоростей развития отдельных регионов, субъектов, республик, народов Российской Федерации. По-видимому, Российская Федерация еще долгое время останется асимметричным федеративным государством, но не на уровне важнейших конституционных

полномочий, прав и обязанностей, а только на уровне специфических особенностей, связанных с экономическими, культурными, национальными и географическими особенностями того или иного субъекта Российской Федерации.

13.5. Россия как конституционная федерация

Для правильного понимания сущности российской государственности еще раз необходимо отметить, что различаются конституционный и договорный типы федераций. основополагающим государствообразующим документом в договорной федерации является федеративный договор или иной документ, разрабатываемый и подписываемый государствами или государственными образованиями, пришедшими к осознанию необходимости создания единого союзного государства. Все вопросы, касающиеся отношений федерального центра и субъектов федерации, регулируются в соответствии с основными положениями договора. Причем особенность данного типа в отличие от конституционной федерации состоит в том, что каждое из государственных образований, вошедших в федерацию, может сохранить за собой право при определенных условиях выйти из союза и создать самостоятельное суверенное государство.

В конституционной федерации основополагающим государствообразующим документом является федеральная конституция, которая определяет системообразующие принципы государственного устройства и регулирует отношения между гражданами, обществом и государством, между федерацией и ее субъектами, а также между самими субъектами. Особенно важно то, что конституционная федерация не предусматривает право выхода какого-либо из субъектов из состава федеративного союза. Россия по своей сути является не договорной, а конституционной федерацией, в которой распределение властных полномочий целого и его составных частей зафиксировано только в конституции.

При федеративном устройстве единство государства сочетается с определенным уровнем самостоятельности отдельных административных единиц, или субъектов федерации, будь то автономные республики, области, края, районы, наделенные строго фиксированным кругом полномочий и прерогатив самим решать множество стоящих перед ними проблем. Причем субъекты федерации равноправны как между собой, так и перед федеральным центром. Те законы, которые принимаются на федеральном уровне, одинаково касаются всех субъектов федерации, и в этом качестве они носят всеобщий харак-

тер. Существенное значение имеет свободное передвижение людей, товаров, информации и т. д. на всей территории страны. Это говорит о единстве экономического, финансового, таможенного, информационного пространства государства.

Как уже указывалось, федерализм, как форма регулирования взаимоотношений между различными составляющими и уровнями власти, предполагает наличие двух основных факторов: во-первых, определенной децентрализации власти; во-вторых, четкого долевого разделения как функций и полномочий, так и прав и ответственности между центром и регионами. Коль скоро федеративное государство представляет собой своеобразное двухуровневое образование, то, естественно, возникает вопрос: как распределяется верховная власть между этими двумя уровнями — федеральным центром и субъектами федерации?

Федерация, как единое и неделимое государство, немислима без безусловного суверенитета на всей занимаемой ею территории. Как уже указывалось, на ее территории любые ассоциации, объединения, союзы, преследующие политические цели, могут считаться законными лишь в том случае, если они признают верховную власть данного государства. В противном случае они считаются незаконными. Конституция Российской Федерации не допускает наличие на ее территории какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России. Поэтому не может быть иного суверенитета, кроме как государственного суверенитета Российской Федерации. Только Российская Федерация вправе выступать в качестве единственного суверена, обладающего верховенством на всей территории, подпадающей под ее юрисдикцию.

Это означает, что верховная власть, определяющая системные и структурные характеристики государства, его политическую и территориально-административную конфигурацию, принадлежит федеральному центру. К тому же российская государственность создана на основе волеизъявления всего многонационального народа Российской Федерации, а не ее субъектов. Очевидно, что в российских реалиях обеспечение национально-государственных интересов и национальной безопасности, сохранение и укрепление территориальной целостности государства невозможно достичь без всемерного укрепления властной вертикали, призванной объединить множество разновеликих субъектов в единый, неразрывный организм. В основе этих принципов лежит положение конституции, согласно которому носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Актуальность такой постановки задачи становится особенно очевидной, если учесть, что в некоторых субъектах, особенно в ряде национальных республик, законодательные собрания принимали законы и постановления, несовместимые с буквой и духом федеральной конституции. Поэтому естественно, что в исключительном ведении федерального центра находятся такие ключевые полномочия и функции, как:

- защита основ конституционного строя;
- защита прав человека и гражданина;
- судебная и правоохранительная системы;
- денежная система;
- защита национально-государственных интересов;
- защита суверенитета и территориальной целостности страны;
- система взаимоотношений федерального центра и субъектов федерации, а также взаимоотношений этих последних между собой и т. д.

Для реализации этой цели в конституции четко и ясно установлено, что президент, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации составляют вершину властной вертикали, включающей сверху вниз (или наоборот) все структуры — от президента до главы сельского муниципального образования. Особенно важное значение в этом плане имеет то, что федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов федерации образуют единую систему исполнительной власти.

С данной точки зрения особенно важное значение имеет тот факт, что конституции национальных республик, уставы остальных субъектов федерации составной частью входят в нормативно-правовую систему Российской Федерации и, следовательно, должны строго соответствовать федеральной конституции и федеральным законам.

13.6. Проблема обеспечения властной вертикали

Единство и целостность властной вертикали в России обеспечиваются общими для федерации органами ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной. Ключевое значение при этом имеет единство исполнительной власти. Согласно Конституции Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов федерации образуют единую систему исполнительной власти на всей территории Российской Федерации. Хотя статус субъектов федерации определяется

конституциями национальных республик, уставами краев, областей, автономных образований и городов федерального значения — Москвы и Санкт-Петербурга, все же приоритет в этом отношении принадлежит федеральной конституции.

Все это свидетельствует о том, что децентрализация властных полномочий отнюдь не означает умаление роли федерального центра. Однако в первые годы формирования и утверждения новой, российской государственности в этом плане складывалась ситуация, которая при определенных негативных тенденциях создавала угрозу единству и целостности государства. В последние годы наблюдается тенденция к усилению роли федеральных властей в решении ключевых проблем общенационального значения и обеспечении государственного единства. Началась кампания за отказ от заключения договоров о предметах ведения между федеральным центром и субъектами федерации, рассматривая их как фактор, подрывающий ее единство.

Важной вехой в совершенствовании механизма обеспечения вертикального единства государственной власти стало создание и введение в 2000 г. специальным Указом Президента Российской Федерации семи федеральных округов: Центральный федеральный округ — г. Москва, Северо-Западный федеральный округ — г. Санкт-Петербург, Северо-Кавказский (переименован в Южный) — г. Ростов-на-Дону, Приволжский — г. Нижний Новгород, Уральский — г. Екатеринбург, Сибирский — г. Новосибирск, Дальневосточный — г. Хабаровск. Создан институт полномочного представителя президента в федеральном округе. С помощью этих мер предполагается укрепить вертикаль власти, ограничить самостоятельность региональных руководителей и ослабить их влияние на политику федерального центра.

Главная задача института полномочных представителей состоит в укреплении властной вертикали, в совершенствовании системы контроля федерального центра за исполнением своих решений в регионах, в организации работы в округах по реализации органами государственной власти, как федеративными, так и субъектов федерации, основных направлений внешней и внутренней политики государства и др. При этом нельзя забывать, что федеральные округа не являются субъектами федерации, и их создание не умаляет конституционных прав субъектов федерации, не меняет их конституционного статуса.

Для понимания характера властной вертикали большое значение имеет также то, что согласно Конституции Российской Федерации из системы государственной власти, как и в большинстве демократических стран, исключено местное самоуправление. Констатируя идею о том, что в Российской Федерации признается и гарантируется

местное самоуправление, в ст. 13 конституции четко обозначен принцип, согласно которому «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». В совокупности они рассматриваются как институт гражданского общества, пользующийся самостоятельностью в отношениях со структурами государственной власти.

Одним из ключевых составляющих демократической политической системы является избирательная система. В странах с политической демократией используются пропорциональная и мажоритарная системы выборов. Во многих странах принята смешанная система, в соответствии с которой одна часть депутатов законодательного собрания избирается по пропорциональной, а другая — по мажоритарной системе. По Конституции Российской Федерации 1993 года для избрания депутатов Государственной Думы также была введена смешанная система.

В научной и публицистической литературе, а также в общественных и политических кругах не прекращаются дискуссии и споры о преимуществах и недостатках мажоритарной, пропорциональной и смешанной избирательных систем. Этот вопрос более подробно затрагивался в гл. 12. Здесь отметим лишь то, что в России дискуссии развернулись вокруг вопроса о соответствии или несоответствии той или иной из трех избирательных систем российским реальностям. Как показывает анализ дискуссий по данному вопросу, нельзя однозначно оценивать преимущества и недостатки какой-либо одной из названных систем для перспектив российской государственности.

Тем не менее приходится признать, что на протяжении всего реформенного периода смешанная пропорционально-мажоритарная система не стала инструментом формирования действенной и жизнеспособной партийной системы Российской Федерации. При всех возможных здесь оговорках пропорциональная система является наиболее эффективным средством формирования и институционализации политических партий.

Этот факт приобретает особую значимость в свете характерной для России персонализации политического процесса, политической жизни и государственной власти. В России гражданское общество еще в должной мере не структурировано, оно слабо организовано, носит мало организованный, можно сказать, аморфный характер. Не случайно, что почти все российские политические партии, организации, движения формируются вокруг более или менее известных личностей, получивших популярность на том или ином экономическом, общественном или политическом поприще.

В данном контексте вполне объяснимы шаги, предпринятые в последние годы высшим руководством государства по пересмотру системы избрания депутатов Государственной Думы и глав субъектов Российской Федерации. Речь идет прежде всего об отмене механизма избрания губернаторов путем всенародных выборов и избрания их региональными парламентами по представлению главы государства. В качестве еще одной меры, призванной укрепить вертикаль власти, отменено избрание части депутатов Государственной Думы по мажоритарной системе и введена чисто пропорциональная избирательная система. Оба проекта успешно прошли через Государственную Думу и Совет Федерации и после подписания Президентом Российской Федерации стали законами.

Нельзя отрицать, что формально замена прямых выборов глав субъектов федерации на их фактическое назначение Кремлем можно трактовать как отступление от демократических норм и институтов, возникших в середине 1990-х годов. Здесь действительно принцип разделения властей несколько ослаблен. Но в действительности речь отнюдь не идет о нарушении демократических принципов. Общеизвестно, что в целом ряде демократических стран, например в Германии, Индии и других государствах, главы субъектов федерации либо назначаются главой государства или федерального правительства, либо избираются иным способом, но не путем всеобщих прямых выборов.

Одним из результатов нововведений В. В. Путина стал перевод организации работы Совета Федерации на постоянную основу. Значительно сократились возможности региональных руководителей оказывать политическое влияние на федеральную власть, что привело к ограничению автономии регионов как политических субъектов. С политической точки зрения это означает ликвидацию возможности формирования на базе Совета Федерации институциональной базы оппозиции центральной власти.

В существующих ныне реальностях эти шаги, возможно, просто неизбежная необходимость, направленная на защиту российской государственности и демократии. Главная цель реформы — восстановить властную вертикаль, повысить ответственность региональных руководителей перед федеральным центром и эффективность системы государственного управления всех уровней, создать благоприятные условия для формирования полноценной партийной системы.

Указанные реформы призваны перевести процесс реформирования государственного устройства и федеративных отношений на новый уровень. Они направлены на строительство сильного государства

и эффективное управление социальными и экономическими процессами. С политической точки зрения Кремль делает акцент на концентрацию государственной власти в руках федерального центра, усиление своего влияния на регионы и ослабление политического влияния региональных руководителей и элит на политическую стратегию государства.

Контрольные вопросы

1. Какое значение для российской государственности имеет принятие Конституции 1993 года?
2. Назовите важнейшие конституционные принципы государственного устройства Российской Федерации.
3. К какому из существующих в мире типов относится политический режим России? Каковы его существенные характеристики?
4. На каких принципах основываются отношения президента с Федеральным Собранием и федеральным правительством?
5. Каковы статус и полномочия судебной власти?
6. Почему Россию называют асимметричной федерацией?
7. Объясните, почему Россия является конституционной федерацией?
8. На каких принципах осуществляется в России разграничение предметов ведения между федеральным центром и субъектами федерации?
9. Каковы сущность и значение политических реформ последних лет в России?

Глава 14

Демократия в незападном мире

С середины 1970-х годов, с разворачиванием революционных движений в странах Южной Европы — Греции, Испании и Португалии — против господствующих там диктаторских режимов, возникла своего рода волна демократического движения, прокатившаяся как будто через всю планету, включая и Черную Африку. В 1980-х годах наметилась тенденция к отступлению авторитарных и диктаторских режимов в различных регионах земного шара. Период конца 1980-х — начала 1990-х годов, совпавший с окончанием холодной войны и биполярного миропорядка, ознаменовался дальнейшей экспансией демократической политической системы, демократических институтов, ценностей, установок и норм. Впечатляющие изменения произошли в странах Латинской Америки. Поистине гигантским прорывом в этом направлении стал крах советского блока и реализация антитоталитарных революций в Восточной Европе и на пространстве бывшего Советского Союза.

14.1. Феномен экспансии демократии

Обращение бывших коммунистических стран к Западу убедило многих в том, что на смену тоталитарным и авторитарным режимам повсюду приходит демократия — расширение и консолидация демократии стали господствующей и долговременной тенденцией мирового развития. Для обозначения вновь появившихся режимов даже был изобретен специальный термин: «новые демократии».

На африканском континенте буквально за несколько лет после 1989 г. господствовавшие там авторитарные, или однопартийные, режимы вступили в полосу глубокого кризиса, и казалось, что демократия добилась внушительных успехов. В течение 1991–1992 гг. во многих африканских странах — Бенине, Камеруне, Конго, Кот-д’Ивуаре, Джибути, Мадагаскаре, Мавритании, Намибии, Нигере, Замбии, Кении, Сенегале и др. — были проведены выборы на многопартийной основе, хотя, надо признать, что в ряде стран, например на Мадагаскаре, Анголе и Кении, законность и честность выборов были поставлены под сомнение, а в некоторых странах господствовавшие ранее партии сумели сохранить власть и политический

контроль. На Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Пакистане и Бангладеш на смену авторитарным режимам пришли демократически избранные органы власти. Аналогичные сдвиги произошли в арабских странах — Йемене и Иордании, а также в Албании, Монголии и Непале.

В свете подобных фактов к началу 1990-х годов на Западе, и прежде всего в США, заметную популярность получила выдвинутая американским политологом Ф. Фукуямой так называемая концепция «конца истории». Сторонники этой концепции пытались обосновать мысль о том, что модель западной либеральной демократии одержала полную и окончательную победу во всемирном масштабе, что в свою очередь положило «конец истории».

Так ли это? Поиск ответа на этот вопрос поднимает массу кардинальных проблем современного мирового развития, каждая из которых требует самостоятельного исследования. В их числе затронем лишь одну: сводятся ли процессы, происходящие в экономических, социальных, политических и иных структурах различных регионов и стран современного мира, к вестернизации или механическому перенесению сюда западных институтов, ценностей и идеалов? Являются ли эти процессы показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой и соответственно свидетельством «конца истории»? Или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного «изма» над другими? В центре дискуссий и споров по данной проблематике стоит вопрос об экспансии демократии и перспективах ее утверждения во всемирном масштабе. Именно на этой теме концентрируется внимание в предлагаемых ниже рассуждениях.

14.2. Соотношение рыночной экономики и политической демократии

В этом аспекте вновь и вновь возникает вопрос о совместимости западных и восточных культур и традиций, об их способности идти навстречу друг другу, дополнять друг друга. При любом угле зрения в фокусе внимания оказывается вопрос о совместимости принципов либерализма, демократии и рыночных отношений с основополагающими ценностями, нормами и установками восточных народов и культур. Особую актуальность этой проблеме в наших глазах придает то, что одним из существенных факторов, препятствующих демократическому переустройству политической системы страны, является отсутствие инфраструктуры рыночной экономики.

Поэтому неудивительно, что, рассматривая рыночную экономику как необходимое условие утверждения и институционализации демократии, у нас не без определенных оснований зачастую проводят прямую аналогию между ними. И действительно, демократическое государство является гарантом существования и эффективного функционирования рыночных отношений и свободной конкуренции, самого капитализма как социально-экономической системы. Демократия создает наилучшие условия для реализации экономической свободы индивидуального члена общества. Заклучая рынок в рамки закона и порядка, делая его объектом правового регулирования, демократия призвана обеспечить легитимность свободно-рыночных отношений. В этом смысле свобода есть функция нормально работающих институтов собственности и законности.

При всех возможных здесь оговорках очевидно, что эффективно функционирующая демократия так или иначе связана с более или менее высоким уровнем экономического развития. Он определяет такие важные параметры жизненных стандартов, как уровень урбанизации, потребление энергии, процент ВВП, идущий на здравоохранение, образование и науку, отсутствие резких социальных контрастов. Все это, как показывает опыт XX в., зависит от степени развития рыночных отношений.

При этом необходимо учесть, что взятые сами по себе свободные рыночные отношения при определенных условиях могут создать препятствия для эффективной реализации принципов плюралистической демократии, к подрыву или, по крайней мере, ослаблению демократических норм и правил игры. Об этом не следовало бы забывать нашим политикам и представителям гуманитарных и социальных наук, особенно тем, которые полагают, что установление рыночных отношений автоматически приведет к утверждению демократических принципов в политической сфере.

Весь мировой опыт XX столетия убедительно свидетельствует, что нередко капитализм, возможно и деформированный, вполне совмещался с подлинно тираническими формами правления. Не секрет, что при нацистском режиме в Германии, фашистском — в Италии, франкистском — в Испании диктаторские политические машины были созданы на капиталистической в своей основе инфраструктуре, хотя она и была подчинена всемогущему государству.

Наиболее показательный пример такой амальгамы дает пиночетовский режим в Чили. Как известно, в сентябре 1973 г. генерал А. Пиночет пришел к власти на штыках мятежной армии, недовольной социальными преобразованиями социалиста С. Альенде, которые в определенной

степени шли вразрез с интересами деловых кругов страны. Пиночет и возглавляемая им военная хунта в полном объеме (насколько это было возможно в чилийских условиях) восстановили привилегии имущих слоев населения.

Более того, они привлекли в качестве архитектора экономики страны одного из решительных сторонников рыночных отношений и жестких форм монетаризма — М. Фридмана. Пиночетовский режим — наиболее наглядный пример, свидетельствующий о том, что капитализм и рыночные отношения — необходимые, но недостаточные условия для утверждения политической демократии. А мало ли было и сейчас еще существует режимов, в которых авторитаризм в политике органически сочетается с рыночной экономикой?

Признание неудачи плановой экономики и предпочтение рынку и демократии не должны привести к забвению, что значение этих категорий варьируется от страны к стране. Неудача реформ М. С. Горбачева и одновременный успех экономических преобразований в ряде азиатских стран, особенно в Китае, воочию свидетельствуют о необоснованности тезиса, согласно которому утверждение рыночной экономики предполагает в качестве своего предварительного условия утверждение демократии. На первый взгляд парадокс состоит в том, что в последние годы наиболее успешным переход к рыночной экономике был при авторитарных режимах. Можно со всей ответственностью утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима со всеми политическими режимами.

Иначе говоря, безоговорочно отождествляя понятия «рынок» и «демократия», забывают о том, что рынок и демократия не всегда и не обязательно идут рука об руку. Либерализм, в том числе и экономический, с его апологией свободной конкуренции, самым тесным образом связан с демократией. Но все же демократия не сводится к либерализму. Если либерализм, взятый сам по себе, базируется на идеях приоритета и самоценности отдельно взятой личности, ее основополагающих правах и свободах, то демократия предполагает суверенитет или верховенство народа, политическое равенство всех граждан, приоритет воли большинства.

С определенной долей упрощения можно сказать, что либерализм отдает предпочтение свободе перед равенством, а демократия — равенству перед свободой. В последние десятилетия XIX—XX вв. произошло органическое слияние этих двух начал: либерализм, равно как и другие течения общественно-политической мысли, интегрировал в себя идеи, принципы и ценности демократии.

Более того, в современных условиях либерализм в значительной мере пронизан социальным началом, и его ни в коем случае нельзя

отождествлять ни с классическим либерализмом, ни с сегодняшним экономическим либерализмом чикагской школы. Тем более нельзя отождествлять с этими последними демократию. Так что же понимается под демократией?

14.3. Демократия как народовластие

Необходимо иметь в виду следующий весьма важный, но не всегда учитываемый момент. Как известно, термин «демократия» в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие», или «власть народа». В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Причем разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы этого народовластия. Имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и на современном Западе. Почему же мы должны исключить разное ее понимание в разных культурах и у разных народов в наши дни?

Чтобы положительно ответить на этот вопрос, достаточно взглянуть на политическую карту Западной Европы и Северной Америки. Здесь базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Почему же нельзя допустить, что народовластие у народов и стран других регионов, в том числе в России, может иметь иное содержание, иные параметры и конфигурацию, чем, скажем, у американцев, французов, англичан и др.?

Демократия продемонстрировала способность приспосабливаться к различным национально-культурным условиям. Но при этом необходимо подчеркнуть, что привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не может сводиться к механическому переходу готовых форм, принципов и институтов западной демократии.

Существуют нормы, ценности и институты, которые в силу своей исторической и политико-культурной специфики не могут быть воспроизведены в чистом виде вне их первоначального контекста. В массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа. Они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа,

степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это — вещи, достигаемые в результате длительного исторического опыта.

Напомним в этой связи, что формирование и институционализация рыночной экономики и особенно политической демократии на Западе заняли несколько веков. Основными поворотными пунктами этого длительного процесса стали Английская буржуазная революция середины XVII в., так называемая славная революция 1688 г., Война за независимость в США 1775—1783 гг., Великая французская революция конца XVIII в. и серия буржуазных революций середины XIX в. Если в США республиканский строй с либерально-демократическими институтами сформировался в конце XVIII в., то во Франции он окончательно сформировался только в конце XIX в.

Что касается Италии и Германии, то здесь демократия окончательно утвердилась только после Второй мировой войны, а в трех южноевропейских странах — Греции, Португалии и Испании — с середины 1970-х годов. В Восточной Европе дорогу демократизации открыли антитоталитарные революции конца 1980-х годов и развал Советского Союза в 1991 г.

Демократия может утвердиться и институционализироваться на конкретной национальной почве лишь в том случае, если общепринятые демократические ценности и нормы станут поведенческими установками большинства населения. Чтобы стать действительным демократом в собственном смысле слова, человек должен родиться, вырасти, социализироваться в соответствующей социокультурной среде. Природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традицией, с чем-то таким, что вызывает в нем гордость за собственный язык, национальную символику.

Западные образцы государственности базируются на гражданском обществе, в основе которого лежит принцип приватности и раздельности между разнообразными, зачастую конфликтующими частными интересами. Идея демократии в ее евроцентристском понимании зиждется на постулате, согласно которому индивид важнее группы. Иное дело на Востоке. Если на Западе более актуален вопрос об индивидуальных правах и свободах, то в большинстве восточных стран приоритет отдается групповым правам и интересам. Но правомерно ли на этом основании утверждать, что демократический путь развития противопоказан этим странам?

Правильный ответ на этот вопрос предполагает поиски ответов на целый ряд других вопросов. Прежде всего важно определить, что мы конкретно понимаем под демократией и совместима ли она с коллективистским, солидаристским, групповым и иным началами, ассоциируемыми с Востоком, а с определенными оговорками — и с Россией.

14.4. Совместима ли демократия с незападными культурами?

Здесь следует подчеркнуть, что в принципе некорректно рассматривать восточные культуры как исключительно коллективистские, а западные — как исключительно индивидуалистские, ассоциируя при этом первое начало исключительно с пассивностью и застоєм, а второе — преимущественно со способностью к развитию. Как представляется, коллективистское и индивидуалистское начала, взятые сами по себе, присутствуют во всех культурах, как в восточных, так и в западных, но выражаются и проявляются они с разной степенью интенсивности. В этом смысле можно говорить лишь о преобладании (а не о полной монополии или об отсутствии) в том или ином регионе или стране того или иного начала.

Но дело не только в этом. Если вникнуть в сущность ценностей, норм и установок демократии, то обнаружится, что в них в принципе отсутствует какое бы то ни было противопоставление коллективизма индивидуализму, солидаризма эгоизму, государственного вмешательства рыночному началу. В этом контексте немаловажный интерес для нас представляет опыт Японии и некоторых других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

По сей день не затихают дискуссии относительно того, насколько укоренилась демократия в Японии, и можно ли назвать институционализировавшуюся там политическую систему демократией в общепринятом смысле слова. Это во многом объясняется характерным для японской демократии национальным колоритом, который действительно отличает ее от западных моделей демократии. Более того, констатируя ее историческое своеобразие, специалисты говорят о существовании «демократии японского типа», которая представляет собой некий гибрид, возможно превосходящий оригинал, т. е. западную модель, по своей жизнестойкости и продуктивности.

Анализ сущностных характеристик национального сознания народов Японии и других стран АТР свидетельствует о том, что в самой базовой ткани их менталитета присутствуют те элементы, которые

при соответствующих условиях готовы к восприятию и воспроизводству ценностей и отношений рынка и политической демократии.

Остановимся на некоторых из них. К примеру, в японский национальный менталитет входят такие компоненты нравственного кредо конфуцианства, как человеколюбие (жэнь), чувство долга (и), уважение к старшим (сяо), преданность (чжун), соблюдение норм общественных, внутрисемейных и групповых отношений. Хрестоматийной истиной стало признание большинством специалистов в качестве важной особенности японской политической культуры приверженности японцев групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям.

В Японии синкретическое соединение морально-этического учения Конфуция и важнейших элементов синтоизма и буддизма составляет основу того феномена, который принято называть «японским духом». По мнению некоторых исследователей, приверженность этим принципам позволила превратить каждого японского работника в «самурая XX века», действующего точно и энергично в соответствии с поставленной целью. Именно этот принцип стал одним из факторов экономического взлета Японии. Синтез японского духа с западным техническим гением по формуле «японский дух — западная техника» вылился в «японское чудо», выдвинувшее Страну восходящего солнца на первые роли в мировой экономике.

Симптоматично, что, учитывая эти и множество других особенностей, ряд авторов называет японскую экономическую систему «некапиталистической рыночной экономикой Японии». Один из важнейших принципов этой системы состоит в том, что все члены фирмы связаны между собой узами взаимных обязательств в своего рода «семье». Как пишет профессор Техасского университета Дж. Элстон, «быть членом “семьи” — значит руководствоваться принципом, согласно которому “семья” предполагает взаимную ответственность всех за благополучие каждого».

Эта ответственность распространяется не только на рабочего, но и на менеджера, который, как «старший брат», должен заботиться о своих подчиненных. Более того, здесь группа важнее, чем отдельно взятый индивид. Считая, что все члены «семьи» в неоплатном долгу перед ней, как сыновья перед матерью, японцы стремятся укреплять гармонию внутри группы, для чего широко практикуют систему продвижения по службе и оплату труда по старшинству.

В японской политике на общенациональном уровне сильны процедуры и механизмы согласования интересов и принятия решений, которые весьма напоминают корпоративистские. Это способствует

усилению позиций тех сил, которые способны действовать скрыто, обходя выборные органы и представителей, используя неофициальные закулисные обсуждения и согласования, что в свою очередь придает японской демократии определенные параметры корпоративной демократии. Более того, некоторые исследователи не без оснований говорят о существовании некоей «Джапан инкорпорейтед», основанной на необычной для западных стран системе тесных связей между корпорациями и государственной бюрократией.

Как показывают многочисленные исследования, подобного рода национально-культурные особенности, послужившие в качестве несущих опор модернизации, характерны и для других стран и народов Востока — как АТР, так и других регионов. Так, по существующим данным, корейцам несвойственно мыслить себя вне тех социальных коллективов, к которым они принадлежат. Они, как правило, соотносят свое поведение с интересами и целями «своего» коллектива.

Например, семья, в которой отношения более или менее жестко регулируются нормами конфуцианской этики, представляет собой важнейшую доминанту, определяющую поведение корейца в важнейших сферах жизни. Наряду с семьей в качестве регулятора поведения корейца важную роль играют землячества, родственные, клановые, школьные, институтские и иные связи. Зачастую обнаруживается, что споры между различными группировками в Южной Корее основываются на противоречиях между различными регионами страны, в частности на разногласиях между элитарными группировками столицы и провинций.

Очевидно, что важной особенностью политической культуры этих стран является приверженность групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В отличие от западной модели демократии с ее ударением на защиту индивидуума от давления общества и государства японская модель делает акцент «на самоограничении личности», стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных интересов.

Все это имеет мало общего с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентациями, которые, как правило, ассоциируются с западной демократией. В целом в Японии и некоторых других странах АТР достигнут своеобразный синтез традиции и современности. Модернизация осуществлена при сохранении важнейших традиционных начал в социокультурной и политико-культурной сферах. В частности, сохраняется важное значение таких ценностей, как иерархия, долг, обязанность, консенсус, приверженность группе, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность

принципам корпоративизма, коммунитаризма в отношениях между фирмой и наемными работниками. При решении конфликтов часто используются неформальные механизмы принятия решений в духе патернализма, сохраняются половозрастная дифференциация и неравенство в социальной и профессиональной иерархии.

Все сказанное позволяет сделать вывод о неправомерности отождествления демократии преимущественно или даже исключительно с индивидуальной свободой, тем более неправомерны построенные на этом постулате позиции тех авторов, которые по сути дела говорят о вестернизации восточных обществ путем механической трансплантации сюда западных ценностей, норм, установок, прежде всего индивидуализма, рационализма и свободной конкуренции.

Необходимо, чтобы в самой базовой ткани общества и его менталитета присутствовали те элементы, которые готовы к восприятию и воспроизводству ценностей, норм, установок демократии и рынка. Как показал опыт Японии и новых индустриальных стран, такие ценности, нормы и установки не обязательно предполагают идеи и принципы индивидуализма и личной свободы в сугубо западном их понимании. Модернизация в этих странах начиналась и осуществлялась не в условиях минимизации роли государства, как это было (во всяком случае в теории) на Западе, а в условиях авторитарного режима или сохранения его элементов.

Обнаружилось, что в ряде случаев не слабое государство (или государство — «ночной сторож»), а именно сильное централизованное государство является важнейшим эффективным фактором экономической модернизации. Государство действовало в качестве катализатора и направляющей силы необратимых процессов утверждения рыночных ценностей и отношений в экономике.

14.5. Соотношение либерализма и демократии

С точки зрения экономической эффективности преимущества рынка и экономического либерализма общепризнаны. Но сами по себе они не могут справиться с конкретными специфическими социальными, демографическими, экономическими и иными проблемами, стоящими перед развивающимся миром. Экономический либерализм и рыночный механизм в качестве универсальных средств обнаруживают существенный изъян, когда речь идет о стимулировании экономики стран Восточного региона.

Обоснованность этого тезиса подтверждается опытом так называемых новых индустриальных стран, где государственное вмешатель-

ство сыграло немаловажную роль в экономическом восхождении. Их успех во многом определился тем, что был найден необходимый баланс между рынком и государственным вмешательством. Многие новые индустриальные страны добились экономического прогресса в значительной мере благодаря протекционистской политике государства. Я. Накасонэ и его соавторы не без оснований отмечали, что *«если бы Япония, например, не приняла протекционистских мер, то американские компьютерные промышленники правили бы миром, не допуская фирмы других стран на монополизированный рынок»*.

Для правильного понимания сущности демократии необходимо отказаться от характерного для нашей публицистики, да и трудов определенной части ученых, отождествления демократии с либерализмом вообще и экономическим либерализмом в частности. Верно, что демократия невозможна без либерализма. Его заслуга состоит в том, что он внес первоначальный главный вклад в формулирование и реализацию основных идей, ценностей и институтов современной западной политической системы, отождествляемой с демократией: права и свободы человека и гражданина, разделение властей, подчинение государственной власти праву, парламентаризм и др.

Если бы демократия не основывалась на этих идеях, то она не была бы демократией в собственном смысле слова. В этом контексте либерализм представляет собой необходимое условие демократии. Поэтому и говорят о «либеральной демократии», противопоставляя ее различным формам псевдодемократии — социалистической, народной, тоталитарной и т. д.

Однако вместе с тем нельзя забывать, что демократия не сводится исключительно к либерализму. Она не есть результат реализации принципов, установок ценностей какого-либо одного «изма», в том числе и либерализма, каким бы важным этот «изм» ни был. В противном случае это была бы опять же не демократия, т. е. не власть народа или во всяком случае не его большинства, а лишь части, придерживающейся либеральных принципов. Жизнеспособность и эффективность либеральной демократии в решающей степени обусловлены тем, что, интегрируя в себя почти все жизнеспособные и показавшие свою эффективность идеи, нормы, принципы, она была открыта во всех направлениях: вправо, влево, в центр, в прошлое и в настоящее.

С этой точки зрения важный собственный вклад в формирование теории и политической системы демократии внесли и другие «измы»: консерватизм, социал-демократизм, марксизм и др. В данном контексте, возможно, правомерно говорить об индивидуальных

правах против прав коллектива или группы, индивидуализма против солидаризма применительно к каждому из этих «измов», но не к демократии в целом.

Проблема, как представляется, состоит не в том, соответствуют ли положения того или иного «изма», в том числе и либерализма, принципам того или иного типа политического устройства, а в том, соответствуют ли эти положения основополагающим постулатам и критериям демократии. Поскольку народ есть не некая арифметическая сумма всего множества отдельно взятых, атомистически понимаемых индивидов, а органическая совокупность множества социокультурных, этнических, конфессиональных, соседских и иных общностей, то без них невозможно представить демократию как власть большинства народа. Это совершенно очевидно, если учесть, что подавляющее большинство людей, как бы они ни отрекались от этого, идентифицируют себя с определенной группой, коллективом, сообществом.

Одной из базовых установок либерализма является признание верховенства свободы личности над всеми остальными ценностями, свободы личности в качестве наиболее значимой моральной и политической ценности. Но при этом в работах большинства авторов практически без ответа остаются вопросы, касающиеся сущности свободы и условий ее обеспечения.

Очевидно, что в рамках правового государства свобода без законопослушания и без ответственности отдельного человека за свои действия подпадает под понятие не свободы, а правонарушения. Золотое правило правового государства: «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». При таком понимании группа не всегда и не обязательно может служить фактором, препятствующим реализации личных прав и свобод человека.

В рамках концепции прав человека представляются весьма трудными постановка и решение специфических проблем национального самоопределения или обеспечения прав тех или иных национальных меньшинств, или так называемых нетитульных народов, проблем их автономии или равного представительства в органах власти. Группа, коллектив, этнос, государство могут играть и играют незаменимую роль при создании условий для реализации прав и свобод отдельного человека.

Более того, некоторые другие организационные формы социальной и экономической власти могут оказаться в значительно большей степени губительны для свободы личности, нежели группа, коллектив, государство. Что касается нерегулируемых социальных отноше-

ний, то они могут обернуться для свободы большей катастрофой, чем даже самая тираническая власть.

На микроуровне в общинных, коммунитарных, традиционалистских структурах по сути дела действует внутренняя демократия, в них существуют довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений. К тому же склонность подчинять личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушания граждан. При таком понимании гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентелистских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов. Их особенности вполне могут быть интегрированы в систему политических ценностей, ориентаций и норм, в единую модель политической культуры, имеющей, естественно, свои особые субкультуры.

В этой связи интересной представляется позиция тех авторов, по мнению которых «Япония — это открытое общество весьма закрытых групп». Иначе говоря, политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских, солидаристских начал.

14.6. О выживаемости и управляемости демократии в незападном мире

Изложенное выше со всей очевидностью показывает, что западные образцы государственности по-настоящему, так сказать, в первоизданном евроцентристском варианте не могут институционализироваться в странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные и другие традиции и формы ментальности. В то же время эти последние не могут служить непреодолимым препятствием на пути экономической и политической модернизации Востока, утверждения здесь институтов, ценностей и норм рынка и политической демократии.

Поэтому в свете происходящих там процессов можно утверждать, что Восток не просто пассивный объект вестернизации/модернизации, а активный субъект экономических, социокультурных и политических процессов всемирного масштаба. И было бы явным упрощением и преувеличением говорить о замене характерологических

установок японской или южнокорейской социокультурной общности характерологическими установками евроцентристской техногенной цивилизации.

Именно сохранение (в той или иной модифицированной форме) традиционных ценностей и ориентации позволило Японии, Южной Корее и другим странам АТР освоить достижения техногенной цивилизации, модернизироваться экономически, сохранив многие черты своей традиционной культуры, идти по пути не просто вестернизации, а модернизироваться, сохраняя свою идентичность.

И нет никаких данных, говорящих о том, что множество других западных стран и народов не могут пойти и не пойдут примерно по такому же пути. Но вместе с тем при оценке перспективы демократии нельзя не учитывать следующее обстоятельство. По справедливому замечанию бразильского политолога Ф. Вейфорта, «новые демократии» представляют собой смешанные режимы, хотя смещение или совмещение институтов и норм вполне обычное явление, поскольку многие режимы, в том числе и традиционно демократические, носят смешанный характер.

Так, некоторые современные представительные демократии включают элементы прямой демократии и корпоративизма, представляя собой некий институциональный гибрид. «Новые демократии» — это в сущности особые разновидности гибридизации, основанные на сочетании в переходный период демократических институтов, норм и ценностей с элементами авторитаризма. Но при всех возможных здесь оговорках нельзя не согласиться с тем же Вейфортом, который считает, что «гибридные режимы можно считать победой демократии в сравнении с той тоталитарной диктатурой, которую они сменили».

Все это в свою очередь дает основание считать, что процесс демократизации в странах третьего мира нельзя воспринимать как сам собой разумеющийся и однозначно обреченный на успех. Переходный характер «новых демократий» обуславливает их нестабильность, порождающую непредвиденные обстоятельства и непредсказуемые результаты. Парадоксом «новых демократий» является то, что демократические преобразования осуществляются под руководством лиц, не являющихся демократами «по рождению». Подавляющее большинство тех, кто возглавил преобразования переходного периода, были «инсайдерами» в прежних режимах и обращены в демократическую веру самим переходным периодом. Это — Р. Альфонсин и К. Менем в Аргентине, П. Эйлвин и Р. Лагос в Чили, Х. Сарней и Ф. Комор в Бразилии, Б. Ельцин и В. Черномырдин в России и др.

Поэтому очевидно, что многие из «новых демократий» не защищены от опасности того, что первоначальные восторги по поводу обретенной свободы могут обернуться разочарованием и неприятием демократии широкими слоями населения. Немаловажен с данной точки зрения вопрос о выживаемости и управляемости демократии, ее способности укорениться в том или ином обществе.

По-видимому, правы те исследователи, которые предупреждают о возможности возникновения в переходные периоды тупиковых ситуаций и опасности возврата к прошлому. Так, например, в Турции после проведения первых свободных выборов в 1946 г. демократический процесс 3 раза (в 1960—1961, 1970—1973 и 1980—1983 гг.) был прерван периодами правления авторитарных режимов. Что касается большинства латиноамериканских стран, то для них такое положение стало почти правилом.

Целый ряд стран и народов продемонстрировали свою неготовность к принятию демократии и ее ценностей во всех их формах и проявлениях. Об этом свидетельствует опыт некоторых стран третьего мира, где механическое заимствование западных образцов государственности оборачивалось неудачей и приводило к непредсказуемым негативным последствиям. Зримым проявлением негативных последствий попыток ускоренной модернизации на западный лад является дуга нестабильности, протягивающаяся на огромные пространства мусульманского мира — от Инда до Средиземноморья и стран Магриба.

Объясняется это прежде всего тем, что заимствование и насаждение элементарных административных и управленческих механизмов проводилось без их органической интеграции в национальные традиционные структуры. Первый такой опыт, который проводился в Иране, где шахский режим под патронажем Соединенных Штатов пытался постепенно пересадить на иранскую почву западные политические институты и экономические отношения, провалился.

Очевидно, что на поставленный вопрос о том, двигается ли весь мир в сторону демократии, ответ будет неоднозначным: «да», если речь идет об определенной группе стран, каждая из которых исходит из собственного понимания демократии, но с учетом западного опыта; «нет», если имеется в виду однозначная вестернизация или модернизация на западный лад всех незападных стран и народов. Крах и поражение чего-либо одного не всегда приводит к победе и утверждению чего-либо другого.

Вопреки наивным ожиданиям, возникшим после окончания холодной войны, крах тоталитарных и авторитарных режимов не всегда

приводил к утверждению демократии. Целый ряд стран — Эфиопия, Сомали, Таджикистан, Грузия и др. — очутились в пучине глубочайшего кризиса, хаоса и дезинтеграции. Многие страны стали ареной реполитизации и ренационализации этнических групп, что сопровождается оспариванием существовавших ранее государственных границ.

Начало 1990-х годов ознаменовалось резким изменением ситуации после почти 20-летнего периода прогресса демократии в Латинской Америке: пала хрупкая демократия на Гаити в результате военного переворота и смещения законно избранного президента Аристида; демократия в Венесуэле, считавшаяся традиционной и крепкой, в результате двух попыток государственного переворота в феврале и ноябре 1992 г. оказалась в кризисе; в том же году нечто вроде переворота совершил президент Перу Фудзимора; в результате острой внутривластной борьбы со своих постов были смещены президенты Бразилии и Венесуэлы.

Не лучше обстоит дело в исламском мире. Об этом свидетельствует развитие событий в Алжире, где были объявлены не имеющими силы результаты всеобщих выборов и введено чрезвычайное положение. В итоге активизировалась деятельность исламских фундаменталистов и резко дестабилизировалась обстановка в стране. Из-за роста фундаментализма к репрессивным мерам вынуждены были прибегнуть власти Туниса и Египта. В Африке весьма хрупкие демократии, установленные в 1991–1992 гг., не выдержали груза экономических и политических неурядиц.

В то же время во многих африканских странах вопросы, связанные с переходом к демократии, отходят на второй план под давлением более радикальных вопросов, связанных с искусственным характером государственных границ и трудностями совместного существования различных этнических групп. Взрывы насилия в Сомали, Эфиопии, Анголе, Руанде, Либерии и т. д. свидетельствуют о том, с какими острыми проблемами сталкиваются африканские народы.

При оценке перспектив демократий нельзя забывать тот немаловажный факт, что бедность и социально-экономическое отставание стран Африки и Латинской Америки определяются комплексом факторов социокультурного и политико-культурного характера, в том числе неспособностью их населения воспринимать перемены, идущие извне, конкурировать или играть по правилам, диктуемым мировым сообществом. Демократия и рынок дают шанс, но не готовые рецепты решения стоящих перед той или иной страной проблем и не гарантии такого решения.

В некоторых странах Африки и Латинской Америки сравнительно легкой победой так называемых демократических оппозиций над авторитарными или однопартийными режимами способствовало изменение внешних условий. С исчезновением социалистического лагеря и распадом Советского Союза левые авторитарные режимы лишились мощной материальной, идеологической и моральной поддержки. Это в свою очередь освободило Запад от необходимости однозначной поддержки правых авторитарных режимов, которые раньше использовались в качестве заслона на пути проникновения советского влияния.

Более того, можно сказать, что некоторые страны встали на путь перехода к демократии по сути дела под давлением западных стран-доноров экономической помощи. Сразу после окончания холодной войны правительства этих стран начали открыто обуславливать предоставление помощи принятием развивающимися странами демократических политических режимов и неолиберальной политики экономического развития.

К тому же с исчезновением Советского Союза исчез и альтернативный источник получения помощи. Нужно учитывать и то, что в глазах политиков развивающихся стран развал Советского Союза стал отождествляться с поражением самой системы социализма, а Запад выглядел победителем в холодной войне.

Важно также отказаться от соблазна оценивать демократию в развивающихся странах по западным меркам. Даже в тех из этих стран, где более или менее устойчивые демократические режимы формировались одновременно с завоеванием независимости (Индия, Малайзия, Шри-Ланка и др.), демократические структуры обладают большей спецификой по сравнению с классическими евро-американскими образцами. Для них характерны политическая нестабильность, этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, установки на авторитаризм и клиентелизм, значительная роль традиционных ценностей в политической культуре. Нужно учесть и то, что во многих этих странах демократические режимы, как правило, основываются на доминантной партии, которая неизменно находится у власти, постоянно обеспечивая себе превосходство на выборах.

Все это свидетельствует, во-первых, о том, что для большинства развитых стран и стран, обладающих потенциальными возможностями для вхождения в их число, рыночная экономика и политическая демократия являются или становятся главной формой самоорганизации общества. Но это отнюдь не есть признак какой-то унификации или упрощения жизнеустройства в масштабах континентов, регионов

или всего земного шара. Дело в том, что каждая страна, каждый народ выбирает и реализует собственный национальный тип демократии, учитывающий собственные национально-исторические традиции, обычаи, политико-культурные корни и др.

Какова бы ни была судьба процесса демократизации, оказывается, что несравнимо легче заимствовать институциональные формы либеральной демократии, чем культурные и духовные составляющие либерализма и демократии. По-видимому, ряд стран, в том числе обладающих большим весом и влиянием на международной арене, во всяком случае в обозримой перспективе сохранят полудемократические или даже откровенно авторитарные формы политического устройства.

Этот момент нельзя не учитывать, если иметь в виду перспективу ужесточения правовых и репрессивных мер перед лицом роста терроризма, наркобизнеса, других форм преступности. Поэтому интернационализация и глобализация важнейших сфер общественной жизни, при всех возможных здесь оговорках, не может означать политическую унификацию в масштабах всего мирового сообщества на основе рыночной экономики и политической демократии.

Контрольные вопросы

1. Что вы понимаете под экспансией демократии?
2. Как соотносится демократия с капитализмом и рыночной экономикой?
3. Какова взаимосвязь между демократией и либерализмом?
4. Дайте характеристику демократии как формы народовластия.
5. Существуют ли в незападных культурах элементы, совместимые с демократией?
6. Можно ли считать распространение демократии на Востоке простым перенесением западных институтов в чистом виде?
7. Каковы особенности формирования и институционализации демократии в незападном мире?
8. Каковы, на ваш взгляд, перспективы выживаемости демократии в незападном мире?

Глава 15

Политические системы диктаторского типа

Суть политической системы диктаторского типа выражается уже самим термином «диктатура», который происходит от латинского слова «dictatur», означающего «неограниченная власть». Под ней понимается форма правления, при которой власть сконцентрирована в руках одного человека, группы лиц, клики или партии, монополизирующих ее, и отсутствует всякий контроль со стороны управляемых. Диктатура — это монархия, которая в важнейших аспектах политической самоорганизации общества является антиподом демократии.

Диктаторские режимы при всех существующих между ними различиях едины в неприятии конституционных и плюралистических принципов демократии. Не допуская или существенно ограничивая оппозицию, они отвергают честные выборы, основанные на принципе конкуренции различных политических сил, либо заменяют их выборами плебисцитарного характера с одним безальтернативным кандидатом, где результаты заранее известны. Для них характерно отсутствие гарантий политических свобод, разделения властей, реальных правовых начал.

15.1. Типологизация авторитарных режимов

Диктатура, равно как и демократия, воплощается в жизнь в различных формах. Ее можно обнаружить во всех цивилизациях и исторических эпохах. Уже в древнейшие периоды истории как на Востоке, так и на Западе существовало множество форм тирании, деспотии, олигархии, которые являлись различными формами диктатуры.

В наши дни политические системы диктаторского типа существуют в двух формах: авторитаризма и тоталитаризма. Под последним, как правило, подразумеваются те политические режимы, которые существовали до конца Второй мировой войны в гитлеровской Германии и Италии, а также вплоть до последнего времени в СССР и странах Восточной Европы, Китае и ряде других стран третьего мира. Что касается авторитарных режимов, то диапазон их распространения весьма широк, а число их в настоящее время, особенно в третьем мире, весьма велико.

Обладая важнейшими характеристиками диктатуры, авторитаризм и тоталитаризм по ряду аспектов существенно отличаются друг от друга. Так, для тоталитаризма, как будет показано ниже, характерно полное слияние в единое целое общества и государства; общества, государства и партии; их вместе и единой идеологии; экономики, политики и идеологии и т. д.

Авторитаризму также присущи доминирование государства над обществом; примат исполнительной власти над законодательной и судебной. Но здесь такое доминирование не приобретает ту жесткость и всеохватность, которые характерны для тоталитаризма. Авторитаризм использует слабость и неразвитость гражданского общества, но в отличие от тоталитаризма не уничтожает его. Экономика сохраняет значительную степень самостоятельности. Сохраняется плюрализм социальных сил.

Авторитаризм может уживаться и сочетаться как с государственной, так и с рыночной экономикой. В ряде случаев формально функционируют парламент и политические партии, но их деятельность ограничена. Допускается «дозированное инакомыслие». Сохраняются классовые, сословные, клановые, племенные различия. Если при тоталитаризме средоточием власти является партия, поглощающая государство, то при авторитаризме таким средоточием является государство. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нередко означает смену политического режима без радикального переустройства экономического строя. Переход от тоталитаризма на рельсы демократизации предполагает коренное изменение всей общественной системы.

Существует множество типов авторитарных режимов. В основном эти режимы распространены в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки и реже — в капиталистических странах (Испания, Португалия, Греция до антидиктаторских революций середины 1970-х годов), отстающих в своем развитии от главных индустриальных стран. Здесь, как правило, выделяют традиционные авторитарные режимы олигархического типа и гегемонистский авторитаризм новой олигархии.

В первом случае власть сосредоточена в руках нескольких богатейших семейств, которые контролируют экономическую и политическую жизнь страны. Смена лидеров обычно происходит в результате переворотов, закулисных договоренностей или манипуляций с выборами. Такие режимы характерны прежде всего для Латинской Америки, где господствующая олигархия тесно связана с католической церковью и военной верхушкой.

Авторитаризм новой олигархии вырастает в результате выдвижения на господствующие позиции национальной компрадорской буржуазии, которая устанавливает тесные связи с военными. Типичными примерами этого типа являются режимы Камеруна, Туниса, Алжира и др. В развивающихся странах большое распространение получил режим военной диктатуры, который, как правило, захватывает власть путем военных переворотов. В большинстве случаев армия служит главной опорой государства. Этот тип был представлен военной диктатурой А. Пиночета в Чили, установленной в сентябре 1971 г., и режимом «черных полковников» в Греции в середине 1960-х годов, существовавшим до 1970-х годов.

В современном мире существуют также режимы, которые являются монархическими по форме, но авторитарными по содержанию. Они основаны на принципе наследования власти, но, в отличие от европейских монархий, которые по сути дела превратились в демократические парламентские режимы, восточные монархии в большинстве своем придерживаются основных принципов авторитаризма. Различаются монархии теократические, такие, как Саудовская Аравия, где король является одновременно светским и религиозным главой государства, и светские монархии типа хашимитского королевства Иордания, где глава государства формально не контролирует вопросы веры.

В авторитаризме можно отличать также режимы с большей или меньшей жесткостью или «либеральностью» в организации властной вертикали. Например, военно-политическая диктатура А. Пиночета в Чили отличалась от авторитарного режима Чон Ду Хвана в Южной Корее более откровенной опорой на репрессивный аппарат, большей интенсивностью террора, подавления и др.

Следует отметить также то, что во многих странах развивающегося мира политическая организация не достигла системной целостности и поэтому не имеет четко выраженной дифференциации между различными режимами. Преобладают смешанные, или промежуточные, режимы, вроде тех, которые некоторые специалисты называют демократическим авторитаризмом или авторитарной демократией.

В данном случае речь идет прежде всего о так называемом «авторитаризме развития» в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где процесс разграничения гражданского общества и мира политического отнюдь нельзя считать завершенным. Политическая модернизация с уклоном на профессионализацию, демократизацию, разделение властей и т. д. идет очень медленно и с большими трудностями. Здесь «авторитаризм развития», который проявляется как

закономерное национальное и региональное явление, постепенно эволюционирует в сторону демократии. Для него характерны тенденция к диктатуре и использование силовых методов и другие особенности политического авторитаризма. Вместе с тем «авторитаризм развития» совместим с элементами либерализма: политическими партиями, правовыми нормами и даже относительно «вольной прессой». Иначе говоря, «авторитаризм развития» содержит в себе потенции демократии, которые получают все более заметный импульс по мере экономической модернизации.

Выделяются также некие гибридные режимы, в которых органически сочетаются элементы как тоталитаризма, так и авторитаризма. К ним, как правило, относят франкистский режим в Испании и салазаровский в Португалии, просуществовавшие с 1930-х годов до демократических революций середины 1970-х годов.

Португальский режим хотя и не принимал парламентаризма, но тем не менее претендовал на обеспечение независимости различных групп общества, их представительство иными, нежели парламентские, методами. Провозглашалось, что, не допуская соперничества партий за власть, правительство вместе с тем действует в рамках закона, нравственности и религии. Более того, этот режим стремился (во всяком случае на словах) избежать отождествления общества с государством. Здесь отсутствовала государственная партия. Признавались различия на уровне семей, профессиональных групп, регионов и т. д. Единство обеспечивалось сильным, но не безграничным в своих прерогативах государством.

Франкистский режим занимает промежуточное положение между португальским и чисто фашистским режимом в Германии и Италии. Подобно первому, он опирался на традиционалистскую философию и поддержку церкви. В то же время ему присущи некоторые элементы фашизма, такие, например, как фалангистское движение, сходное с фашистским движением в Италии. Помимо фаланги, режим Франко подчинил себе такие организационные группы, как церковь, армия, профсоюзы. Но ни одна из них не рассматривалась в качестве исключительной опоры государства. Поэтому М. Дюверже совершенно справедливо называл португальский и испанский режимы псевдофашистскими.

Все это убедительно свидетельствует о том, что в XX в. важнейшие признаки политической системы диктаторского типа проявились в чисто тоталитарных режимах. Учитывая это, ниже анализируются важнейшие компоненты и сущностные характеристики политической системы тоталитаризма.

15.2. Типологизация тоталитарных режимов

Термин «тоталитаризм» происходит от позднелатинского слова «totalitas», означающего «цельность», «полнота». Он возник и получил распространение в 1920–1930-е годы и использовался для обозначения политических систем в фашистской Италии, нацистской Германии и большевистском СССР. Одним из первых этот термин использовал итальянский автор левой ориентации Дж. Амендола, который в своей речи 20 марта 1924 г. заявил, что фашизм, как и коммунизм, представляет собой «тоталитарную реакцию на либерализм и демократию». В том же году официальный фашистский теоретик Дж. Джентиле говорил о фашизме как о «тотальной концепции жизни». Часто этот термин использовал Б. Муссолини, который называл свой режим не иначе как «lo stato totalitario» (тоталитарное государство). Что касается А. Гитлера и его приспешников, то они, во всяком случае первоначально, при характеристике своего режима предпочитали использовать термин «авторитарный».

Постепенно в демократических странах Запада этот термин получает все более широкое применение для обозначения сначала фашистских режимов в Италии и Германии, а затем и большевистского режима в Советском Союзе.

Ныне в серьезной научной литературе большинство авторов придерживается тезиса, согласно которому в политической системе тоталитарного типа выделяются фашистский и национал-социалистический режимы в Италии и Германии на правом фланге идейно-политического спектра и большевистский в СССР — на его левом фланге. При этом необходимо отметить, что тоталитаризм отнюдь не является неким монолитом, между его отдельными режимами имелись существенные различия.

Такие различия прослеживаются как между большевизмом и фашизмом, так и внутри последнего. Так, фашистский режим в Италии руководствовался теорией верховенства государства, а национал-социалистический — теорией верховенства нации или нации-государства. Итальянский режим отличался стремлением сохранить традиционные структуры, показателем чего служат, например, так называемые Латеранские соглашения (1929), заключенные между Б. Муссолини и Ватиканом и регулировавшие отношения между католической церковью и фашистским режимом.

Для режима Муссолини были характерны меньшая концентрация и абсолютизация власти. Наряду с фашистской партией значительным

влиянием в стране продолжали пользоваться военные, аристократия, церковь, государственная бюрократия. Продолжал функционировать, правда чисто формально, сенат. Парадокс состоит в том, что Италия оставалась монархией. Муссолини время от времени направлял отчеты королю Виктору Эммануилу III. Итальянский фашизм отличался также меньшей, чем в Германии, интенсивностью террора и репрессий.

Учитывая эти факторы, можно утверждать, что существенные характеристики правой разновидности тоталитаризма в наиболее завершенной форме воплотились в германском национал-социализме. Для нас, россиян, более актуален и в то же время болезнен вопрос о соотношении большевизма и национал-социализма. Но тем не менее этот вопрос существует, и его нельзя игнорировать, ибо историю своей родины со всеми ее достижениями, неудачами и зигзагами нужно знать, чтобы извлечь из нее соответствующие уроки.

Многие авторы уже в 1920–1930-е годы отмечали определенные черты сходства в методах политической борьбы, захвата и реализации власти фашистов и большевиков. При всей сложности и спорности этой проблемы приходится констатировать, что фашизм и большевизм имеют точки как соприкосновения концептуального и типологического характера, так и расхождения.

При традиционной типологизации фашизм и марксизм-ленинизм располагаются на двух крайних полюсах идейно-политического спектра. Не случайно они вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. В этом контексте бросается в глаза изначальная несовместимость их идеологий. И здесь достаточно упомянуть такие дихотомические пары, как интернационализм — национализм, теория классовой борьбы — национально-расовая идея, материализм — идеализм, с помощью которых определяется противостояние марксизма-ленинизма и фашизма.

Если в марксизме-ленинизме в качестве основного теоретического и аналитического инструмента трактовки мировой истории использовался класс, то в фашизме в качестве такового служила нация. Первый отдавал моральный и теоретический приоритет концепции класса, второй — концепции нации и даже расы. В результате место марксистских понятий «прибавочная стоимость» и «классовая борьба» в национал-социализме заняли понятия «кровь» и «раса». Если марксизм-ленинизм придерживался материалистической (а зачастую экономико-детерминистской) интерпретации истории, то для фашизма с этой точки зрения характерны антиматериализм, иррационализм, мистицизм и убеждение в том, что духовные начала, честь, слава и престиж составляют могущественные цели и мотивы человеческого поведения.

Фашисты и национал-социалисты как в теории, так и на практике, придавая решающую роль политике и идеологии, сохранили частную собственность на средства производства и рыночные механизмы функционирования экономики. Большевики, которые в теории определяющую роль отводили базису или экономике, пошли по пути полного обобществления средств производства. Если большевики уничтожили рынок, то национал-социалисты его оседлали, приручили. Если Гитлер считал более важным социализировать прежде всего человека, то большевики пошли по пути социализации сначала экономики, а потом уже человека.

Если национал-социализм начисто отвергал саму идею демократии и либерализма, советский режим декларировал намерение воплотить в жизнь истинно демократические принципы (разумеется, по-своему понимаемые), устранив партийное соперничество. Не случайно его руководители и приверженцы оперировали понятиями «демократический централизм», «социалистическая демократия», «народная демократия», «демократические принципы» и т. д.

Марксизм-ленинизм в теории руководствовался благороднейшими из устремлений человечества — коммунистическим идеалом построения совершенного и справедливого общественного строя. С этой точки зрения советский режим вдохновлялся возвышенной гуманистической целью, составляющей вековую мечту многих поколений людей.

Нельзя забывать и то, что в течение определенного, хотя по историческим меркам недолгого, периода коммунистический идеал стал руководством к жизни почти для 40% современного человечества. Однако немаловажная проблема состоит в том, что для реализации поставленной цели на вооружение были взяты безжалостные, антигуманные средства. В этом контексте преступление большевиков состоит в том, что они дискредитировали великий коммунистический идеал.

При всем том неоспорим факт близости и определенного родства фашизма и большевизма по целому ряду параметров. Прежде всего не может не обратить на себя внимание почти полная синхронность их появления на исторической арене. Своими истоками они восходят к самому началу нынешнего столетия: в полный голос они заявили о себе во втором и начале третьего десятилетия, т. е. в период так называемой «великой трансформации капитализма» из свободно-предпринимательского в корпоративный (или, как его у нас до недавнего времени именовали, государственно-монополистический) капитализм.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что большевизм и фашизм выступили в качестве соответственно левой и правой альтернатив центристскому реформаторскому пути развития капитализма в социально-

экономической сфере и либеральной демократии в политической сфере. Причем за короткий период из незначительных групп они превратились во влиятельные общественно-политические движения, которые сумели подчинить своему господству сотни миллионов людей многих стран и народов.

Важным объединяющим началом этих альтернатив было то, что они провозгласили своей целью реализацию социалистических принципов, разумеется, в собственном понимании: интернационального и националистического. Фашизм и большевизм имели ряд близких или общих по своему функциональному системообразующему, методологическому назначению элементов. Это, в частности, единая всеохватывающая цель (хотя у каждого из них она существенно различается по своему содержанию); господство одной-единственной революционной партии нового типа; моноидеология, отвергающая другие идеологии; сходные средства и методы достижения идеальных целей; слияние в единое целое партии, государства и общества; политизация всех без исключения сфер жизни; физический и моральный террор и т. д. Именно эти характеристики позволяют оценивать фашизм в разных его вариантах и марксизм-ленинизм в его большевистской интерпретации как два противоположных проявления или два альтернативных (правый и левый) варианта особого общественно-исторического феномена — тоталитаризма.

При этом необходимо подчеркнуть, что выделяемые ниже признаки и характеристики тоталитаризма надо понимать в идеально-типическом смысле, а не как точное отражение реальной ситуации в обществе. К тому же нельзя забывать, что сами тоталитарные режимы были подвержены определенным изменениям. В Советском Союзе о более или менее чисто тоталитарном режиме, по-видимому, корректно говорить применительно к сталинскому периоду, охватывающему конец 1920-х — первую половину 1950-х годов. В последующие годы имела место постепенная «либерализация» режима в плане отказа от наиболее одиозных форм контроля над умами людей и террора.

Перейдем теперь к анализу важнейших элементов и характеристик тоталитаризма.

15.3. Аннигиляция традиции

Сущностной характеристикой тоталитарной системы является ориентация на слитность, тотальное единство всех без исключения сфер жизни в обществе. Это, в частности, проявилось в отрицании тоталитаризмом важнейшего, можно сказать, центрального элемента

современной западной цивилизации — гражданского общества и его институтов, составляющих фундаментальные аспекты человеческого бытия. Как выше уже говорилось, гражданское общество является средоточием множества разнообразных, конкурирующих друг с другом центров и источников власти и влияния. Они обеспечивают свободу реализации возможностей каждого отдельно взятого индивида, прежде всего свободу экономического выбора. Как показал исторический опыт демократических и тоталитарных систем, не может быть личной свободы там, где нет разнообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора.

Очевидно, что контроль над важнейшими ресурсами общества, как материальными, так и нематериальными, будет находиться у тех, в чьих руках сосредоточен контроль над экономической властью. Там, где нет свободы экономического выбора, а единственный работодатель — государство, не может быть и речи о свободном политическом, интеллектуальном и каком-либо ином волеизъявлении людей. Собственность, принадлежащая государству или жестко им контролируемая, неизбежно политизируется. Она порождает монополию власти, подчиняющей себе все рычаги политики и экономики, сливающихся в единое целое. Более того, и собственность, и экономика оказываются не просто политизированными, а политизированными при существенной милитаризации их важнейших компонентов и характеристик.

Человек — это абстракция, некая умственная конструкция, если пренебречь такими характеристиками, как раса, пол, возраст, нация, культура, вера и т. д. Не случайно идеологи и вожди тоталитаризма ставили своей целью трансформацию экономических, социальных, социокультурных, духовных отношений, убеждений, ценностей, установок людей. Более того, ставилась задача сознательной и целенаправленной переделки самого человеческого бытия.

С этой точки зрения тоталитаризм, в отличие от всех форм традиционного деспотизма, абсолютизма и авторитаризма, является феноменом XX столетия. Для последних, при всех их различиях, было характерно господство традиции, обычая, предания и т. д., власть занимала подчиненное по отношению к ним положение — она основывалась на традиции. Единство в традиционном обществе зиждилось на укорененности общественных структур — семьи, общины, родственных связей, племени, этнонациональном сообществе, церкви и т. д. Люди, занимая порой чуть ли не рабское положение по отношению к власти имущим, все же находили опору в этих структурах.

Традиция представляет собой механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних

обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом. Поэтому не приходится удивляться тому, что тоталитаризм ставит аннигиляцию (уничтожение) традиций в качестве одной из своих главных целей. Эта установка выражалась в переименовании древних названий городов, улиц, проспектов, музеев и т. д., в ограничении доступа к определенным видам исторической и критической литературы. Всячески культивировался отказ от некоторых «устаревших» традиций в области архитектуры, живописи, скульптуры, театра, от отдельных праздников, обычаев народной жизни, которые будто бы противоречили новым культурным традициям, мешали им нормально складываться и развиваться. С этой точки зрения тоталитаризм отличается своеобразная историческая амнезия, своеобразный манкуртизм.

Одной из важнейших предпосылок и условий существования тоталитарной системы является размытие, а то и элиминация (исключение) традиционной социальной стратификации (распределения), достижение культурной, социальной, нравственной и даже этнонациональной (в теории) однородности. С этой целью уничтожаются все объединения, организации, которые могли служить для человека референтными группами, такие, как нация, соседская родственная община, церковь, реальные, а не официальные организации, союзы, ассоциации, сословия, классы и др.

Такая однородность строится на подрубании всех органических корней, связывающих отдельного человека с обществом, на предельной унификации всех связей человека, выставлении на всеобщее обозрение самых неприкосновенных сторон и аспектов частной жизни. Единственной референтной группой для отдельного человека остается государство. Здесь, пожалуй, в наиболее наглядной форме и во всеобщем масштабе был реализован принцип «разделяй и властвуй».

Идеологи и вожди тоталитаризма, сознавая это, сделали все для того, чтобы фрагментировать и атомизировать общество, лишить человека унаследованных им от прошлого социальных и иных связей и тем самым изолировать людей друг от друга. В результате каждый отдельно взятый индивид остается один на один с огромным всеобщим аппаратом принуждения.

15.4. Политический и идеологический монизм

Как отмечалось выше, в тоталитарной политической системе практически исчезает разделение между государством и гражданским обществом. Государство доминирует над обществом. Более того, имеет место поглощение и общества, и государства единственной господ-

ствующей партией. При монопартийной системе первоначально происходит совмещение или фактическое слияние высших партийных органов и высших органов государственной власти.

Логическим завершением этого процесса является превращение партии в осевой институт государственной структуры. И здесь фашизм и большевизм, отправившись с противоположных полюсов идейно-политического спектра, приходят к одному и тому же результату. Так, если первые с самого начала высшей ценностью считали государство, то приверженцы второго отстаивали неизбежность исчезновения (во всяком случае в теории) государства.

Фашистские теоретики исходили из того, что любая форма организованной, автономно ассоциированной жизни воодушевляется государством. Формальным элементом в нем является его суверенная политическая и юридическая власть. Фашистские теоретики, такие, например, как С. Нунцио, признавали, что организованные ассоциации в рамках государства могут формулировать правила регулирования взаимоотношений между своими членами. Но эти правила будут эффективны лишь в том случае, если они санкционированы государством. Все ассоциации и организации в государстве пользуются автономией, поскольку они способны управлять своими внутренними делами.

Тем не менее государство является единственным и конечным источником власти, так как оно обладает исключительным правом использовать насилие. Тем самым фашисты фактически отвергали какие бы то ни было ограничения на политический и юридический суверенитет государства. Государство по своей сущности интегрально и тотально, в его рамках нет места частному в отрыве от публичного. Эта идея нашла выражение в следующем афоризме Муссолини: «Все внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства».

С этой точки зрения представляют интерес меры, принятые Гитлером уже в первый год своего пребывания у власти. Так, 4 апреля 1933 г. введен запрет на свободный выезд граждан из страны, а также выездные визы; 11 апреля — день 1 мая объявлен «праздником национального труда»; 14 апреля — изгнаны 15% профессоров из университетов и других учебных заведений; 7 мая — проведена «чистка» среди писателей и художников и опубликованы «черные» списки «не (истинно) немецких писателей»; 22 сентября — издан закон об имперских культурных гильдиях писателей, художников, музыкантов, который предусматривал фактический запрет на издание, исполнение, выставки всех тех, кто не является членом гильдии; 1 декабря — издан закон об обеспечении единства партии и государства и др.

Нечто подобное было целенаправленно осуществлено и у нас в стране с приходом к власти в 1917 г. большевистской партии. Уже в начале 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. Этот акт положил начало уничтожению или подчинению большевиками всех независимых институтов и небольшевистских партий. Годы «военного коммунизма» стали периодом установления политической диктатуры.

Постепенно сворачивалась издательская деятельность, запрещались все небольшевистские издания, подвергались аресту руководители оппозиционных партий, которые затем объявлялись вне закона. Все большую власть приобретал репрессивный аппарат в лице ВЧК и ее преемниц, под полный контроль большевистской партии были поставлены профсоюзы. Процесс закрепления и ужесточения диктатуры принял особенно широкий размах с приходом к власти И. В. Сталина.

В итоге для обоих вариантов тоталитаризма стали характерны полное доминирование государства над обществом, элиминация различий между государством и обществом. Более того, и общество, и государство были фактически поглощены одной господствующей партией. При монопартийной системе первоначально происходит совмещение или фактическое слияние высших органов партии и высших органов государственной власти. Логическим завершением этой тенденции является превращение партии фактически в решающий стержневой элемент государственной структуры.

Показательно, что, отвергая саму возможность примирения с существованием каких бы то ни было «марксистско-демократических центровых» или иных партий, Гитлер и другие руководители Третьего рейха исходили из того, что именно партии со своими особыми, конфликтующими друг с другом программами и стратегиями повинны в развале Германии и, естественно, не могут стать фактором ее возрождения.

Отсюда Гитлер делал вывод: *«пока будет существовать национал-социалистическое государство, будет существовать национал-социалистическая партия. Пока будет существовать национал-социалистическая партия, не может быть ничего иного в Германии, кроме национал-социалистического государства»*. Симптоматично, что, провозгласив «вечность» своей партии, Гитлер декларировал в 1935 г.: *«Партия есть моя частица, а я — часть партии»*.

«Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим партия, подразумеваем — Ленин», — провозгласил В. Маяковский. Вслед за известным поэтом мы могли бы с равным основанием сказать: *«мы говорим партия, подразумеваем — государство, мы говорим государство,*

подразумеваем — партия». Не случайно ведь в шестой статье Конституции СССР было зафиксировано положение, согласно которому КПСС является ядром политической системы СССР. Нельзя не отметить, что как фашизм (предельно откровенно), так и большевизм (в более завуалированной форме) в дополнение и осуществление партийно-государственной диктатуры проповедали и широко практиковали авторитарную власть фюрера — вождя. Этот принцип в качестве руководства для себя недвусмысленно сформулировал Гитлер в «Майн кампф»: «...власть начальника над подчиненным и подчинение нижестоящих вышестоящим».

На X съезде ВКП(б) В. И. Ленин проводил мысль о том, что диктатура пролетариата слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверить самому пролетариату. Он часто говорил, что «диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию большевиков». Более того, Ленин шел значительно дальше этой констатации, обронив как-то фразу, в предельно сжатой форме отражающую суть большевистской системы власти: «Советский социалистический демократизм осуществляется единолично и диктатуре нисколько не противоречит... волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим». З. Бжезинский и К. Фридрих называют тоталитарную диктатуру «автократией, основанной на современной технологии и массовой легитимизации».

Партийному монизму соответствует монизм идеологический, который пронизывает всю иерархию властных отношений сверху донизу — от главы государства и партии вплоть до самых низших звеньев власти и ячеек общества. Так, в сталинском варианте тоталитаризма марксизм-ленинизм стал идеологической основой партийно-государственного режима. Обосновывался тезис, согласно которому большевистская партия, возглавившая классовую борьбу трудящихся и угнетенных, начала и совершила пролетарскую революцию, тем самым проложив путь к светлому будущему — коммунизму. Следовательно, именно ей должна принадлежать вся полнота государственной власти. В данном вопросе мало чем отличалась позиция руководителей и идеологов фашизма, которые считали, что только исключительно НСДАП вправе быть единственным носителем власти и вершителем судеб Германии.

В этих двух главных разновидностях тоталитаризма все без исключения ресурсы, будь то материальные, человеческие или интеллектуальные, были направлены на достижение одной универсальной цели: тысячелетнего рейха — в одном случае и светлого коммунистического

царства всеобщего счастья — в другом. Единая универсальная цель обуславливает единую моноидеологию в лице государственной идеологии и сконструированные на ее основе политические ориентации, установки, принципы. С помощью разветвленной сети средств массовой информации и пропаганды, семьи, школы, церкви и т. д. они должны были настойчиво внедряться в сознание широких масс. Все, что не согласуется с единомыслием в отношении данной цели, предается анафеме и ликвидируется.

В силу своей органической связи с политической борьбой споры марксизма-ленинизма и национал-социализма с другими философскими школами, идейными течениями и обществоведческими направлениями неизменно приобретали политическое содержание. Это определяло нетерпимость приверженцев тоталитаризма к позициям и аргументам оппонентов — представителям других течений и направлений, фанатичность в отстаивании собственных позиций и принципов. Отсюда принцип: *«Кто не с нами — тот против нас»* или *«Если враг не сдается, его уничтожают»*. В подобном духе в одном из своих выступлений в 1925 г. Гитлер говорил: *«В нашей борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его»*.

Тоталитарное государство использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качестве единственно возможного мировоззрения. Она была превращена по сути дела в своего рода государственную религию со своими догматами, со священными книгами, святыми, апостолами, со своими богочеловеками (в лице вождей, фюреров, дуче и др.), литургией и т. д. Здесь государство представляет собой чуть ли не систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно является и верховным правителем.

Поэтому не случайно, что марксизм, рассматриваемый как завершение всей мировой философии, был выведен из-под критики, а его положения сделаны критериями оценки всех остальных философских систем. Уже Ф. Энгельс и наиболее преданные последователи основоположников марксизма заложили прочный фундамент позиции, ставящей К. Маркса вне критики и тем самым превращающей его в неприкосновенного пророка нового учения. *«Маркс, — писал, например, Ф. Энгельс, — настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что, если бы кто-либо попытался критиковать его открытия, он только обжегся бы при этом. Это возможно будет только для людей более развитой эпохи»*.

Таким образом, произведения Маркса приобретали статус священного писания, не подпадающего под общепринятые правила и нормы рационального критического анализа. Что касается марксизма-ленинизма советского периода, то он приобрел атрибуты фундаментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом. Статус религиозной веры с существенными элементами мистицизма и даже спиритуализма приобрела фашистская идеология, особенно в ее нацистской ипостаси. Ее священными книгами стали работа Х.С. Чемберлена «Основы девятнадцатого века», которую гитлеровская газета «Фелькишер беобахтер» в 1925 г. назвала «евангелием нацистского движения», «Миф двадцатого века» А. Розенберга и др. Разумеется, над всеми ними стояла «Майн кампф» А. Гитлера, предлагавшаяся в качестве идейно-политической платформы тысячелетнего рейха.

Показательно, что почти во всех немецких семьях она выставлялась на почетное место в доме, считалось почти обязательным дарить ее жениху и невесте к свадьбе и школьнику после окончания учебы. Касаясь отношения широких масс к самому Гитлеру, газета «Франкфуртер цайтунг» писала в 1934 г.: *«Из масс поднимается почти не воспринимаемый, но весьма влиятельный коллективный флюид. Это есть тот поток, который производит “германское чудо”. Этот поток встречается с невидимыми волнами, которые исходят от самого Гитлера».*

Тоталитарные варианты политической философии постулируют идентичность индивидуальных и коллективных целей, обещая, что нормальные цели индивидуальных людей будут выполнены по мере реализации целей народа, нации, страны, государства и др. *«Совершенному обществу, — писал Н. Новгородцев, — приписывается значение высшей нравственной основы, которая дает человеку и полноту бытия, и смысл существования. Общественное начало получает абсолютный характер. Преданность обществу заменяет религиозные стремления, обетование земного рая ставится на место религиозных чаяний».*

15.5. Террор как сущностная характеристика тоталитаризма

Неизменным атрибутом тоталитаризма является тесная взаимосвязь между истиной и силой: здесь сила определяет истину. *«Учение Маркса всесильно потому, что оно верно»*, — говорил В. И. Ленин. В аналогичном духе рассуждали о своем учении и идеологи нацизма. В действительности идеологии и марксизма-ленинизма, и нацизма были верны, потому что они всесильны, поскольку они опирались на фундамент карательной террористической машины, мощного

пропагандистского аппарата и на все аксессуары тоталитарно-диктаторского государства. Нацистские лагеря смерти и советский ГУЛАГ составляют сущностную характеристику тоталитаризма. В качестве особых политических конструкций они уникальны в своей способности комбинировать жестокость с рационализмом, ненормальное — с нормальным, злое начало — с банальным.

Отличительная особенность тоталитарного режима состоит в том, что террор и страх при этом режиме используются не только как инструменты уничтожения и запугивания действительных или воображаемых врагов и противников, но и как нормальные повседневные инструменты управления массами. С этой целью постоянно культивируется и воспроизводится атмосфера гражданской войны. Террор развязывается без какой-либо видимой причины и предварительной провокации.

Так обстояло дело в нацистской Германии, где террор был развязан против евреев, т. е. людей, объединенных определенными общими расово-этническими характеристиками независимо от их поведения. В Советском Союзе, в отличие от нацистской Германии, руководство никогда не признавало, что оно может использовать террор против безвинных людей. Но тем не менее и здесь террор служил инструментом уничтожения так называемых классовых врагов или врагов народа.

Тоталитарность данного режима, так сказать, в чистом виде состоит не только в том, что партия, какая-либо клика или фюрер-вождь устанавливают всеохватывающий контроль над всеми сферами общественной жизни и государством, как бы полностью поглощая их. Ее суть состояла также в том, что подавляющая масса населения чуть ли не свято верит в основные цели, установки, ориентации, постулируемые партийным руководством или фюрером-вождем: обе стороны по сути слиты в единое целое для достижения универсальной цели. С этой точки зрения чисто тоталитарными можно считать сталинский режим в нашей стране и национал-социалистический — в Германии.

В тотальной системе нередко логика абсурда одерживает верх над логикой здравого смысла. Фиктивная, иллюзорная, искусственно сконструированная действительность ставится на место реальной действительности. Это достигается либо произвольной трактовкой фактов в угоду политической и идеологической конъюнктуре, либо их игнорированием. Тоталитарное государство и его руководство нуждаются в постоянном обосновании своей легитимности и даже непогрешимости. Отсюда — потребность в постоянном перекраивании как

прошлого, так и настоящего, в зависимости от поворотов политического курса руководителей партии и государства.

Важнейшим показателем проникновения этих начал во все сферы повседневной жизни является так называемый новояз, который, как говорил Дж. Оруэлл, представляет собой «лингвистический эквивалент основной идеи официальной идеологии». Хотя новояз — литературное изобретение Дж. Оруэлла, он является реальностью. Суть этого феномена состоит в почти полной замене реального мира неким подобием сюрреалистического, абсурдного видения мира, в котором все перевернуто с ног на голову, где поистине дважды два равно пяти. В повседневной жизни нужно приспосабливаться к иррационализму языка, который скорее скрывает, чем объясняет, реальное положение вещей.

Это порождает своеобразный двойной стандарт в жизнедеятельности и поведении тоталитарного человека. Он как бы раздваивается, приобретает двойное дно. В отношении разного рода политических и иных решений и постановлений, принимаемых высшими государственными и партийными инстанциями, у людей вырабатывается нечто вроде устойчивого иммунитета. Выражая «горячее» и «единодушное» одобрение на словах, они проявляют в отношении этих решений и постановлений холодное безразличие или даже резкое их неприятие на деле. Появляется, становится массовидным феномен, названный Дж. Оруэллом «двоемыслием» и «мыслепреступлением». Это в сущности означает уже начало конца тоталитаризма в его «чистом» виде.

15.6. Тоталитарный человек и государство

Антропологический компонент тоталитаризма состоит в стремлении к полной переделке и трансформации человека в соответствии со своими идеологическими установками. Важное место в комплексе идей и механизмов, направленных на изменение человеческой онтологии, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром. Более того, ставится задача полной трансформации человека, конструирования нового типа личности — некоего *homo totalitaricus* с особым политическим складом, особой ментальностью, мыслительными и поведенческими характеристиками — путем стандартизации, унификации индивидуального начала, его растворения в массе, сведения всех индивидов к некоему среднестатистическому знаменателю.

Пожалуй, предельно ясно позицию марксизма-ленинизма по этому вопросу сформулировал В. Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин»: *«Единица, кому она нужна? Голос единицы тоньше писка. Кто*

ее услышит? Разве жена... Единица — вздор, единица — ноль». На смену индивидуальности, предполагающей разнообразие, оригинальность отдельной личности, приходит тип, предполагающий однообразие, однозначность, стирание индивидуальных особенностей.

Следует подчеркнуть, что тоталитаризм, как особый общественно-политический феномен, невозможен без массовой базы, массовости как таковой, растворения отдельного индивида в массе, толпе. Он никогда не мирится с управлением только с помощью внешних средств, а именно государства и механизма физического насилия.

В отличие от всех остальных движений и общественных феноменов тоталитаризм предполагает полную и безусловную лояльность индивидуального человека общества режиму, партии или вождю. Тоталитаризм открыл для себя средства господства и терроризирования людей изнутри. Здесь вождь-фюрер и массы слиты в неразрывном единстве: вождь-фюрер зависит от масс в такой же степени, в какой они зависят от него, без него они останутся аморфной толпой, лишенной внешнего представительства, в свою очередь сам вождь-фюрер без масс — ничто.

Масса — это особое образование. Она не обязательно предполагает некоторое сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. С точки зрения параметров сознания, приверженности определенным стереотипам поведения и реакции человек может принадлежать к толпе, массе, не выходя из собственной квартиры. Далее, масса, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, не то же самое, что, скажем, рабочие, пролетариат. Сущностная ее константа — это средний и заурядный человек.

В этом смысле масса как скопление множества людей приобретает качественные параметры социально-типического. Заурядность, среднестатистичность становятся общими социальными признаками человека без индивидуальности. Важнейшая характеристика этого типа человека — его убеждение, уверенность в том, что он владеет единственно верной идеей.

Названные характеристики человека массы поощряют тенденцию к своеобразному социальному нарциссизму, самовлюбленности, и уверенности людей и общества в целом в своей непогрешимости. Они буквально перестают видеть в реальном воплощении окружающий себя мир и смотрят на него через черно-белые очки. Более того, для обозрения внешнего мира они, вместо того чтобы смотреть в окно, предпочитают смотреть в зеркало. Человек склонен к самообману, нежеланию знать всю правду о себе и своем окружении, о сущностных характеристиках и возможностях собственного

бытия. Зачастую, убегая от правды, люди могут предаваться всякого рода иллюзиям, внешней мишуре, тем самым оправдывая и облегчая свою жизнь, ища легкие пути и способы самореализации и счастья.

Следует отметить, что ареал распространения такого типа вовсе не ограничивается низшими и даже средними этажами социальной иерархии. Более того, тоталитарная система создает оптимальные условия для восхождения торжествующей посредственности до самых вершин власти и авторитета. Господство посредственности, человека массы не только не ослабляет, а, наоборот, до гипертрофированных масштабов поощряет и стимулирует стремление людей к постам, чинам, должностям, продвижению вверх по служебной лестнице. Чинопочитание и возделение чинов и наград стали по сути дела интегральной доминантой тоталитарного сознания.

Как установлено социально-психологическими исследованиями, процесс идентификации, утверждения конформизма и одномерного взгляда на вещи облегчается, как правило, у лиц, не уверенных в себе, испытывающих определенный комплекс неполноценности, не чувствующих под собой твердой опоры. Отождествление себя с сильным, авторитетным человеком, группой, организацией придает им необходимую уверенность. Оторванность от корней, глубины, отсутствие или нехватка ощущения твердости бытия делают легкими все движения и повороты в поведении и действиях людей.

Когда человек чувствует себя неуверенно в своей профессии, им можно управлять, помыкать, заставлять его смотреть в рот своему начальству, проявлять ретивость и прыткость в исполнении его указаний, особенно не утруждать себя щепетильностью в отношении морально-этических норм и др. В то же время он обладает «среднеобразовательным» уровнем, что позволяет использовать его на любых участках работы.

В целом тоталитарный тип — это государственный человек, преданный государству и всецело зависящий от него. Если большевистскими идеологами этот тезис на словах отрицался, то фашистские идеологи его разрабатывали и отстаивали с особой тщательностью. Так, министр юстиции в фашистском правительстве Италии в 1925 г. Г. А. Рокко характеризовал социальное и политическое мировоззрение фашизма как «интегральную доктрину социальности». Здесь вместо либерально-демократической формулы «общество для индивида» предлагается формула «индивид для общества».

Иначе говоря, тоталитаризм ставит своей целью добиться единства человека и общества, государства, партии, слитности всех

структур общественного бытия. Поскольку не государство существует для людей, а, наоборот, люди существуют для государства, то отдельный человек приносится в жертву гражданину, а гражданин в свою очередь — в жертву подданному. Каждый отдельный индивид остается один на один с огромным всеильным аппаратом принуждения.

Это, естественно, препятствует свободному проявлению общественных сил. Побеждает конформизм, народ превращается в массу, население приобретает атрибуты толпы. Это своеобразное, как говорил Ратенау, «вертикальное вторжение варваров». Чрезмерная опека своих граждан со стороны государства наносит непоправимый вред энергии, деятельности и моральному характеру людей. Тот, кем постоянно настоятельно руководят, в конечном счете отказывается от той самостоятельности и ответственности.

В условиях тотального запретительства и опыта тотального поражения людей в лучших своих устремлениях сформировалась личность, страдающая социальной апатией, характеризующаяся иронически-скептическим отношением к миру, чувством отчуждения и т. д. Тоталитарность существенно снижает или же вовсе устраняет способность к критическому анализу реалий современного мира, места своей страны в мире, своей социальной или референтной группы, самого себя в реальном социальном окружении.

15.7. Редукционизм и апофеоз конфронтационности

Для тоталитарного сознания вполне естественны крайние схематизм и редукционизм, сводящие все и вся к одной-единственной идее — *истине*. Ее можно назвать политическим мессианством, внушающим предопределенный гармонический и совершенный порядок вещей, основанный на единственной идее — *истине*, где наука и искусство, экономика и политика, философия и промышленность, мораль и отношения между полами и многое другое направляется одной ключевой *идеей*. Здесь достигается некая слитность различных структур — экономических, политических, научных и др.

Цементирующим началом выступает идеология. Биология и генетика, к примеру, перестают быть самостоятельными научно-исследовательскими дисциплинами. Наоборот, они объявляются средствами в руках буржуазии для порабощения пролетариата и подрыва исторического материализма (у большевиков) или же орудием мирового еврейства и коммунизма для подрыва Третьего рейха (у нацистов). По-

этому не удивительно, что в тоталитарном государстве речь идет не просто о науке, а о немецкой, арийской, социалистической, марксистско-ленинской и иных ее идеологических разновидностях.

Наиболее наглядным проявлением такого подхода к науке стал в Советском Союзе «лысенкоизм». Идеологию, основанную на постулате о существовании истинного ключа к прошлому, настоящему и будущему, Т. Лысенко и его сторонники использовали для установления своей монополии в биологии и уничтожения не только неугодных научных теорий, но и многих ботаников, морфологов, приверженцев принципов эволюционной теории и т. д.

В соответствии с такой установкой тоталитаризм оставляет единственную дверь в будущее. Возникает некая искушенность тоталитаризмом, заставляющая превратно толковать и объяснять все общественные феномены и процессы. Вырабатывается одномерный подход к объяснению окружающего мира по формуле «абсолютно верное против абсолютно ложного», «добро против зла», «свет против тьмы». Середина отсутствует.

Обращает на себя внимание такая характерная как для правого, так и для левого варианта тоталитаризма деталь: тщательно разработанный образ врага, чужака как какого-то недочеловека, ущербного по своей сущности, некоего ненастоящего, которого не жалко оскорблять, унижать и даже физически уничтожать. По-видимому, определенное пленение сознания людей подобными образами как бы снимало с них моральную ответственность за свои позиции и деяния.

Связывая воедино все без исключения политические и иные проблемы, такой подход рано или поздно перерождается в концепцию крестового похода и манихейский мессианизм. Такая установка основывается на резком и бескомпромиссном разделении мира на сферы божественного и дьявольского, проводящем непреодолимую грань между добром и злом. Она стимулирует склонность впадать в неумеренный морализм и крайности, что в свою очередь порождает неизбежный конфликт между целями и возможностями их осуществления. Носители тоталитарного мышления склонны быть моральными абсолютистами, разделяющими мир только на белое и черное (у большевиков — красное и белое, а у нацистов — коричневое и красное или белое) и требующими на все вопросы немедленного и окончательного ответа.

Соответственно все участники «драмы истории» делятся на силы добра, ассоциируемые с тоталитарным режимом, и дьявольские силы зла, ассоциируемые со всеми теми, кто безоговорочно и на все 100% не стоит на страже этого режима. Здесь неукоснительно действует

принцип: «кто не с нами, тот против нас». В глазах такого фанатика любой несогласный или, что еще хуже, противник оказывается агентом сатанинских сил, которые будто замышляют грандиозный заговор для уничтожения сил добра. Теория заговора исключает возможность реалистической оценки социальных, исторических или политических факторов. Тот, кто посвящен в заговор, заранее знает весь ход событий, он занимается лишь конкретизацией деталей и этапов прохождения предустановленного течения истории.

Исключая возможность какого бы то ни было компромисса, теория заговора не оставляет места для сил, занимающих нейтральную позицию. Идти на согласие с теми, кто выступает против вождя и его политического курса, — значит порвать с верой и присоединиться к участникам заговора. За неимением подходящего выражения американский историк Р. Хофстедтер назвал такой подход «параноидным стилем», означающим «предельное преувеличение, подозрительность и фантазии о заговоре».

Отличительной особенностью такого «параноидального стиля» является не просто то, что его приверженцы рассматривают «обширный» или «гигантский» заговор в качестве движущей силы исторических явлений. В их глазах сама история является заговором, организованным мощными демоническими силами. Параноидальный тип склонен рассматривать историю как результат действий отдельных личностей. Он считает, что враг располагает важными источниками и рычагами власти. Например, он контролирует прессу, направляет общественное мнение с помощью «управляемых новостей», обладает неограниченными ресурсами, секретами «промывания мозгов» или же держит в своих руках власть над системой образования и др. Это такой тип сознания, который доводит подозрительность и ненависть до уровня мировоззренческого кредо. Будучи совершенно нормальным человеком в отдельных сферах жизни, например в семье, на работе, такой тип способен впадать в крайности и действовать экстремистскими методами в других сферах, например в политике, религии и др.

Большевики, поставившие перед собой цель свержения существующей системы, с самого начала вынуждены были действовать как конспиративная партия. Но проблема состояла в том, что существенной характеристикой большевистской партии оставались конспиративность, своего рода эзотеричность, интеллектуальная, идеологическая и политическая закрытость и после завоевания власти. Всю ее деятельность как во внешне-, так и во внутривнутриполитической сфере, пронизывали секретность и подозрительность.

В тотальной ментальности, сознательно и целенаправленно воспроизводимой и культивируемой мощным идеолого-пропагандистским аппаратом государства, эти особенности приобретают самодовлеющую значимость. Все это в совокупности создает условия для формирования homo totalitaricus как весьма странной и парадоксальной амальгамы таких характеристик, как чуть ли не обожествление рекордов и средней производительности; революционной (понимаемой в самом широком смысле) героики, героепочитания; слепой веры и крайнего цинизма; вождизма, конформизма и человека-функции.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под политическими системами тоталитарного типа?
2. Каковы основные признаки авторитаризма? Назовите основные авторитарные режимы.
3. Почему говорят, что тоталитаризм — феномен XX в.?
4. В чем состоит сущность тоталитаризма?
5. Назовите основные типы и разновидности тоталитаризма.
6. Объясните, что такое тотальность в тоталитарном государстве.
7. Объясните, в чем состоит дихотомичность и конфронтационность тоталитарного сознания.
8. Почему тоталитарное общество называют закрытым?
9. Что означает идеологический и политический монизм?
10. Почему террор рассматривается как сущностный признак тоталитаризма?

Глава 16

Политическая культура

Несмотря на очевидную значимость политической культуры для понимания мира политического, в нашей обществоведческой литературе эта тема еще не получила должного освещения. В настоящее время существует широкий спектр мнений и позиций в трактовке понятия «политическая культура». Нередко ее отождествляют с образовательным и культурным уровнем человека, его способностью соответствующим образом вести себя на публике, умением четко и ясно излагать свои политические позиции. Иногда можно услышать, что у такого-то нет политической культуры, у другого — высокий или низкий уровень политической культуры. Некоторые полагают, что политическая культура может быть только у образованных людей. Ее часто путают с политической системой и политическим поведением.

Что же такое политическая культура? Попытаемся ответить на этот вопрос.

16.1. Возникновение концепции политической культуры

В научной литературе отражено несколько десятков определений политической культуры. Это объяснимо, если учесть сложность и многовариантность проблемы, невозможность сведения ее к какому-либо четко очерченному, раз и навсегда установившемуся феномену.

Первая попытка сформулировать концепцию политической культуры была предпринята известным американским политологом Г. Алмондом в статье «Сравнительные политические системы», опубликованной в 1956 г. Дальнейшую разработку эта концепция получила в книге Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура».

Важным этапом в формировании и утверждении концепции политической культуры стало появление в 1965 г. книги «Политическая культура и политическое развитие», в которой была предпринята попытка определения и сравнения политических культур 13 стран.

Во второй половине 1960-х—1970-е годы концепцию политической культуры взяли на вооружение такие известные американские социологи и политологи, как В. Ки, Р. Маркридис, В. Нойман, Д. Мар-

вик и др. Первоначально возникнув в США, в последующем эта концепция получила большую популярность и в других странах, а затем стала одним из важнейших инструментов исследования политических процессов и явлений. К настоящему времени появилось множество работ, посвященных различным аспектам политической культуры отдельных стран и регионов.

Заслуга сторонников политико-культурного подхода состояла в том, что они предприняли попытку поставить в центр политологических исследований человека с его заботами, интересами, эмоциями, стереотипами, мифами. При этом они исходили из того, что выявление средств и механизмов достижения политической стабильности и общественно-политического развития, помимо изучения различных форм правления и конституционно-правовых систем и норм, должно включать анализ глубинных эмоциональных и социально-психологических связей между членами политических общностей и формами правления.

Предпосылки для массового изучения этих связей были созданы так называемой «бихевиористской революцией», развернувшейся в политической науке США в 1950-е годы. Если традиционная политическая наука ограничивалась изучением формальной институциональной структуры государства, то введение бихевиористских методов в политическую науку открыло возможности для исследования более широкого спектра общественных отношений и их связей с государством. В политическую науку были внесены заимствованные из естественных наук модели и методы исследований. Заслуга бихевиористов состояла также в том, что они пытались смотреть на социальные и политические феномены с точки зрения индивидуального избирателя или участника политического процесса. Бихевиоризм имплицитно включал в себя постулат о том, что если раскрыть мотивы, намерения отдельных индивидов в политическом процессе, то можно правильно понять и политическую систему в целом.

Для выполнения этой задачи были установлены тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками (культурной антропологией, психологией, социологией, историей и др.). Политическая наука оказалась на перекрестке «междисциплинарного» движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для более всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

Важное значение в возникновении политико-культурного подхода имело проникновение в политическую науку после Второй мировой войны различных концепций культуры и культурной антропологии. В данном отношении предшественниками концепции «политической культуры» можно считать известных антропологов и культурологов К. Клакхона, А. Кребера, Б. Малиновского и др. Все чаще стали предприниматься попытки рассматривать политические феномены в культурных, социокультурных и социально-психологических терминах.

В целом политико-культурный подход представляет собой попытку преодолеть формально-юридический подход к политике. Как считали Г. Алмонд и другие политологи, традиционный подход к политике в терминах исследования государственно-правовых институтов не в состоянии определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические и иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемы для других стран. Они ставили своей целью разработать комплексный подход, базирующийся на органическом соединении эмпирического и теоретического, микро- и макроуровневого аспектов исследования.

С этой точки зрения политико-культурный подход представляет собой попытку интегрировать социологию, культурную антропологию и социальную психологию в единую политологическую дисциплину. Он призван соединить исследование формальных и неформальных компонентов политических систем с анализом национальной политической психологии, политической идеологии и др.

16.2. Политическая социализация

Человек как член конкретного общества проходит процесс социализации не только в соответствующей социокультурной, но и в политико-культурной среде. Еще в 430 г. до н. э. Перикл утверждал: «Лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все». Судить о политике действительно могут все (неважно как), потому что мир политического в тех или иных форме и степени затрагивает всех и каждого члена общества.

Поэтому люди должны иметь хотя бы самые общие представления о мире политического и механизмах его функционирования. Они должны знать, в чьих руках находятся бразды правления страной, регионом, городом, кто принимает решения, кто несет ответственность за их выполнение и др. Осваивая господствующую в данном обществе

политическую культуру, отдельный человек включается в многогранный и динамичный процесс властных отношений, совершает акт воспроизводства себя как политико-культурного существа.

В этом смысле можно говорить о политической социализации людей. В целом под политической социализацией понимается процесс интегрирования и освоения отдельным человеком как членом определенного общества и гражданином государства основных элементов соответствующей политической культуры. В этом процессе в той или иной форме принимают участие семья, школа, вузы, общины, добровольные организации, трудовые коллективы, средства массовой информации, политические партии, государственные учреждения.

Можно говорить об узком и широком понимании политической социализации. В узком смысле это сознательное и целенаправленное внедрение политических ценностей, убеждений, навыков и др. Эту задачу выполняют в основном официальные и полуофициальные учреждения, институты, организации. Они имеют своей целью создание благоприятных условий для принятия людьми господствующего социального порядка и его ценностей; общей картины мира, адаптации к ее экономическим, политическим и военным потребностям; неприятие альтернативных социальных порядков. Школы и другие учебные заведения выполняют функции воспроизводства, усиления социальных отношений, включая производство и потребление, их передачу от поколения к поколению.

В широком смысле политическая социализация — это вся система политического обучения, как формального, так и неформального, целенаправленного и непредусмотренного, на всех этапах жизненного цикла, включая не только сугубо политическое, но и неполитическое обучение, которое сказывается на политическом поведении и политических установках.

Среди политологов превалирует мнение, что знания о мире политического у людей начинают формироваться уже в детском возрасте. И действительно, что касается политических реальностей, государства и властных отношений, то у детей младшего школьного возраста прослеживаются весьма смутные представления об основах политической власти и путях ее завоевания взрослыми, о механизмах формирования политики правительства, об участниках политического процесса и др.

Но тем не менее, по данным многих исследований, уже в этом возрасте дети получают определенные знания о политических реальностях и по-своему осваивают их с помощью персонификации этих

реальностей. В частности, они узнают о существовании, например, властных отношений, сталкиваясь с местным полицейским, получая информацию из СМИ и разговоров окружающих и родителей о короле, президенте, премьер-министре, губернаторе и др. Результаты исследований свидетельствуют, что, например, в Великобритании и США к 12 годам 2/3 детей имеют более или менее четко высказываемые установки, симпатии, антипатии в отношении отдельных политических деятелей и партий, но они еще носят поверхностный характер и во многом являются отражением позиций родителей, родственников, соседей. При этом «выбор» детьми политической партии редко сказывается на базовых приверженностях стране, политической системе, законопослушности, национальным символам и ритуалам. Дети еще не имеют представления о том, чем партии отличаются друг от друга. Для них партии практически не имеют идеологического значения; как правило, они отождествляются с известными кандидатами, политическими и государственными деятелями. Но уже в возрасте 8–9 лет дети высказывают растущую тенденцию приписывать большие достоинства «своей» партии и ее деятелям.

Как показывают специалисты, в глазах детей выборы — это весьма важное событие. По мере взросления они начинают рассматривать голосование как центральную характеристику системы управления. Можно сказать, что ранние партийные симпатии детей кристаллизуются в периоды избирательных кампаний, в атмосфере их широкого освещения в средствах массовой информации, политических дискуссий у себя дома, среди соседей, сверстников. Поэтому неудивительно, что большинство детей, как правило, проявляют чувства патриотизма и лояльности к политическим деятелям страны, что создает предпосылки для формирования у них лояльности в более зрелом возрасте в отношении существующей системы.

В целом каждый член общества в процессе социализации и взросления формируется как социально-культурное существо, и в этом качестве он усваивает политическую культуру или отдельные ее компоненты. С этой точки зрения каждый отдельно взятый человек является носителем политической культуры в той мере, в какой он социализируется в условиях данной конкретной социальной общности. И в этом контексте политическая культура составляет интегральную часть социокультурной системы.

Следует отметить, что политическая социализация отнюдь не завершается по достижении человеком зрелого возраста. Это по сути дела бесконечный процесс, продолжающийся в течение всей его

жизни. Особенно глубоким и далеко идущим изменениям политическая культура подвергается в периоды войн и кризисов, экстремальных и аномальных явлений в жизни стран и народов.

16.3. Составные элементы политической культуры

Политическая культура — это система отношений и одновременно процесс производства и воспроизводства составляющих его элементов в ряде сменяющих друг друга поколений. Это явление динамическое, развивающееся, постоянно обогащающееся историей в своем содержании и формах. Оно чутко реагирует на изменения в реалиях окружающего мира, будь то промышленная, научно-техническая, компьютерная, информационная или иная революция.

Особенность политической культуры состоит в том, что она неразрывно связана с человеческой субъективностью и представляет собой своего рода «субъективный объект». В узком понимании она составляет не политику или политический процесс в их реальном воплощении, а комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, государства и власти, законах и правилах их функционирования.

Как правило, в политической сфере значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются. Формы их реализации, принятие или неприятие их подавляющим большинством населения во многом обуславливаются основными характеристиками политической культуры.

Политическая культура включает в себя те элементы и феномены общественного сознания, а в более широком плане — духовной культуры, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами. Они оказывают значительное влияние на формы, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению значительных масс населения в частности. Политическая культура составляет в некотором роде этос, или дух, который одушевляет формальные политические институты. Вслед за Г. Алмондом и С. Вербой вполне обоснованно можно сказать, что мы говорим о политической культуре точно так же, как об экономической или религиозной культуре.

Подобно тому как культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и «правила игры» в политической сфере. Политическая культура дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, а коллективу — систематическую структуру ценностей и рациональных доводов.

Основополагающие ценности политической культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения преемственности любой общественно-политической системы, поскольку их задача состоит в формировании приверженности данной системе, а ее нормы служат цели интегрирования социальных систем. Они включают в себя не только ценностные компоненты, но и особые формы ориентации людей в определенных функциональных и ситуационных условиях.

Сюда входят сформировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами. Эти компоненты, обусловленные социально-экономическими, общественно-историческими и другими долговременными факторами, характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством, медленно поддаются изменениям в процессе глубоких сдвигов в общественном бытии.

Политическую культуру можно характеризовать как ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества. Она включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему.

Политическая культура в определенном смысле предоставляет некие рамки, в которых члены общества принимают законность существующей формы правления, чувствуют себя политически дееспособными, выражают согласие с действующими «правилами игры». Рамки, в которых убеждения, эмоции, нормы и ценности проявляются в политических процессах и политическом поведении, сами по себе составляют важнейший компонент политической культуры.

Цементирующим элементом политической культуры следует считать политическое мировоззрение, составляющее часть общего мировоззрения отдельного человека, отдельной группы или иной социальной общности. Большое влияние на характер политических ориентаций, симпатий и антипатий людей оказывают господствующая в обществе система

мировоззренческих позиций и ценностно-нормативных установок, фундаментальные взгляды на человека, общество и мир в целом.

Как соотносятся политическая культура и другие компоненты мира политического, и прежде всего политическая система?

Хотя политическая система и политическая культура составляют самостоятельные подсистемы мира политического, тем не менее провести между ними четко очерченную линию разграничения весьма трудно. Они взаимно влияют друг на друга, переплетаются и не могут существовать друг без друга. Например, либерально-демократическая система характеризуется существованием в обществе множества организаций, заинтересованных групп, религиозных, профессиональных и иных ассоциаций и др., отстаивающих свои интересы во взаимных конфликтах, столкновениях и сотрудничестве друг с другом. Такое положение получило название «социальный плюрализм».

В политической сфере плюрализм проявляется в наличии множества партий и институтов, в существовании разных идейно-политических ориентаций, установок, идеологических течений и направлений. В этом случае мы имеем «политический плюрализм». Причем социальный плюрализм поддерживает и стимулирует политический плюрализм, и наоборот.

Политическая культура способствует формированию определенных типов политического поведения, она придает ему определенную направленность, но не является детерминирующим фактором в последней инстанции. Дело в том, что решение избирателей голосовать за ту или иную партию или конкретного кандидата определяется целым комплексом факторов. Среди них социальная структура и политическая система, состояние экономики, просто конъюнктурные факторы, сиюминутные внутри- и внешнеэкономические и внешнеполитические условия и др. Часто общность быта и уклада жизни, непосредственность впечатлений сами по себе могут служить фактором стандартизации сознания, формирования разного рода иллюзий, типологически родственных представлений.

Одним из важнейших факторов утверждения и жизнеспособности политической культуры является легитимность существующей системы и действующего в каждый данный период политического режима. Более того, в системе ценностей, ориентаций, установок, стереотипов, составляющих политическую культуру, центральное место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению политической системы. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей определяет степень

консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.

Вместе с тем было бы неправомерно рассматривать политическую культуру как систему только широко разделяемых в обществе ценностей, убеждений и символов, ограничивать ее лишь «позитивными» установками в отношении существующей политической системы. Концентрация внимания исключительно на разделяемых всеми убеждениях и установках и ценностях чревата игнорированием тех из них, которые присущи отдельным социальным группам, выступающим за изменение существующего положения. Часто сам факт, что они не разделяются большинством членов общества, может служить важным показателем сущности и тенденций развития той или иной политической культуры и политической системы в целом.

Поэтому значение имеет также выделение расхождений в политических убеждениях различных групп в рамках каждой политической системы. В противном случае, к примеру, совершенно невозможно было бы объяснить такие важнейшие явления в истории капиталистических стран, как левый и правый варианты радикализма, которые выступали и продолжают в наши дни выступать за изменение существующего там положения.

Устойчивость и жизнеспособность любой политической системы зависят от степени соотношения и соответствия ее ценностей ценностям политической культуры. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.

Лорд Брайс как-то говорил, что даже Римская империя основывалась не столько на силе, сколько на согласии и доброй воле ее подданных. В правовом государстве жизнеспособность юридическо-правовой системы и подчинение ей подавляющего большинства населения зависит в значительной степени от уважения к закону, а не от страха применения санкций. Раз такое уважение потеряно, презумпции справедливости закона брошен вызов. Легитимизация, т. е. обеспечение легитимности, — это форма обоснования, которая призвана интегрировать разрозненные институты, отношения, процессы, подсистемы и др., тем самым придавая смысл всему социальному порядку.

16.4. Политическая символика

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные сим-

волы и идеалы. Они выступают своеобразными связующими элементами политической культуры. Символ представляет собой концентрированное зримое выражение основной идеи явления или понятия, основанное на их структурном сходстве. Одной из форм символа является эмблема. Частным видом эмблемы являются герб, флаг и другие атрибуты, воплощающие прежде всего идею национально-государственного единства и величия. Для того чтобы постичь заложенную в символе идею, требуется активная работа ума воспринимающего субъекта.

Символы можно изображать условно-графически (христианский крест, советский серп и молот, нацистская свастика и т. д.), человеческими или иными фигурами: Джон Буль — в Англии, дядя Сэм — в США, медведь — в России, страус — в Австралии. Такие символы, как, например, флаг страны, имеют значение не сами по себе, а лишь в качестве средства выражения связи с обществом или действиями людей. Комплексные системы типа речи, письма или математических знаков — это тоже символы, поскольку и звуки, и знаки обладают значимостью только для тех, кто умеет их «читать», расшифровывать их смысл.

На поведение людей часто гораздо более сильное влияние могут оказать не столько сами действия правительства, политических партий и деятелей, сколько господствующая в обществе система символика, ориентирующая людей на конкретный тип социальных отношений. Как отмечал О. Шпенглер, единство всякой культуры зиждется на общем языке ее символика. Каждый народ создает и почитает собственные символы. Они строятся на длительной традиции, в которой важное место занимают разного рода знамена, флаги, гербы, другие символы и атрибуты государственно-политической самоидентификации. Одна часть символов формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности всех или большинства членов культурного, политического сообщества, а другая — создается и целенаправленно внедряется элитами.

Одно из центральных мест среди символов занимают национальные гимны, которые представляют собой официальные патриотические символы или, как пишет К. Серулоу, «музыкальный эквивалент девиза, герба или флага страны». Гимны, подобно другим национальным символам, становятся чем-то вроде «визитной карточки» нации. Они — современные тотемы — знаки, с помощью которых народы отличают себя друг от друга или подтверждают границы своей «идентичности».

Каждая страна имеет свой государственный или национальный флаг, олицетворяющий ее независимость, суверенитет и место в мировом сообществе. Показательно, что главы государств (президенты,

монархи), вступая в должность, произносят клятву верности при обязательном присутствии государственного флага. Какое бы то ни было оскорбление флага в большинстве стран рассматривается как уголовно наказуемое преступление; флаг в сочетании с гимном и другими атрибутами государственности во многих странах превратился в эмоциональное воплощение нации.

Министр иностранных дел Франции Ламартин говорил в 1848 г.: *«Если вы отнимете у меня трехцветный флаг... то отнимете у меня половину мощи Франции как здесь в стране, так и за границей»*. То же самое можно сказать применительно к большинству государств современного мира.

Не случайно, что, когда граждане одной страны хотят выразить свое недовольство и протест действиями другого государства, они прибегают к публичному сожжению флага этого государства. Как правило, ни одна официальная церемония не обходится без государственного флага. Он водружается на зданиях резиденции главы государства и правительства. В дни официальных праздников государственный флаг вывешивается на общественных зданиях. Государственные флаги являются неизменным атрибутом при двух- или многосторонних переговорах между разными странами. Флаги перед зданием ООН символизируют страны, входящие в эту международную организацию.

Государственный флаг каждой отдельно взятой страны имеет собственную историю. Так, современный российский флаг в его нынешних цветах восходит к военно-морскому флагу, который впервые появился в 60-х годах XVII в. В конце того же века он стал общепринятым. Следует отметить, что цвета триколора неоднократно менялись. Но все же в народном сознании утвердилось сочетание белого, синего и красного цветов. Интересно, что они украшали ледяные горки на Масленицу и балаганы на ярмарках, появлялись при праздновании юбилеев Петра I. Именно бело-сине-красные флаги поднимались при открытии памятника Пушкину в 1880 г. в Москве, а также на Всероссийских художественно-промышленных выставках.

Показательно, что царь Александр III перед своей коронацией 7 мая 1883 г. позволял украшать здания бело-сине-красным флагом. В вопросе о сочетании цветов российского государственного флага последняя точка была поставлена в 1896 г. В том году особое совещание при Министерстве юстиции накануне коронации Николая II определило, что государственным будет «окончательно считаться бело-сине-красный цвет, и никакой другой».

Национальный бело-сине-красный флаг снова стал достоянием российского народа в 1989 г., когда он появился на несанкционированных митингах и демонстрациях в Москве и ряде других городов. В рамках решения Правительства РСФСР от 5 ноября 1990 г. о создании новой российской символики 21 августа 1991 г. Чрезвычайная комиссия Верховного Совета РСФСР постановила «считать исторический флаг России — полотнище из равновеликих горизонтальных белой, лазоревой и алой полос официальным национальным флагом Российской Федерации». 31 октября 1991 г. этот флаг был утвержден Съездом народных депутатов. При всех трудностях, переживаемых нашей страной, трехцветному флагу суждено стать символом объединения всех россиян.

Наряду с флагом та или иная страна, в представлениях как ее граждан, так и иностранцев, отождествляется с ее гербом. Часто в качестве центрального элемента гербов выступают изображения растений и деревьев (например, у Ливана — кедр, у Канады — кленовый лист и т. д.), животные (у Великобритании — лев), птицы (у США, Германии, России — орел и др.). В последних двух случаях напрашивается аналогия с положением дел в мире животных и птиц: подобно тому как среди зверей царствовал лев, а среди птиц — орел, в мире людей на вершине власти стоят король, император, царь.

Двуглавый орел — один из древнейших символов власти, верховенства и мудрости. Орлы в таком качестве встречаются уже в Древнем Египте. В VII в. до н.э. двуглавый орел символизировал объединение Мидийского царства с Ассирией. Изображения орла встречаются на цилиндрических печатях Халдеи, датируемых VI в. до н. э. В Средние века золотой орел на красном поле стал одним из атрибутов Византийской империи. В XV в. черный орел на золотом фоне был гербом Священной Римской (Германской) империи.

Центральное место занимает изображение орла и в государственном гербе России. По данным ряда исследований, в России стремление представлять высшую власть над людьми приняло геральдическую форму в XV в. В тот период изображение византийского золотого орла на красном фоне было заимствовано Русью после женитьбы великого князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог. С тех пор российский герб постоянно подвергался изменениям. В последний раз он был изменен в 1856 г. по специально принятому по этому поводу закону.

В 1993 г. был утвержден новый герб Российской Федерации, в котором воспроизведены основные атрибуты традиционного государственного герба Российской империи. В соответствующих документах

этот герб описывается следующим образом: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой золотого двуглавого орла, помещенного на красном поле. Над орлом три исторические короны Петра Великого (две малые — над головами и над ним — одна большого размера). В лапах орла — скипетр и держава. На груди орла на красном щите изображение всадника, поражающего копьем дракона». Здесь корона — символ не монархии, как это было раньше, а суверенитета. Две головы орла символизируют то, что Россия располагается одновременно в Европе и Азии, они всегда обращены одновременно и на Запад, и на Восток. Шарообразность державы призвана говорить о единстве государства, скипетр символизирует власть. Всадник, поражающий дракона, — древний символ противоборства добра, побеждающего зло.

Национально-государственные символы и идеалы более или менее тесно связаны между собой, они взаимодополняют и поддерживают друг друга. Идеал не существует сам по себе, а выражается с помощью какого-либо документа, произведения искусства, изречения и др. Первым и, пожалуй, фундаментальным символом американской нации и государственности является Декларация независимости, принятая Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г.

Самым завершенным и концентрированным воплощением идеалов свободы и прав человека в США стала статуя Свободы, возвышающаяся в нью-йоркской гавани и как бы приветствующая всех прибывающих в Америку. Для многих поколений американцев, да и не только американцев, она была символом «американской мечты», успеха, страны неограниченных возможностей, принимающей в свои объятия обездоленных и угнетенных со всех концов земного шара. По данным исследований феномена социализации подрастающего поколения, дети всех начальных школ США называют статую Свободы и национальный звездно-полосатый флаг лучшими выразителями духа Америки.

Выразителями национального духа, факторами, способствующими формированию национального самосознания и в то же время являющимися воплощением лица страны, могут выступать те или иные города. Не случайно, когда речь идет о вопросах и проблемах политического характера, под Вашингтоном, как правило, подразумевают Америку вообще или же правительство США, подобно тому как при упоминании Москвы, Лондона, Парижа имеют в виду соответственно Россию, Великобританию, Францию.

Вряд ли есть необходимость пояснять, что та или иная совокупность национально-государственных и политических символов характерна для большинства стран и соответствующих политических культур.

16.5. Религиозный аспект политической культуры

Немаловажную роль в формировании и функционировании политических культур играет религия. Более того, многие идеи, ценности, установки, связанные с религией, составной частью включаются в политическую культуру той или иной нации, страны, народа. Это объясняется тем, что религия, будучи частью национальной и исторической традиции данного народа, пронизывает его культурное наследие и соответственно не может не отражаться и на характере его политической культуры.

Показательно, что нередко формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену обосновываются ссылками на некое божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно к тем ее положениям, где говорится, что Бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один, наделяя его своей благодатью.

Крайние формы этого мифа отводят другим народам и странам лишь роль фона, на котором разворачивается история того или иного богоизбранного народа. История дает много примеров, свидетельствующих о том, что идея величия и богоизбранности была присуща чуть ли не каждому великому народу, особенно в период его восхождения.

Покажем это на примере русского и американского народов. Так, автор «Сказания о князьях Владимирских», поведав о преемственности мировых монархий древнейших царств до римской империи, выводил основы современной ему власти от римского императора Августа. Согласно этому сказанию Русь является законной наследницей всех древних мировых монархий. Естественно, Рюрик, положивший начало династии Рюриков, правивших Русью до восхождения на престол династии Романовых, ведет свой род от самих римских императоров. Постепенно сформировалась идея Москвы как третьего Рима — наследницы Рима и Константинополя, столицы Восточной Римской империи.

Показательно, что наряду с символами самодержавия и народности в формировании и укреплении Русского государства и завоевании им новых земель, стран и народов важную роль сыграла православная церковь. Она давала русским духовную опору, чтобы противостоять мусульманскому Востоку и католическому Западу, которые на тех или иных исторических этапах представляли угрозу их религиозному и государственному существованию. В целом, хотя принципы веры

и не преобладали над политическими, религия часто использовалась для обоснования власти и притязаний сначала русских князей, а затем и московских царей.

Пропагандируя грандиозную концепцию, рассматривавшую Москву как «новый Вечный город, наследницу Рима и Константинополя», церковная иерархия постоянно предупреждала царей об их священном долге превратить Московию в «новую христианскую империю», при этом сколько-нибудь четко не обозначая ее границы. Следует отметить, что эта доктрина сыграла немаловажную роль в экспансии и утверждении многонациональной Российской империи на бескрайних просторах Евразийского континента. Поэтому можно утверждать, что в формировании идей величия России, ее масштабности, патриотизме и преданности отечеству — Руси-матушке, особом пути России немаловажную роль сыграла и православная вера.

Не случайно многие атрибуты и символы православной церкви стали одновременно и символами российской государственности, например храм Василия Блаженного, возвышающийся на главной площади страны рядом с Кремлем, да и храмы в самом Кремле, храм Христа Спасителя, Исаакиевский собор и др. Симптоматично, что церковь возводила в ранг святых выдающихся деятелей, которые в строгом смысле не являлись ее служителями. Речь идет, например, о равноапостольных Кирилле и Мефодии, св. Владимире, Александре Невском и др.

Идея богоизбранности собственного народа не чужда и американцам. С самого начала формирования американского национального сознания важнейшим его компонентом было убеждение об особом пути развития Америки и ее роли в мировой истории. Характерно, что, обосновывая исключительное место Америки в мировой истории, автор Декларации независимости США, третий Президент Америки Т. Джефферсон, в 1785 г. предлагал изобразить на государственном гербе страны взятый из Библии образ сынов Израиля, идущих за лучом солнца. Почти все отцы-основатели Америки были глубоко убеждены в том, что ей уготована особая судьба, особая божественная миссия.

Приверженность американцев этой идее стала основой американской «имперской» идеологии. Уже в середине XIX в. попытки обосновать и практически реализовать идею о превосходстве и избранности Америки, о ее миссии руководить миром были предприняты в так называемой доктрине «предопределения судьбы» или «явного предначертания». В эту доктрину вошли популярные среди многих поколений американцев мифы о превосходстве и богоизбранности Америки.

Суть ее состоит в утверждении, будто судьба американского народа с самого начала predeterminedена самим Богом и Америке суждено стать образцом для всех остальных народов земного шара.

Следует сказать, что в той или иной форме «божественная идея» прошла через историю почти всех существующих на Земле народов, способствуя их консолидации в самые трудные для них времена.

Обращает на себя внимание тот факт, что религиозный и социокультурный традиционализм часто идет рука об руку с социально-философским и идейно-политическим консерватизмом. Религия всегда служила источником традиционных ценностей. В конце концов религия тесно связана с культурной традицией как частью образа жизни в целом. Когда этот образ жизни подвергается опасности, его религиозные и моральные компоненты оказываются опорными пунктами защиты существующей системы привычного образа жизни. Поэтому вполне объяснима наблюдающаяся у отдельных категорий населения склонность сетовать в определенных ситуациях на упадок таких традиционных ценностей, как закон и порядок, дисциплина, сдержанность, консенсус, патриотизм и др.

Конфессиональный фактор часто перевешивал в прошлом, а в некоторых странах продолжает перевешивать и в настоящее время социально-классовые приверженности. Именно влияние религии на общественное сознание обусловило возникновение во многих странах Западной Европы клерикальных партий разной ориентации, роль и значение которых нельзя оценить однозначно. Были и есть консервативные и даже реакционные конфессиональные партии и организации, но были и есть такие, которые выступали с позиций социального реформизма (например, социальное христианство).

Зачастую религиозные ценности и понятия, особенно в условиях эрозии или догматизации осевой идеи или осевого идеала, лежащего в основе той или иной цивилизации, оказывают на значительные категории людей облагораживающее воздействие. Они удерживают их от отчаяния и безысходности, оставляя приверженцами таких немеркнущих общечеловеческих ценностей, как «не убий», «не укради», «возлюби ближнего своего» и т. д. Чувство приверженности чему-то более совершенному и благородному, чем сам отдельно взятый человек, поднимает его в собственных глазах, воспитывает в нем уважение к своему соседу, согражданину, соплеменнику, представителям других народов.

Подводя итог всему изложенному, можно сказать, что политическая культура — это весьма сложный и многослойный феномен. Она характеризуется разнообразием и изменчивостью составных элементов.

Более того, в рамках одной и той же политической культуры могут быть существенные различия в установках, ориентациях, политических симпатиях и антипатиях граждан одного и того же государства. Этим во многом объясняется существование множества конфликтующих друг с другом идеологических и идейно-политических течений.

16.6. Типологизация политической культуры

Простая констатация факта существования того или иного комплекса элементов, которые можно было бы объединить в категорию политической культуры, сама по себе не решает вопрос о том, как эти элементы реализуются в конкретном политическом процессе, поведении различных групп и слоев населения. Дело в том, что одни и те же политические установки, ценностно-нормативные ориентации и идейно-политические принципы у разных людей и социальных групп в конкретном политическом поведении проявляются по-разному.

Поэтому в каждой политической культуре можно выделить совокупность тех или иных черт и характеристик, которые придают ей определенный колорит, некоторую специфику. Это в свою очередь позволяет выделить в рамках единой политической культуры отдельные субкультуры, в которых в той или иной концентрации могут преобладать конфессиональные, этнические, региональные или иные начала.

Сказанное особенно важно учитывать при оценке и характеристике политической культуры разных стран и народов. Необходимо исходить из факта существования многих региональных и национальных вариаций политической культуры. Скажем, нельзя говорить о единой модели политической культуры для Европы и Ближнего Востока, западного полушария и Дальневосточного региона.

Каждой политической системе соответствует особая, собственная базовая модель (или модели) политической культуры. Как правило, важнейшие элементы каждой базовой модели характеризуются универсальностью и определяются общемировоззренческими установками и ориентациями людей независимо от их национально-государственной принадлежности. В этом качестве, в обобщенной и абстрагированной форме они составляют системообразующие компоненты политической культуры и разделяются большинством населения соответствующих стран.

Вместе с тем универсалистские компоненты в каждой отдельной стране проявляются в специфически национальных формах. Это естественно, поскольку в формировании национального самосознания,

самой национальной идентичности участвуют как универсалистские, так и сугубо национально-культурные элементы. Так, общественно-исторические, национально-культурные, географические, религиозные и иные особенности формирования и эволюции каждой нации и национального самосознания наложили глубокий отпечаток на содержание и форму ее политической культуры.

Все это предполагает необходимость выделения соответствующих моделей политической культуры. Уже первые авторы, обратившиеся к данной проблематике, предложили собственные типологизации политических культур. Так, Г. Алмонд выделил гомогенный, фрагментированный, смешанный и тоталитарный типы. По его мнению, в англосаксонских странах (США, Великобритании, ряде стран Британского содружества) господствует *секулярная гомогенная политическая культура*. Для нее характерны сосуществование множества конкурирующих, но дополняющих друг друга ценностей, установок, ориентаций, индивидуализм, экспериментаторство и др.

В то же время она гомогенна в том смысле, что подавляющее большинство субъектов политического процесса разделяют основополагающие принципы устройства существующей политической системы, общепринятые нормы и правила игры, ценности. Релевные структуры, такие, как политические партии, заинтересованные группы, средства массовой информации, пользуются значительной долей самостоятельности. Отдельные индивиды принадлежат одновременно ко множеству взаимно пересекающихся групп. В итоге признается законность всех интересов и позиций, между ними превалирует взаимная терпимость, что создает условия для прочного консенсуса и прагматического политического курса.

Политическая культура континентально-европейских стран также секулярна, но в то же время, как подчеркивал Алмонд, она фрагментирована. Во *фрагментированной политической культуре* среди различных группировок нет необходимого согласия относительно основополагающих правил политической игры. Общество разделено, или фрагментировано, на множество субкультур со своими ценностями, поведенческими нормами и стереотипами, часто несовместимыми друг с другом.

В качестве наиболее характерного примера Алмонд приводит Францию в период Третьей и Четвертой республик и Италию, политическая культура которых была фрагментирована на противоборствующие субкультуры, укорененные в разных институтах. Например, католики голосовали за партии католической ориентации, входили в католические профсоюзы, читали католические газеты и даже

выбирали близких друзей среди католиков. Подобным же образом организовывали и ограничивали свои связи коммунисты. В результате для стран с этим типом политической культуры характерна политическая нестабильность.

Следующий тип Алмонд назвал *доиндустриальной смешанной политической культурой*, характеризующейся сосуществованием традиционных и вестернизированных институтов, ценностей, норм и ориентаций. Речь идет о таких атрибутах западной политической системы, как парламент, избирательная система, бюрократия и др., которые в той или иной модифицированной форме наложены на традиционалистские реалии соответствующих стран. Как результат такого наложения возникает особый тип, который, используя терминологию М. Вебера, Алмонд назвал *харизматической политической культурой*.

Последняя часто формируется в условиях эрозии традиционных норм, нарушения считавшихся священными обычаев и связей, роста чувства неустойчивости и неопределенности. В результате в поисках защиты и устойчивости люди обращают свой взор к харизматическому лидеру. Такое смещение создает сложнейшие проблемы с точки зрения коммуникации и координации в обществе. Здесь различные группы часто имеют совершенно разное видение стоящих перед обществом политических проблем. В итоге нестабильность и непредсказуемость являются не отклонением от нормы, а неизбежным результатом такой политической культуры. Она господствует в модернизирующихся развивающихся странах.

От всех названных типов, по Алмонду, радикально отличается *тоталитарная политическая культура*. Внешне она по своей гомогенности напоминает первый тип. Но здесь эта гомогенность искусственная, синтетическая. Поэтому отсутствуют добровольные организации и ассоциации, а система политической коммуникации контролируется из центра. Невозможно сколько-нибудь приблизительно определить степень приверженности населения господствующей системе.

Развивая типологию Алмонда, У. Розенбаум выделяет фрагментированные и интегрированные типы политической культуры, между которыми находятся различные модели и промежуточные типы. *Фрагментированный тип* характеризуется отсутствием консенсуса относительно принципов политического устройства общества. Этот тип господствует в большинстве африканских и латиноамериканских стран, отчасти в Северной Ирландии и Канаде. В его основе лежит заметная социальная, социокультурная, конфессиональная, национально-этническая и иная фрагментация общества. Это создает благоприятные условия для идеологической непримиримости и беском-

промиссности между конфликтующими группами, препятствует выработке неких общепринятых правил политической игры.

Интегрированный тип отличается наличием сравнительно высокой степени консенсуса по основополагающим вопросам политического устройства, преобладанием гражданских процедур в улаживании споров и конфликтов, низким уровнем политического насилия, высокой степенью различных форм плюрализма (который нужно отличать от фрагментированности).

Очевидно, что рассмотренные типологизации обладают целым рядом достоинств, поскольку в них предприняты попытки вычленить модели политической культуры, исходя из факта существования у различных народов и стран специфических национальных социокультурных, конфессиональных, традиционно-исторических и иных особенностей. Но вместе с тем имеется целый ряд соображений в пользу определенной корректировки этих типологизаций. Например, существует целый ряд стран с фрагментированными, по типологии Алмонда, политическими культурами, но характеризующимися довольно высокой степенью политической стабильности. К примеру, так называемые консоциативные демократии в Австрии, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии являются по своему характеру фрагментированными в том смысле, что они состоят, казалось бы, из нескольких конфликтующих друг с другом субкультур.

Так, в Нидерландах католики, кальвинисты и неверующие настолько конфликтовали друг с другом, что некоторые исследователи считали возможным говорить о существовании здесь трех самостоятельных субкультур или даже народов. А Швейцария — это единое сообщество, составленное из трех национальных субкультур.

Невозможно не согласиться с утверждением, что в этих странах в течение всех послевоенных десятилетий степень политической стабильности, определенности и предсказуемости отнюдь была не ниже, если не выше, чем в странах с гомогенной или интегрированной политической культурой.

В то же время преимущественно англосаксонская Канада, которая, по схеме Алмонда, должна принадлежать к гомогенному типу, время от времени сотрясается конфликтами на национально-культурной почве, — конфликтами, которые в последние два-три десятилетия не раз грозили самой государственной целостности этой страны. Что касается США, которые действительно отличаются высокой степенью политической стабильности, то серьезные исследователи выделяют там целый ряд субкультур расово-этнического, национально-культурного, конфессионального и регионального характера.

Можно было бы привести немало других фактов, которые в определенной степени снижают убедительность рассмотренных типологизаций. Но и высказанные аргументы достаточно наглядно показывают необходимость нахождения более приемлемых критериев типологизаций политических культур современного мира. При этом главным условием является учет основных типов или моделей политических систем, в рамках которых формируются и функционируют соответствующие типы политических культур.

С учетом вышеприведенной типологизации политических систем можно выделить следующие крупные типы или модели политической культуры: органическая, либерально-демократическая и смешанная.

В рамках *органического типа* можно вычленить различные варианты авторитарной, тоталитарной, традиционной модели политической культуры и субкультуры. При всех расхождениях общим для них является господство коллективистских, групповых, общинных ценностей, приоритета публичного над частным, прав и свобод группы, коллектива над индивидуальными правами и соответственно подчинение личности коллективу. Для носителей данного типа политической культуры характерны повышенные ожидания от государства, преувеличение его роли в жизни общества, часто доходящее до его мифологизации и даже обожествления.

Государство рассматривается как единый организм, в котором различные институты, организации, группы, отдельно взятые люди играют лишь подчиненную роль. В сфере взаимоотношений индивида и государства, правителей и управляемых здесь преобладают, как правило, отношения «патрон—клиент», государство и его руководители оцениваются массой населения по их способности проявлять и реализовывать «отцовскую» заботу о своих подданных. Имеет место та или иная степень персонализации политики и самого государства, когда последнее отождествляется с личностями конкретных государственных деятелей, вождей, фюреров, «отцов нации» и др.

Важное место (с существенными оговорками применительно к тоталитарной политической культуре) занимают традиция, обычай, норма. В наиболее наглядной и однозначной форме некоторые важнейшие элементы данного типа проявились при тоталитарной системе с ее жестким подчинением всех сфер жизни всемогущему государству.

В большей степени рассматриваемый тип распространен в развивающейся части современного мира — Азии, Африке и Латинской Америке. Однако авторитарные и тоталитарные его варианты в разные периоды утверждались во многих европейских странах: СССР, Германии, Италии, Испании, Португалии, Греции и др.

Либерально-демократический тип характеризуется плюрализмом в социальной, экономической, духовной, политической и других сферах жизни. Важнейшим его компонентом стала идея индивидуальной свободы, самоценности отдельной личности, прирожденных, неотчуждаемых прав каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность.

Центральное место здесь занимает убеждение в том, что частная собственность — основа индивидуальной свободы, а она в свою очередь рассматривается в качестве необходимого условия самореализации отдельного индивида. Особенно важны в данном случае идея идеологического и политического плюрализма и связанные с ним принципы представительства и выборности должностных лиц в государстве.

В глазах приверженцев либерально-демократической модели политической культуры право, правовая система является гарантом индивидуальной свободы выбора по собственному усмотрению морально-этических ценностей, сферы и рода деятельности. Они считают, что закон призван гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности, жилища, частной жизни, духовную свободу. В обществе должен господствовать закон, а не люди, и функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона.

Эти и другие существенные характеристики либерально-демократического типа политической культуры, который характерен прежде всего для индустриально развитых стран Запада, в разных национально-культурных условиях проявляются по-разному. Именно в этом контексте следует выделить гомогенный, фрагментированный, интегрированный, консенсусный, конфликтный и другие варианты политической культуры в рамках единого либерально-демократического типа.

Между этими двумя типами располагается целый спектр всевозможных национальных, региональных или иных вариантов и разновидностей политической культуры. Что касается предлагаемых Алмондом и его коллегами критериев, таких, как харизма, фрагментарность, коллективизм, традиционность, индивидуализм, гомогенность, конфликт, консенсус и др., то они в тех или иных сочетаниях могут быть обнаружены почти во всех типах политической культуры. Их сочетание, интенсивность и значимость варьируются от модели к модели и от одной национальной разновидности к другой. С этой точки зрения в современном мире, особенно с окончанием холодной войны и крахом тоталитарных систем, во многих случаях мы имеем дело со смешанными типами политической культуры.

Например, если о сколько-нибудь чистом тоталитарном типе можно было говорить применительно к фашистской Италии и нацистской Германии 30-х годов, а также СССР примерно до 60-х годов, то в настоящее время речь может идти лишь о его остаточных элементах и явлениях. Существенные авторитарные и традиционалистские пласты можно обнаружить в России, Китае, Японии, Испании и др.

Поэтому предлагаемые читателю модели политической культуры нужно понимать в смысле веберовских идеальных типов. В определенном смысле это теоретические конструкции, в которых присутствует значительный элемент абстракции, допущения и редукции. Реальное положение значительно сложнее. Отсюда то разнообразие, сложность и многослойность, которые в рамках одной и той же модели обнаруживаются в конкретных национально-страновых реальностях.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая культура?
2. Назовите основные факторы формирования политической культуры.
3. Кто внес наибольший вклад в разработку концепции политической культуры?
4. Какое место она занимает в общенациональной культуре?
5. Как политическая культура соотносится с политической системой?
6. Каким образом политическая культура отражается в политическом поведении граждан?
7. Назовите важнейшие составные элементы политической культуры.
8. Какое место в политической культуре занимают религиозное, символическое, мифологическое и иные начала?
9. Какие существуют типы политической культуры?
10. Дайте характеристику каждого типа политической культуры.

Глава 17

Политическая философия: сущность и основные параметры

Мир политического имеет много измерений: социально-экономическое, социокультурное, конфессиональное, историческое, структурное, функциональное, концептуальное и др. В качестве объединяющего их начала выступает мировоззренческое измерение мира политического. Центральным элементом здесь — политическая философия. По мнению Гегеля, абсолютная идея как «единственный предмет и содержание философии» имеет разные формообразования. Причем их философское постижение составляет «задачу отдельных философских наук». Таковыми являются философия истории, философия религии, философия права. Такой же «отдельной философской наукой» является и политическая философия.

Хотя данной проблеме посвящено множество работ, ряд ее важнейших аспектов в должной мере не исследован и требует дальнейшей разработки. Дискуссионными остаются такие важные вопросы, как: когда и в силу каких факторов возникла политическая философия? кого можно считать ее основателями и разработчиками? какие этапы она прошла в своем развитии? и др. Остается еще много неясного относительно сущностных характеристик и основных составных элементов политической философии, хронологии ее возникновения, соотношения с другими социальными и гуманитарными науками, с теорией и идеологией, ее места в мире политического. По сути дела еще нет более или менее ясного ответа на основополагающий вопрос: «Что есть политическая философия?»

17.1. Политическая теория

Прежде всего необходимо провести линию разграничения между политической философией и политической теорией или, проще говоря, между теми или иными политическими идеями. Политические феномены, их функционирование невозможно понять в отрыве от политической мысли, поскольку мысль и действие пронизывают друг друга. Политическая мысль может принимать различные формы, но свое реальное воплощение она получает в политической идее и теории.

Как известно, понятие «идея» занимало ключевое место в ряде философских систем Античности. В частности, Платон рассматривал

эфемерный и изменчивый мир явлений как своего рода эманацию невидимого и неизменного мира идей. Постепенно понятие «идея» потеряло свой первоначальный платоновский смысл, приняв общее значение представления, мысли, постулата.

В наше время под политической идеей подразумевается любое политически значимое мнение, утверждение, убеждение, тезис. Политическая философия, хотя и включает в себя идеи, не сводится к ним. Главная ее задача состоит в выявлении онтологических оснований политики, ее сущности и предназначения. *Политическая идея* — это не более как развитие или защита каких-либо утвердившихся убеждений или мобилизующих мифов.

С определенными оговорками можно сказать, что комплекс нескольких идей составляет *политическую теорию*. По мнению специалистов, само слово «теория» впервые было введено в древнегреческой философии орфиками и означало «страстное и сочувственное созерцание». Первоначально оно понималось как сконцентрированный мысленный взгляд на вещи. В этом значении понятие «теория» покрывало бытие (онтологию), равно как и объяснение причинно-следственных связей в их религиозном или философском выражении, отображающих эмпирическую или логическую мысленную конструкцию.

В современном смысле под теорией понимается комплекс представлений, идей и воззрений, имеющих своей целью истолкование и объяснение тех или иных политических явлений и процессов. Это понятие используют и в более строгом смысле, подразумевая под ним развитую форму организации научного знания, призванную дать целостное представление о мире политического.

Итак, теория представляет собой целостную систему знания, различные компоненты которого находятся в логической зависимости друг от друга и выводятся из определенной совокупности понятий, пропозиций, утверждений. Теория, как особая форма освоения и истолкования мира, всегда связана с определенными философско-мировоззренческими установками. Это нередко служит фактором, затрудняющим проведение сколько-нибудь четкой линии разграничения между политической философией и политической теорией.

Как писал Дж. Тернер, теоретизирование можно отнести к числу средств, с помощью которых мыслительная деятельность, известная как «наука», может реализовывать три свои основные цели: 1) классифицировать и организовывать происходящие в мире события таким образом, чтобы их можно было представить в перспективе; 2) объяснять причины происшедших событий и предсказывать, когда, где и как будут происходить события будущие; 3) предлагать интуитивно

привлекательное здоровое «понимание» того, почему и как должны происходить события.

Поэтому очевидно, что описания или систематизация эмпирических фактов, взятые сами по себе, не составляют теорию. Теория в обязательном порядке предполагает не только описание, но и объяснение. Объяснение в свою очередь включает раскрытие закономерностей и причинно-следственных связей в тех процессах и феноменах, которые данной теорией покрываются. Политическая теория концентрирует внимание на конкретных проявлениях мира политического, таких, например, как структура и функции, институты и субъекты, их поведение, роли и взаимоотношения, формы и типы политических систем.

Как считал Т. Парсонс, теории представляют собой аналитические конструкции, используемые для исследования «внешнего мира так называемой эмпирической реальности». При этом *«по крайней мере некоторые из общих концепций науки не являются фикциями, а адекватно “схватывают” аспекты объективного внешнего мира»*. Парсонс, как и большинство ученых, начиная с М. Вебера, принимает идею о том, что концептуальные схемы составляют необходимые аспекты восприятия, будь то в науке или в повседневной жизни.

В качестве четко сформулированных научных конструкций они обеспечивают объективную и систематическую ориентацию на данные, которые помогают в открытии и исследовании фактов. Парсонс подчеркивал, что теории должны быть в конечном счете системами пропозиций о фактах. Сам он ставил своей задачей формулирование «всеобщей теории социальных наук», призванной выполнять три главные функции: кодификацию существующего конкретного знания; проведение исследований; обеспечение рамок интерпретации исследуемых реальностей. Отсюда теории структурно-функционального анализа, типологизации политических и партийных систем, теории демократии, тоталитаризма, авторитаризма и т. д.

Что касается политической философии, то она рассматривает исследуемые материи в их целостности, стремится постичь лежащий в их основе универсальный принцип, понять саму идею политического вообще, идею государства и власти вообще, абстрагируясь от их конкретных воплощений.

17.2. Политическая идеология

Мир политического невозможно представить себе без идеологии. С самого возникновения власть и связанные с ней формы правления, а также проводимый ими политический курс нуждались в обосновании,

оправдании, легитимизации. Идеология, не важно как она называлась в разные исторические эпохи, и была призвана выполнять эту задачу. Поэтому естественно, что немаловажное место и в политической науке, и политической философии занимает вопрос о соотношении политики и идеологии. О его значимости свидетельствует хотя бы тот факт, что XX столетие называют веком идеологии, поскольку он прошел под знаком не просто бескомпромиссной борьбы, а войны различных идеологических систем.

Возникновение и институционализация идеологии в собственном смысле слова теснейшим образом связаны с процессами усложнения и плюрализации социального состава общества, разложения универсального средневекового мышления, появления политико-философской мысли и ее диверсификации на различные направления и течения. Немаловажную роль сыграло отделение мировоззрения от государства, частным случаем которого первоначально стало отделение церкви от государства.

Идеология теснейшим образом связана также с формированием и институционализацией идей нации и национального государства. Более того, в течение последних двух-трех столетий идеология и национализм дополняли и стимулировали друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно в качестве выразителей интересов поднимавшегося третьего сословия, или буржуазии. Другое дело, что в XX в. оба феномена приобрели универсальный характер и стали использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся в XX столетии понятия «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шовинизм», «нацизм» и т. д. использовались в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ соответствующих социально-политических сил.

В отличие от политической философии идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и руководствуется соображениями привлечения поддержки со стороны населения тех или иных политических программ. Поэтому, естественно, она носит более ярко выраженный тенденциозный характер. Все идеологии, независимо от их содержания, касаются проблем авторитета, власти, властных отношений. Они основываются на признании определенной модели общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой модели.

Именно в идеологии в наиболее обнаженной форме находит свое практическое воплощение, оправдание и обоснование конфликтное

начало мира политического. Для консолидации идеологии внешний враг имеет, пожалуй, не менее, если не более, важное значение, чем единство интересов ее носителей. Здесь внешний враг служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают. Особенно отчетливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть этих идеологий выражается с помощью образа или образов врагов. Каждая идеологическая конструкция содержит в себе развернутое представление об антипode, или противнике. От образа противника во многом зависит степень интегрированности группы.

С определенными оговорками можно сказать, что в идеологии присутствуют два взаимосвязанных друг с другом компонента, один из которых в доведенной до логического конца и крайней форме предполагает разрушение существующей системы, а второй — позитивную модель предполагаемого общественного или государственного устройства. Речь идет прежде всего о радикальных идеологиях левого и правого толка, наиболее типичными примерами которых могут служить большевизм и национал-социализм.

Большинство идеологических течений колеблется между этими полюсами, предлагая свои проекты или программы в качестве альтернатив политическому курсу других политических сил в рамках существующей системы. Естественно, всегда в выигрышном положении находятся те, кто противопоставляет будущее гипотетическое совершенное общество существующей системе со всеми ее недостатками и проблемами.

Для правильного понимания сущности идеологии необходимо иметь в виду еще один момент. Часто идеология привилегированных или господствующих групп, слоев, классов основывается на их глубоком убеждении в законности и абсолютной легитимности своего привилегированного или господствующего положения. Поэтому они просто не в состоянии объективно смотреть на реальное положение вещей, в том числе и на глубокие изменения, возможно, происшедшие в собственной стране и окружающем мире. Соответственно они готовы отстаивать свои позиции любыми, даже насильственными средствами.

В свою очередь те группы, сословия, классы, которые недовольны существующим положением и выступают за его изменение, склонны впадать в другую крайность. Разумеется, степень такого недовольства может быть различной у разных категорий граждан и диапазон их программ может варьироваться от требований перестройки тех или

иных аспектов социально-экономической и политической жизни до радикального слома существующей системы.

Сторонники радикальной, или революционной, идеологии могут быть настолько одержимы сознанием своей правоты и законности предъявляемых ими требований, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к собственному видению мира и тем самым также теряют способность трезво оценивать реальное положение. В результате, особенно в тех случаях, когда власть имущие не хотят и не могут идти на какие бы то ни было серьезные уступки, революция, радикальный переворот нередко могут рассматриваться в качестве универсального ключа к решению всех проблем.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идеологических течений и направлений. Однако констатация этого факта сама по себе еще мало что объясняет. Дело в том, что при всей его верности знаменитая формула «политика есть искусство возможного» сохраняет правомерность и в современных условиях. С одной стороны, «искусство возможного» ставит определенные пределы идеологизации политики. С другой стороны, идеология в свою очередь определяет возможные пределы, за которые та или иная политическая партия или правительство при проведении своего политического курса может выйти без ущерба основополагающим принципам своего политического кредо.

Поэтому высказываемые у нас часто доводы и рассуждения относительно необходимости отказа от идеологии в пользу деидеологизации как неперемennого условия строительства демократического государства лишены каких бы то ни было серьезных оснований. В современном мире политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов немислима без идеологии. Речь в данном случае должна идти, как представляется, не о деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-политических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществования, терпимости друг к другу и открытости в отношении друг друга. А это в свою очередь предполагает, что, хотя научный подход и отвергает идеологию в качестве инструмента или исходной посылки исследования, необходимость изучения самой идеологии как неотъемлемого элемента мира политического не отпадает.

Еще Ф. Ницше предупреждал, что XX в. станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Предупреждение Ницше оказалось пророчес-

ким, с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими, в том числе политико-философскими. Это проявилось, в частности, в выдвижении множества проектов, идей, программ, учений, предлагавшихся в качестве руководства к поискам переустройства существующей и создания новой, более совершенной общественно-политической системы. При этом сама политико-философская мысль оказалась политизированной и идеологизированной, подчиненной императивам системного конфликта на протяжении почти всего XX в.

Разделительная линия в этом конфликте была проложена еще в начале века в процессе формирования и более или менее четкого разграничения двух магистральных направлений политико-философской мысли: реформистского — в лице либерализма, консерватизма и социал-демократизма и революционного — в лице ленинизма и фашизма, каждое из которых имело свои национальные, региональные и системные разновидности.

Ряд ведущих стран, таких, как США, Великобритания, Франция, Швеция, Дания, Голландия и др., избрали путь постепенных социально-экономических и политических преобразований капитализма. Причем при всех существовавших между ними разногласиях приверженцами реформистского пути преобразования общества выступили все главные социально-политические силы, признававшие основополагающие принципы рыночной экономики и политической демократии.

Всех их объединяло в создавшихся в тот период условиях осознание необходимости расширения роли государства во всех сферах жизни общества, особенно в социальной и экономической, для предотвращения и преодоления негативных последствий рыночной экономики. В целом речь идет о тех силах, которые в основу своих социально политических программ положили установки и принципы идейно-политических течений либерализма, консерватизма и социал-демократизма.

Революционно-тоталитарный путь избрали Россия, Италия, Германия и целый ряд других стран Европы и Азии, для которых были характерны слабость, неразвитость или полное отсутствие институтов, ценностей, норм гражданского общества, правового государства, конституционализма, парламентаризма и других атрибутов либеральной демократии. Разница заключалась в том, что осуществленная в России социалистическая революция, во всяком случае в теории, носила «прогрессивный» характер, так как руководствовалась идеалами

всеобщего равенства, социальной справедливости, интернационального единства всех народов и др. Что касается фашистских переворотов, совершенных в Италии, Германии, Испании и некоторых других странах, то они носили «консервативный» характер, ибо в их основе лежали праворадикальные идеи национализма, расизма, имперской великодержавности, апология насилия.

17.3. Что есть политическая философия?

Для политической философии мир политического служит в качестве источника философской рефлексии о принципах порядка, свободы, равенства, справедливости и т. д. Она избегает вопросов вроде таких, как где? когда? как? кто? и др., или категорий «здесь» и «теперь». Ее интересует прежде всего сократовский вопрос: что есть...? В центре ее внимания — не конкретная политическая ситуация, не конкретные формы и проявления политической деятельности, а природа мира политического, политической жизни вообще, например не конкретное государство, не конкретная властная структура, а природа государства и власти вообще, не конкретная война, а природа войны вообще, ее место и роль в жизни человеческих сообществ и др.

Для раскрытия сущности и содержания понятия политической философии, по-видимому, в качестве отправной точки следует взять основные сущностные характеристики самой философии. Говоря словами Гегеля, философия есть постижение наличного и действительного. Политический философ не просто описывает факты, олицетворяемые теми или иными событиями политической жизни, а выявляет сущности, в которых достигается единство внутренней и внешней сторон феноменов, проявлениями которых и являются эти факты.

Иначе говоря, политическую философию интересует не столько эмпирическая, фактографическая сторона мира политического, сколько значимость и смысл последнего в целом. Если философия, как таковая, призвана постичь природу вещей вообще, то политическая философия имеет своей целью понимание природы политических вещей, постижение сущности политического, определении, так сказать, в последней инстанции природы политических вещей в самом широком и глубинном понимании этих слов. В этом контексте был прав Л. Страусс, который считал, что политическая философия занимается поисками трансисторических истин о политике. Она определяет границы политического, политической жизни и деятельности как таковых, различные формы их государственного воплощения.

В центре внимания политической философии стоят вопросы о сущности государства и власти, их предназначении и целях, отношении к природе человека и др. Она призвана анализировать, например, государство и власть прежде всего как социальные феномены, как институты политической организации общества, имеющей главной своей целью реализацию всеобщего интереса.

Однако любой политический феномен, например власть саму по себе, невозможно сколько-нибудь четко фиксировать в понятиях, взятых изолированно от других феноменов. Чтобы выявить ее сущность, необходимо определить содержание понятия «государство», а его нельзя выяснить, не выявив то, какое именно содержание мы вкладываем в понятие «политическое». Власть, взятая в ее конкретной явленности, в чисто практическом воплощении или в сциентистском, фактографическом аспекте, лишается многих своих важных сторон, редуцируется и упрощается.

Поэтому при анализе власти применяется множество подходов, каждый из которых имеет свое понимание момента истины, но при этом остается как бы за скобками вопрос о природе власти как человеческого, социального феномена вообще. Политическая наука призвана раскрывать с помощью разных методологических подходов и методов исследования место, роль и функции власти и властных отношений в мире политического, их взаимосвязи с другими сферами человеческой деятельности и т. д.

Мир политического имеет наличное, объективное бытие и бытие абстрактно-идеальное. Последнее, как сказал бы Э. Гуссерль, есть «латентный разум» мира политического. Оно существует в форме идеи — понятия в себе и для себя. В этом качестве политическое бытие, возможно, составляет в явной или неявной форме интегральную часть любого человеческого общества.

Задача политической философии состоит в постижении идей, теорий, принципов, постулатов, мыслей, лежащих в основе мира политического. Они раскрываются в понятиях. Поэтому важная функция политической философии состоит в разработке понятийно-категориального аппарата и языка политической науки.

Понятия, обозначая те или иные явления, призваны выделять те особенности мира, которые в настоящий момент считаются важными. Например, атомы, протоны, нейтроны в физике. Понятия должны обладать единообразным содержанием и указывать исследователям на одни и те же явления. Понятийный хаос в философии недопустим, поскольку в таком случае понятия не могут служить делу накопления, интерпретации и передачи философско-теоретического

знания. При этом следует подчеркнуть, что в политической философии, равно как и в других социальных и гуманитарных науках, существенную роль играет абстракция.

Особенно отчетливо она проявляется в понятиях, которые, отражая явления, не связанные с определенным контекстом, конкретными местом и временем, характеризуются различной степенью абстрактности. В философии именно абстрактные понятия играют решающую роль, поскольку, переступая границы конкретных событий и ситуаций, они указывают на общие свойства сходных событий и ситуаций. Но теория не может обойтись без понятий, относящихся к переменным свойствам явлений, отражаемых абстрактными понятиями.

В то же время очевидно, что осмыслить, объяснить и предсказать события можно, только определив отношения между различными понятиями. Идеи, теории, постулаты, принципы, составляющие ткань политической философии, возможны лишь как результат группирования понятий в суждения или утверждения. Сами теоретические суждения могут в той или иной степени отличаться друг от друга по форме. Существует множество аргументов как за, так и против различных форм. Это вполне естественно, если учесть, что для поисков правильных ответов на поставленные вопросы необходимы соответствующие параметры и критерии их оценок. Поэтому в задачу политической философии входит осмысление содержания конкретных политических понятий.

С данной точки зрения немаловажное значение приобретает правильная трактовка основополагающих понятий политической философии, соответствующая национально-культурным и общественно-историческим реальностям. Возьмем, например, понятие «демократия», которое в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие» или «власть народа». В соответствии с таким пониманием важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти.

Однако мы знаем, что имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и в современную эпоху. Более того, в само понятие «народ» в различные эпохи вкладывался разный смысл. Так, в эпоху Античности под это понятие подпадали только свободные граждане, которые не всегда составляли большинство населения того или иного полиса. В Римской империи народом считались только исконно римские граждане. Громадное число людей, проживавших на обширных пространствах империи, не будучи рабами и даже зависимыми, не могли претендовать на этот статус в силу того, что они не принадлежали к *Populus romanae* (римскому народу).

Если проанализировать базовые признаки античной и современных форм демократии, то между ними обнаруживаются качественные различия. По-разному трактуется понятие демократии и в современном мире. Так, на самом Западе базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Естественно, что восточные народы с органическими национально-культурными традициями также имеют собственное, во многом отличное от западных народов понимание демократии.

Все сказанное выше верно применительно к большинству понятий политической философии, таким, как «либерализм», «консерватизм», «радикализм» и др., содержание которых в соответствии с изменившимися социальными и политическими реальностями в процессе исторического развития подвергалось существенным трансформациям.

Политическая философия не может не касаться вопроса о критериях и качествах, дающих отдельному человеку, группе, классу право управлять другими людьми, партией, государством. Поднимая этот вопрос, политический философ не может не коснуться основополагающих морально-этических норм и правил человеческого общежития, составляющих сердцевину системы легитимизации большинства существующих форм правления.

Политическая философия, включающая комплекс теорий, концепций, идей, имеет одной из своих целей легитимизацию или делегитимизацию определенного политического порядка. Она призвана выявить истинность или ложность общепризнанных политических норм и ценностей, поэтому всегда ставит под сомнение господствующие концепции политического порядка. При этом политическая философия призвана определить некую магистральную линию политического развития. С этой точки зрения, пожалуй, прав был Э. Берк, который утверждал, что дело теоретика-философа — указать истинные цели государства; дело же политика-практика — найти соответствующие средства для достижения этих целей и успешно пользоваться ими.

Политическая философия имеет дело не только с сущим, но и с должным, она оперирует также гипотетико-дедуктивными категориями по формуле «что было бы, если бы». Она отдает предпочтение той или иной политической системе, например демократии, перед тоталитаризмом или, наоборот, может предлагать свои модели политического развития в качестве наиболее совершенной альтернативы. Все изложенное говорит о том, что мир политического и политическая

философия как неотъемлемая его часть пронизаны морально-этическим началом. Из этого следует, что политическая философия не может не затрагивать аксиологический аспект мира политического. Более того, можно говорить о политической аксиологии как самостоятельном подразделе политической философии.

Смысл жизни коренится не только в рациональных, научных, поддающихся исчислению и строго научному анализу феноменах, но и в иррациональном, традиционном, волевом, эмоциональном, характерологическом, которые не всегда и не обязательно поддаются такому анализу. Человек немислим без мифа, сами табу и табуизация, сыгравшие столь большую роль в восхождении человека из стадного состояния, теснейшим образом связаны с мифическим началом.

Можно сказать, что в определенном смысле даже сама история человечества пронизана мифологическим началом, поскольку жизнь не только простых, но и великих людей, а также деятелей, творивших эту историю, в большинстве случаев окутана как бы непроницаемой оболочкой мифического. Имеются в виду не только божественные и полубожественные, легендарные и полULEГЕНДАРНЫЕ герои и персонажи вроде Зороастра, Конфуция, Будды, Иисуса Христа, Мохаммеда, но и реальные личности — древнеегипетские фараоны, Дарий, Александр Македонский, римские императоры, халифы, средневековые короли и др., которые якобы получали свою власть прямо от Бога.

В истории часто случалось так, что роль, которую какой-либо политический или государственный деятель играл на той или иной авансцене, постепенно приобретала самостоятельное и доминирующее значение, полностью отодвигая на задний план или вовсе элиминируя ее первоначального носителя. Совершенно бездарный обладатель королевского или иного титула, восшедший на трон, унаследовав его от своих великих предков, в глазах народа становился помазанником Божиим просто в силу того, что он играл предоставленную ему роль. Бывало и так, что роль вообще могла обойтись без своего исполнителя.

Таким образом, миф — интегральная, неотделимая часть человеческой истории, и человек не имеет будущего без мифа, без мифологии, без веры. Мобилизующие мифы, символы, иллюзии являлись одним из могущественных факторов истории. Именно им во многом обязаны своим появлением колоссальные пирамиды и сфинксы в Египте и гигантские христианские соборы в Европе. С ними связаны создание и уничтожение громадных и могущественных империй. Все они воплощаются в политической мифологии, понимаемой в самом широком смысле слова.

При этом необходимо учесть следующий момент. Зачастую миф отождествляют с чем-то примитивным, первобытным, чуждым мышлению современного цивилизованного человека и поэтому подлежащим преодолению. Исходя из этого многие авторы всерьез пытались обосновать мысль, что миф либо сам собой, либо усилиями рационалистической науки исчезнет как сколько-нибудь значимый фактор общественной и политической жизни. Разве миф, спрашивал, например, Э. Кассирер, не обречен на исчезновение «перед лицом подлинной, научной истины, перед лицом понятия природы и предметности, созданным в рамках чистого познания? Миф с его миром мечты и волшебства представляется раз и навсегда канувшим в небытие с первыми лучами научного видения мира».

Однако мифическое продолжает жить и даже процветать в современном мире, несмотря на беспрецедентные успехи научного знания. Иначе и быть не может, поскольку, как справедливо подчеркивал Гёте, миф, как и поэзия, отражает то, «на чем держится глубинное единство мира», и поэтому он способен постигать высшую истину. Живучесть мифа объясняется прежде всего тем, что он питается из вневременных глубин истории и традиций.

История полна свидетельств того, что любые попытки развенчания одних мифов неизбежно сопровождалась возрождением старых или же появлением новых, не менее привлекательных и действенных. Каждая эпоха, отвергая или в модифицированном виде сохраняя старые, непременно создавала и собственные мифы, в том числе и политические. С соответствующими оговорками можно согласиться с Р. Петтацони, который утверждал, что от повторения мифа зависит «сохранение и умножение жизни» и даже «всего мира ... который не может существовать без мифа», ибо истина мифа есть «истина жизни».

Большей частью *миф* — это инструмент иллюзорного преодоления, снятия противоречий, образ, дающий философскую значимость фактам повседневной жизни. В этом качестве миф представляет собой одну из реальностей истории. Миф и связанные с ним символ, иррациональный образ способны оказывать решительное влияние на политическое поведение и действия людей, играть роль цементирующего элемента, вокруг которого могут сплотиться огромные массы людей.

Важной составной частью политической философии является методология, представляющая собой определенный способ видения и организации исследования. Концептуальный и идейный арсенал методологии, в совокупности составляющий общий подход к решению

стоящих перед политической наукой проблем, базируется на мировоззренческих постулатах, разрабатываемых в политической философии. Методология включает в себя также различные методы и приемы исследования и анализа, а также проверки и оценки их результатов.

В целом можно сказать, что в задачу политической философии входят поиски ответов на следующие и подобные им кардинальные вопросы: в силу каких причин возможна политическая самоорганизация общества? каковы факторы, определяющие политическую самоорганизацию общества? как создаются, сохраняются, изменяются и распадаются различные политические системы? что есть *raison d'être* государства; в какой мере политическую реальность можно изобразить в соответствующих понятиях и терминах? насколько содержание этих последних значимо для субъектов политики? что именно лежит в основе права: божественный закон, разум, естественное право, право сильного, насилие и др.? как совместить права и свободы отдельного индивида с его ответственностью перед обществом или с правами коллектива? На все эти вопросы адекватные ответы можно найти на путях выявления взаимосвязей и соотношений целого и частного, общего и индивидуального, теории и практики, свободы, справедливости и равенства в мире политического.

17.4. Онтология мира политического

Политическая философия — это дисциплина о принципах политической самоорганизации общества. Одна из важнейших характеристик данных принципов в их философском толковании — способность к универсализации, суть которой состоит в том, что в равных условиях он будет действовать одинаково. Например, для утверждения и эффективного функционирования политической демократии и ее институтов необходим определенный минимум условий, без которых они просто невозможны.

В качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает свободная личность, наделенная врожденными неотъемлемыми правами. Общество может быть названо гражданским лишь с того момента, когда за человеком как личностью признаются неотъемлемые права на жизнь, свободу и реализацию своих способностей, когда эти права становятся основными опорами общественного здания. Все это проявляется в том, что гражданское общество и правовое государство не могут существовать друг без друга.

Гражданское общество и правовое государство предполагают определенный тип экономики. Экономическая и политическая свобода производна от свободы личности. В то же время без экономической свободы, без свободы выбора источников получения средств существования не может быть и свободы политической: первая представляет собой необходимое условие для достижения второй. Существует взаимообусловленная связь между демократией, частной собственностью и свободно-рыночной экономикой.

Понятия и категории «власть», «государство», «политика» и им подобные всегда выступают в конкретных формах и обликах в зависимости от национально-культурного, общественно-исторического, парадигмально-мировоззренческого и иных контекстов. Их конкретные типы и содержание зависят от исторических, национально-культурных традиций, типа политической культуры и миропонимания данного народа. Их нельзя представлять как вечные, вневременные ценности, как некие неизменные сущности, одинаково верные для всех времен и народов.

Но тем не менее политическая философия, будучи дисциплиной, призванной исследовать природу политических вещей, затрагивает целый комплекс основополагающих аспектов, которые в рамках человеческой истории имеют как бы вневременной характер.

Однако мы знаем, что современные общества характеризуются различными формами плюрализма, обусловленными в свою очередь существованием множества слоев, сословий, классов, представителей различных этносов или наций, конфессий, культур, профессий, имеющих свои особые интересы. Можно сказать, что конфликт — это неотъемлемая сущностная характеристика любого человеческого общества.

Коль скоро политика теснейшим образом связана с конфликтом, то одна из главных задач политической философии состоит в выявлении природы и социальных основ конфликтов. Поэтому политическая философия не может игнорировать тип общества, формой политической самоорганизации которого выступает государство или политическая система.

Сам процесс формирования и консолидации человеческих сообществ был связан с их взаимным противопоставлением друг другу. Конфликты имели место если не внутри отдельных первоначальных родов, племен, этносов, то между ними. Противопоставление мы—они, наши—чужие составляло неотъемлемый и определяющий элемент этого процесса. Показательно, что самоназвания многих этносов в переводе на современный язык означают «люди» (или «человеки»

во множественном числе), противопоставляемые «нелюдям» (или «нечеловекам»), т. е. всем остальным «чужим» племенам и этносам.

Без всякого преувеличения можно сказать, что государственное, властное начало, политика имеют место там, где существуют конфликты. Средством полного развития человеческих сил природа избирает противоборство этих сил в обществе. *Противостояние* — тоже форма общения и общежития, хотя и антиобщественная. И действительно, человеку по своей природе присуща склонность делать все по-своему. Естественно, что в этом отношении он встречает противодействие со стороны других индивидов, которые также стремятся делать все по-своему. Другой факт самым непосредственным образом проявляется в борьбе за свою долю власти между различными социальными силами.

Показательно, что факт конфликтного происхождения властных отношений, политики, государства осознали уже мыслители древности. Еще в «Государстве» устами Полемарха Платон говорил о том, что политическая деятельность должна осуществляться в интересах части общества или одной партии («друзей») в борьбе с ее политическими противниками («врагами»). Искусство справедливой политики — «это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред».

Выступая с позиций сущего или реального положения вещей, платоновский Фрасимах ратовал за то, чтобы в отношениях между властвующими и подвластными приоритет никогда и ни при каких условиях не отдавался подвластным. Как считал Фрасимах, не существует людей, которые бы, находясь у власти, могли отдать предпочтение интересам других в ущерб своим собственным. Примечательно, что, считая все существующие системы правления несправедливыми, Сократ не оспаривал фактическую правомерность фрасимаховского конфликтного принципа, выведенного из реального жизненного опыта.

Эта традиция, идущая через Н. Макиавелли и Т. Гоббса, нашла свою дальнейшую разработку у К. Шмидта. Рассматривая политику в категориях «друг—враг», Шмидт полагал, что социальные отношения уплотняются, превращаются в политические при необыкновенной интенсивности общественных противоречий. По сути, Шмидт рассматривал дихотомию «друг—враг» в качестве главного конституирующего признака политических отношений, самого смысла существования политического как самостоятельной сущности.

Эта линия в разработке и трактовке политического в разных вариациях, с различной степенью удара на универсальность и интен-

сивность конфликта нашла отражение в большинстве политико-философских систем — от левого радикализма до правого консерватизма. Свое наиболее законченное выражение она получила в тоталитарных политико-философских конструкциях в лице марксизма-ленинизма и национал-социализма. В них идея непримиримой классовой борьбы и теория бескомпромиссной борьбы высших и низших рас и народов были возведены в статус универсального принципа, лежащего в основе всех без исключения общественно-исторических и социально-политических феноменов и процессов.

Практически единодушное признание конфликтности как важнейшей сущностной характеристики мира политического служит весомым доказательством ее универсальности. Это вполне естественно, если учесть, что любое человеческое сообщество, особенно высокоорганизованное, сочетает в себе интересы самых разнообразных социальных и политических сил, организаций, групп, институтов и т. д. А это предполагает столкновения, противоречия, конфликты между ними, дополняющиеся противоречиями между частными и государственными интересами.

Поэтому мир политического можно рассматривать как арену конкурентной борьбы представителей различных социально-политических сил за власть, за монопольное право говорить и действовать от имени этих сил. Поскольку в политике речь прежде всего идет о власти, то конфликт часто приобретает самодовлеющий характер, нередко выливаясь в ожесточенные схватки противоборствующих сторон вплоть до гражданской войны.

Однако очевидно, что люди, живущие вместе, могут преследовать разные цели и поступать по-разному, но очевидно также и то, что они не могут жить вместе, если расходятся по всем без исключения вопросам. Как показывает исторический опыт, противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-исторического прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым антагонизмом между людьми. Люди объединяются в сообщества в силу общего стремления к совместной жизни.

Конфликт и консенсус — две важнейшие характеристики любой сферы человеческой деятельности, в том числе и мира политического. Политика связана как с разрушением, так и с созиданием, в ней грязь и чистота, добро и зло. Она связана как с миром, так и с кровью и насилием. Речь идет прежде всего о факторах, способствующих, с одной стороны, сохранению и жизнеспособности политической системы, а с другой стороны, ее подрыву и соответственно изменению как отдельных институтов, так и всей системы в целом.

Поэтому вполне объяснимо, что феномен политического колеблется между двумя крайними интерпретациями, одна из которых трактует политику всецело как результат и поле столкновения конфликтующих интересов, а вторая — как систему обеспечения правления, порядка и справедливости в интересах всех членов общества. Но все же определяющим является то, что своей целью политическое ставит всеобщую взаимосвязь социальных групп, институтов, частных и публичных сфер деятельности людей.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что политика призвана находить пути и средства разрешения возникающих в человеческом сообществе конфликтов, примирения и совмещения различных интересов всех членов общества. Если гражданское общество представляет собой арену столкновения и взаимодействия множества частных, противоречащих друг другу и конфликтующих интересов, то мир политического заключает в себе объединяющее всех членов общества начало.

Государство, выступающее как наиболее законченное воплощение идеи политического и выражающее всеобщую волю, преследует цель воспрепятствовать разрастанию конфликтов различных интересов, обеспечить условия для достижения консенсуса по основополагающим вопросам общественно-политического устройства.

С этой точки зрения для характеристики феномена политического определяющее значение имеет принцип всеобъемлемости или всеобщей обязательности решений и велений государства, использующего для общезначимого регулирования общественных отношений все арсеналы закона, права и аппарата насилия. Важно учесть, что не существует и не может существовать какого бы то ни было аполитического общества, поскольку все сферы и формы общественной жизни и деятельности в той или иной форме и степени пронизаны политическим началом. Главная функция политического состоит в том, чтобы обеспечить единство общества, разделенного на разнородные группы, слои, классы. В сущности общество едино в качестве политического сообщества. Политическое играет интегративную или интегрирующую роль.

Поэтому, когда мы выделяем гражданское общество и мир политического в качестве самостоятельных подсистем человеческого социума, то имеем в виду их разграничение лишь в смысле веберовских идеальных типов. Это некие абстрактные конструкции, которые не всегда совпадают с реальной жизненной практикой. Стихийность и спонтанность свободы находят выражение в гражданском обществе, а начала порядка и упорядоченности — в государстве.

Таким образом, конфликт и политика теснейшим образом связаны между собой. Поэтому центральное место в политической философии занимает вопрос о том, как совместить друг с другом конфликт, порождаемый неизбежной конкуренцией различных интересов за ресурсы, с требованиями порядка и согласия, без которых невозможно представить себе жизнеспособность любого человеческого сообщества. Существуют разные источники и причины возникновения конфликтов, а также разные пути и средства их разрешения. Это находит выражение в факте существования различных форм правления и политической системы, власти и государства.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные предпосылки и необходимые условия возникновения политической философии?
2. Что понимается под политической философией?
3. Какие вы можете назвать составные элементы политической философии?
4. Назовите сущностные характеристики политической философии?
5. Каковы различия и сходства между политической философией и политической теорией?
6. Каковы различия между политической философией и политической идеологией?
7. Каково соотношение политической философии с собственно философией и политической наукой?
8. Дайте общую характеристику политической онтологии.
9. Какие подразделения политической философии вы можете назвать?

Глава 18

Политическая этика

Как указывалось выше, политическая философия охватывает не только мир сущего, но и мир должного, мир политического в том виде, в каком он есть, и в том, каким он должен быть. «Политические вещи» по самой своей природе не могут быть нейтральны, поскольку сопряжены с выбором, принятием решений, приверженностью, оценкой. Они тесно связаны с такими ключевыми категориями человеческой жизни, как добро и зло, сущее и должное, достойное и недостойное, справедливое и несправедливое и др.

18.1. Морально-нравственный аспект мира политического

Уже по своему определению политическая философия пронизана морально-этическим началом, ее изучение не может не иметь морально-нравственное или ценностное измерение. В сфере, где человек занимает центральное место, нельзя игнорировать то, что можно обозначить понятием «человеческое измерение». Политика — это результат сознательных волевых усилий людей, которые ставят перед собой определенные цели, руководствуясь при этом сложившимися у них мировоззренческими установками, нормами поведения, пониманием важнейших аспектов взаимоотношений человека со своей социальной средой. Там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей, непременно присутствует ценностное начало. Без обращения к сфере целей и идеалов невозможно говорить об адекватном изучении мира политического в целом.

Нравственные начала, ценности и нормы, имеющие отношение к миру политического, к его институтам, политическому мировоззрению и поведению членов того или иного сообщества, в совокупности составляют политическую этику. Политическая этика — это по сути дела нормативная теория политической деятельности. Она затрагивает такие основополагающие проблемы, как справедливое социальное устройство, фундаментальные права человека и гражданина, разумное соотношение свободы, равенства и справедливости и др. Она иг-

рает ключевую роль в легитимизации как политической власти вообще, так и различных форм правления в частности.

Легитимность современного государства основывается прежде всего на правовом фундаменте, на признании в качестве приоритетных целей обеспечения прав и свобод человека. Жизнеспособная и прочная политическая система — это власть плюс законность и эффективность, т. е. способность удовлетворить основные функции управления.

Однако как законность, так и эффективность во многом определяются тем, насколько государственные институты и сама политическая система в целом соответствуют господствующим в обществе идеалам и ценностям, где морально-этическому началу принадлежит отнюдь не последнее место. Иначе говоря, еще одной важной несущей конструкцией легитимности является морально-нравственная составляющая политической самоорганизации общества. Действительно, как учил Конфуций, *«народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать почему»*. Есть некое рациональное зерно в утверждении, что *opus justitiae pax* — мир есть продукт справедливости.

Особенность всех этических проблем политики обуславливается тем, что сама политика теснейшим образом связана с насилием. К тому же нередко политику отождествляют с корыстным интересом, а нравственность — с бескорыстием. *«Кто ищет спасения своей души и других душ, — писал М. Вебер, — тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия»*. Отсюда возникают отнюдь не праздные вопросы: можно ли вообще говорить о политической этике как таковой; правомерно ли применение к сфере политики категории этики и морально-этических ценностей, и если нет, то можно ли говорить о человеческом измерении в политике?

Следует отметить, что в истории политической мысли на эти вопросы давались весьма неоднозначные ответы. Это вполне естественно, поскольку, например, Н. Макиавелли, допускающий любой произвол со стороны государя в интересах государства, Ж.-Ж. Руссо, озабоченный мыслью об обеспечении всеобщего блага, совершенно по-разному трактовали термин «политика». В то же время если не впадать в застывший платонизм, который признавал лишь вечные вневременные ценности, то конкретное содержание и трактовка морально-этических ценностей общества во многом зависят от реалий каждого конкретного исторического периода. Почти все крупные мыслители, занимавшиеся проблемами политики, государства и права, начиная от Конфуция, Платона, Аристотеля и кончая современными исследователями, так или иначе затрагивали эти понятия.

Определяя в качестве главной цели политики обеспечение «высшего блага» граждан полиса и предписывая ей нравственно-воспитательную роль, Аристотель, в частности, утверждал: *«Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе»*. Здесь возникает другой вопрос: какое именно содержание Аристотель вкладывал в само понятие «справедливость»?

Показательна с данной точки зрения позиция Блаженного Августина, который утверждал: «Что не было справедливым, не может быть и законом» (*«Non videtur esse lex quae juste non fuerit»*). «Государства без справедливости — что это, как не большие банды разбойников?» — так ставил вопрос Блаженный Августин. В русле этой традиции Лейбниц, исходя из своей идеи всеохватывающей гармонии, однозначно смешивал сферы права и морали. Требуя привести политику в соответствие с требованиями высшего миропорядка и божественного закона, он высказывался за включение в правовые нормы требования об обеспечении блага всех граждан государства.

Несомненный интерес представляет позиция И. Канта, оказавшая значительное влияние на последующую этическую мысль, в том числе на политическую этику. Кант пришел к выводу, что источник и мерило истины находятся в самом человеческом разуме. Соответственно критерии морали и нравственности выводятся из собственной природы разума. Коль скоро политика — это одна из важнейших сфер человеческой деятельности, она по своему определению теснейшим образом связана с морально-нравственным началом.

Значительное место проблемам этики в сфере государственной жизни отводил Г. В. Ф. Гегель. Гегель разделил нравственную жизнь на три сферы: семья, гражданское общество и государство, определив их как «моменты» или «элементы» этической системы, регулирующие жизнь каждого отдельно взятого индивида. Этические нормы в действиях и отношениях людей у Гегеля актуализируются по-разному, в зависимости от того, в какой сфере они действуют. Что касается государства, то его Гегель рассматривал как «действительность нравственной идеи».

Русские философы и правоведы (например, П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев, Л. И. Петражицкий и др.) решительно выступали против противопоставления права и нравственности, лишения права морального измерения. Эта позиция, в частности, выразилась в известной идее равнозначности правды-истины и правды-справедливости.

Но в целом если традиция, идущая от Платона и Аристотеля, рассматривает мораль и политику как единое целое, призванное ре-

ализовать принципы справедливости, то христианская традиция различает понятия «этика» и «политика», воплощенные в «богово» и «кесарево».

Противоположной позиции придерживался Н. Макиавелли, который разработал особое политическое искусство создания твердой государственной власти любыми средствами, не считаясь с какими бы то ни было моральными принципами. Один из важнейших постулатов макиавеллизма: «цель оправдывает средства». Для пользы и в интересах государства, утверждал он, правитель должен органически сочетать в себе хитрость и силу, т. е. быть одновременно лисой и львом в одном лице. Он вправе использовать все средства, которые служат делу укрепления государства.

Как утверждал Макиавелли, человек, стремящийся делать только добро, обречен на гибель среди множества людей, чуждых добру. Для него высшая ценность — это государство, перед которым ценность отдельно взятой личности или какие-либо иные ценности должны отступить на задний план или же полностью игнорироваться. Изгнав этику из сферы политики, Макиавелли заменил ее ценностно-нейтральным подходом. Более того, эти аргументы были использованы им для обоснования тезиса о том, что в политике цель оправдывает средства.

К аналогичному выводу, хотя и прямо с противоположных исходных позиций, пришел и марксизм, особенно в его ленинистской версии. Уже в «Коммунистическом манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса провозглашалась идея о том, что коммунистическая революция «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого», в том числе и с моралью. При всех необходимых в данном случае оговорках, нельзя не признать, что в марксистской этике центральное место занимает противопоставление «классовой морали» универсальным гуманистическим ценностям. Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали В. И. Ленин и его сподвижники и последователи. *«Наша нравственность, — писал Ленин, — подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».* Здесь мораль по сути дела всецело поставлена на службу политическим целям, доведена до уровня элемента идеологии.

Если марксизм-ленинизм подчинил нравственность всецело так называемой классовой морали, то идеологи фашизма и нацизма пошли еще дальше, поставив во главу угла своей идеологии национальную мораль, противопоставленную как классовой, так и общечеловеческой морали. Как утверждал, например, А. Розенберг,

идея национальной морали стоит выше всякой любви к ближнему. Именно этот постулат послужил в качестве одного из краеугольных камней нацистской политической идеологии, которая возвела профессионализм в массовом истреблении людей в ранг высшей добродетели.

Тенденция к уменьшению внимания к нравственным аспектам политики усиливалась в XIX столетии с постепенным преобладанием в науке о праве и государстве историзма и позитивизма. Руководствуясь рационалистической традицией, восходящей к Р. Декарту, Т. Гоббсу и другим мыслителям Нового времени, позитивисты стремились свести политику всецело к науке создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Как, например, утверждал один из основателей позитивизма, О. Конт, нет свободы совести в математике и астрономии, не должно быть ее и в социологии.

Позже эту установку усвоили и представители других социальных и гуманитарных дисциплин, в том числе и политической науки. Считалось, что политическая наука, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в конкретных сферах, дает возможность определить те величины, воздействуя на которые можно достичь желаемых результатов. Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали сторонники утилитаризма. Его основатель — И. Бентам, отказавшись от постулата просветителей о том, что общее благо достигается в случае, если люди руководствуются установками естественного права и вечных законов природы, искал мерило их должного поведения в практической личной выгоде.

Постепенно торжество рационализма, сциентизма и научных методов исследования политических феноменов привело к отделению фактов от ценностей, к объективизации ценностей, нейтрализации позитивистской политологии. Провозглашенная позитивистами нейтральность, или беспристрастность политической науки, привела к тому, что нравственные аспекты политики были объявлены «личным делом» участников политического процесса, не имеющим никакого отношения к политическому анализу. Исходя из этих и подобных им установок, представители правового позитивизма (например, Г. Кельзен) решительно отвергали какую бы то ни было теорию справедливости. Эту позицию наиболее четко выразил, пожалуй, известный французский писатель А. Франс, который утверждал: *«Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный — добродетель, она толкает на преступление».*

Следуя этой традиции, ряд современных авторов также считают необходимым отделить политику от морали. Так, по мнению польского политолога С. Запасника, после обретения независимости экономикой очередь наступила за полным отделением политики от морали. «Такое отделение стало в настоящее время необходимостью самого общественного развития», — утверждал он. Этот подход достиг своего логического завершения в постмодернизме, сторонники которого считают неправомерным вынесение моральных суждений относительно тех или иных действий, в том числе и в сфере политики. По их мнению, не существует ни правого, ни неправого, ни добра, ни зла, а последствия всех феноменов равновелики по своей значимости и незначимости.

18.2. Политика между профессионализмом и моралью

Постулат, согласно которому мораль предписывает выбор достойных средств для достижения разумно поставленных целей, лежит в самом основании политики. Доводы относительно того, что политика должна основываться исключительно на прагматизме, что «чистые руки», т. е. мораль, несовместимы с политикой, не соотносятся с сущностью политики.

В этом контексте неправомерна сама постановка вопроса в форме противопоставления морали и политики. В реальной действительности, как отмечал К. Г. Баллестрем, «политическое действие развертывается в поле напряжения между властью и моралью». Задача политика состоит в том, чтобы найти оптимальную линию для адекватного отображения мира политического и соответственно поиска оптимальных решений для всего общества.

Функционирование современного государственного аппарата и механизма политического управления невозможно представить без рационально разработанных, твердо установленных и обязательных формальных правил, без профессионализации политики и механизма управления. Инструментом и одновременно результатом такой профессионализации, в частности, стала бюрократия, которая основывается на принципах профессиональной компетентности, иерархии и специализации функций.

В данном контексте, естественно, возникает вопрос о соотношении профессионализма и нравственности. М. Вебер проводил различие между чиновником и политиком. Чиновник обязан точно и добросовестно выполнять приказ вышестоящего начальника (если даже

он ошибочный). Без такой нравственной дисциплины невозможно функционирование любого аппарата. Политический руководитель или государственный деятель несет личную ответственность за все свои действия. А такая ответственность со всей очевидностью предполагает наличие у ее субъекта определенных морально-этических позиций и убеждений. С данной точки зрения профессионализм и эффективность чиновника и есть показатель его нравственности, верности своему профессиональному призванию и долгу.

Высокая эффективность теснейшим образом связана с профессионализмом, а этот последний — с нравственностью, поскольку сопряжен с результатами, представляющими общественную ценность. Поэтому в политике неукоснительно должен действовать принцип, который еще Конфуций назвал золотым правилом любой эффективной и справедливой формы правления. Согласно этому принципу каждый должен делать свое дело, иначе в государстве наступит хаос. И действительно, трудно ожидать эффективности и справедливости в государстве, когда артисты, кинематографисты, журналисты берутся за его управление, вчерашние химики сегодня становятся политологами, лица, не получившие высшего образования, — «академиками» и т. п.

Речь идет о том, что часто профессионализм и беспристрастность при решении политических вопросов уже сами по себе могут быть признаками приверженности политика принципам справедливости. О справедливости в собственном смысле слова можно говорить лишь в том случае, если сами цели, установки и правила реализации профессионализма являются справедливыми. Если этого нет, то сам принцип справедливости оказывается под угрозой.

Но тем не менее необходимо провести линию разграничения между правом и нравственностью. Здесь особенно важное значение имеет соблюдение принципа так называемого золотого правила, которое, хотя, возможно, и в не вполне осознанной форме действовало уже в доисторические времена и в более или менее четкой форме сформулировано мыслителями древности. Суть его выражается в следующей максиме: *«Не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе»*.

Со всей очевидностью золотое правило предусматривает признание каждым человеком, наряду с собственными правами и интересами, также прав и интересов остальных своих сограждан. В политике при реализации данной максимы особенно важно не допустить перегиб в какую-либо одну сторону: профессионализма — в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала — в ущерб профессио-

нализму или же подчинения императивов права императивам нравственности, и наоборот.

Подчинение права нравственности означало бы стремление к насильственному насаждению справедливости и добра и могло бы привести к всевластию государства. Об обоснованности этого тезиса со всей очевидностью свидетельствует опыт тоталитаризма, где политика всецело была подчинена идеологии, претендовавшей на принудительное осчастливление всех людей. Здесь была предпринята попытка соединить, как сказал Н. Бердяев, правду-истину с правдой-справедливостью, причем со своеобразно понимаемой правдой-справедливостью — распределительно-уравнительной. В результате истина оказалась принесенной в жертву соблазну великого инквизитора, требующего отказа от нее во имя народного блага.

Любой политик так или иначе сталкивается с вечной и в сущности неразрешимой антиномией между справедливостью и эффективностью, свободой и равенством. Весь мировой опыт дает достаточно примеров, показывающих, что эффективное функционирование любых сфер жизнедеятельности, и в первую очередь социально-экономической, требует конкуренции, которая порой не знает пощады к людским судьбам, а порой и к самой человеческой жизни. Но такова жизнь! Без конкуренции, без соперничества она чахнет и рано или поздно прекращается.

Вместе с тем любая общественно-политическая система, любой режим не могут сколько-нибудь длительное время существовать без легитимизации, которая сама не может существовать хотя бы без видимости соблюдения элементарных норм справедливости. Более того, справедливость — это один из краеугольных камней любой теории легитимности. Поэтому правы те авторы, которые говорят, что фундамент капиталистической системы рухнет, если нельзя доказать, что она основывается на принципах справедливости.

Не случайно даже самые тиранические режимы неизменно декларируют свою приверженность принципам справедливости. Истинная справедливость требует относиться ко всем людям как к равным, но в то же время не приемлет стремления принуждать их стать равными, поскольку это требовало бы административного уравнивания не равных по своим способностям людей, что означало бы неравное и, следовательно, несправедливое отношение к ним.

Долг общества — обеспечить своим членам условия для достойной жизни. У общества не может быть целей, отличных от целей своих членов. Поэтому гражданство представляет собой не только юридически-правовой статус, но и социальное состояние. Равенство перед законом и связанные с этим гражданские права в правовом государстве — это

лишь один из аспектов жизни, который необходимо дополнить социально-экономическими правами.

Очевидно, что обеспечение подлинной свободы в обществе предполагает, чтобы каждый человек стал гражданином не только в юридическом и политическом, но также и в социальном плане. Политическое равенство — это не самоцель, а исходное состояние, которое создает равные для всех условия выбора. Оно служит фундаментом, на котором процветает свобода. Свобода остается недостижимой мечтой, пока каждому члену общества не будет обеспечен равный доступ ко всему разнообразию жизненных шансов.

Это предполагает создание защитных мер, дабы никто не мог пасть ниже общего исходного статуса. Одной из важнейших функций гражданского общества и правового государства является обеспечение минимально необходимых средств существования для всех своих членов, прежде всего тех, которые в силу разных причин не в состоянии это делать сами (инвалиды, больные, престарелые, дети-сироты и др.). Первоначально эту задачу главным образом выполняли различные институты гражданского общества, такие, как кровно-родственные, сельские, соседские общины, церковные организации, благотворительные организации и фонды, профессиональные общества, профсоюзы.

Однако в силу различных причин в XX в. значительную, все более растущую часть ответственности за обеспечение необходимого уровня жизни людей взяло на себя государство. Более того, в индустриально развитых странах, где неуклонно расширяются социальные программы, осуществляемые государством, утвердилось так называемое государство благосостояния. В качестве одной из главных целей государства благосостояния его приверженцы выдвинули «расширение» демократии, предоставление всем членам общества не только юридических и политических, но также социальных прав путем справедливого, с их точки зрения, перераспределения доходов. В настоящее время выполнение социальных программ стало неотъемлемой частью деятельности правового государства, одним из главных показателей его превращения в государство благосостояния.

18.3. Соотношение реального и идеального в политике

При решении проблемы справедливости перед любым политиком так или иначе встает вопрос о свободе и равенстве, правах и обязанностях человека и гражданина. Ключевое место здесь занимает идея личной свободы. Она выступает как источник и права, и нравствен-

ности. Сам факт утверждения гражданского начала тесно связан с упорочением идеи свободы личности. Максимум гражданской свободы обеспечивает максимум нравственной свободы.

Вместе с тем, как подчеркивал Ф.М. Достоевский, если исповедовать свободу без внутреннего самоограничения, она ведет к распущенности. Свобода личности имеет смысл лишь в соотносённости с чем-то другим, о ней как о ценности можно говорить только применительно к отношениям между людьми. С этой точки зрения свобода составляет важную, но не единственную сущностную характеристику человека. Будучи разумно-нравственным существом, человек, живя и действуя, не только преследует собственные эгоистические цели и интересы, но сознательно руководствуется сверхличными, стоящими над ним началами и законами.

В данном контексте, как отмечал А. Камю, «абсолютная свобода — это насмешка над справедливостью. Абсолютная справедливость — это отрицание свободы. Животворность обоих понятий зависит от их взаимного самоограничения. Никто не сочтет свой удел свободным, если он в то же время несправедлив, и справедливым — если он не свободен». Самый что ни на есть совершенный и справедливый политический порядок содержит предписания и запреты, призванные так или иначе ограничивать противоречащие установленным правовым нормам действия граждан путем применения или угрозы применения насилия, т. е. ограничения свободы.

В то же время социальная справедливость, построенная на уравнении всех и вся, при одновременном игнорировании свободы волеизъявления личности может привести к прямо противоположному результату. Достаточно вспомнить, что именем справедливости, равенства и иных благородных ценностей было совершено немало преступлений, в том числе и в нашей стране. Ради достижения иллюзорной справедливости тоталитаризм, например, на деле узаконил самую вопиющую несправедливость. Обещая людям чудеса социально-экономического, политического и нравственного прогресса, он вынудил людей смириться с чудовищными преступлениями.

С точки зрения ранжировки и определения приоритетности целей и средств их достижения в политике актуальна проблема соотношения идеального и реального. Выше указывалось, что этика, в том числе и политическая, включает в себя элемент идеала и соответственно идею о конечных целях общества. Естественно, что в точке пересечения этики и политики особую активность приобретает вопрос об общественном идеале, а также о соотношении целей и средств его достижения.

«Что всегда превращало государство в ад на Земле, так это попытки сделать его земным раем», — писал Ф. Гельдерлин. Попытка определить конечную цель политического действия, тем более реализацию идеала совершенного общества, в сущности не согласуется с основными принципами как моральной философии, так и самой природы человека. В истории не было и не могло быть прямолинейного движения к добру, совершенству, справедливости, счастью. Ибо сам человек является средоточием как светлых, так и темных, как «божественных», так и «дьявольских» начал, начал добра и зла.

Мораль и морально-этические императивы следует рассматривать в качестве идеалов, которые в реально существующем мире большей частью недостижимы. Более того, сама постановка вопроса об «окончательном решении», полной реализации той или иной идеальной политической модели или конечной цели чревата огромной опасностью для самой человеческой свободы и соответственно опасностью аннигиляции самой морали и нравственности. Часто приходится выбирать не между абсолютным добром и злом, а между меньшим и большим злом. В данной связи интерес представляет постановка вопроса М. Вебером, который проводил различие между этикой ответственности (*verantwortungsethik*) и этикой убеждений (*gesinnungsethik*).

Этика ответственности вырабатывается из понимания сложности моральной ситуации в сфере действия политики. Дело в том, что политика нередко сопряжена с принуждением и насилием, моральные последствия которых заранее невозможно предвидеть. Невзирая на то, что с моральной точки зрения принуждение всегда оценивается отрицательно, политик все равно прибегает к нему, чтобы обеспечить себе поддержку людей, используя их стремление к признанию, власти, привилегиям.

Что касается этики убеждений, то она строится на принципе сохранения моральной чистоты ценой принесения ей в жертву всех реальностей, противоречащих доктрине, отказа от малых дел, способных как-то улучшить положение людей. Суть этой позиции в политике состоит в концептуализации борьбы между абсолютными добром и злом, что оправдывает использование любых средств для достижения конечных целей. Здесь приверженность «этике абсолютных целей» противостоит «этике ответственности».

Тот, кто верит в возможность окончательного решения всех проблем человечества путем создания совершенной общественно-политической системы, будет готов заплатить за это любую цену, в том числе, как это продемонстрировали тоталитарные режимы, милли-

оны, десятки миллионов человеческих жизней. По самой логике вещей он готов подавлять и уничтожать своих оппонентов, если они не разделяют его целей, искоренять все еретические, по его мнению, взгляды.

Поскольку путь к цели далек и долог, то необходимо постоянно принимать меры, призванные обеспечивать ее общественное признание путем подавления всякой критики, ликвидации оппозиции, насаждения убеждения в мудрости и всемогуществе предводителя в движении к намеченной цели. Один из важнейших принципов такого утопизма состоит в том, что каждое поколение будет приноситься в жертву тем, которые придут после него, и так до бесконечности.

Как показывает исторический опыт, в сфере властных отношений найдостойнейшего из людей подстерегает множество соблазнов. Как говорили древние греки, власть выявляет истинную суть человека. Приходится констатировать, что последняя слагается из множества константных и переменных величин, где, так сказать, божественное перемежается с сатанинским, благородство — с низменным, истинно человеческое — с животным, устремленность ввысь — с дьявольской одержимостью и др.

Очевидно, что не всегда человек выдерживает испытание властью, и нередко низменное начало одерживает в нем верх. Поистине, как говорил один из героев Честертона, отец Браун, «можно удержаться на одном уровне добра, но никому еще не удалось удержаться на одном уровне зла». К сожалению, за примерами, свидетельствующими о верности этого суждения, нам вовсе не нужно обращаться к отдаленным временам или странам — в нашей сегодняшней жизни их предостаточно. К тому же не всегда человек или идея вступает на общественно-политическую авансцену в своем истинном облики.

Бывает, что великие идеи приходят в мир в обнимку со злом, а бывает и так, что, как говорил еще Ф. М. Достоевский, «зло приходит в мир в маске добра». Нужно ли здесь напоминать, сколько раз в истории разного рода лжепророки, претендовавшие на осчастливливание всех людей, на деле оказывались сущими антихристами и бессовестными злодеями, принесшими неисчислимые бедствия своим, да и чужеземным народам. Эти примеры воочию демонстрируют верность слов лорда Эктона, который говорил, что «любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно».

Выдвигая хорошие, а то и прекрасные идеи, мы не вправе забывать о реальностях, тем более подгонять под них эти реальности.

Идеальная цель, как бы далека и возвышенна она ни была, должна принадлежать реальному миру. Важное место в нашей жизни занимает выбор между возможностями, предоставляемыми реальными условиями и обстоятельствами. Разумеется, можно пассивно наблюдать, быть в водовороте политических событий и процессов. Но все же политика немыслима без решений, а всякое решение сопряжено с выбором из двух и более вариантов. На принятие решения непосредственное влияние оказывает то, как принимающий его человек оценивает мир, свое место в нем и происходящие события.

Все многообразие результатов и предметов человеческой деятельности, а также сами отношения между людьми оцениваются в категориях добра и зла, истинного и ложного, справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного и т. д. Способы и критерии такой оценки, выраженные в форме нормативных представлений, закрепляются в общественном сознании как «субъективные ценности» — установки, оценки, ориентации, императивы и запреты. В системе ценностей зафиксированы те критерии социально признанного в данном обществе или социальной группе, на основании которых формируются более конкретные системы нормативного контроля и целенаправленные действия людей.

18.4. Политика как искусство возможного

Как говорилось выше, гражданское общество представляет собой сферу сотрудничества и столкновения множества частных интересов. Возникает немаловажный вопрос: как достичь совместимости разнородных и противоречивых интересов всех членов общества, их общей воли и морально-этических воззрений? Способность обеспечивать такую совместимость и делает политику «искусством возможного». В жизни, особенно политической, нередки случаи, когда буквальная, бескомпромиссная приверженность принципу, диктующему всегда и всюду придерживаться его без учета возможных последствий, может привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям. Для опытного политика из любого правила или принципа должны быть исключения.

Например, во все времена властители, да и политические мыслители отстаивали допустимость лжи во имя укрепления существующей системы, считая ложь во благо вполне допустимым средством политики. Канцлер Германии О. Бисмарк как-то заметил: *«Политик может со спокойной совестью лгать в трех случаях — перед выборами, во время войны и после охоты»*. Было бы чистейшей воды лукавством

утверждать, что такой-то вполне уважаемый крупный политик или государственный деятель (скажем, У. Черчилль, Ф. Рузвельт, Ш. де Голль) никогда не прибегал к обману, передергиванию или искажению фактов, когда это диктовалось высшими интересами нации и государства.

Любые более или менее дееспособные политические программы в процессе своей разработки и осуществления должны приспосабливаться к изменяющимся реальностям: от чего-то отказываться, что-то заимствовать из программ других политических сил. Здесь как нельзя лучше подходит максима критического рационализма: *«Кардинальная необходимость для политического деятеля — это представить самого себя на месте другого. Кто этого не может и не хочет делать, тот не подходит для мирной внешней политики, как и для демократической внутренней политики. Кто не желает всерьез принимать цели и интересы другого, тот не годится для компромисса. Кто не годен для компромисса, тот не в состоянии сохранить мир».*

Иначе говоря, «искусство возможного» требует от всех сторон, вовлеченных в политику, способности и готовности идти на компромисс. Поэтому политику можно было бы охарактеризовать также как «искусство компромисса». Достижение приемлемого для всех сторон решения требует интуиции, воображения, дисциплины, опыта, умения.

Однако в морально-этическом контексте компромисс зачастую может рассматриваться как признак отступления от принципов. Исторический опыт показывает, что людям, как правило, импонируют не те государственные и политические деятели, которые славились своим умением достигать согласия, а те, которые твердо и бескомпромиссно реализовывали свои идеи и замыслы. «Искусство возможного» означает не отказ от морально-этического ценностного начала, а то, что сама политическая этика должна быть реалистичной в смысле учета реальных общественных структурных предпосылок политической деятельности и возможностей реализации того или иного политического курса. Учет этих предпосылок предполагает то, что К. Г. Баллестрем называет «моральным компромиссом».

Такой компромисс отнюдь *«не означает отказ от собственных убеждений или их дискредитацию, он означает признание приоритетов того, что в конкретной ситуации является наиболее приемлемым для большинства; он оставляет право использования собственных убеждений для завоевания этого общества».* Все то, что согласуется с такой

концепцией справедливости и готовности к компромиссу, представляет собой отрицание возможности определения истинности моральных убеждений, навязывание собственных суждений, стремление устранить, по выражению К.Г. Баллестрема, «скандальный плюрализм при помощи диктата добродетели и воспитания».

Здесь мораль как одно из существенных проявлений человеческого измерения и абстрактное морализирование — совершенно разные вещи. Зачастую нельзя верить на слово тем политикам, которые строят свою карьеру, выдавая себя носителями высшей морали и нравственности, высказывая моралистические суждения и выражая негодование относительно других суждений. Нельзя верить тому, кто, уверенный в своей непогрешимости, претендует на исправление морали других.

В большинстве случаев проповедуемая ими мораль — ложная. Важно отличать практическую целесообразность, необходимость или неизбежность того или иного действия и его моральную оправданность и обоснованность. То, что химические исследования и разработки чреваты для людей и общества опасными последствиями, не значит, что они должны быть прекращены. Но действительно, опасен тот химик, который не сознает опасности. То же самое относится и к политике.

Разумеется, идеальным является такой политик, который стремится к достижению наибольшего блага для наибольшего числа людей. Но ни один политик не может гарантировать это, тем более предвидеть все возможные результаты своих действий. Политик часто оказывается перед дилеммой: либо принимать непопулярные и жесткие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, оказать перед перспективой еще более усугубить ситуацию.

18.5. Соотношение морали и политики в сфере международных отношений

Особенно отчетливо такая ситуация проявляется в сфере международных отношений. Люди в большинстве своем, как правило, отрицательно или с презрением относятся к неспровоцированному убийству и насилию. Также они относятся и к войне. Однако во внешнеполитической сфере забота о собственной безопасности является определяющим мотивирующим фактором для всех членов международно-политической системы. Главными функциями каждого актора международной политики стали ликвидация или блокирова-

ние опасности и стремление обезопасить себя от угроз, исходящих от других акторов. Центральное место в их усилиях занимает защита национально-государственных интересов, поэтому в определенных ситуациях использование силы для этой цели становится неизбежным и желательным.

При таком положении соблюдение норм морали становится весьма трудным делом. Поэтому не случайно, что многие исследователи характеризуют международную политику как аморальную или имморальную. Эта аморальность питается тем, что при анархии внимание каждого актора концентрируется на реализации собственных корыстных целей и интересов, а также осознанием того, что не все акторы играют по одним и тем же правилам игры. Правительства, призванные защищать интересы своих граждан от любой внешней угрозы, не тождественны отдельно взятым гражданам отдельно взятого государства. Поэтому моральные нормы, которыми руководствуются отдельные индивиды, не могут служить в качестве таких же руководящих норм для государства.

На международной арене главным приоритетом для государства как актора международной политики является защита своих граждан. Эта цель перевешивает любые требования относительно корректного поведения в отношении других акторов. Ситуация еще больше осложняется тем, что разные акторы руководствуются разными культурными и моральными системами.

Например, пацифизм, приверженцы которого ставят под сомнение правомерность с нравственной точки зрения использования силы в решении как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем, как нельзя лучше отвечает общепринятым морально-этическим императивам. Одним из важнейших принципов пацифизма является приверженность делу разоружения. И действительно, если убийство, насилие и соответственно война, которая ассоциируется с ними, аморальны, то, казалось бы, любой человек, приверженный принципам морали, должен был бы выступить против накопления орудий войны, за разоружение. Но на практике дело обстоит значительно сложнее. Приверженцы пацифизма по сути дела в должной мере не учитывают тот факт, что одной из главных целей правительства любого государства является обеспечение безопасности своих граждан от внешней угрозы.

Более того, действия правительства в направлении одностороннего ограничения вооружений или разоружения в мире, напичканном самыми современными вооружениями, именно с моральной точки зрения были бы весьма сомнительными. Как справедливо отмечал

А. Уольферс, *«моральные увещания не подчиняться императивам выживания ... означали бы посоветовать совершить самоубийство»*. В сфере международной политической системы сила играет центральную роль, поскольку позволяет стране защищать и реализовывать свои интересы. Разумеется, и здесь при решении межгосударственных споров все больше используются невоенные и несиловые средства и методы. Однако, когда последние оказываются неэффективными, государство готово прибегнуть к силе. Иногда государство демонстрирует свою слабость в вооружении и неготовность дать достойный отпор возможному противнику, провоцируя тем самым последнего перейти Рубикон и начать войну.

Именно отсутствие такой воли во второй половине 30-х годов у правительств Великобритании и Франции, сделавших ставку на политику умиротворения Гитлера в условиях широкомасштабного наращивания Германией, Италией и Японией вооружения (при политике изоляционизма руководства США), во многом послужило для последних стимулом к развязыванию Второй мировой войны.

В данном конкретном случае аморальными можно считать позиции тех, кто именем морали и нравственности призывал к разоружению и миру, а не тех, кто перед лицом неумолимо надвигавшейся войны требовал наращивать вооружения, чтобы остановить Гитлера и его приспешников. Как говорил Н. Макиавелли, чтобы попасть в рай, нужно тщательно изучить дорогу в ад. В данной связи нельзя не отметить, что после 1945 г. мир не стал ареной очередной всемирной бойни именно потому, что каждая из главных противоборствующих сторон выказывала готовность дать отпор возможной агрессии противной стороны и неуклонно наращивала для этого материальную базу сдерживания.

Иными словами, взаимное сдерживание, примерный баланс сил способствовали сохранению мира в течение всего послевоенного периода. Причем необходимо подчеркнуть, что на первом этапе (в 1950–1960-е годы) этот баланс, давший возможность обеим сторонам осуществить политику гарантированного сдерживания, был достигнут в результате не разоружения, а наращивания вооружений.

В результате каждая из сторон была уверена, что после возможного первого удара противника у нее останется достаточно средств для нанесения ему ответного удара. Таким образом, очевидно, что гонка вооружений не всегда и не обязательно является фактором дестабилизации международных отношений и причиной развязывания войны. Именно гонка вооружений в течение нескольких послевоенных десяти-

тилетий привела к стабилизации международных отношений, во всяком случае отношений между великими державами, прежде всего СССР и США.

В данном случае в тех конкретных обстоятельствах сокращение вооружений или разоружение можно было бы оценить как аморальную позицию, поскольку при отсутствии должного уровня доверия между заинтересованными сторонами они могли подвинуть одну из сторон перейти роковую черту. Очевидно, что требования разоружения и защиты мира нельзя автоматически всегда отождествлять с приверженностью принципам морали. Поэтому, выдвигая сколько-нибудь ответственные моральные оценки и суждения, нельзя не учитывать их контекст и возможные последствия.

Очевидно, что, с одной стороны, максима «политика есть искусство возможного» ставит определенные пределы морализации политики, а с другой стороны, этика определяет возможные пределы, за которые политик не может выйти без риска оказаться политическим трупом. С учетом изложенного, перефразируя известное высказывание классиков марксизма, можно сказать: «Политики должны ставить себе всегда только такие задачи, которые они могут разрешить, соблюдая при этом общепризнанные в обществе морально-этические нормы».

Но в любом случае действия настоящего политика должны проверять известное высказывание поэта П. Валери: «*Политика — это искусство не давать людям заниматься тем, что для них является главным*». Политика, оцениваемая в морально-этическом измерении, как раз и должна обеспечивать условия, позволяющие людям заниматься тем, что для них является главным.

Противоречие между преходящим и вечным, идеальными основаниями и земным несовершенством, идеальным и реальным составляет неискоренимый закон человеческого существования. Но суть проблемы в рассматриваемом плане заключается в том, что нельзя допускать метафизического противопоставления мира сущего и мира должного, проводить резко обозначенные границы между ними, между сферой морали и сферой политики. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые не без оснований утверждают, что принципы справедливости имманентно присущи любой правовой системе.

Поэтому совершенно неправомерно проводить некую непроницаемую линию разграничения между понятиями «право», «государство», «политика», с одной стороны, и понятиями «нравственность» и «справедливость» — с другой. Необходимо стремиться к

достижению высшего синтеза между этими двумя началами, который мог бы послужить онтологической основой мира политического в целом.

Контрольные вопросы

1. Какое содержание вкладывается в понятие «политическая этика»?
2. Каково соотношение профессионализма и морали в политике?
3. Чему в политике следует отдавать предпочтение — праву или нравственности?
4. Какова в политике взаимосвязь между справедливостью, правом и нравственностью?
5. Как решается в политике вопрос о соотношении целей и средств?
6. Можно ли достичь в политике идеала?
7. Что вы понимаете под компромиссом в политике?
8. Какое содержание вкладывается в известную формулу «политика есть искусство возможного»?
9. Какова взаимосвязь между моралью и политикой в сфере международных отношений?

Глава 19

Основные идейно-политические течения современности

Философские, мировоззренческие аспекты мира политического воплощаются в идеологических или идейно-политических установках, ориентациях, принципах разных конкурирующих между собой социально-политических сил. Размежевание между ними, как правило, выражается в существовании целого ряда идейно-политических течений и направлений, отличающихся друг от друга по их подходу к решению важнейших экономических и социальных проблем, по тому, какое место и роль отводятся ими правам и свободам человека, частной собственности, свободному рынку, государству, партиям и т. д. Среди них господствующее место занимают либерализм, консерватизм, социал-демократизм и марксизм, различные формы тоталитаризма и авторитаризма. Каждое из этих течений составляет комплекс идей, принципов и установок, которые могут лежать в основе программ политических партий и политической стратегии тех или иных социально-политических сил, того или иного правительства или правительственной коалиции. Вместе с тем они представляют собой нечто большее, а именно типы и формы освоения и понимания социально-политического мира, системы воззрений, установок, ориентаций, теорий, доктрин.

19.1. Либерализм

Либерализм ассоциируется с такими привычными для современного общественно-политического лексикона понятиями и категориями, как идея самоценности отдельно взятой личности и ее ответственности за свои действия; идея частной собственности как необходимого условия индивидуальной свободы; принципы свободного рынка и свободной конкуренции; равенство возможностей; система разделения властей, сдержек и противовесов; гарантия основных прав и свобод личности (совести, слова, собраний, создания ассоциаций и партий); всеобщее избирательное право и т. д.

Либерализм представляет собой весьма гибкое и динамичное идейно-политическое течение, открытое влиянию со стороны других течений, чутко реагирующее на изменения в общественной жизни.

Либерализм формировался и развивался в различных социально-исторических и национально-культурных условиях. При близком рассмотрении в либерализме обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, противоречий и т. д. В разные периоды и в разных общественно-исторических и национально-культурных условиях он выступал в разных формах. Учитывая этот факт, говорят о существовании многих либерализмов.

Либерализм является детищем общественно-политической мысли Нового времени и буржуазного общества. Он представляет собой весьма гибкую и динамичную систему идей, открытую влиянию со стороны других течений, чутко реагирующую на изменения в общественной жизни и модифицирующуюся в соответствии с новыми реальностями. Само понятие «либерализм» вошло в европейский общественно-политический лексикон в начале XIX в. Своими корнями либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу, Реформации, ньютоновской научной революции.

Поворотным пунктом в формировании либерализма, да и в размежевании основных течений западной общественно-политической мысли Нового и Новейшего времени является Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. В ее главном политико-идеологическом документе — «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. — емко и полно даны чеканные формулировки тех идей, ценностей и установок, которые стали мощным оружием борьбы со старым порядком.

Существенный вклад в формирование либерального мировоззрения внесли представители европейского и американского Просвещения, французские физиократы, приверженцы английской манчестерской школы, представители немецкой классической философии, классической политэкономии. У истоков либерализма стояли такие мыслители, как Дж. Локк, Л. Ш. Монтескье, И. Кант, А. Смит, Т. Джефферсон, Б. Констан, А. де Токвиль и др. На протяжении всего XIX в. эти идеи были восприняты и развиты дальше И. Бентамом, Дж. С. Миллем, Т. Х. Грином, Л. Хобхаузом, Б. Бозанкетом и другими представителями западной общественно-политической мысли.

При всех различиях общее между этими разными мыслителями, идейными направлениями и движениями состояло в том, что они, каждый по-своему, в соответствии с реальностями своего времени высказывались за пересмотр устаревших ценностей и подходов к решению важнейших социально-экономических и политических проблем. Они обосновывали необходимость перестройки потерявших эффективность общественно-политических и государственных ин-

ституты, выступали за ревизию и модернизацию основных положений, доктрин и концепций в соответствии с изменившимся положением вещей в обществе.

В России в силу многих причин либеральное мировоззрение укоренилось позже, чем в большинстве европейских стран, — в конце XIX — начале XX в. Но тем не менее представители русской общественно-политической мысли внесли собственную лепту в разработку идей либерализма. Среди наиболее известных представителей русской либеральной мысли дореволюционного периода следует назвать прежде всего имена Т. Грановского, П. Струве, Б. Чичерина, П. Миллюкова, попытавшихся развить и применить принципы либерализма к российским реальностям. В частности, они заложили основы русского конституционализма, идей правового государства и гражданского общества применительно к российским реальностям. Их заслуга состояла также в постановке в практическую плоскость проблем прав и свобод личности, подчинения государственной власти праву, верховенства закона.

В целом либеральное мировоззрение, которое первоначально получило название классического либерализма, с самого начала тяготело к признанию идеала индивидуальной свободы. Свобода и достоинство человеческой личности, терпимость, право на различие и индивидуальность — эти ценности и идеи составляют сущность либерализма. Как подчеркивал один из его основателей, Дж. Локк, каждый индивид — «хозяин самому себе». Его последователь Дж. С. Милль сформулировал эту мысль в форме следующей аксиомы: «Человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно».

Свобода понималась приверженцами либерализма прежде всего в негативном смысле, т. е. в смысле свободы от политического и социального контроля, опеки со стороны церкви и государства. Классический либерализм объявил потерявшими силу все формы наследственной власти и сословных привилегий, поставив на первое место свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельного разумного существа, независимой единицы социального действия. Идеологи либерализма последовательно утверждали право каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Частная собственность рассматривалась ими в качестве гаранта и меры свободы.

Либерализм отстаивает равные возможности самореализации и равные права в достижении своих целей и реализации интересов для всех членов общества. Важным компонентом либерализма стал принцип плюрализма, т. е. признание многообразия социальных и

политических интересов, равного права различных классов, групп, культур, вероисповеданий, политических партий, организаций на участие в политической жизни, защиту своих требований.

Все эти подходы и принципы выражались в законодательно закрепленном равенстве всех перед законом, в идеях государства — «ночного сторожа» и правового государства, демократии и парламентаризма. Суть идеи государства — «ночного сторожа» — состояла в оправдании так называемого минимального государства, наделенного ограниченным перечнем необходимых функций по охране правопорядка и защите страны от внешней опасности. Приоритет в деле социальной регуляции отдавался гражданскому обществу, государство рассматривалось как необходимое зло.

Важной исторической заслугой либерализма и партий либеральной ориентации является то, что они сыграли ключевую роль в формировании и институционализации в конце XIX — первые десятилетия XX в. основных принципов и институтов современной политической системы, таких, как парламентаризм, разделение властей, правовое государство и др. Эти принципы в конечном счете были приняты всеми основными политическими силами и партиями.

В конце XIX — начале XX в., в условиях формирования корпоративного или государственно-корпоративного капитализма, обнаружилось, что свободная, ничем не ограниченная игра рыночных сил отнюдь не обеспечивает, как предполагалось, социальную гармонию и справедливость. Поэтому неудивительно, что большая группа политэкономистов, социологов, политологов и политических деятелей выступила с предложениями о пересмотре важнейших положений классического либерализма и осуществлении реформ, призванных ограничить произвол корпораций и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения. Среди реформаторов можно назвать известных социологов, политологов и политэкономистов конца XIX — начала XX в. — Дж. Гобсона, Т. Х. Грина, Ф. Наумана, Б. Кроче, Ч. Бирда, Дж. Дж. Дьюи и др.

Они сформулировали ряд новых идей и концепций, которые составили *основу «нового», или «социального, либерализма»*. Суть внесенных ими теоретических новшеств состояла в том, что под влиянием марксизма и восходящей социал-демократии были пересмотрены некоторые базовые положения классического либерализма, за государством была признана активная роль в социальной и экономической сферах. Водоразделом, четко и бесповоротно утвердившим новый, или социальный, либерализм, стал великий экономический кризис 30-х годов прошлого века.

В этот период в странах Запада широкое признание получила концепция «кейнсианства» (по имени известного английского экономиста Дж. Кейнса). Главное место в теории Дж. Кейнса занимала идея необходимости дополнения традиционных принципов индивидуализма, свободной конкуренции и свободного рынка принципами государственного регулирования экономической и социальной сфер. Реальным воплощением этих идей стало формирование системы государственного регулирования экономики и создание так называемого государства благосостояния, призванного осуществлять программы социальной помощи малоимущим слоям населения.

Получив первоначально сильнейший импульс в США, где президент-реформатор Ф. Д. Рузвельт провозгласил и начал реализовать широкомасштабную программу «нового курса», переход к новому либерализму, принятым им принципам экономической и социальной политики в тех или иных формах, охватил почти все промышленно развитые страны. После Второй мировой войны социальный либерализм сыграл большую роль в деле обоснования реформ, обеспечивших существенный экономический рост и повышение жизненного уровня населения большинства индустриально развитых стран.

В последние два-три десятилетия в либеральном мировоззрении произошли серьезные изменения. На протяжении всего XX в. были достигнуты впечатляющие успехи в реализации основополагающих либеральных идеалов, идей и концепций. Утверждение и институционализация демократических норм и принципов в большинстве передовых стран питали убеждение в исчерпанности повестки дня либералов, а сами они были склонны усматривать свою задачу не в достижении чего-либо нового, а в сохранении уже достигнутого.

При таком положении получили популярность рассуждения о кризисе и даже смерти либерализма. Однако в условиях характерной для послевоенных десятилетий интенсификации динамики общественно-исторических процессов либерализм как проект приспособления государственных и политических институтов к постоянно изменяющимся реальностям не мог просто сойти со сцены.

Более того, в 1970–1980-х годах заговорили уже о возрождении либерализма. Большинство приверженцев либерализма предприняли довольно энергичные усилия по переосмыслению своих позиций в важнейших вопросах, касающихся характера взаимоотношений общества, государственно-политической системы и отдельного индивида, капитализма и демократии, свободы и равенства, социального равенства и справедливости и т. д.

Осознав факт возрастания негативных последствий чрезмерно разросшейся бюрократии и государственной регламентации в экономической и социальной сферах, большинство либералов выступают за стимулирование рыночных механизмов при одновременном сокращении регулирующей роли государства. Признавая неизбежность и даже необходимость государственного вмешательства, они постоянно озабочены тем, как ограничить пределы этого вмешательства. При всем том большинство либералов сознает пределы возможного ограничения роли государства.

19.2. Консерватизм

Консерватизм вобрал в себя различные, порой противоречивые идеи, концепции, традиции. К его идейным предшественникам и основателям причисляют Платона, Цицерона, Н. Макиавелли, Э. Бёрка, Ж. де Местра. Впервые основные положения консерватизма были сформулированы в работах Э. Бёрка, Ж. де Местра, Л. де Бональда, их единомышленников и последователей в конце XVIII — начале XIX в. Датой рождения современного консерватизма принято считать выход в свет в 1790 г. книги Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции».

Серьезный вклад в развитие консервативной традиции во второй половине XIX — начале XX в. внесли русские философы, социологи и политические мыслители, такие, как К. Леонтьев, Н. Данилевский, В. С. Соловьев и др., а после прихода к власти большевиков — ряд представителей русского зарубежья.

Сам термин «консерватизм» получил распространение в начале XIX в. Он происходит от латинского слова «conseruare», означающего «сохранить», «консервировать». С самого начала консерватизм выступал за сохранение существующей системы без каких-либо радикальных изменений. Важнейшие положения консерватизма сформировались и эволюционировали в качестве ответной реакции на противостоящие ему идейно-политические течения: либерализм, социал-демократизм, марксизм. По выражению одного из исследователей, «консерватизм — это своеобразный идеологический хамелеон, поскольку его облик зависит от природы его врага».

Первые критические выпады консерватизма были обращены против либералов. Консерваторы противопоставили идеям прогресса, индивидуализма, личной свободы, переустройства общества, выдвинутым Просвещением и Великой французской революцией, взгляд на общество как на органическую и целостную систему. Центральное

место в его построениях заняла мысль о неразрывной связи человека с прошлым, с вековыми традициями и обычаями.

В предложенной ими органической теории общества государство предстало существом, стоящим над всеми людьми и обладающим способностью к самосохранению. Возводя власть и общество к проявлению промысла Божьего, Л. де Бональд, например, рассматривал власть как «живое существо», воля которого «называется законом, а его действия — правительством». С точки зрения консерваторов, общество, как и всякое естественное образование, имеет свое детство, юность, зрелость. Возражая Ж.-Ж. Руссо и И. Канту, которые считали, что общество и государство созданы человеком и для человека, де Бональд утверждал: «Человек существует только для общества; общество создается только для самого себя». По его мнению, государство — это «большая семья», которой принадлежат душой и телом все составляющие ее «обездоленные индивидуумы».

Консерваторы были убеждены в том, что человек не только не способен переустроить общество, но и не должен стремиться к этому, поскольку такое стремление явилось бы насилием над естественными законами развития социального организма. Как утверждал, например, Э. Бёрк, политические принципы следует приспосабливать к обычаям, национальным традициям, установившимся формам общественно-политических институтов. Существующим институтам, по мнению консерваторов, следует отдать предпочтение перед любой теоретической схемой, какой бы совершенной и рациональной она ни казалась.

Отправным пунктом философии консерватизма является тезис о греховной сущности человека. По мнению консерваторов, ее зло и страдания неотделимы от самого человеческого существования, и мудрость правителей состоит в том, чтобы свести к минимуму их последствия. Согласно Э. Бёрку над человеком довлеет проклятие первородного греха. В силу злой и греховной сущности своей природы он не ведает, что для него лучше и что хуже. Человек не только не способен переустроить общество, но и не должен стремиться к этому, поскольку такое стремление явилось бы насилием над естественными законами развития общества.

Свобода, о которой говорят идеологи Просвещения и Французской революции, утверждал Бёрк, не имеет ничего общего с истинной свободой, дарованной английскому народу обычаем и традицией. Цель общества не в придумывании мнимых свобод, которые могут обернуться всеобщей анархией, а в сохранении и защите существующих свобод, основывающихся на традиции.

Очевидно, что консерватизм представляет собой нечто большее, чем просто защиту интересов тех или иных слоев населения. «Консервативное» включает в себя утвердившийся и общепринятый в обществе набор ценностей, детерминирующих поведение и образ мыслей значительных категорий людей, а также формы приспособления к традиционным социальным нормам и институтам. Важное место в нем занимают глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, характерные для психологии массовых слоев населения. Большое значение имеет и то, что консерватизм выдвигается в контексте религиозной социальной философии.

Гносеологической предпосылкой консерватизма является то, что общественно-политический процесс имеет двойственную природу. Это, с одной стороны, эволюция, развитие и отрицание старого, разрыв с прошлым и творение нового. С другой стороны, он сохраняет и переносит из прошлого в настоящее и будущее все жизнеспособное, непреходящее, общечеловеческое. Любая общественно-политическая система может трансформироваться во многих своих аспектах, в то же время сохраняя преемственность в других аспектах.

Форсирование процесса разрушения старого мира во имя построения на его развалинах нового мира, как показал исторический опыт, в лучшем случае — занятие бесполезное, а в худшем случае чревато трагическими последствиями. Можно сказать, что лишь при наличии взаимодействия и тесного переплетения двух начал: развития и творения нового, с одной стороны, и сохранения преемственности с прошлым — с другой, можно говорить об истории и общественно-историческом процессе.

Консерватор рассматривает существующий мир как наилучший из всех возможных миров. Конечно, любая страна, любая нация нуждается в категории людей, партий и организаций, а также обосновывающей их интересы идеологии, призванных сохранять, защищать и передавать будущим поколениям то, что достигнуто к каждому конкретному историческому периоду, ибо народ без памяти о прошлом — это народ без будущего. Нельзя не сказать и то, что любому обществу в целом есть что отстаивать, сохранять и передавать будущим поколениям.

Принимая существующее положение вещей, консерватизм делает ударение на необходимости сохранения традиционных правил, норм, иерархии власти, социальных и политических структур и институтов. Вместе с тем истинный консерватизм, призванный защищать существующий порядок, отнюдь не закрывает глаза на изменяющиеся реальности. Поскольку мир динамичен и подвержен постоянным изменениям, консерватизм не может с порога отвергать все новое только на

том основании, что оно еще не приобрело характер традиции. Начиная со второй половины XIX в., особенно в XX в. (в ряде случаев — после Второй мировой войны), консерваторы приняли многие важнейшие идеи и принципы, которые раньше ими оценивались негативно.

Речь идет, например, о свободных рыночных отношениях, конституционализме, системе представительства и выборности органов власти, парламентаризме, политическом и идеологическом плюрализме. При всей своей приверженности религиозной вере большинство консерваторов после Второй мировой войны смягчили свои позиции в отношении рационализма и технократизма. Не было препятствий к тому, чтобы они приняли также идеи государственного регулирования экономики, социальных реформ, государства благосостояния.

Особенно значительные изменения консерватизм претерпел в 1970–1990-е годы, для которых была характерна так называемая консервативная или неоконсервативная волна. Особенность этого периода состояла в кризисе левых — от коммунистических до социал-демократических и кейнсианских — моделей общественного развития. Консерватизм по сути дела заполнил тот вакуум, который образовался с утратой левыми своих позиций, дефицитом дееспособных идей и концепций на левом фланге.

Для неоконсерваторов характерно прежде всего стремление вернуть ценности протестантской этики с ее духом самодисциплины и трудовой аскезы. Они превозносят принципы свободного рынка, критикуют практику государственного вмешательства в экономику, высказывают неприязнь к политике расширения социальных реформ. По их мнению, чрезмерно разросшиеся программы социальной помощи подрывают принцип опоры человека на собственные силы, воспитывают в людях иждивенческие настроения. Вместе с тем, придя к власти, неоконсерваторы в определенных сферах даже усиливали роль государства и не делали решительных шагов к демонтажу механизмов государственного регулирования, к «уходу» государства из экономики и отказу от социальных программ.

Приход к власти в США в 1980 г. Р. Рейгана и его победа на вторых выборах в 1984 г., победа консервативной партии во главе с М. Тэтчер в Англии 3 раза подряд, результаты парламентских и местных выборов в Германии, Италии, Франции показали, что идеи и принципы, выдвигавшиеся этими силами, оказались созвучными настроениям довольно широких слоев населения.

При близком рассмотрении между отдельными национальными вариантами консерватизма, да и внутри их, обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, расхождений

и т. д. Все же в целом можно выделить неоконсерваторов, новых правых, традиционалистских или патерналистских консерваторов. Отдельные группировки «новых правых» и часть неоконсерваторов в ряде стран по комплексу вопросов, связанных с социально-экономической сферой и ролью государства в ней, идет настолько далеко, что их, как правило, объединяют в так называемое «радикалистское» течение консерватизма, под которым подразумевались прежде всего «рейганизм» в США и «тэтчеризм» в Англии, установки которых в том или ином сочетании были заимствованы неоправыми и неоконсервативными группировками Западной Европы.

В целом их можно считать правыми радикалами, поскольку они ратуют за изменение сложившегося положения, особенно это касается регулирующей роли государства и восстановления принципов индивидуализма, свободных рыночных отношений, свободной конкуренции в их чистом виде. В крайних своих проявлениях либертаризм выступает за «анархо-капитализм», т. е. за свободное рыночное общество, вообще не признающее государство.

При внимательном рассмотрении обнаруживается, что сегодня консерваторов разделяют весьма глубокие расхождения, но все же они имеют и немало общего. В этом плане обращает на себя внимание тот факт, что большинство консервативных политических сил, учитывая изменения, происшедшие за последние десятилетия в структуре капитализма, осознает невозможность демонтажа механизмов государственного регулирования и возврата к системе, основанной всецело на принципах свободного рынка и неограниченной конкуренции.

В чем же состоит новизна новых вариантов консерватизма? Как правило, в качестве одного из важнейших элементов консерватизма рассматривается неприятие или неприязнь идеологий, идей, теорий. Но при этом нельзя забывать, что сам консерватизм есть не что иное, как комплекс идей, концепций, принципов и др.

Как правило, в качестве одного из важнейших элементов консерватизма рассматривается неприятие им любой идеологии. Нередко даже считается, что консервативное мышление носит «антитеоретический» характер. Конечно, не имеется в виду, что у консерваторов вообще нет идей и теорий, но они отдают предпочтение прагматизму, а не абстрактным схемам, опыту, а не теории. Консерваторы против абсолютизации каких бы то ни было идей, тем более против их осуществления в «чистом» виде на практике.

Теперь же, сделав поворот на 180 градусов, консерваторы выступили с призывом реидеологизации политики, восстановления определяющей роли идеологии. Реидеологизация выразилась прежде все-

го в решительной защите принципов свободных рыночных отношений, индивидуализма, свободной конкуренции, критике неэффективности государства благосостояния.

Традиционно консерватизм отождествлялся с защитой существующего порядка вещей в обществе, хотя, как уже отмечалось, он не мог полностью игнорировать все изменения. Консерваторы выступали за медленные и постепенные реформы «сверху», чтобы избежать революционных потрясений «снизу». Даже у вышеупомянутого Ж. де Мэстра, о котором у нас сложилось представление как о решительном и бескомпромиссном защитнике феодальных и абсолютистских порядков, монархические и клерикальные взгляды уживались с определенной долей терпимости в сфере религии и признанием неизбежности перемен. Он считал изменение «неизбежным признаком жизни». Более того, де Мэстр признавал факт эрозии старого порядка и неизбежность Великой французской революции. Однако при всем том Мэстр был убежден в том, что изменениям подвержены лишь формы вещей, а сущность их, будучи отражением божественной мысли, неизменна.

Нельзя не упомянуть, что у истоков социальных реформ стояли Б. Дизраэли, О. Бисмарк и др., внесшие заметный вклад в развитие современного консерватизма. Один из крупных теоретиков американского консерватизма, П. Вирек, рассматривал реформы как неизбежное зло, которое, по его словам, необходимо провести постепенно, без «антиисторической спешки», «сверху», а не «методами толпы» — «снизу».

В целом консерватизм выступает за медленные и постепенные изменения, имеющие, по их мнению, своей целью сохранение всего хорошего и исправление дурного. С изменением наличных социально-политических реальностей изменяется и содержание консерватизма.

Самое, казалось бы, парадоксальное в нынешнем консервативном ренессансе состоит в том, что консерваторы выступают инициаторами перемен. В этом плане неоправые и неоконсерваторы проявили изрядную степень гибкости и прагматизма, способность приспосабливаться к создавшимся условиям. Они четко уловили настроения широких масс населения, требующих принятия мер против застоя в экономике, безработицы, стремительно растущей инфляции, расточительства государственных средств, негативных явлений в социальной жизни и т. д.

В значительной степени разгадка успеха представителей консервативных сил сначала в Англии и США, а затем в Германии, Франции и других странах кроется в том, что они предложили перемены в момент, когда большинство избирателей желало перемен. Показательно, что лейтмотивом предвыборных платформ большинства

консервативных партий стали обещания перемен. На выборах 1979 г. М. Тэтчер, например, призывала к полному изменению политики господства государства во всех сферах жизни людей, на свертывание такого господства. В программе, предложенной на выборах 1980 г., Р. Рейган подчеркивал необходимость положить «новое начало Америки». Словарь германских консерваторов изобилует такими понятиями, как «поворот», «перемена», «переоценка», «новая ориентация», «обновление» и т. д.

«Неоправые» идут еще дальше. Так, представитель американских «новых правых» П. Уэйрич заявил: «Мы не консерваторы, мы радикалы, стремящиеся к свержению истеблишмента». Один из руководителей французских «новых правых», А. Бенуа, утверждал, что «любой консерватизм революционен». Быть консервативным, утверждают они, — значит «маршировать во главе прогресса», а тот, кто закрывает дорогу прогрессу, становится реакционером.

Значительное место в конструкциях современных консерваторов занимают проблемы свободы, равенства, власти, государства, демократии. Следует отметить, что сегодня большинство консерваторов считают себя решительными защитниками прав человека и принципов демократии. В целом для неоконсерваторов характерно двойственное отношение к государству. «Человек рожден свободным, но он всюду в цепях», — говорил демократ Ж.-Ж. Руссо. «В цепях он и должен быть», — отвечает на это консерватор, защищающий «необходимые цепи традиции и исторической преемственности».

С одной стороны, в глазах консерваторов государство — это защитник закона и морали. Без сильного государства общество оказывается во власти анархии. С другой стороны, сильное государство может стать инструментом подавления индивидуальной свободы. При необходимости выбора между интересами индивида и общества значительная часть консерваторов отдает приоритет обществу.

В целом консерваторы предпочитают известное неизвестному, настоящее и прошлое — будущему. В деле сохранения стабильности общества, полагают они, лучше руководствоваться мудростью, унаследованной от прошлых поколений, чем взвешивать каждый вопрос на весах личных мнений и разума. Индивид глуп, а род мудр.

19.3. Социал-демократизм

Под социал-демократией подразумевают теорию и практику социалистических и социал-демократических партий, которые сформировались в течение конца XIX — начала XX в. Социал-демократию мож-

но обозначить и как социально-политическое, и как идейно-политическое движение. Причем внутри ее существует целый ряд национальных и региональных вариантов фракций, расходящихся по своим идеологическим и политическим установкам.

Например, применительно к социалистическим партиям Франции, Италии, Испании, Греции, Португалии используются понятия «социализм», «латинский социализм» или «средиземноморский социализм». Существуют «скандинавская» или «шведская модель», «интегральный социализм», характерный для Австрии, т. е., говоря о социал-демократии, мы имеем дело с весьма сложным и многоплановым явлением.

Но тем не менее все названные разновидности социал-демократии с теми или иными оговорками, как правило, объединяются общим понятием — «демократический социализм». Своими корнями социал-демократия восходит к Великой французской революции и идеям социалистов-утопистов. Но она вобрала в себя также множество идей из других идейно-политических течений. Особо следует отметить, что первоначально социал-демократия вызревала отчасти в рамках марксизма, отчасти под его сильным влиянием. При этом главным стимулом утверждения и институционализации социал-демократии стали формирование и неуклонное возрастание в последней трети XIX — начале XX в. роли и влияния рабочего движения в лоне капиталистического развития. Более того, почти все социал-демократические партии возникли как внепарламентские партии, призванные отстаивать в политической сфере интересы рабочего класса.

Социал-демократия возникла как альтернатива капитализму. В этом качестве первоначально она в принципе разделяла важнейшие установки марксизма на ликвидацию капитализма и коренное переустройство общества путем обобществления средств производства и установления диктатуры пролетариата. Отдельными ее отрядами признавался также предлагавшийся марксистами революционный путь ликвидации капитализма и перехода к социализму.

Но в реальной жизни получилось так, что социал-демократия в общем и целом отвергла эти идеи, признала существующие общественно-политические институты и приняла общепринятые правила политической игры. Партии социал-демократической ориентации стали парламентскими партиями и внесли существенный вклад в дело интеграции рабочего движения в политическую систему. С этой точки зрения всю последующую историю развития социал-демократии можно рассматривать также как историю ее постепенного отхода от марксизма.

Важную роль в эволюции социал-демократии сыграла сама социально-политическая практика, которая заставляла политиков учитывать общественно-исторические реальности, приспособляться к ним, находить доступные пути улучшения условий жизни трудящихся. Жизненные реалии убеждали лидеров социал-демократических партий в бесперспективности революционного варианта перехода к новой общественной системе, в необходимости и возможности усовершенствовать сложившиеся институты, принять многие из ценностей, норм, принципов существующего общества. Они воочию видели, что многие требования рабочего класса можно реализовать мирными средствами, в процессе повседневных постепенных перемен.

Особенно быстрыми темпами процесс преодоления радикальных настроений, разработки концепции демократического социализма, ориентированной на поэтапное реформирование социального и политического строя, пошел после 1917 г., после большевистской революции в России, продемонстрировавшей перед всем миром истинную цену революционного пути перестройки общества.

Следует подчеркнуть, что именно по основополагающим принципам марксизма, касающимся революции, непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата в первые два десятилетия XX в. обозначился великий схизм, или раскол, в рабочем движении и социал-демократии. Не будь этого схизма, по-иному могла бы сложиться магистральная линия исторического развития современного мира. Но большевистская революция и созданный вслед за ней III Коммунистический Интернационал фактически институционализировали этот раскол. Социал-демократия и коммунизм, выросшие практически из одной и той же социальной базы и одних и тех же идейных источников, по важнейшим вопросам мироустройства оказались по разные стороны баррикад.

Как бы предвидя возможность появления авторитарного социализма (согласно марксистской идее диктатуры пролетариата), руководители реформистского крыла социал-демократии поставили своей целью построение демократического социализма. Само понятие «демократический социализм» вошло в научный и политический лексикон в конце XIX в. и включало в себя идею политической, экономической и культурной интеграции рабочего движения в существующую систему. Представители данного крыла с самого начала признавали правовое государство как позитивный фактор в деле постепенного реформирования и трансформации капиталистического общества.

Основной вклад в разработку концепции демократического социализма внес известный деятель германской социал-демократии конца XIX в. Э. Бернштейн. Главная его заслуга состояла в отказе от тех идей марксизма, реализация которых в России и ряде других стран привела позже к установлению тоталитарных режимов. Речь при этом прежде всего шла о социальной революции, насильственном уничтожении старого мира, диктатуре пролетариата, непримиримой классово-вой борьбе.

Отвергая идею диктатуры пролетариата, Э. Бернштейн обосновывал необходимость отказа от насильственных форм борьбы и перехода социал-демократии «на почву парламентской деятельности». Как писал Бернштейн, в политической области только демократия представляет наиболее пригодную форму самоорганизации общества для осуществления социалистических принципов: свободы, равенства, солидарности.

Немаловажный вклад в формирование программы нового идейно-политического течения внесли представители английского фабианского и гильдейского социализма и реформистских течений во французском социализме. Следует назвать также австромарксизм, особенно его ведущих теоретиков — О. Бауэра, М. Адлера, К. Реннера, активно выступивших против большевизма и ленинизма. Были и такие национальные социал-демократические движения, которые с самого начала развивались на сугубо реформистских началах и испытывали на себе лишь незначительное влияние марксизма. К ним относятся, в частности, английский лейборизм и скандинавская социал-демократия.

Отвергая революционный путь замены капитализма социализмом, они вместе с тем декларировали своей целью построение справедливого общества. При этом они исходили из тезиса о том, что, ликвидировав эксплуатацию человека человеком, необходимо оставить в неприкосновенности основные либерально-демократические институты и свободы.

В такой социалистической интерпретации либеральных принципов Бернштейн выделял три основные идеи: свобода, равенство, солидарность. Причем на первое место он ставил солидарность рабочих, считая, что без нее свобода и равенство при капитализме для большинства трудящихся останутся лишь благими пожеланиями. Здесь перед социал-демократией возникал сакраментальный вопрос: как добиться того, чтобы социалистическое общество стало обществом наибольшей экономической эффективности и наибольшей свободы, одновременно не отказываясь от равенства всех членов общества?

Главную задачу социал-демократии Бернштейн и видел в том, чтобы разрешить эту антиномию. Вся последующая история социал-демократии по сути дела и есть история поисков путей разрешения этой антиномии.

В духе дискуссий в немецкой социал-демократии в русском легальном марксизме также начался пересмотр ряда важнейших положений классического марксизма. По-видимому, определенный потенциал развития по реформистскому пути был заложен и в российской социал-демократии, в той ее части, которая была представлена меньшевиками, в особенности Г. В. Плехановым и его сподвижниками. Но победу в ней, как мы знаем, одержало революционное крыло во главе с В. И. Лениным.

После Второй мировой войны наступил новый этап в судьбах демократического социализма. В 1951 г. Социалистический интернационал принял новую программу принципов — Франкфуртскую декларацию. В ней были сформулированы основные ценности демократического социализма, которые по сути дела означали окончательный отказ от марксизма. Последняя точка над «i» в этом вопросе была поставлена в Венской программе Социалистической партии Австрии (1958 г.) и Годесбергской программе СДПГ (1959 г.), которые решительно отвергли основополагающие постулаты марксизма о диктатуре пролетариата, классовой борьбе, уничтожении частной собственности и обобществлении средств производства. В последующем по этому же пути — одни раньше, другие позже (некоторые — в 1980-х годах) — пошли остальные национальные отряды социал-демократии.

Руководствуясь подобными идеями, в реализации которых государству отводилась немаловажная роль, в послевоенные десятилетия европейская социал-демократия добилась внушительных успехов. Оказавшись в ряде стран у руля власти или превратившись в серьезную парламентскую силу, социал-демократические партии и поддерживающие их профсоюзы стали инициаторами многих реформ (национализация ряда отраслей экономики, беспрецедентное расширение социальных программ государства, сокращение рабочего времени и т. д.).

Конструктивной силой в мировом развитии в послевоенные годы стал Социалистический интернационал, объединивший 42 социалистические и социал-демократические партии. Европейская социал-демократия внесла немаловажный вклад в дело достижения разрядки напряженности между Востоком и Западом, в подготовку хельсинкских договоренностей, в другие важные процессы, способствовавшие оздоровлению международного климата послевоенных десятилетий.

Неоценимый вклад во все начинания социал-демократии XX в. внесли такие ее выдающиеся деятели, как В. Брандт, У. Пальме, Б. Крайский, Ф. Миттеран и др.

В целом социал-демократы выступают за постепенность и конкретность мер, принимаемых в процессе повседневной рутинной работы, за политику так называемых «малых дел», которые в совокупности и составляют движение к социализму. Такой подход в сущности стал стратегической установкой политических программ большинства партий демократического социализма. Поэтому неудивительно, что у них общее направление политики определяется относительно краткосрочными программными документами, содержащими перечень мер, подлежащих осуществлению в случае победы на очередных выборах.

19.4. Марксизм

Марксизм представляет собой одно из крупных течений идейно-политической и социально-философской мысли, включающее в себя комплекс воззрений по широкому комплексу общественно-исторических, экономических, социальных, политических, идеологических и множеству других проблем. Основные его положения были разработаны в XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом. Их идеи в дальнейшем были развиты многочисленными последователями: Э. Бернштейном, Г. В. Плехановым, В. И. Лениным, К. Каутским и др.

Марксизм возник и развивался в общем русле европейской политико-философской мысли, и в этом смысле он являлся детищем Просвещения и рационалистической традиции. Его родовая близость, например, к либерализму выражается, в частности, в наличии в нем целого ряда положений, которые либералы могут принять без особых оговорок. Речь идет, например, о таких положениях, как «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», «свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный», «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» и др.

В то же время в марксизме содержались элементы, которые стали основой для радикального пересмотра и отрицания важнейших положений породившей его капиталистической парадигмы. Главное внимание уделялось обоснованию мысли о том, что экономический базис определяет структуру и характер политической и идеологической надстройки. Именно противоречие между производительными силами и производственными отношениями служит движущим фактором общественно-исторических изменений. *«Способ производства*

материальной жизни, — писал Маркс, — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».

Иначе говоря, в рамках каждой общественно-политической системы производительные силы могут развиваться до определенного предела, который становится препятствием для их дальнейшего развития. Наступает эпоха социальной революции, в результате которой создаются новые экономические и политические отношения, соответствующие уже более развитым производительным силам. Исходя из такой установки, Маркс выделял азиатский, рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства, названные им социально-экономическими формациями.

Причем, выходя далеко за пределы экономической теории, марксизм претендовал на всеохватывающее толкование смысла истории и самого человеческого существования. В нем выделяются две части: диалектический материализм и исторический материализм. Общим является признание первичности материи и вторичности духа. Если диалектический материализм изучает законы развития физического мира, то исторический материализм претендует на познание законов развития общества.

Особенно важную роль в марксизме играет теория классов и классовой борьбы. Как утверждали Маркс и Энгельс, в каждой из следовавшей одна за другой формации существовали класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. При рабовладельческой формации это были рабовладельцы и рабы, при феодальной — феодалы и крестьяне, при капиталистической — буржуазия и рабочий класс. Неотъемлемой чертой общества, построенного на эксплуатации человека человеком, является классовая борьба, которая разворачивается вокруг вопроса о собственности и контроле над средствами производства.

Поэтому, по мнению марксистов, на протяжении всей истории именно эта борьба определяла характер и направления общественного развития. Все политические институты, духовные ценности, правовые нормы вторичны относительно экономических отношений и формируются правящим классом, в руках которого сосредоточена экономическая власть.

Важное место в марксизме занимает концепция общества, сформулированная в качестве альтернативы строю частной собственности, эксплуатации и классового противостояния. Схематично, но «красочно» и эмоционально К. Маркс рисовал картину будущего, которое

несет коллективную собственность на средства производства, социальное равенство, свободу от классового разделения.

Необходимость перехода к коммунистическому обществу возникает, когда производительные силы при капитализме достигают такой высокой степени развития, что существующие производственные отношения становятся главным тормозом экономического прогресса. Наступает эпоха социалистической или коммунистической революции, призванной ликвидировать все формы классового угнетения и построить бесклассовое общество на принципах социальной справедливости и всеобщего равенства.

В основе изложенной схемы лежало убеждение марксистов в том, что капитализм в силу его классовой и антагонистической сущности имеет преходящий характер и обречен на исчезновение. Капитализм сам создает себе могильщика в лице рабочего класса, который неизбежно, в силу присущего капитализму закона абсолютного и относительного обнищания масс, становится на путь революционной борьбы за свержение власти буржуазии. В результате победоносной социалистической революции устанавливается диктатура пролетариата, имеющая целью уничтожение всех враждебных классов и построение социализма как первой стадии на пути перехода к коммунизму.

Однако в работах классиков марксизма мы не найдем сколько-нибудь подробной характеристики конкретных социально-экономических и политических параметров социалистического и коммунистического типов общества, весьма слабо разработана теория государства. По сути дела здесь мы имеем не столько теорию, сколько критику существующего буржуазного государства. Независимо от формы государственно-политического устройства, будь то античные демократии, древнеримская империя, восточные деспотии, абсолютизм средневековой Европы или парламентские представительные демократии XIX в., утверждали основоположники марксизма, содержание и смысл господства остаются одинаковыми: это диктатура эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством.

Что касается буржуазного государства, то Маркс называл его «комитетом, управляющим общими делами всего класса буржуазии». Соответственно буржуазная демократия рассматривалась в марксизме лишь как политико-правовая оболочка классового господства капитала над наемным трудом, буржуазии — над трудящимися массами.

Поскольку любое государство представляет собой орудие господства одного класса над другими классами, с исчезновением классовых

различий и сосредоточением всех средств производства в руках рабочего класса сама потребность в «публичной власти», т. е. в государстве, потеряет всякий смысл. Однако исторический опыт XX в. убедительно продемонстрировал жизнеспособность и, более того, необходимость государства в деле решения важнейших проблем, стоящих перед обществом.

Противоречия и конфликты не могут исчезнуть из жизни людей. Результатом исчезновения или ликвидации государства, призванного разрешить эти конфликты и противоречия, стали бы хаос и анархия, которые по своим разрушительным возможностям могут оказаться хуже любой диктатуры и деспотизма. Тем более тот же опыт XX в. показал, что результатом социальных революций, в том числе и социалистической, как это было в России и Китае, становится не уничтожение государства, а многократное его усиление и расширение.

Таким образом, суть социальной теории марксизма можно свести к следующим основным положениям:

- экономический базис общества определяет его политико-идеологическую надстройку;
- противоречие между производительными силами и производственными отношениями и классовая борьба определяют основные направления общественно-исторического развития;
- капитализм в силу своей классовой эксплуататорской сущности носит преходящий характер;
- капитализм порождает своего могильщика в лице рабочего класса, который в ходе социальной революции свержает власть буржуазии и устанавливает диктатуру пролетариата как переходного этапа к коммунизму.

19.5. Ревизия марксизма слева

Не раз предпринимались попытки пересмотра и ревизии социально-философских, экономических и политических идей и установок, разработанных К. Марксом и Ф. Энгельсом. Поэтому неудивительно, что при всем своем внешнем единстве марксизм является многоплановым и сложным течением политико-философской мысли. В его рамках можно обнаружить множество как национальных, так и идеологических различий и оттенков.

Первоначально марксизм лег в основу программ и платформ социал-демократических партий, возникших в конце XIX в. Однако, как отмечалось выше, начиная с этого времени и особенно на протяжении всего XX в. социал-демократия постепенно подвергла ревизии

важнейшие положения марксизма справа, т. е. на путях отказа от его революционных лозунгов и разработки собственного реформистского пути преобразования общества. Этот путь привел подавляющее большинство социал-демократов к полному отказу во второй половине XX в. от основных положений и установок марксизма.

Марксизм подвергся также существенной ревизии слева в направлении конкретизации и ужесточения заложенных в нем революционных принципов. На этом пути отдельные его положения были использованы для разработки в конце XIX — начале XX в. политической доктрины левого крыла социал-демократии в лице ленинизма и родственных ему течений. Инициатива в этом деле принадлежала русской левой социал-демократии во главе с В. И. Лениным. Поэтому новое течение и получило название марксизма-ленинизма или просто ленинизма, который в свою очередь лег в основу левототалитарной большевистской теории общества и государства.

Если К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что социалистическая революция произойдет первоначально в экономически наиболее развитых странах, то В. И. Ленин пришел к выводу о возможности ее победы в относительно отсталых индустриально-аграрных странах, к числу которых относилась Россия. Не менее важно и то, что в отличие от Маркса и Энгельса, по мнению которых социалистическая революция достигнет успеха лишь в том случае, если она произойдет одновременно в группе наиболее развитых стран Европы, Ленин обосновывал мысль о возможности ее победы в одной, отдельно взятой, стране.

Но дело не только и не столько в этом. В. И. Ленин и его сподвижники настолько пересмотрели и *дополнили* учение своих предшественников, что, оценивая ленинизм, правомерно говорить по сути дела о новом политико-философском или идейно-политическом течении, во многом по своим базовым установкам существенно отличающемся от классического марксизма.

История предоставляет нам множество примеров того, что одни и те же идеи в разных исторических условиях могли использоваться для обоснования совершенно разных интересов и целей. Более того, на основе одного и того же набора данных можно построить разные, иногда несовместимые друг с другом философские и идейно-политические конструкции. Часто большее значение приобретает не просто какая-либо идея, взятая сама по себе, а то, как она интерпретируется, в каких и в чьих интересах она используется.

Во-первых, из самого марксизма, наряду с ленинизмом и другими течениями левототалитарной политической мысли (сталинизмом,

титоизмом, маоизмом, троцкизмом и др.) вышли также социал-демократизм, австромарксизм, неомарксизм, еврокоммунизм, отдававшие приоритет реформистскому пути преобразования общества. В данной связи нельзя не обратить внимание на тот факт, что примерно такое же положение наблюдается применительно к другим важнейшим течениям политико-философской мысли.

Так, из лона классического либерализма вышел не только социальный или реформистский либерализм XX в., но и разного рода радикальные течения индивидуалистического анархизма, либертаризма, твердого индивидуализма. Напомним в данной связи и тот неоспоримый факт, что сам марксизм во многом являлся детищем либерализма.

В. И. Ленин совершенно обоснованно говорил о трех известных источниках марксизма. Точно так же сам ленинизм помимо марксизма, который, как уже говорилось, был подвергнут существенной ревизии, черпал идеи из целого ряда других источников. На дух ленинизма, по-видимому, существенный отпечаток наложили якобинство периода Великой французской революции, бланкизм с его теорией заговора и конспирации, нечаевщина с ее террором, некоторые идеи русских революционных демократов.

Следует особо отметить также то, что помимо упомянутых выше коррективов, которые были внесены в первоначальные установки марксизма, В. И. Ленин, как незаурядный политический деятель и идеолог, творчески переосмыслил все эти идеи, строго ориентировав их на цели захвата и удержания государственной власти. С этой точки зрения его вклад состоял в предельной политизации и идеологизации марксизма, выхолащивании его научного содержания и потенциала, сведении его к нескольким догмам, служащим всецело обоснованию и продвижению революции.

Ленин разработал пути и средства, стратегию и тактику захвата и удержания государственной власти. Речь идет о революционной партии нового типа, теории социалистической революции, теории и практике диктатуры пролетариата, демократического централизма и социалистического государства, создании нового типа изоляции противников режима в виде концентрационных лагерей, а также машины широкомасштабного государственного террора. Все эти компоненты и сделали ленинизм одним из вариантов тоталитарной модели переустройства общества.

Наряду с ленинизмом тоталитарные альтернативы переустройства капиталистического общества на революционном пути сформировались и на правом фланге. Речь идет прежде всего о фашизме и нацио-

нал-социализме. С ними тесно связано еще одно течение, называемое авторитаризмом. Они более подробно рассмотрены в главе, посвященной политическим системам диктаторского типа.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под идейно-политическим течением?
2. Назовите и охарактеризуйте важнейшие признаки либерализма.
3. Кого можно назвать отцами-основателями либерализма?
4. Выделите общее и особенное в классическом и новом либерализме.
5. Назовите особенности развития либерализма в XX в.
6. Назовите важнейшие признаки консерватизма.
7. Кого можно назвать отцами-основателями консерватизма?
8. В чем вы видите новизну неоконсерватизма и новых правых?
9. Каковы идейные истоки социал-демократии?
10. Что понимается под социал-демократизмом?
11. Кто внес наибольший вклад в разработку социал-демократизма?
12. Перечислите особенности социал-демократий послевоенного периода.
13. Перечислите основные идейно-политические установки марксизма.
14. Как вы оцениваете роль ленинизма в истории?

Глава 20

Средства массовой информации и политика

Один из важнейших институтов современного общества — средства массовой информации (СМИ), выполняющие многообразные функции, в том числе такие, как информирование населения о значительных явлениях и событиях, происходящих в стране и в мире, научное и культурное просвещение, образование и социализация, развлечения, реклама. Массовая культура в различных ее вариантах формируется, воспроизводится и распространяется с помощью СМИ. Так или иначе СМИ оказывают влияние почти на все сферы и институты современного общества, включая политику, образование, семью, религию. Огромна их роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания в целом.

20.1. Место и роль СМИ в политике

Сила СМИ состоит в их возможностях прямой связи с общественностью, как бы минуя традиционные институты связи, такие как церковь, школа, семья, политические партии и организации и т. д. Как раз эта способность и используется рекламным агентом, пытающимся уговорить публику купить тот или иной товар, а также политическим деятелем, политической партией и др. для обеспечения массовой поддержки своей программы. В наши дни СМИ выступают активным субъектом политической жизни. Обладая мощными ресурсами политического влияния, они превратились в один из основных инструментов управления политическим процессом. Это подтверждает широко распространенное мнение о том, что СМИ заменяют политические партии в качестве основного механизма регулирования и реализации политического и особенно избирательного процесса. Утверждается, что журналисты, репортеры, специалисты по рекламе и другие представители СМИ заменили традиционных политиков, выступая в качестве привратников политического процесса.

Не лишены основания наблюдения и тех специалистов, которые изображают журналистов как новых творцов политических идей и

мифов, взявших на себя функцию, которую раньше выполняли интеллектуалы. Знаменательно, что в современной политологии СМИ характеризуют такими пышными титулами, как «великий арбитр», «четвертая ветвь власти», наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Вера во всемогущество телевидения и прессы настолько велика, что иные политические деятели считают, что тот, кто контролирует ведущие телеканалы и печатные издания, контролирует страну.

И действительно, современную политику невозможно себе представить без прессы, радио и телевидения. Можно со значительной долей уверенности сказать, что в тех грандиозных переменах, которые в настоящее время переживает наша страна, не последнюю роль играют СМИ. Более того, можно даже утверждать, что в условиях отсутствия оппозиционных партий, сколько-нибудь значимых организаций и союзов, способных бросить реальный вызов тоталитарной системе, СМИ сыграли роль своего рода организатора и мощного стимулятора тех сил, которые в конечном счете способствовали политическому поражению этой системы.

В течение длительного времени главным источником информации для широкой публики служила пресса — газеты и журналы. Первоначально многие из них возникли в качестве органов тех или иных политических партий либо в той или иной форме были вовлечены в политический процесс. Во всяком случае издатели газет с самого начала не скрывали, что не собираются быть политически нейтральными. Значение имело и то, что на страницах газет предлагалась не только политическая и экономическая информация. Предоставляя также материалы развлекательного характера и местные новости, они приучили простых людей рассматривать себя как часть более широкого мира, реагирующую на происходящие в нем события.

Радио и телевидение значительно расширили возможности эксплуатации массовых коммуникационных процессов в политических целях. Изобретение радио в конце XIX в. радикальным образом изменило механизм распространения информации, сделав возможной передачу ее через государственные границы и на дальние расстояния без необходимости физического присутствия. К началу и в период Второй мировой войны радио стало одним из главных средств политической мобилизации общества и важнейшим инструментом пропаганды. Еще более возросла его роль в послевоенный период, когда оно пришло практически во все уголки развитых стран.

Для телевидения период от его возникновения до превращения в важный инструмент политики оказался еще короче, чем для радио, что объясняется главным образом бурными темпами научно-технического

развития. Началом «эры телевидения» в политике считается 1952 г., когда оно было впервые использовано для широкого освещения президентской избирательной кампании в США. В 1970–1980-х годах телевидение, которое приобретало все больший вес в политическом процессе, стало доминирующим средством массовой информации. В качестве примера влияния телевидения на характер политического поведения и особенно голосования американских избирателей в США часто приводят телевизионные дебаты между кандидатами демократической партии Дж. Кеннеди и республиканской партии Р. Никсоном в 1960 г. Э. Роупер, который в тот период провел опрос среди избирателей, пришел к выводу, что именно преимущество Кеннеди на этих теледебатах в значительной степени способствовало его победе.

В настоящее время телевидение, став доминирующим средством массовой информации, обладает огромными возможностями для воздействия на общественное мнение. В зависимости от того, в чьих руках оно находится, его можно использовать как для объективного и оперативного информирования людей о реальных событиях в стране и в мире, их просвещения и воспитания, так и для манипулирования в интересах тех или иных групп.

Функционирование СМИ подчиняется законам рыночной экономики. Они пронизаны противоречиями общества и воспроизводят их в своих публикациях и программах. Они затрагивают интересы различных слоев и групп. По мере увеличения экономической мощи и социокультурного влияния СМИ приобретают относительную свободу от контроля со стороны государства и крупнейших корпораций-рекламодателей. Естественно, реклама, будучи одним из важнейших источников финансирования и прибыли СМИ, была и остается существенным препятствием к их моральной и политической независимости.

Однако дело нельзя представлять таким образом, что рекламодатели прямо диктуют главному редактору той или иной газеты или журнала свою волю. Тем более что крупнейшие конгломераты СМИ на Западе сами превратились в самостоятельную, исключительно прибыльную отрасль бизнеса со своими особыми интересами, которые не всегда совпадают и даже зачастую вступают в конфликт с интересами тех или иных влиятельных сил в обществе или политического руководства страны.

Поэтому роль СМИ в политике нельзя оценивать однозначно. Как институт, предназначенный для информирования населения о происходящих в стране и во всем мире событиях, СМИ обеспечивают расширенную форму человеческой коммуникации. Они претендуют на выполнение роли стража общественных интересов, на то, чтобы быть

«глазами» и «ушами» общества, предупреждая, например, о спаде в экономике, росте наркомании и преступности, коррупции в коридорах власти. Теле- и радиожурналисты могут пролить свет на скрытые пружины политики правящих кругов, обратить внимание общественности на те или иные непопулярные в народе решения и действия властей. Многие СМИ задают тон в публичных дискуссиях и спорах, доводят до общественности наиболее актуальные проблемы политической и социально-экономической жизни, знакомят читателей и слушателей с периодически возникающими политическими скандалами.

Следует отметить и то, что многие журналы и газеты, а также радиовещательные и радиотелевизионные станции, такие, как, например, «Шпигель», «Штерн», «Тайм», «Ньюсуик», «Камбио-16», «Панорама», «Эуропео», «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс», «Монд», «Фигаро», «Матен» и др., держатся на плаву и даже процветают на вскрытии скандалов, разоблачении махинаций, выискивании секретов, выставляя их на всеобщее обозрение. Разоблачительная или «исследовательская» журналистика стала девизом многих изданий.

В этом отношении не являются исключением и российские СМИ, которые также падки до сенсации, стремятся «взорвать бомбы», раскрывая одновременно коррупцию, должностные злоупотребления, обман избирателей и падение политической морали в коридорах власти. Многие из этих изданий задают тон в публичных дискуссиях и спорах, доводят наиболее актуальные проблемы и темы, скандалы и аферы до общественности.

Например, в поражении российской армии в первой чеченской войне немаловажную роль сыграло ее освещение (к слову скажем, не всегда достоверное, а порой и предвзятое) российскими СМИ, особенно электронными. Именно «раскрутка» ими эпизода с коробками из-под ксерокса, наполненными долларовыми купюрами, которые бойцы из службы охраны президента изъяли у некоторых членов предвыборного штаба Б. Ельцина в 1996 г., вынудила последнего убрать из своей команды довольно заметные фигуры, подталкивающие его под тем или иным предлогом отменить выборы и нелегитимным путем остаться у власти.

Именно с подачи ряда так называемых элитных изданий стало достоянием гласности Уотергейтское дело, приведшее впервые к отставке президента Р. Никсона в 1974 г.

Необходимо отметить и то, что, апеллируя к таким чувственным, иррациональным, эмоционально-волевым компонентам общественного сознания, как чувство любви к родине, националистические и патриотические настроения, СМИ способны мобилизовать поддержку

значительных слоев населения тех или иных акций правящих кругов или отдельных заинтересованных групп. Наиболее наглядное представление об этом можно получить, если проанализировать, как с помощью средств массовой информации правящему классу США во главе с Дж. Бушем-мл. удалось мобилизовать поддержку подавляющего большинства населения развязанной им агрессии против Ирака.

Как правило, в подобных случаях изменения в массовом сознании носят кратковременный характер и по завершении пропагандистской акции все, как говорится, возвращается на круги своя. Эта особенность функционирования СМИ наиболее отчетливо проявляется в избирательном процессе, во время предвыборных кампаний.

Результаты многих социологических и социально-психологических исследований показывают, что постоянные сообщения СМИ об авариях, катастрофах с большим числом жертв, убийствах и ограблениях, захватах заложников, угоне самолетов, подаваемые как сенсации, порождают у читателей, слушателей, зрителей беспокойство и страх, внушают ощущение неустойчивости миропорядка, присутствия постоянной опасности нарушения привычного хода жизни, усиливают опасения за свое будущее, за судьбу своих близких. Факты свидетельствуют о том, что у людей, слишком часто прибегающих к услугам СМИ, легче вырабатываются негативные установки относительно окружающего мира.

При всем сказанном необходимо учесть следующее обстоятельство. Несомненно, совокупность программ и материалов СМИ оказывает влияние на формирование общественного мнения, но они не штампуют его. Общественность не является однородной массой, а представляет собой конгломерат различных социальных групп, слоев, прослоек, включенных в семейные, производственные и иные отношения со своими привычками, установками, ориентациями, ценностями и вкусами. Не существует среднего телезрителя или читателя, телевидение или газета представляет собой лишь один из многих элементов, связывающих отдельного индивида с обществом. Влияние СМИ осуществляется в значительной степени опосредованно через эти элементы и фильтры.

Поэтому, например, решение избирателей голосовать за ту или иную партию или конкретного кандидата помимо СМИ определяется такими факторами, как социальная структура и форма политической системы, политическая культура и система ценностных ориентаций, состояние общественного мнения, а также конъюнктурными факторами, определяющими внутри- и внешнеполитические условия, состояние экономики и т. д. Воздействие СМИ модифицируется влия-

нием семьи, школы, церкви, общины и других институтов, которые в свою очередь испытывают на себе воздействие СМИ. Как бы то ни было, изучение данного феномена необходимо дополнить анализом межличностного общения, межличностных отношений, взятых во всем объеме и во всей сложности. При таком подходе обнаруживается, что СМИ не дают и не могут дать зеркальное отражение действительности. Взятые сами по себе, они не всегда и не обязательно являются инициаторами или субъектом изменений в сознании отдельных людей или социальных групп, а также инструментом разрушения, а не инструментом созидания и прогресса. Их позитивная или негативная роль определяется тем, какими именно социальными силами и с какой целью они используются. Здесь уместно напомнить высказывание известного английского историка Дж. М. Тревеллэна о том, что политика — результат, а не причина социальных изменений. То, что СМИ служат инструментом изменений в том или ином направлении, определяется в конечном счете теми задачами и потребностями, которые выдвигаются каждой конкретной общественно-исторической ситуацией. С этой точки зрения СМИ являются лишь одним из инструментов, дополнительным фактором, способствующим изменениям. Здесь характер и масштабы их влияния не следует оценивать по схеме «стимул — реакция, непосредственные причины — результаты».

20.2. Что такое теледемократия?

Важная особенность развернувшейся в настоящее время информационной и телекоммуникационной революции заключается в замене однолинейной связи между отправителем и получателем информации многофункциональной и диалоговой связью, создающей новые возможности для участия в информационном обмене. Значимость этого факта для политических процессов стала особенно очевидной с внедрением кабельного телевидения двусторонней связи, которое завоевывает все более прочные позиции во всех индустриально развитых странах.

Кабельные телеприемники оснащены коммутационными панелями и микропроцессорами и подключаются к центральному компьютеру кабельной компании. При помощи технологии двусторонней связи потребитель может читать газету, получать почту, делать покупки, читать видеокниги из библиотеки, улаживать свои финансовые дела. Система может быть использована и как предупреждение о пожаре или попытке взлома. Более того, с помощью системы двусторонней связи зрители имеют возможность выражать свое мнение по

принципу «да — нет», «больше — меньше», нажимая соответствующие клавиши панелей, установленных в их телеприемниках. Новые технические средства и приемы в политическом процессе могут быть использованы для проведения опросов общественного мнения в политических дискуссиях с моментальным подведением их итогов, для проведения референдумов.

Рассматриваемые средства и приемы получают настолько большую популярность, что в западной политологии их характеризуют как средства всеобщей демократизации общества. Новая технология открывает дорогу возможности выражать все существующее в обществе многообразие мнений, дополнять институты представительной демократии элементами демократии участия. Для обозначения данного феномена предложено даже специальное понятие — «теледемократия».

Демократия участия рассматривается как такая система политической организации общества, при которой граждане сами, без посреднической помощи избираемых представителей решают интересующие их сравнительно простые социальные и политические вопросы. Действительно, современная техника позволяет при решении конкретных проблем, имеющих значение для населения определенной местности, региона или страны в целом, вводить отдельные элементы теледемократии, использовать приемы электронного голосования на дому. Однако было бы опрометчиво однозначно оценивать значение и роль новейших средств телекоммуникации — все зависит от того, кем, как и в каких целях они используются.

Так, технология двусторонней политической коммуникации позволяет организаторам опросов манипулировать полученными данными, которые во многом заранее предопределяются составителями кабельных программ, — ведь зрителю предоставляется право выбора из ограниченного числа альтернатив, например: *A*, *B* или *B*, «да» — «нет».

Следует учитывать и то, что теледемократия участия с помощью кабельного телевидения может означать усиление тоталитарных тенденций. Приобретая форму своеобразного плебисцита, опросы по сути дела перешагивают стадию обсуждения тех проблем, по которым предлагается принимать решения. Избиратель остается наедине с центральной ЭВМ, лишь регистрирующей его мнение. Политики же приобретают дополнительный канал влияния на общественное мнение. При таком положении увеличивается возможность навязывания публике решений, основанных на эмоциях, а не на разумных размышлениях.

Таким образом, активизация и расширение поля деятельности СМИ, с одной стороны, способствуют лучшему освещению и доведению до широких слоев населения проблем, стоящих перед обществом, позиций

различных партий и политиков, предлагаемых ими альтернатив, а с другой — служат беспрецедентному увеличению возможностей для манипулирования настроениями и ориентациями людей. Поэтому нельзя не затронуть еще один аспект проблемы политической роли СМИ.

20.3. Взаимосвязь СМИ и властных структур

Характер взаимоотношений правительства и средств массовой информации варьируется от страны к стране в зависимости от того, о каких органах СМИ идет речь, какое правительство находится у власти, какие проблемы стоят в центре его внимания, какова ситуация в стране и в мире. Немаловажное значение имеет и то, в какой мере программа правящей партии и оппозиции близка политическим взглядам и владельцев, и сотрудников СМИ. Для получения из первых рук информации по важнейшим вопросам государственной политики СМИ заинтересованы в доступе к ведущим государственным и политическим деятелям, особенно руководителям партий, главам государств и правительств. Неудивительно, что подавляющая часть журналистов, корреспондентов, репортеров сосредоточена в столицах индустриально развитых стран мира.

Хотя отдельные газеты и журналы ассоциируются с конкретными политическими партиями или организациями и даже выступают официальными органами последних (в качестве типичного примера можно привести газету «Форверст» и журнал «Нойе Гезельшафт» — официальные органы Социал-демократической партии Германии), большинство органов СМИ в индустриально развитых странах предпочитают подчеркивать свою независимость от государства, государственно-политических институтов, и прежде всего от правительства.

Применительно к индустриально развитым странам большей частью корректнее говорить не о партийной приверженности тех или иных органов СМИ, а об их тенденции ориентироваться на центр, левую или правую половину идейно-политического аспекта. Например, во Франции в большинстве случаев трудно говорить о близости той или иной газеты или журнала к определенной партии. Более подходящим для характеристики французской печати остается деление на «правую» и «левую». Левый фланг традиционно занимают «Матен», «Монд», «Либерасьон» и др. Правый фланг — это в основном пресса газетного магната Эрсана во главе с «Фигаро» и «Фигаро магазэн», «Франс-суар». Однако картина не всегда такая уж простая и прямолинейная. Как писала газета «Револьюсьон», Эрсан способен иметь одну газету консервативную, а другую — скорее либеральную.

Как отмечал один агент по рекламе, в Великобритании «Таймс» читают те, кто управляет страной, «Файнэншл таймс» — те, кто ею владеет, а «Гардиан» — те, кто хочет управлять страной.

В большинстве других демократических стран также мало органов СМИ, которые открыто ассоциируют себя с какой-либо конкретной политической партией. Что касается России, то здесь пока что имеет место такой разноречивый в позициях социально-политических сил и соответственно СМИ, что в настоящее время применительно к большинству печатной продукции, за редким исключением, весьма трудно определить сколько-нибудь устоявшиеся позиции, если, конечно, те или иные из них не служат конкретным, узнаваемым фигурам, которые финансируют эти издания.

О масштабах взаимоотношений между политикой и СМИ свидетельствует, например, тот факт, что в настоящее время в Вашингтоне аккредитовано более 16 000 корреспондентов, из них около 60, вместе с обслуживающими их операторами и техническими специалистами по звуку, ежедневно работают в Белом доме. Они представляют главным образом телеграфные агентства «Ассошиэйтед Пресс» и «Юнайтед Пресс Интернэшнл», а также вашингтонские бюро крупных газет, журналов и радиосетей. Обе палаты американского конгресса имеют галереи для представителей средств массовой информации.

Связь власть имущих и СМИ осуществляется по многим каналам. Владельцы крупнейших информационных империй занимают высокие места в иерархии политической элиты, имеют прямой доступ к высокопоставленным политикам, их расположения ищут честолюбивые претенденты, мечтающие получить пост лидера партии. Важную роль в повседневных взаимоотношениях между политиками и представителями СМИ играет институт пресс-конференций. Для руководителей государства они стали весьма удобным механизмом мобилизации общественного мнения в поддержку своего политического курса, а для СМИ — новым источником политической информации. Постепенно пресс-конференции превратились в общепризнанную форму политической коммуникации и информации во всех демократических странах. Искусством их проведения постепенно овладевают и российские политические и государственные деятели.

Как правило, сведения о деятельности правительства, его руководителей и проводимой ими политики журналисты получают во многих департаментах и учреждениях. Но ключевую роль здесь играют пресс-секретарь главы исполнительной власти и его штат.

В настоящее время практически во всех индустриально развитых странах главы государств и правительств, законодательные собрания

имеют своих пресс-секретарей. Имеют их также президент и премьер-министр России. На региональном и местном уровнях власти функции пресс-секретарей выполняют пресс-службы или службы связи с общественностью. Именно пресс-секретарь «подает» средствам массовой информации и через них широкой публике политику и политический имидж президента, премьер-министра, правительства и т. д. Наиболее ценную информацию о президенте обозреватели и журналисты, аккредитованные, например, при президенте, могут получить не на публичных выступлениях или пресс-конференциях, а от людей из близкого окружения президента, в частных беседах. Это дает администрации президента широчайшие возможности для манипулирования общественным мнением: как правило, раскрывается лишь та информация, которая в выгодном свете представляет президента и его администрацию.

20.4. СМИ — инструмент «политического маркетинга»

С распространением телевидения некоторые исследователи именно с ним связывали надежды на рост информированности и политической активности избирателей и усиление общественного контроля над политическим процессом, сокращение усилий, затрачиваемых партиями на ведение избирательных кампаний. Однако вопреки ожиданиям во всех демократических странах продолжительность и стоимость избирательных кампаний неуклонно возрастают. Дорогостоящие выступления политиков на радио и телевидении, политическая реклама стали важной составной частью любой избирательной кампании. Характерно, что значительную часть расходов на проведение избирательных кампаний кандидатов ныне составляют расходы на средства массовой информации.

В обстановке усиливающейся политической конкуренции фактор времени приобретает возрастающее значение. Поэтому еще до начала избирательной кампании органы СМИ пользуются особым вниманием со стороны всех претендентов на сколько-нибудь высокие государственные посты. Политический деятель, решивший баллотироваться на ту или иную высокую выборную должность, стремится как можно раньше обратить на себя внимание органов СМИ, а через них — общественности и деловых кругов.

По мере все более широкого проникновения стиля и методов коммерческой рекламы в сферу политики политические кампании в средствах массовой информации нередко приобретают характер

рекламных. В СМИ утвердился своего рода новый вид профессиональной деятельности — политический маркетинг. Выборы во всевозрастающей степени становятся спорами не между конкретными кандидатами, а между крупными рекламными фирмами. При обосновании значимости политического маркетинга порой дело доходит до того, что проводится аналогия между рекламой товаров в бизнесе и кандидатов в политике.

Так, основываясь на концепции «экономического человека», А. Лепаж считал, что поведение индивидуума в кабине для голосования принципиально не отличается от его поведения в универмаге. При этом он исходил из того, что всякий товар имеет свои отличительные свойства: цвет, форму, упаковку. Как и любой другой товар, кандидат на выборные должности тоже должен предлагать избирателям определенные физические качества. Некоторые авторы не утруждают себя подобными тонкостями и говорят о тождестве коммерции и политики, маркетинга коммерческого и политического.

Суть политического маркетинга состоит в следующем. Кандидат на выборный пост, его помощники и консультанты занимаются исследованием «конъюнктуры рынка»: изучают округ, оценивают экономические и социальные условия его жителей, тщательно взвешивают свои шансы и возможности конкурентов, определяют предвыборную тактику. Само искусство выигрывать на выборах превращается в вид политической профессиональной деятельности, которым занимаются хорошо подготовленные специалисты.

Политический маркетинг включает три этапа. Первый — социальный, экономический, политический, психологический анализ места действия. Второй — выбор стратегии, определение методов обработки различных групп избирателей, выбор темы кампании, тактики использования местных и национальных СМИ. Третий этап — продвижение кандидата (или на профессиональном жаргоне, который успел утвердиться, — товара). На первом и втором этапах наиболее весом голос экспертов — социологов, политологов, на третьем — основная роль отводится СМИ.

Наиболее широко и успешно политический маркетинг применяется в США, где детальной разработкой его механизмов и методов заняты сотни высококлассных профессионалов. Большое внимание они уделяют проведению опросов общественного мнения, консультациям по организации и проведению выборов, технике создания и продажи имиджей кандидатов. В настоящее время в США возникло множество фирм, которые специализируются на организации и проведении различных политических кампаний.

Представители американских консультативных фирм разворачивают свою деятельность и за пределами страны. В последние годы их услугами, особенно при подготовке избирательных кампаний, пользуются по крайней мере в 30 странах мира: Австралии, Великобритании, Канаде, Франции, Испании, Японии, Швеции, Италии и др., а в последние годы — и в России.

Ныне специалисты по политическому маркетингу занимают ведущие позиции в аппарате претендентов на политические посты почти во всех развитых странах. Каждая крупная партия имеет сотрудников, занятых проведением опросов общественного мнения, поддержанием контактов с представителями СМИ. Кроме того, политические деятели и партии в соответствии со своими возможностями прибегают к услугам экспертов, дающих рекомендации по самому широкому кругу вопросов.

Политические консультанты, нанимаемые из числа наиболее опытных журналистов-комментаторов, сотрудников рекламных и консультативных фирм, выполняют функции режиссеров избирательных кампаний. Располагая широкими личными контактами, знанием истории успехов и неудач использования радио и телевидения в предвыборных баталиях, опытом работы в сфере СМИ, эти специалисты, чьи собственные политические взгляды могут быть самыми разными — от крайне левых до крайне правых, — решая поставленные перед ними задачи, действуют в пределах четко обозначенных границ. Они организуют интервью своего клиента, его встречи с журналистами, подают в СМИ информацию о нем в максимально благоприятном свете, определяют темы и антураж передач и телефильмов о нем, продумывают содержание и форму его публичных выступлений.

Задача политических консультантов — не только привлечь внимание общественности к претенденту, но и создать его определенный имидж (образ). Специалисты по общественному мнению, обращаясь к услугам известных кинорежиссеров, используя технические приемы и методы, первоначально применявшиеся в рекламе товаров, разработали технологию создания и продажи имиджей политических деятелей, которые должны максимально соответствовать целям избирательной кампании, ожиданиям общественности, представлениям партийных заправил о наиболее желательном типе политического лидера, расчетам деловых кругов. В своей работе специалисты исходят из тезиса, высказанного еще в 1956 г. председателем национального комитета республиканской партии США Л. Холлом: «Вы продаете своих кандидатов и свои программы так же, как бизнес продает свои товары».

В настоящее время существует целая теория «идеального кандидата», на основе которой конструируются имиджи реальных претендентов. К примеру, такой кандидат должен обладать чертами характера, которые максимально соответствуют конкретной политической ситуации в стране. Так, в периоды социально-политических кризисов наибольшими шансами обладают «откровенные» и «честные» политики, способные на максимально «открытый» разговор с обществом.

Отправляясь от этих и множества других обобщенных характеристик «идеального претендента», консультанты мобилизуют все наличные пропагандистские средства, чтобы подчеркнуть наиболее выигрышные черты своего клиента и замаскировать черты, неблагоприятные или не соответствующие ожиданиям избирателей.

20.5. СМИ и опросы общественного мнения

Важнейшим инструментом политического маркетинга стали опросы общественного мнения. В условиях парламентской демократии правительство не может прийти к власти, не заручившись поддержкой большинства избирателей. Поэтому состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение всегда учитываются политиками. Общественное мнение в условиях демократии стало реальной политической силой.

Свидетельством повышения значения опросов общественного мнения в политическом процессе является всевозрастающий интерес к ним со стороны правительственных и частных организаций, кандидатов, баллотирующихся на различные посты, разного рода фондов, выделяющих средства на разработку теоретических проблем политической социологии, появление огромного количества работ по данным проблемам.

О том же свидетельствует и неуклонный рост расходов политических партий на проведение опросов, особенно в периоды избирательных кампаний. Пальма первенства в этом отношении, несомненно, принадлежит США. В настоящее время там действует более 200 специализированных фирм, которые усовершенствовали методику «замеров» общественного мнения и достигли высочайшего уровня. Наиболее известен точностью результатов Институт *Гэллупа*, опросы которого охватывают, как правило, 1500 человек, представляющих в определенной пропорции фермеров и горожан, белых и афро-американцев, бедных и состоятельных избирателей, южан и жителей Новой Англии, т. е. сквозной срез электората. На первый взгляд количество опрошенных незначительно, но, как показывает опыт, результаты опросов получаются такими же, как если бы были опрошены 3 тыс.,

10 тыс. или даже 20 тыс. человек. Последний перед президентскими выборами опрос общественного мнения, проводимый Институтом *Гэллупа*, определяет победителя со средней ошибкой всего 1,5%.

Конечно, ни один из опросов, проводимых в ходе предвыборной борьбы, за исключением последнего, не в состоянии с абсолютной надежностью предсказать ее конечный результат. Но каждый из них, во-первых, довольно точно фиксирует положение дел (соотношение сил между конкурирующими кандидатами, отношение общественности к правительству, мнения различных групп электората по узловым национальным проблемам) на момент его проведения; во-вторых, он, в сопоставлении с ранее проведенными опросами, показывает развитие общих тенденций избирательной кампании, с учетом которых корректируются стратегия и тактика соперников.

В последние годы опросам общественного мнения большое внимание уделяется и в других странах. Хотя надо отметить, что не везде еще они приобрели столь широкий размах, настолько разработаны и точны, как в США. Но тем не менее опросы общественного мнения все настойчивее утверждаются в странах Западной Европы в качестве важнейшего инструмента выявления общественных умонастроений. Например, во Франции насчитывается около 150 организаций с численностью сотрудников около 10 тыс. человек, занятых изучением общественного мнения. Целый ряд таких организаций и служб возник и функционирует в России.

Опросы общественного мнения являются средством политической разведки, выявления позиций населения по различным проблемам политического характера. Они призваны определить, какого мнения избиратели придерживаются о том или ином политическом деле, какие конкретные проблемы их волнуют, действенность тех или иных внутри- и внешнеполитических акций правительства и т. д. Здесь широко применяются методы и технические приемы выявления спроса и эффективности рекламы, используемые в бизнесе, особенно в торговле.

Вместе с тем опросы общественного мнения превратились из средства выявления настроений избирателей в инструмент придания определенной направленности этим настроениям. Они дают возможность выявлять, организовать и обнародовать мнения людей, не требуя каких-либо действий со стороны носителей этих мнений. Нередко опросы служат для канализации общественного мнения в менее опасное для существующего режима русло. Во многих отношениях опросы содержат значительный элемент запрограммированности и могут быть использованы с целью манипулирования общественным мнением.

О манипулятивных возможностях опросов свидетельствует, например, тот факт, что малейшая модификация вопросов, задаваемых опрашиваемым, может привести к совершенно разным результатам. Например, по данным одного опроса, 50% американцев доверяют «господствующей религии», но лишь 35% доверяют «организованной религии». Около 63% питают очень большое доверие к армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам, но эта цифра составляет лишь 48%, когда речь идет о «военных» и 21% — о «военных руководителях». В то время как 21% питает большое доверие к «организованному рабочему движению», лишь 7% настроено так в отношении «большого профсоюза».

Поэтому к данным опросов общественного мнения, ставящих своей целью выявление идеологических и идейно-политических позиций различных групп населения, их оценок программ политических партий и отдельных политических деятелей, следует относиться осторожно. Результаты опросов, широко освещаемые средствами массовой информации, оказывают самое непосредственное влияние на характер и содержание избирательной кампании, заставляя кандидатов вносить соответствующие коррективы в свои позиции, определяя их ориентацию на те или иные социальные группировки, в то же время увеличивая или уменьшая их популярность среди электората.

И все же опросы общественного мнения дают заинтересованным лицам или партиям возможность оценивать состояние общественного унастроения до того, как они проявятся в поведении тех или иных групп населения. С точки зрения заинтересованных лиц, достоинство опросов состоит в том, что они позволяют выявить установки общественности до их материализации в нежелательных, разрушительных политических действиях.

20.6. «Театрализация» политического процесса

Развитие СМИ, особенно телевидения, усилило тенденцию к стиранию линии разграничения между программами новостей и развлекательными программами. И там, где важность информации определяется и оценивается ее рекламными качествами, неизбежно растет разрыв между реальным миром и миром, предлагаемым СМИ. Составители информационных программ, озабоченные соображениями развлекательности, предпринимают все возможное для превращения реальности, которая лишена развлекательности, в нечто развлекательное. Они могут выдумывать материал, исказить или игнорировать те или иные весьма важные факты.

И это естественно, поскольку, когда главная задача телевизионной программы состоит в том, чтобы завоевать и сохранить аудиторию, существует большой соблазн отбросить или изменить «скучные» факты, людей, события, соответствующим образом подправив и «упаковав» их. Все это способствовало увеличению значения «символической политики», «политики театра», основанной на образах, или «имиджах», политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам.

Под воздействием объективных изменений в политическом процессе, а также специфики современных СМИ избирательные кампании выливаются в своего рода спектакли или даже спортивные репортажи со своими победителями и проигравшими, с напряженными перипетиями борьбы. От кандидата, если он хочет добиться успеха, сегодня требуется актерское дарование, умение вести себя перед телекамерами, уверенно играть свою роль в спектакле.

К настоящему времени утвердилась целая галерея типичных образов, стилей, жестов, мимических движений. К «классике жанра» относятся: знаменитая молодежная прическа и спортивная внешность *Дж. Кеннеди*, простецкие манеры и жесты *Дж. Картера*, не менее знаменитая, почти детская улыбка *Р. Рейгана*, которая, несмотря на возраст президента, превратилась в его отличительный знак. Посвоему верно, что во времена театрализации политики изменение прически того или иного кандидата преподносится СМИ чуть ли не как сенсация.

В избирательных кампаниях все действия кандидатов тщательно режиссируются. Менеджеры избирательной кампании, специалисты по средствам массовой информации и опросам общественного мнения внимательно контролируют, что говорит и делает их кандидат, куда и как он идет, что могут выявить в его поведении телекамеры. Потребность в эффектных, бросающихся в глаза визуальных передачах отодвигает на задний план действительно актуальные социально-экономические и политические проблемы. Внимание концентрируется на второстепенных вопросах и малозначащих противоречиях между партиями, а то и между отдельными политическими деятелями, на хорошо известных или импозантных личностях, на всем том, что выглядит драматически, зрелищно, отвлекая внимание общественности от главных проблем, стоящих перед обществом.

Другими словами, телевидение обладает большей способностью подать личность, чем идею или программу. В результате политики максимально персонифицируются. Политическая жизнь превращается в аренду столкновения личностей, которых можно заснять на

пленку. Их можно пригласить в студию, побеседовать с ними. Комментарий к их словам заменяет комментарий к событиям реальной жизни. Вопросы многочисленных журналистов, прямые опросы зрителей, их телефонные звонки в студию — все это свидетельствует о том, что в политике, которой посвящена передача, оцениваются прежде всего человек, его способность судить о делах, убеждать людей, его психология и характер, способность владеть собой, но уж никак не его политика.

Театрализация политики далеко не безобидна: средства массовой информации, концентрируя внимание на наиболее драматических событиях и действиях, на сенсационных заявлениях второстепенных, но с блеском исполняющих свою роль персонажей политической жизни, значительно обедняют и упрощают действительное положение вещей в стране и в мире.

В такой ситуации победу на выборах может одержать не тот политик, кто действительно осознает реальные проблемы, стоящие перед страной, и предлагает оптимальные пути их решения, а кандидат, способный обеспечить себе наибольшую популярность в глазах общественного мнения и, умело используя средства массовой информации, лучше «продать» себя и свою предвыборную программу как можно большему числу избирателей.

Итак, СМИ стали неотъемлемой частью подсистемы политического, они играют существенную роль в реализации политического процесса, политической социализации, просвещении, информировании населения, и политология должна обратить на них самое пристальное внимание.

Контрольные вопросы

1. Перечислите важнейшие функции СМИ.
2. Что имеется в виду, когда называют СМИ четвертой ветвью власти?
3. Каковы взаимоотношения СМИ с властными структурами?
4. Что такое политический маркетинг?
5. Какова роль политических консультантов в политическом маркетинге?
6. Что вы понимаете под театрализацией политического процесса?

Глава 21

Статус и перспективы национального государства в условиях глобализации

В истории человечества XX век представляет собой одно из самых насыщенных широкомасштабными сдвигами, войнами, революциями, разного рода судьбоносными событиями и процессами столетие. Многие страны и народы, в начале века жившие в условиях аграрного или аграрно-промышленного общества, пройдя этап индустриализации, к концу века перешагнули в постиндустриальное и информационное общество и неузнаваемо изменились. На протяжении всего века завершился грандиозный процесс «закрытия» ойкумены на основе действительного ее объединения в единое целое.

21.1. Важнейшие составляющие прогресса в XX в.

XX век, прошедший под девизом идеи прогресса, стал временем стремительного взлета человеческого разума, выразившегося в таких величайших открытиях и технологических прорывах, как теория относительности, расщепление атома, освоение космоса, беспрецедентный прогресс в области сельскохозяйственного производства и др. Все это проявилось в том, что если начало века ознаменовалось завершением в ведущих странах развитого мира промышленной революции, то на его середину пришлось научно-техническая, а на последнюю четверть — информационно-телекоммуникационная революция.

В XX столетии шел неуклонный процесс дальнейшего распространения на новые страны и регионы рыночной экономики и либеральной демократии, признания все более растущим числом стран и народов принципов защиты прав человека и прав народов на самоопределение. Необходимо отметить также то, что в XX в. было сделано больше, чем во все другие эпохи, для утверждения прав и свобод человека и гражданина. В то же время он явил наиболее чудовищные массовые их нарушения в реальной жизни.

Этот век стал свидетелем невиданного ранее роста благосостояния людей, но вместе с тем и невиданных ранее различий между нищетой и богатством. По имеющимся данным, за 1900–2000 гг. мировой совокупный ВВП в постоянных ценах вырос в 19 раз. За тот же период численность населения земного шара увеличилась почти в 4 раза — с 1,6 млрд человек в начале века до более 6,3 млрд при его завершении.

Можно сказать, что если оценить XX век по шкале смены разных эпох истории человечества, то по богатству происшедших за это столетие событий и процессов, по широте и глубине трансформаций в нем поместилось бы несколько эпох человеческой истории.

XX столетие стало также временем торжества идеологии и национализма, под лозунгами которого распались сначала многонациональные, а затем и великие колониальные империи, а на их развалинах образовалось множество новых независимых государств. Это было столетие двух самых опустошительных в истории человечества войн, унесших жизни многих десятков миллионов людей. Именно XX век дал миру самые жестокие тиранические режимы — фашистский, нацистский и большевистский — с их Бухенвальдом, Освенцимом, ГУЛАГом и т. д. Беспрецедентные успехи научно-технического прогресса XX в. сделали возможным создание ядерного оружия и средств его доставки, ставшие угрозой самому существованию человечества.

Особенно разительные перемены произошли в последние два-три десятилетия, когда мы оказались свидетелями уникального стечения и переплетения гигантских по масштабам явлений и процессов. Каждый из них в отдельности можно было бы назвать эпохальным событием с точки зрения его последствий для всего мирового сообщества. Но взятые в совокупности, они создали гигантское поле такого прямо-таки вселенского напряжения, что переживаемое нами время с полным основанием можно назвать осевым временем (в том смысле, как это понимал К. Ясперс). Оно стало временем смены самих основ жизнеустройства народов, периодом перехода от привычного для большей части XX в. миропорядка к качественно новой инфраструктуре мироустройства.

Во-первых, в результате информационно-телекоммуникационной революции в промышленно развитой зоне мира постиндустриальное общество постепенно трансформируется в информационное общество.

Во-вторых, происходит совпавшая с этой революцией и стимулированная ею смена социально-политической парадигмы.

В-третьих, вместо евроцентристского мира, в котором доминирующие позиции занимали основополагающие параметры западной ра-

ционалистической цивилизации, возникает новая всепланетарная цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, диверсификации и плюрализма центров, народов, культур, религий — с другой.

В-четвертых, с распадом СССР и социалистического содружества закончилась эра двухполюсного миропорядка, основанного на состоянии холодной войны. Распад СССР и вызванное этим падение Берлинской стены положили конец жесткому разделению мира на два противоположных лагеря. По времени эти события совпали с началом широкомасштабных качественных изменений не только в геостратегической структуре, сложившейся в послевоенные десятилетия, но и в самом евроцентристском (или, точнее, евро-американо-центристском) миропорядке Нового и Новейшего времени.

Это сложная и особая проблема, требующая самостоятельного рассмотрения. Здесь повторим лишь то, что мы являемся свидетелями окончания, с одной стороны, евроцентристского миропорядка и, с другой стороны, двухполюсной конфигурации геополитических сил, построенной на состоянии холодной войны. Можно сказать, что распад СССР стал одновременно и последним мощным стимулом и следствием процессов и явлений, приведших к таким изменениям.

Наиболее зримым проявлением и показателем названных процессов и феноменов является глобализация. Основные тенденции и процессы последних двух-трех десятилетий убедительно свидетельствуют о том, что глобализация стала неопровержимой реальностью современного мира.

21.2. Основные трактовки глобализации

Естественно, там, где в качестве субъектов мировой политики выступает множество государств и негосударственных акторов, не может быть единого подхода в трактовке и оценке общественно-политических феноменов и процессов, в том числе глобализации. Поэтому в оценке самого понятия «глобализация» в научном сообществе нет единства. Одни рассматривают ее как прогрессивное движение человечества к универсальному единению. Другие усматривают в ней целенаправленную политику насаждения во всем мире западно-центристских ценностей, установок и образа жизни, попыток проталкивания нового империализма и нового неокOLONиализма под гегемонией США. Более того, мы являемся свидетелями появления на авансцене мировой политики так называемого движения антиглобализма, приверженцы которого рассматривают этот феномен как результат чуть

ли не заговора ряда наиболее индустриально развитых стран, стремящихся к мировому господству.

О разногласии по данному вопросу, в частности, свидетельствуют развернувшиеся почти во всех ведущих странах споры и дискуссии о хронологических рамках и существенных характеристиках этого феномена. Так, одни авторы относят ее начало к 1800-м и даже 1500-м годам. Некоторые авторы склонны связывать или даже отождествлять глобализацию с модернизацией. Например, М. Уотерс считает, что глобализация «совпадает с модернизацией по времени и, следовательно, длится с XVI в.». Есть и такие авторы, которые идут настолько далеко, что утверждают: за четыре века до рождения Иисуса Христа империя Александра уже представляла собой форму глобализации.

Более соответствующей реальному положению вещей представляется точка зрения тех аналитиков, которые ведут начало этого процесса с конца 60-х годов XX в. Показательно, что сам термин «глобализация» начал внедряться в политический и научный лексикон именно в 60-е годы XX в. По мнению Р. Робертсона, считающегося одним из инициаторов разработки теории глобализации, объектом научных исследований этот феномен стал лишь в середине 1980-х годов.

Большую роль в разработке теории глобализации сыграли Э. Гидденс, М. Уотерс, Р. Робертсон, Х. Хондкер и др. Определенный вклад в формирование концепций глобализации внес миросистемный подход И. Валлерстайна, для которого главным объектом анализа стал мир как единое целое, что предполагает выход за пределы странового и регионального подходов.

Обращает на себя внимание неоднозначная трактовка этого понятия. Нередко сами разработчики проблем и теории глобализма довольно смутно представляют себе, что именно под этим понятием подразумевается. Зачастую глобализацию трактуют в чисто экономическом смысле, понимая под ней формирование единой мировой экономики, не признающей национально-государственных границ. Некоторые авторы рассматривают ее как новую форму экономического и культурного империализма и нового колониализма, другие — как вестернизацию или американизацию.

По мнению Р. Робертсона, глобализация связана «с сжатием мира и интенсификацией мирового сознания как единого целого». У. Андерсон определяет ее как «поток конвергирующих сил, которые создают подлинно единый мир». Как считают некоторые авторы, глобализация предполагает детерриториализацию (*de-territorialization*)

социальных и в особенности политических реальностей, что проявляется в размывании национальных границ и увеличении значения над-национальных начал.

Подобных определений можно привести множество. Но все же, что именно понимается под глобализацией? Но сначала необходимо попытаться ответить на вопрос о хронологических рубежах глобализации.

21.3. Что понимается под глобализацией?

Глобализация и усиление взаимозависимости национальных экономик неодинаково сказываются на отдельных государствах и народах, обладающих разными экономическими потенциалами. В значительно большей степени от нее выигрывают наиболее развитые страны, перед которыми открываются более широкие экономические возможности для расширения масштабов и границ своей экономической деятельности. Более того, некоторые наиболее развитые государства прилагают усилия к тому, чтобы направить основные векторы процессов глобализации в свою пользу. В то же время для менее развитых стран она наряду с новыми возможностями порождает новые трудно разрешимые проблемы, создающие преграды для проталкивания своих товаров на мировые рынки. Поэтому-то говорят о некоей «неолиберальной», «американской», «европейской» или иной глобализации.

При всем том глобализация — это объективный процесс, такой же, как процесс становления феодализма, капитализма и иных общественно-исторических формаций. Это результат прежде всего глубинных сдвигов в самой инфраструктуре основных направлений и тенденций социально-экономического, информационно-телекоммуникационного, экологического, демографического, социокультурного, политического, мировоззренческого развития современного мира.

Ее суть и неизбежность в конечном счете не зависят от воли, интересов, симпатий или антипатий носителей тех или иных идеологических, идейно-политических, мировоззренческих и иных ценностей, принципов, установок, от воли, целей и интересов тех или иных социально-политических сил, группировок, государств и т. д. Они могут лишь тормозить или ускорить, в той или иной степени изменить какие-нибудь ее аспекты и векторы развития, преследовать цель поставить ее на службу своих интересов и т. д. Но они не способны отменить реальность этого феномена, составляющую основополагающую доминанту развития современного мира.

Глобализация и связанные с ней феномены и процессы ведут к глубинной трансформации самих бытийных основ жизни, мировидения, парадигмально-мировоззренческих составляющих современного мира. В этом смысле ее главное предназначение состоит в формировании инфраструктуры нового полицентрического мироустройства. Поэтому нет и не может быть какой бы то ни было «неолиберальной» или же «неоконсервативной», «марксистской», «американской», «европейской» или какой-либо иной глобализации. Можно говорить лишь о соответствующих этим понятиям трактовках глобализации.

В создании этой инфраструктуры, что бы ни говорили о некоем однополярном, биполярном или триполярном миропорядке, участвуют все главные акторы мировой политики. В силу этого главным вектором глобализации в конечном счете станет некая медианная линия, образующаяся в результате взаимодействия, взаимного столкновения интересов пяти-шести-семи главных центров.

Глобальными следует считать прежде всего те проблемы, которые затрагивают не какого-то конкретного человека, не какую-то группу людей, даже отдельно взятую страну или группу стран, а те, которые затрагивают жизненные интересы большинства, если не всего человечества. Глобализацию можно характеризовать как:

- всеобщность таких универсальных процессов как технологическая трансформация;
- все более возрастающая взаимозависимость, вызванная средстами массовой коммуникации, торговлей и потоками капиталов;
- гомогенизация и стандартизация производства и потребления;
- расширение и углубление взаимосвязей различных национальных институтов, культур, стилей жизни и т. д.

Иначе говоря, те или иные феномены и процессы, возникающие в какой-либо части мира, рано или поздно приобретают глобальный, общечеловеческий характер. Речь идет, например, о СПИДе, курином гриппе, наркобизнесе, терроризме и т. д. В свою очередь любое локальное событие может так или иначе приобрести мировую значимость и, наоборот, любое мировое событие — радикально изменить положение вещей в отдельно взятых регионах, странах, локальных общинах.

Другими словами, глобализация предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретает всемирный характер. В то же время она подразумевает возрастание уровней взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами. Новым для современных процессов глобализации является распространение соци-

альных связей на такие сферы деятельности, как технологическая, информационно-телекоммуникационная, организационная, административная, правовая и др.

Причем если раньше развитие взаимосвязей между народами и странами протекало в форме экспансии Европы, а затем Запада в целом, то ныне эти процессы в той или иной степени охватили весь земной шар. Вся ойкумена превратилась как бы в закрытую, завершенную и взаимосвязанную целостность, в единое силовое поле, отдельные части которого могут быть поняты лишь в их связи друг с другом.

Прослеживая эти тенденции, еще в самом начале XX в. известный в тот период геополитик Х. Дж. Макиндер писал, что, начиная с сегодняшнего дня и впредь *«в постколумбову эпоху нам придется иметь дело с замкнутой политической системой... Всякий взрыв общественных сил вместо того, чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге разрушению подвергнутся любые слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли»*. По-видимому, формулируя этот тезис, Макиндер и не подозревал, насколько широкомасштабный и интенсивный характер приобретут подмеченные им тенденции, которые на протяжении всего XX в. по экспоненте набирали обороты.

Особенность современного этапа мирового развития состоит в том, что процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики глубоко затронул политическую, социокультурную и духовную сферы, идеи и образы мысли, сферы экологии, эпидемиологии, связанной с распространением вирусных заболеваний, и т. д. Весь мир в целом и отдельные регионы в частности стали в беспрецедентной степени изменчивыми и динамичными. Соответственно на международной арене народы и государства сталкиваются с более неустойчивыми, неопределенными и непредсказуемыми проблемами, чем в любой из других исторических периодов. Создалось новое положение, характеризующееся несоответствием традиционных идейно-политических установок и ориентаций реальным проблемам современности.

Происходящие глубокие изменения в геополитических структурах мирового сообщества и трансформации социально-политических систем дают основание говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития. По-видимому, сейчас начинается этап формирования некоего нового типа мирового сообщества всепланетарного масштаба. Оно будет отличаться от общества, в котором наше поколение родилось и выросло, в такой же (а может быть, в большей) степени,

в какой наше общество отличалось от того, которое существовало до серии промышленной, социальных и политических революций Нового времени в течение длительного исторического периода почти на всем пространстве ойкумены.

Интенсификация этих процессов способствовала расширению функций и сфер ответственности национального государства, с одной стороны, и эрозии его возможностей эффективно справляться с предъявляемыми к нему требованиями, с другой стороны. Товары, капиталы, люди, знания, образы, оружие, так же как и преступность, культура, наркотики и т. д., стали легко пересекать государственно-территориальные границы. Наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция к интенсификации трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей.

Таким образом, государственно-территориальные границы становятся все более прозрачными, или, как говорят, транспарентными. Во многих областях границы между международной и внутристрановой сферами подвергаются всевозрастающей эрозии. В некоторых сферах, таких, как международный капитал, потоки информации, государства либо вообще теряют контроль, либо вынуждены расходовать огромные ресурсы для сохранения своего контроля.

При таком положении вещей орудиями прогресса могут стать не только войны и конфликты в традиционном понимании, но и противоречия и конкурентная борьба на стезе научно-технологического прогресса, который одних может сделать хозяевами жизни, а других — вытолкнуть на ее обочину. Возможно, прав З. Бауман, который считает, *«что глобализация приводит к перераспределению привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости. Для одних она предоставляет свободу выбора, а для других выглядит неизбежным ударом судьбы»*.

При всем изложенном для правильного понимания рассматриваемой проблематики нельзя не затронуть следующий весьма важный вопрос. Сейчас много говорят о так называемой «макдональдизации», или гомогенизации, культур, которая происходит под флагом модернизации, вестернизации, европеизации, американизации. Но в действительности ни о какой гомогенизации, единении культур не может быть и речи. Дело в том, что информационные технологии способствуют, с одной стороны, интенсификации межкультурных взаимодействий, с другой стороны, дальнейшей диверсификации культур, что противоречит доводам относительно поглощения разнообразных культур некоей универсальной «глобальной культурой». Не случайно ныне много говорят о «возврате в Азию» Японии, «реиндуизации»

Индии, «реисламизации» Ближнего Востока и даже о «девестернизации» всего Востока, понимаемого в самом широком смысле слова.

В этом плане, по-видимому, прав З. Бауман, по мнению которого интеграция и фрагментация, глобализация и «территоризация» мира взаимосвязаны, являются разными сторонами единого процесса. Поэтому он считает уместным применение термина «глокализация», под которым понимается процесс, объединяющий воедино тенденции глобализации и локализации.

При всей верности такой постановки вопроса нельзя не признать тот очевидный факт, что размываются так называемые разломы цивилизаций, цивилизации переходят друг в друга, что на Западе становится много Востока, а на Востоке — много Запада.

Элементы общемирового масштаба сосуществуют с такими фрагментированными элементами, как этнонациональные общности и культуры, кланы, корпорации, классы и т. д. Новые элементы глобального масштаба не заменяют, а дополняют эти вторые. Глобализация не ведет к полному разрушению традиционных составляющих современного мира, не элиминирует связи между ними и новыми структурами, а модифицирует и в какой-то степени скрепляет ранее разъединенные элементы единого и взаимосвязанного мира.

Можно сказать, что мы переживаем неопределенный период между старой и новой системами, в течение которого факторы каждой из этих систем проникают и конкурируют друг с другом, в итоге приводя к изменениям в глобальном порядке. Здесь мы сталкиваемся со взаимодействием широкого круга факторов — геостратегических, инвайронменталистских, антропологических, политических, экономических, социальных, технических и организационных.

В целом с определенными оговорками можно сказать, что в глобальной системе изменения приобретают многие формы: регулярные и нерегулярные, определенные и неопределенные, предсказуемые и непредсказуемые, эволюционные и неравномерные, линейные и нелинейные, циклические и нециклические. Это вполне объяснимо, если учесть, что переход от одного мирового порядка к другому никогда не бывает гладким, однолинейным. Глобальная система включает процессы как прогресса, движения вперед, так и регресса, неопределенность и неустойчивость, оказывающие влияние почти на все стороны общественной жизни: на государства, группы государств, объединения, союзы, корпорации, международные организации и др.

Иначе говоря, глобализация представляет собой весьма сложный феномен, включающий в себя как общее, так и различия, как

универсализм, так и партикуляризм, как единение всего мира, так и его фрагментацию. Поэтому представляется не случайным тот факт, что существенный вклад в формирование концепций глобализма внесли помимо всего прочего новые отрасли науки, особенно синергетика и диатропика, а также новейшие научные достижения в области информационно-телекоммуникационных технологий. Если синергетика обосновывает идею самоорганизующегося мира, то диатропика обосновывает разнообразие этого мира.

Глобальные средства массовой информации, особенно Интернет, существенно сокращают значение традиционных промежуточных институтов и субъектов во всех важнейших сферах жизни людей. В этой связи интерес представляет тот факт, что имеют место процессы глобализации не только по горизонтали, но и по вертикали — интеграция и конвергенция. По горизонтали имеет место интеграция на основе каких-либо общих оснований, например рыночной экономики, свободной конкуренции, новейших информационных, телекоммуникационных и иных технологий, а по вертикали — конвергенция, предполагающая единение на основе синтеза важнейших социокультурных, этнонациональных, духовных и иных составляющих различных стран, народов, регионов. Здесь имеется в виду конвергенция экономики с политикой, политики с экономикой. Происходит политизация экономики, экономизация политики, социализация политики и экономики. Все они все более пронизываются экологическим началом.

Культура становится инструментом дальнейшего распространения и утверждения во всех уголках земного шара политических институтов, ценностей, установок. Для культуры политика играет аналогичную роль. Демографические и миграционные процессы способствуют изменению этнонациональной картины мира. В этом смысле комплекс происходящих в мировом масштабе процессов и явлений можно рассматривать как двуединый процесс частичной вестернизации Востока в экономической и технологической сферах и частичной ориентализации самого Запада в социокультурной, конфессиональной, демографической и иных сферах.

21.4. Трансформация места и роли национального государства

Центростремительные тенденции и процессы интеграции, транснационализации и глобализации оказывают все более растущее влияние на роль и функции как отдельно взятых национальных

государств, так и международной политической системы в целом. На международной арене наряду с суверенными государствами все более возрастающие вес и влияние приобретают негосударственные акторы.

Возникает множество проблем в различных центрах и точках пересечения государственных и негосударственных акторов. Все более возрастающую роль приобретают действия и решения, принимаемые далеко за пределами национально-государственных границ, другими правительствами или разного рода международными организациями. Так, сильное влияние на эффективность реализации государством своих прерогатив и полномочий оказывает все расширяющаяся сфера деятельности транснациональных корпораций и других транснациональных акторов в лице региональных и всемирных межправительственных и неправительственных организаций и институтов.

Такие вопросы, как снижение или повышение цен на нефть и газ, кофе и молоко и др., решаются не правительством какой-либо отдельно взятой страны, а на уровне ОЭСР, ОПЕК, ЕС и других международных организаций. Трудности, с которыми сталкивается каждое отдельно взятое государство, еще более усугубляются с выдвиганием на передний план целого комплекса глобальных проблем, таких, как охрана среды обитания человека, истощение невозобновляемых ресурсов, угроза термоядерной катастрофы.

Имеет место беспрецедентное взаимопроникновение внутренней и внешней политики во все важнейшие сферы жизни общества. Политические, да и не только политические отношения, пересекающие государственные границы, приобрели и продолжают приобретать все более растущее значение. Исключительная юрисдикция того или иного государства над определенной территорией де-факто оказывается все менее соответствующей реальному положению. С одной стороны, становится все труднее утверждать, что именно является сферой компетенции внутренней, а что — внешней политики. С другой стороны, растет значимость внутривнутриполитических последствий внешней политики и внешнеполитических последствий внутренней политики.

В результате общепринятые нормы, обычаи и практика политического управления становятся уже недостаточными для того, чтобы государства сами в одиночку могли решать многие проблемы. Эффективность государства сокращается в результате роста значимости разного рода подгрупп и готовности последних отстаивать свои интересы. Причем каждое новое доказательство сокращения

масштабов, легитимности и эффективности подталкивает субнациональных и транснациональных акторов игнорировать общепринятые рамки власти и авторитета и выдвигать собственные кодексы поведения.

Темпы технологических изменений, особенно в сфере информатики и телекоммуникаций, способствуют ускорению этого процесса. Современные информационные и телекоммуникационные технологии, особенно Интернет, делают транснациональные связи более размытыми и менее структурированными. На основе этой инфраструктуры за последние десятилетия произошли дальнейшее расширение и углубление экономического, политического, культурного и иного взаимодействия народов, стран и регионов земного шара.

В итоге во многих регионах мира государственные границы перестали служить барьерами и все в большей степени, становясь транспарентными, способствуют трансграничному взаимодействию, сотрудничеству и интеграции, делают все более актуальной проблему свободного потока информации. В каждом из отдельно взятых государств происходит далеко идущая трансформация отношений между государством и гражданским обществом. Растущие вес и влияние приобретают неправительственные структуры. Система институтов национального государства все в большей степени дополняется транснациональными институтами.

Немаловажное значение имеет хотя бы тот отмечавшийся выше факт, что во многих случаях акторами мирового политического процесса наряду с государствами являются транснациональные организации и силы, которые действуют и функционируют независимо от государств. При этом, суверенитет государств ослабляется в результате не только расширения прерогатив наднациональных, надгосударственных акторов, но и усиления регионов. Все меньше остается сфер, где правительство могло бы принять чисто внутристрановые решения, не оказав то или иное влияние на политику других акторов политических отношений.

Итогом этих и многих связанных с ними процессов и тенденций можно считать то, что в современном мировом сообществе выделяются как минимум три комплекса отношений: государств с государствами, государств с корпорациями и международными организациями, а также корпораций с корпорациями. Таким образом, международная система, в которой в качестве основной единицы действия выступало суверенное национальное государство, претерпевает существенные изменения.

21.5. Проблема выживаемости национального государства

Реальностью стал тот факт, что самостоятельно начинают действовать регионы, которые играют все большую роль в сфере международных отношений. В частности, они стали немаловажным фактором формирования единой Европы. Это дало некоторым исследователям право говорить о «Европе регионов». Другими словами, рост интернационализации и взаимозависимости сопровождается одновременной фрагментацией на субнациональные единицы внутри отдельно взятых стран.

Существенным фактором, влияющим на тенденцию трансформации суверенитета национальных государств, стало выдвигание на передний план международной политики проблемы защиты прав человека. Разумеется, сама концепция защиты прав человека отнюдь не нова — в той или иной форме реализации ее положений добивались многие социальные и политические движения и организации на протяжении всего XX столетия как на Западе, так и на Востоке. Эта борьба нашла свое логическое воплощение во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.

Как известно, вслед за этой Декларацией был принят ряд основополагающих международных актов, призванных обеспечить международно-правовую базу для гарантии прав и свобод личности независимо от национальности, социального происхождения, религиозной веры и т. д. Они стали составной частью международного права. Примером таких актов служит Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 г.

Государства, подписавшие Европейскую конвенцию, взяли на себя обязательства разрешать своим гражданам обращаться с жалобой в Европейскую комиссию по правам человека в случае нарушения их прав и свобод. Все же в силу комплекса причин проблема прав человека стала эпицентром политической борьбы в последние два-три десятилетия. Следует признать, что в данном вопросе мировое сообщество добилось беспрецедентных успехов. Тем не менее многие страны все еще далеки от того, чтобы признать права и свободы общечеловеческими ценностями. Показательно, что на Конференции по правам человека, состоявшейся в 1993 г. в Вене, лишь несколько азиатских стран, в том числе Япония и Республика Корея, поддержали резолюцию, призывающую рассматривать права человека в качестве универсальных ценностей.

Концепция прав человека, а также разработанные и принятые на ее основе международные правовые нормы представляют обоюдоострое оружие. Дело в том, что, с одной стороны, они направлены на сдерживание потенциальных и реальных устремлений властей того или иного национального государства нарушить права своих граждан. Эти нормы сыграли и продолжают играть исключительно важную роль в защите прав человека. Но, с другой стороны, придание приоритета гуманитарному праву и основанному на его принципах гуманитарному интервенционизму перед традиционным международным правом способствует размыванию принципа национального суверенитета. При определенной трактовке права народов на самоопределение могут оказаться в противоречии с принципом территориальной целостности и нерушимости границ.

В результате до сих пор такие, казалось бы, почти бесспорные принципы, как неприкосновенность государственных границ, невмешательство во внутренние дела, национальный суверенитет и др., меняются и могут подлежать переоценке. Здесь проблема состоит в том, что при определенных условиях реализация данного принципа способна стимулировать деятельность разного рода радикальных религиозных и этнических меньшинств и группировок.

Этим во многом объясняются характерные для современного мира тенденции к децентрализации, автономизации, федерализации, независимости, сепаратизму и т. д. Речь идет, например, об активизации деятельности сепаратистов ЭТА в Испании, франкоязычного населения Квебека в Канаде, распаде СССР и Югославии, движении тибетцев в Китае, не прекращающаяся напряженность между Индией и Пакистаном. Длительная борьба фламандцев за автономию в конечном счете привела к трансформации ранее унитарного государства Бельгии в федерацию. В этой связи нельзя не упомянуть тот факт, что сепаратизм стал одной из самых серьезных проблем в большинстве регионов мира.

Констатируя эти реалии, некоторые аналитики пришли к выводу, что государство потеряло или теряет статус главного и даже единственного субъекта политики в сфере международных отношений. Утверждается, что в наши дни оно уже не представляет собой самодостаточное политическое или экономическое образование, а служит лишь фрагментом, частью более широкого образования — всемирной политической системы, мировой экономики, мирового сообщества.

Более того, предпринимаются попытки обосновать тезис о неминуемом отмирании национальных государств и исчезновении госу-

дарственных границ. Так, еще в 1980 г. известный американский политолог Дж. Розенау допускал возможность «трансформации и даже краха системы государств-наций в том виде, в котором она существовала в течение последних четырех столетий». Но справедливости ради следует отметить, что он одновременно не отрицал возможность сохранения национальных государств как главных акторов международной жизни.

Развивая свои мысли, несколько позже Дж. Розенау пришел к выводу, что выделились «два мира мировой политики»: один, состоящий из суверенных национальных государств, и другой — из негосударственных организаций, объединений, корпораций и т. д. Он предлагал заменить эти понятия другим, призванным адекватно отразить новые структуры и процессы. Наиболее приемлемым, по его мнению, является понятие «постмеждународная» политика — по аналогии с такими понятиями, как «постиндустриальное», «постсоциалистическое», «постидеологическое» общество или «постмарксизм», «постмодернизм» и др.

Очевидно, что при таком положении вещей возникают проблемы выживаемости национально-государственного суверенитета, соотношения национального самосознания и интернационализма, глобализма и локализма и т. д. Не случайно в наши дни традиционные инструменты социального контроля стремительно теряют способность эффективно бороться против преступности, наркомании и наркобизнеса и многих других социальных недугов.

Подвергаются эрозии нормы, обеспечивающие единство общества и государства, ставится под сомнение роль самого суверенного национального государства как центрального субъекта международных отношений. Приобрела популярность идея о том, что так называемая «державная» концепция в международных отношениях безнадежно устарела, что взгляд на государства как главных субъектов международных отношений не соответствует реальностям мирового развития. Более того, постепенно утверждается мнение о том, что национальное государство превращается в пережиток прошлого. Придерживающиеся подобных установок авторы идут настолько далеко, что считают возможным отказаться от принципа национального суверенитета.

С учетом всего изложенного можно утверждать, что конец XX — начало XXI в. стали критическим периодом для судеб и перспектив сохранения и развития государств как одного из ключевых в самоорганизации человеческих сообществ. Создается впечатление, что переживает кризис не та или иная форма государства, а сам феномен

государства как такового. При таком положении возникает вопрос: не стало ли суверенное национальное государство в качестве главного актора международной политики достоянием истории? На этот вопрос можно ответить так: вряд ли следует ожидать, что в обозримой перспективе человечество пойдет по пути создания модели какого бы то ни было единого мирового государства.

Более того, нет никаких гарантий — и это подтверждает исторический опыт, — что наиболее могущественные акторы не будут навязывать миру силой или иными средствами собственную модель как оптимально отвечающую интересам всего человечества. Не приходится удивляться тому, что ряд политологов, преимущественно американских, предлагают глобальные концепции, основанные на разных вариантах «американской модели» мирового порядка.

Очевидно, что подобные сценарии мирового развития отнюдь не могут устраивать большинство народов и государств земного шара. Весь опыт состоявшейся истории человечества показывает, что государства, будучи незаменимыми формами политической организации народов, при всех процессах глобализации, во всяком случае в обозримой перспективе, не могут быть списаны в архив истории.

21.6. Сохранение за государством статуса главного актора миропорядка

Противоречие между возрастающей экономической, экологической, культурной, политической и иными формами взаимозависимости стран и народов, с одной стороны, и сохранением за национальным государством суверенитета и соответственно роли активного субъекта международных отношений — с другой, приобретает все более сложный характер. Но при оценке этих двуединых тенденций может показаться парадоксальным утверждение о том, что роль государства с соответствующими модификациями в обозримой перспективе может не только не ослабнуть, но в некоторых аспектах даже усилиться.

В современном глобализирующемся мире государство сохраняет и сохранит в обозримой перспективе статус главного и единственного носителя суверенитета, высшей власти на подвластной государству территории и над населением, проживающим на этой территории. Альтернатива суверенному государству — это мир, в котором, кроме самого государства, нет конечной, высшей власти в пределах находящейся под его юрисдикцией территории. Это — мир, в котором отсут-

ствуют сколько-нибудь четко очерченные границы юрисдикции власти, права, закона, социумов, культур.

Очевидно, что отдельно взятые государства в совокупности составляют мировое сообщество, но каждое из них имеет лишь ограниченное влияние на его действия и должно, исходя из собственных возможностей, приспособляться к логике конкурентной борьбы на международной арене. Обратной стороной усиления интернационализации и взаимозависимости стран и народов является усиление конкуренции и трений между ними в экономической и иных сферах. На этой почве возникают проблемы, которые рыночные механизмы сами по себе не могут решать без вмешательства государства. Для их решения государства пытаются найти приемлемый баланс между растущей экономической взаимозависимостью и достижением своих национальных целей в международной экономике.

Большинство индустриально развитых государств сохраняют значительную самостоятельность в вопросах регулирования своих экономик, определения социальной политики, сохранения институтов, которые отличают их друг от друга. Более того, решения, принимаемые на наднациональном уровне, могут проводиться в жизнь прежде всего через национально-государственные структуры. Иными словами, процессы интеграции и глобализации не перечеркивают роль государства, а лишь адаптируют его к новым вызовам.

Большинство транснациональных акторов, не обладающих суверенитетом, за исключением военных блоков, не располагают официально признанными легитимными инструментами насилия. У них нет территории, нуждающейся в защите, поскольку границы, отделяющие их от окружающей среды, носят абстрактный характер и зависят от экономической деятельности и социальных связей, но тем не менее их нельзя недооценивать. Верно, что они ослабляют власть государства и поэтому, как считают многие авторы, наносят еще один удар силовой политике.

В равной степени верно и то, что, избегая контроль со стороны государства, эти не избранные народом, анонимные и зачастую наднациональные или вненациональные акторы не несут ответственности за свои действия перед обществом и простыми гражданами. При определенных условиях они способны выйти из-под контроля, проигнорировать правила подотчетности и законности и тем самым превратиться в мощную анонимную власть, подчинившую себе общество и рядовых граждан. При таком положении может создаться ситуация, когда чуть ли не единственной инстанцией, к которой может обратиться за защитой рядовой гражданин, останется национальное государство.

Одними из самых трудноразрешимых в международной политике являются вопросы о законности и правомерности использования силы для разрешения конфликтов, в том числе и вооруженных, в отдельных странах и регионах. Наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция к определенному пересмотру положения ст. 2 (7) Устава ООН, не допускающего вмешательство во внутренние дела государств. Путем расширения толкования угроз международному миру и безопасности вместо вестфальского принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств постепенно утверждается так называемое «право на вмешательство».

Согласно этому принципу то или иное государство (или группа государств) вправе вмешиваться во внутренние дела другого государства на том основании, что оно представляет угрозу международной или национальной безопасности или же нарушает права и свободы собственных граждан, демонстрирует бессилие предотвратить или остановить гражданскую войну, терроризм и т. д.

Этот принцип содержался в «доктрине Рейгана», согласно которой военное вмешательство во внутренние дела другого государства оправданно, если это необходимо для противодействия расширению влияния СССР и коммунистических сил в целом, а также для содействия распространению демократии. Он был также в основе «доктрины Брежнева», которая по сути дела исходила из фактического признания за советским руководством права вмешиваться во внутренние дела любого социалистического государства, если те или иные его действия рассматривались как противоречащие интересам социалистического содружества, а точнее, Советского Союза.

Постепенно этот принцип начал получать идеолого-политическое обоснование и легитимизироваться на официальном уровне. Сформировался подход, предусматривающий «принуждение к миру» и предполагающий использование различных принудительных мер в целях поддержания мира, в том числе и вооруженных сил. В этой связи интерес представляет то, что Совет Европы, созданный в 1949 г., руководствуется принципом, согласно которому защита прав человека является делом всего мирового сообщества. Так, Декларация стран—членов СБСЕ/ОБСЕ, принятая на встрече глав государств и правительств в Хельсинки в июле 1992 г., провозгласила, что выполнение обязательств по гуманитарным вопросам «не является исключительно внутренним делом государств».

За последнее время «право на вмешательство» не раз с одобрения международного сообщества использовалось великими державами в разных регионах земного шара. Война в Персидском заливе и осо-

бенно распад Советского Союза и Югославии, так называемые «гуманитарные интервенции» в Косово, Югославии, Боснии и Герцеговине и т. д. оказали огромное влияние на дискуссии по данному вопросу во всем мире.

Значимость и актуальность эта проблема приобретает в свете все более обостряющейся проблемы оказания гуманитарной помощи, а также вооруженного вмешательства в некоторые регионы Азии и Африки, охваченные голодом и непрекращающимися гражданскими войнами. Учитывая эту реальность, Б. Бутрос Гали, будучи Генеральным секретарем ООН, утверждал, что «время абсолютного и исключительного суверенитета... прошло». Поэтому необходимо найти «баланс между потребностями доброго международного правления и требованиями все более взаимозависимого мира».

Однако, как представляется, все это не может служить основанием для упрощенного и одностороннего толкования процессов транснационализации, глобализации и усиления взаимозависимости стран и народов. Эти реальности нельзя оценивать как показатель готовности людей отказаться от своей национальной идентификации в пользу приверженности наднациональным или интернациональным организациям, как показатель движения в направлении неоглядного и абсолютного политического интернационализма и универсализма.

Верно, что на протяжении всей второй половины XX в. международная политическая система подвергалась существенной трансформации. Масштабы и формы конфликтов между странами и народами, споры и проблемы, которые формируют отношения между государствами, преследуемые ими цели, ресурсы, используемые для реализации этих целей, изменились или находятся в процессе трансформации. Эти изменения способствуют серьезной модификации параметров национального суверенитета, распределения мощи между государствами, форм экономического, политического, культурного и другого взаимодействия между государствами и народами.

Но все же, как уже указывалось, базовая власть, в том числе и монополия на легитимное насилие, остается в руках государства. При всей возрастающей значимости и роли негосударственных акторов мировой политики ее главными действующими субъектами остаются независимые государства, каждое из которых ревниво защищает свою независимость, стремится сохранить свободу действия в конкурентной борьбе с другими государствами и привержено максимизации национального благосостояния и влияния.

За редкими исключениями, международные организации, как отмечалось выше, не обладают собственными источниками финансирования, собственной единой валютой, лишены территориальной основы, не имеют единого гражданства и поэтому не в состоянии осуществлять самостоятельный контроль над природными ресурсами планеты.

Что особенно важно, международные организации не вправе создавать и содержать собственные вооруженные силы. Монополия на легитимное насилие, как указывалось, сохраняется за государствами, за исключением тех случаев, когда по взаимному соглашению они делегируют такие функции для выполнения специальных, строго оговоренных операций той или иной международной организации, например ООН. Важно отметить, что размывание государственной монополии на применение силы повышает опасность возникновения конфликтов и даже войн внутри национальных государств, что в свою очередь не может не отразиться негативно и на международной безопасности.

Очевидно, что роль, которую международные организации играют в современном мире, производна от роли входящих в них государств и других субъектов. Они создаются и существуют по воле государств и способны более или менее эффективно функционировать. Как правило, в большинстве случаев решения этих организаций принимаются на основе принципов равенства и единогласия.

При всех процессах глобализации люди не перестают идентифицировать себя с определенной нацией, сознавать свою принадлежность к той или иной национально-государственной общности. В современном мире все люди находятся под юрисдикцией того или иного государства. Почти все мы, во всяком случае большинство, являемся гражданами или подданными одного из существующих государств. Люди менее мобильны, чем деньги, товары и идеи, и, в известном смысле слова, остаются «более национальными», поскольку нуждаются в паспортах, визах, месте жительства и профессиональной аккредитации. Только национальное государство вправе выступать от имени населения, проживающего на его территории.

Нет никаких серьезных оснований утверждать, что народы и государства уступят свою независимость и право самим решать свои проблемы какой-либо абстрактной наднациональной, надгосударственной бюрократии. Поэтому можно было бы согласиться, что мы находимся на пути, ведущем в дальней перспективе к транснациональному миру, в котором государства и народы сохраняют за собой существующие роль, прерогативы и функции (подобно тому как в процессе европейской интеграции «Европа национальных государств» сохранит приоритет над предполагаемой «Европой регионов»).

Формирующийся новый мир будет не неким единым универсальным конгломератом, а сообществом множества в чем-то конфликтующих между собой, а в чем-то взаимозависимых друг от друга стран, народов, культур, конфессий и др.

21.7. Феномен фрагментации и пролиферация государств

Очевидно, что, хотя сама концепция суверенитета подвергается заметной трансформации, одним из парадоксов все более стремительно глобализирующегося мира является появление на политической карте все новых государств там, где их никогда не было раньше. Это вполне объяснимо, если учесть, что любая универсализация или, как ее сейчас называют, глобализация, рано или поздно, но неизбежно ведет к фрагментации, децентрализации, сецессии и другим подобным им феноменам. Об этом свидетельствует опыт почти всех мировых цивилизаций и мировых империй.

Одним из феноменов на рубеже двух веков стала пролиферация (новообразование) государств, которая также является одной из угроз стабильности международного порядка. В данной связи некоторые авторы даже заговорили о начавшейся «фрагментации» или «балканизации мира». И действительно, оборотными сторонами глобализации, интернационализации и интеграции являются обострение этнических, религиозных, культурных проблем, все большее звучание приобретают такие понятия, как «родной очаг», «родина», «нация». Не случайно в современном мире национализм продолжает служить одним из могущественных факторов, определяющих характер и векторы политического и геополитического развития.

О серьезности этого фактора свидетельствуют мирный раздел Чехословакии на два самостоятельных государства и братоубийственная кровавая трагедия, результатом которой стал распад Югославии. Событием всемирно-исторического значения и масштаба, приведшим к переустройству самого мирового порядка, стали распад Советского Союза и образование на его обломках полутора десятков новых государств. Сочетание этих противоречивых тенденций сопряжено со сложностями, связанными с необходимостью их совмещения в рамках существующих политических систем, привязанных к модели национального государства, что создает благоприятную почву для появления новых и обострения старых конфликтов.

Процессы интеграции, отражающие силы глобализации и транснационализации, весьма далеки от того, чтобы быть легкими и равно-

мерными. В то время как растет приверженность государств международному сообществу, растут и ограничения на их суверенитет, имеет место сопротивление транснациональным институтам, претендующим занять место государств или более или менее существенно ограничить их властные полномочия.

Можно утверждать, что концепции о закате национального государства и наступлении однополярного миропорядка в разных его трактовках не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Если даже теоретически допустить исчезновение с мировой арены государства как главной формы самоорганизации людей на определенной территории, то в силу самой природы человека и закономерностей формирования человеческих сообществ по принципу дихотомии «мы»—«они», «наши»—«чужие» возникнут новые образования со своей особой идеологией, интересами, ценностями, установками, собственными политическими программами решения возникающих перед ними проблем. Об обоснованности такого тезиса свидетельствует история почти всех крупных религиозных систем, которые в значительной степени по культурным и национально-историческим критериям разделились на множество образований, зачастую конфликтующих друг с другом.

Как правило, в качестве своего рода образца для дрейфа в направлении единения и унификации современного мира приводят пример европейской интеграции. *«Эрозия суверенитета европейских государств, — обоснованно отмечается в книге “Европа: вчера, сегодня, завтра”, — никоим образом не означает, будто они вообще сходят с исторической сцены, уступая место Соединенным Штатам Европы, вокруг лозунга которых кипели ожесточенные споры на протяжении всего XX в. Национальный суверенитет для подавляющего большинства европейцев был и остается единственным источником легитимности любой публичной власти независимо от ее формы и природы».*

Поэтому, как представляется, в обозримой перспективе государства сохранят за собой статус главных акторов мировой политики, а различия национально-государственных интересов, дополняемые этническими, конфессиональными, культурными и иными особенностями, останутся главными источниками конфликтов между ними. И это естественно, поскольку именно благодаря государству многие народы стали достоянием истории, обеспечив себе более или менее длительное существование. Те народы, которым не удалось создать свое государство, навечно исчезли в густом тумане Истории.

Государство было, есть и останется наиболее жизнеспособной и эффективной формой самоорганизации каждого конкретного народа

с единой историей, культурой, традициями, мифами, с характерологическими стереотипами и т. д. Не может быть какого бы то ни было однородного, лишённого национально-государственных несущих конструкций мирового сообщества или однополярного в каких бы то ни было формах миропорядка.

Если теоретически представить себе единую и однородную общечеловеческую культуру, то она может стать лишь воплощением общих социальных, духовных, психологических и иных признаков и элементов, характерных для всех людей. В таком случае речь может идти об общечеловеческих интересах, общечеловеческих ценностях, культуре, миропонимании, вероисповедании и т. д. Нельзя сказать, что эти последние вообще не существуют и не могут существовать в будущем, но к несчастью, а может быть, к великому счастью, дух народов, дух конкретно взятого человека не сводится к ним. Он представляет собой несравненно более сложный, многогранный, противоречивый феномен, который никак не желает втиснуться в прокрустово ложе каких бы то ни было самых совершенных теорий, формул, моделей.

По-видимому, правы те авторы, которые считают, что жизнеспособность, успехи и расцвет европейской цивилизации в значительной степени объясняются разнообразием составляющих ее культур, которые конкурировали между собой и одновременно обогащали друг друга. В этом плане надежду вселяет тот очевидный факт, что все еще рано, слишком рано говорить о глобализации, универсализации, унификации культур, ценностей, установок, поведенческих стереотипов, всего того, что составляет суть национальных традиций, духа, менталитета, мировидения различных народов.

При всем том происходящие в мире процессы настоятельно требуют осознания сущностного единства человечества. Но это сущностное единство отнюдь не исключает, а предполагает разнообразие культур, наций, народов, традиций, политических систем и др., обеспечивая многовариантность общественного развития, обогащая и внося разнообразие в содержание цивилизованного прогресса человечества. Упрощение, единообразие ведут к регрессу и умиранию человеческих сообществ, а многообразие — залог их прогресса и процветания, ручательство их жизнеустойчивости.

Сочетание и учет интересов разнообразных социальных и политических сил в свою очередь предполагают их компромисс, который невозможен без умения и желания участвующих во взаимодействии сторон понимать и уважать точку зрения и интересы друг друга. Компромисс, прагматизм и диалог немыслимы друг без друга. Именно в процессе диалога достигаются взаимопонимание участвующих в нем

сторон, учет ими интересов друг друга и заключение между ними взаимоприемлемого компромисса.

Любой цивилизации присущи не только конфликты интересов, но и конфликты основополагающих ценностей. В многомерной реальности цивилизации, а тем более цивилизации всепланетарной, и ценностные системы не могут не быть многомерными. Ценностные системы коренятся не только в социально-экономической и политической сферах, они лежат глубже политики и экономики, составляя незримую основу последних. Поэтому очевидно, что в современных реалиях речь может идти не только об экономическом и политическом плюрализме, но и о плюрализме социокультурном, этнонациональном, конфессиональном, ценностном и др. Осознав это, необходимо признать реальность пространственного плюрализма и многоукладности жизни различных народов, наций, вообще человеческих общностей. Поэтому очевидно, что параметры и характерологические признаки единой всепланетарной цивилизации могут сложиться в разных регионах и странах с разными скоростями и разными экономическими, социальными, политическими и иными результатами.

Не может быть единого мира с единой верой, единой системой мирозерцания и миропонимания, едиными нормами, ценностями, жизненными установками. Единый мировой порядок возможен только как открытое, динамическое пространство для свободного сосуществования, свободного самовоспроизводства разнообразных народов, культур, религий, форм миропонимания, ценностно-нормативных систем и т. д. Ж.-Ж. Руссо говорил: «Я такой, как все. Я не похож ни на кого». В обоих случаях французский мыслитель был прав, поскольку мы все одинаковы по заложенным в нас человеческим первоначалам, и в то же время мы разные по формам и путям реализации этих первоначал.

Это в еще большей степени верно, когда речь идет о различных народах, этносах, культурах и цивилизациях. Каждый народ, равно как и каждый человек, имеет собственное понимание добра и зла, справедливого и несправедливого, правого и неправого. И поэтому попытки найти для них объективные основания и обоснования сопряжены с антиномиями, часто неразрешимыми. Заимствуя друг у друга различные технологии, европейские народы вместе с тем сохраняли свой субстанциональный характер. Именно это дало им возможность быть членами единой европейской цивилизации, оставаясь одновременно французами, итальянцами, испанцами, англичанами и др. и внося свой особый, уникальный вклад в общее дело.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные достижения человечества в XX в.
2. Можно ли назвать переживаемый нами период «осевым временем», и если да, то почему?
3. Какие трактовки глобализации вы можете назвать?
4. Почему мы вправе говорить, что глобализация представляет собой объективный процесс, не зависящий от воли и интересов тех или иных субъектов мировой политики?
5. Каковы сущностные характеристики глобализации?
6. Какие важнейшие составляющие глобализации вы можете назвать?
7. В чем состоит суть трансформации места и роли национального государства как субъекта мирового сообщества?
8. Теряет ли государство свой суверенитет и статус главного субъекта мировой политики?
9. Сохраняет ли национальное государство статус главного актора миропорядка? Если да, то в силу каких причин?
10. Каковы, по-вашему мнению, перспективы политической интеграции всемирного масштаба?
11. В чем причины и суть фрагментации и пролиферации государств?

Приложение. Программа курса «Политология»

Политология как самостоятельная научная и образовательная дисциплина призвана изучать мир политического в его целостности и в то же время в конкретных проявлениях. Одна из важнейших задач политологического образования состоит в том, чтобы дать студенту необходимый минимум знаний об основных проблемах, институтах, отношениях, ценностях мира политического, политических реальностях, явлениях и процессах как на страновом, так и на международном уровне. Это в свою очередь предполагает, что во вводном учебном курсе главное внимание должно быть сконцентрировано на ключевых темах и вопросах, позволяющих определить место и роль мира политического и его конкретных составляющих в целостном человеческом социуме, сущностные характеристики политики и ее функции в обществе. Речь идет прежде всего об основополагающих феноменах и категориях: власть и властные отношения, гражданское общество и государство, политические системы и режимы, партийные и избирательные системы, их типологизация, мировоззренческое измерение политики и основные идейно-политические течения, политическая этика и политическая культура.

Что касается таких тем и проблем, как политическое лидерство, политические технологии, политический менеджмент, то они являются производными от основополагающих материй мира политического (например, типа политической системы или режима) и должны рассматриваться либо в соответствующих разделах политической науки (например, прикладной политологии, политической социологии), либо при более полном раскрытии таких сквозных тем, как сущность власти и государства, демократии и диктатуры и т. д.

С учетом этого составлен и структурирован настоящий учебник и предлагаемая ниже программа курса политологии.

Тема I. Политология как самостоятельная научная дисциплина: этапы формирования, предмет, цели и задачи

Основные этапы формирования и эволюции политологии. Понятие «политическая традиция», важнейшие факторы и исторические этапы формирования и эволюции политологии. Общая характеристика состояния изучения политических феноменов в Античности и Средневековье. Основные причины и факторы вычленения политологии в Новое время. Появление первых кафедр политической науки, национальных ассоциаций политических наук, специальных политологических журналов в конце XIX — начале XX в., закладка в

тот период фундамента политической науки, начало выделения ее важнейших национальных школ и направлений, методологических принципов, методов и инструментария исследования, понятийно-категориального аппарата. Две тенденции в развитии политической науки.

Особенности развития и функционирования политической науки в США, странах Европы в период между двумя мировыми войнами. Перемещение центра общественных наук, в том числе и политологии, в США. Триумф позитивизма в политологии. Восстановление европейской политологической традиции после Второй мировой войны. Особенности развития политических наук в послевоенные десятилетия. Возникновение новых разделов политической науки, разработка новых теорий, концепций, методологических принципов и методов исследования. Конец холодной войны, перспективы восстановления прерванной политологической традиции в России и ее воссоединение с мировой политологией.

Место политологии в системе социальных и гуманитарных наук. Соотношение политологии с другими социальными и гуманитарными дисциплинами. Что такое политология и каковы ее основные цели и задачи? Круг проблем и тем, изучаемых политологией. Три главных комплекса проблем, составляющих в совокупности предмет исследования политологии. Мир политического, государство, власть как основополагающие темы изучения политологии. Место политологии в системе социальных и гуманитарных наук. Открытость политологии, ее соотношение с другими социальными и гуманитарными дисциплинами.

Основные разделы политологии: политическая социология, политическая философия, политическая психология, политическая антропология, геополитика, этнополология, сравнительная политология. Основные характеристики этих разделов. Их место между политологией, с одной стороны, и соответствующими научными и образовательными дисциплинами (социологией, философией, психологией, антропологией) — с другой стороны. Особенности этнополологии, геополитики и сравнительной политологии, круг охватываемых ими проблем.

Тема II. Социологические основания мира политического

Гражданское общество как основополагающая инфраструктура политической системы. Исторические предпосылки формирования гражданского общества и важнейшие этапы его эволюции. Составные элементы, основные ценности гражданского общества. Гражданское общество как целостная система жизнеобеспечения социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению. Основные составляющие гражданского общества. Соотношение гражданского общества и правового государства: права человека и права гражданина; экономический, социальный, культурный, политический, идеологический и иные формы плюрализма. Условия и механизмы реализации плюрализма в гражданском обществе, политической сфере.

Разграничение между экономической и политическими сферами, собственностью и властью как необходимое условие существования гражданского общества и правового государства. Частная собственность — личная свобода — политическая свобода. Значение и роль частной собственности и свободы экономического выбора в обеспечении необходимого базиса всех форм свободы. Гражданское общество как сообщество частных собственников. Многообразие источников власти и его воплощение в политическом плюрализме. Социальные классы, слои, группировки и заинтересованные группы, их основные характеристики и составляющие, а также формы и механизмы отражения их интересов и позиций в политическом процессе. Профсоюзы и разного рода объединения предпринимателей как наиболее влиятельные заинтересованные группы в современном индустриальном обществе, их роль в политической жизни.

Политика как функция конкретных людей—членов гражданского общества. Человеческий фактор в детерминации важнейших сущностных характеристик политического вообще, политических институтов, процессов и явлений в частности. Разъединение государства и религии, государства и идеологии, раздвоение общественного и частного, общества, государства и идеологии, права и морали, политической науки и идеологии, религиозного и светского и т. д.

Тема III. Мир политического: сущностные характеристики и составные элементы

Проблема определения мира политического связана с выявлением границ между гражданским обществом, миром политического и производственно-хозяйственной сферой как тремя основными сферами человеческого социума. Единство и автономность этих сфер. Основные факторы и причины их разграничения. Мир политического как самостоятельная сфера жизнедеятельности людей, отличная от экономической, социальной и духовной. Государство, власть и властные отношения, политические системы и режимы, механизмы и средства обеспечения господства и правления, сотрудничества, формы и пути завоевания власти и т. д. как центральные элементы мира политического.

Промежуточные институты и их значение для соединения в единое целое мира политического и остальных сфер жизнедеятельности людей, прежде всего гражданского общества. Политические отношения и политический процесс. Истоки и сущность политики. Конфликты как основа политики. Соотношение конфликта и консенсуса в политике. Место и роль господствующих в обществе ценностей, норм и правил игры, поведенческих стереотипов, социокультурной, политико-культурной, духовной сфер для определения облика мира политического. Мир политического как статическая и одновременно динамическая система. Мировоззренческая и эмпирическая составляющие мира политического. Мировое сообщество как важная составляющая мира политического.

Тема IV. Власть и государство

Исторические истоки власти. Многозначность понятия «власть», формы и типы власти, особенности собственно политической власти. Соотношение политической власти с политическим влиянием и политическим авторитетом, их сходство и различие. Власть как система господства и подчинения, насилия и принуждения, наказаний и поощрений, контроля и управления, соперничества и сотрудничества. Важнейшие подсистемы власти — правовая, административно-управленческая, военная, воспитательно-образовательная, пенитенциарная и т. д. Легитимность власти, определяющая условия, формы и рамки существования и функционирования государства и политической системы. Проблемы политического господства и сотрудничества, формирования власти и политической иерархии, механизмов правления в рамках различных политических систем; отношений людей с инструментами власти, механизмов обеспечения единства, жизнеспособности и бесперебойного функционирования общества; политической социализации, политической коммуникации и др.

Государство как основная форма самоорганизации общества. Государство — главный институт реализации власти и стержневой элемент политической системы. Основные институты государства, их роль и функции. Базовые признаки государства: территориальный императив, иерархическая структура, суверенитет, монополия на легитимное насилие, абстрактность, безличность, всеобщность права и закона. Основные факторы и исторические вехи формирования и эволюции современных национальных государств. Базовые характеристики национального государства. Правовое государство, его основные институты, принципы и ценности.

Тема V. Система государственного управления, ее предназначение и функции

Понятия «управление» и «система государственного управления». Система государственного управления как центральный элемент организационной структуры государства. Отличие государственного управления от других форм и видов управления. Управление как системообразующая, организующая, упорядочивающая, исполнительно-распорядительная деятельность органов государства, осуществляемая на основе действующих в стране законов. Субъект и объект государственного управления. Принципы организации системы государственного управления, ее иерархическая структура. Горизонтальное и вертикальное разделение функций различных органов управления. Общегосударственный, региональный и муниципальный уровни управления. Механизм обратных связей между субъектом и объектом управления. Процесс принятия решений. Бюрократия как важнейшая составляющая системы управления. Принципы организации и функционирования бюрократии. Органы исполнительной власти как центральный элемент системы

государственного управления. Особенности структурной организации и принципов функционирования системы государственного управления в Российской Федерации. Определяющая роль системы государственного управления в управлении важнейшими сферами общественной жизни, реализации внутренней и внешней политики государства.

Многозначность понятия «политика». Содержание этого понятия в собственном смысле этого слова. Политика как инструмент, с помощью которого государство управляет обществом. Политика как «искусство управления». Субъекты политики. Политика как борьба и конкуренция за власть и влияние между различными противоборствующими или конфликтующими социально-политическими силами и интересами и одновременно как поле взаимодействия между ними для поиска оптимальных путей развития общества и государства.

Внутренняя политика как совокупность направлений деятельности государства в экономической, социальной, научной, образовательной, демографической, правоохранительной, военной и других важнейших сферах общественной жизни. Основные направления внутренней политики. Принципы ее разработки и реализации. Основные функции внутренней политики. Стратегия и тактика в сфере внутренней политики. Различные уровни реализации внутренней политики. Основные направления внутренней политики. Ее зависимость от социальных, экономических, экологических, демографических и иных условий.

Государство как субъект политики в качестве носителя не только власти внутри страны, но и государственного суверенитета на международной арене, участника системы международных отношений. Сущность и предназначение внешней политики. Основные субъекты международных отношений. Основные направления внешней политики. Теория внешней политики. Формы, средства и институты реализации внешней политики. Роль дипломатии в ее реализации. Роль и значение международных договоров. Национальные интересы и национальная безопасность. Принципы, формы и средства их обеспечения.

Тема VI. Формы территориально-административного устройства государства

Связь государства с определенной, четко очерченной территорией. Территориальное разделение государства на отдельные административные единицы. Принципы и механизмы взаимоотношений между центральными и региональными органами государственной власти, а также органами местного управления. Основные формы территориально-административного управления. Принципы организации унитарной формы государственного устройства. Примерный перечень унитарных государств в современном мире. Соотношение централизации и децентрализации власти в унитарных государствах. Тенденции эволюции ряда высокоразвитых демократических унитарных государств в сторону децентрализации вплоть до трансформации в федеративные государства.

Принципы территориально-административного устройства федеративных государств. Примерный перечень федеративных государств в современном мире. Возникновение и эволюция концепции федерализма. Основные принципы структурной организации федеративного государства. Федерация как союзное государство, состоящее из множества или нескольких государственных образований, обладающих определенной степенью самостоятельности в тех или иных сферах общественной жизни. Основной смысл федеративного устройства государства. Особенности формирования законодательной власти в федеративном государстве. Проблема суверенитета в федеративном государстве. Особенности федерализма в России. Принцип вертикального разделения властей. Принцип разделения предметов ведения органов власти. Принцип субсидиарности. Договорная и конституционная концепции и формы федерализма. Конфедерация как внутренне противоречивая форма политической организации. Основные различия между унитаризмом, федерализмом и конфедерализмом.

Местное самоуправление в системе общественного управления. Сущностные характеристики местного самоуправления. Соотношение местного самоуправления с органами государственного управления. Различия и сходства между местным управлением и местным самоуправлением. Конституционно-правовые принципы организации органов местного самоуправления. Предметы ведения органов местного самоуправления и источники их финансирования.

Тема VII. Политические системы и политические режимы

Политическая система как форма самоорганизации общества. основополагающие параметры политической системы в контексте вопросов: кому следует править? почему? как? в чьих интересах? Государственно-административный аппарат. Бюрократия, ее место и роль во властных структурах и системе управления. Феномен бюрократизма. Общая характеристика политических отношений. Субъекты политических отношений: социальные, институциональные, функциональные. Конфликт и консенсус как основополагающие параметры политических отношений. Разнообразие путей и средств разрешения конфликтов и достижения консенсуса, их отражение в многообразных формах правления, режимов, правительств, политических партий, организаций и т. д.

Важнейшие типологизации политических систем от Платона до настоящего времени. Типологизация политических систем на основе системообразующих характеристик, их особенности и различия. Формы территориально-политического или государственно-административного устройства: унитаризм, федерализм, конфедерализм. Соотношение демократии, авторитаризма и тоталитаризма с унитаризмом, федерализмом и конфедерализмом в разных странах. Основные характеристики всех названных типов с точки зрения вертикального и горизонтального распределения властных структур и полномочий, централизма и децентрализма, центральных и местных органов власти и т. д.

Базовые характеристики политического режима. Соотношение политической системы и политического режима. Критерии определения политического режима. Типологизация политических режимов. Особенности выделения политических режимов в демократической и диктаторской политических системах. Основные режимы демократического и диктаторского типа. Их базовые характеристики и различия.

Тема VIII. Демократия: принципы, установки и ценности

Демократия как одна из важнейших форм политической самоорганизации общества. Исторические типы демократии и основные исторические вехи формирования современной демократии. Основные институты, принципы и ценности демократии: представительство, конституционализм, парламентаризм. Система разделения властей, сдержек и противовесов. Институты законодательной, исполнительной и судебной власти, принципы их взаимодействия и функционирования, выборность важнейших органов власти. Место, структура, прерогативы, роли и функции каждой из главных ветвей власти. Политический и идеологический плюрализм, отделение идеологии и религии от государства. Основные режимы политической демократии. Взаимоотношение парламента и правительства, центральных и местных органов правления, различных ветвей власти при президентской республике (США), парламентской республике (Германия, Италия), современной конституционной монархии (Великобритания) и смешанной президентско-парламентской республике (Россия, Франция). Общая характеристика современных форм демократии: представительной, плебисцитарной и демократии участия. Политическая система России.

Демократия в незападном мире. Экспансия демократии в современном мире. Соотношение рыночной экономики и политической демократии, его значение для стран незападного мира. Демократия как народовластие в контексте ее совместимости с западными национальными культурами. Различия между западной и восточной культурами с точки зрения утверждения демократических институтов и ценностей. Феномен новых демократий, их сущностные характеристики и особенности. Вестернизация или особый путь политической модернизации. Синтез западного и восточного начал. Гибридный характер новых демократий. Проблема выживаемости демократии в незападном мире.

Тема IX. Политические партии и избирательные системы

Сущность, место и роль политических партий в политической системе. Политические партии как инструмент реализации политического представительства. Исторические вехи формирования и эволюции идеи политического представительства. История формирования и утверждения политических партий.

Определение и существенные характеристики партии. Структура и составные элементы партий. Основные функции партий, нормы и правила их деятельности, современные типы и формы политических партий, иных партийных систем. Роль партий в обеспечении взаимосвязей между различными уровнями и различными секторами политической сферы. Роль партий в утверждении и стабилизации общенациональной политической системы. Состав и членство партий.

Типологизация политических партий. Общая характеристика основных типов политических партий. Особенности эволюции партийных систем в современном мире. Понятие функционального правительства и его роль в «увязке» групповых и общегосударственных интересов. Политические клубы, ассоциации, гражданские объединения, общественные организации, комитеты политического действия как средства обеспечения функционального представительства. Особенности формирования политических партий в России.

Место и роль избирательных систем в политической системе. Понятие электората или избирательного корпуса. Активное и пассивное участие в избирательном процессе. Роль и значение выборов в реализации «законных» норм ротации власти. Типологизация избирательных систем. Общая характеристика каждого из основных типов. Их преимущества и недостатки.

Тема X. Политические системы диктаторского типа

Тоталитаризм и авторитаризм как современные формы демократии. Определение и общая характеристика диктатуры как формы государственно-политической системы и ее отличие от демократии. Причины возникновения и исторические судьбы диктатуры. Различия и точки схождения между тоталитаризмом и авторитаризмом. Их основные институты, принципы и ценности. Особенности авторитаризма в современном мире. Типологизация авторитаризма и тоталитаризма. Современные типы и формы авторитаризма.

Тоталитаризм как феномен XX в. Основные формы и типы тоталитаризма. Правый и левый варианты тоталитаризма в лице нацистского режима в 30–40-х годах в Германии (и его нынешние идейно-политические разновидности в форме неонацизма и неофашизма) и большевистской системы в СССР. Точки их схождения и различия. Промежуточные, или гибридные, формы тоталитаризма. От авторитаризма к тоталитаризму и обратно. Факторы, формы и этапы перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии. Различия и сходства между левыми и правыми разновидностями тоталитаризма. Политический и идеологический монизм. Апофеоз конфронтационности.

Тема XI. Политическая культура

Основные характеристики политической культуры. Политическая культура как система отношений и одновременно процесс производства составляющих ее элементов в ряде сменяющих друг друга поколений. Соотношение политического сознания и политической культуры. Политическая куль-

тура как составная часть общенациональной культуры и социокультурной системы. Политико-культурная среда как важный фактор политической социализации подрастающего поколения. Соотношение политической культуры и политической системы. Основные концепции политической культуры.

Политическая культура как комплекс представлений о мире политического, нормах и правилах политического поведения. Политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами; ориентации и установки в отношении существующей системы и ее институтов как составные компоненты политической культуры. Политическая культура как ценностно-нормативная система, социологические основы политической культуры, социокультурные, общественно-исторические, этнонациональные, религиозные и иные факторы ее детерминации. Роль политической культуры в формировании разных типов политического поведения. Основные принципы и критерии типологизации политической культуры. Важнейшие типы политической культуры. Их существенные характеристики и различия.

Тема XII. Политическая философия

Определение и общая характеристика политической философии. Ее соотношение с философией и политологией как гуманитарными дисциплинами. Политическая философия как часть политологии, ее существенные характеристики и составные элементы. Основные вехи формирования и эволюции политической философии от Античности до наших дней. Гносеологический и эпистемологический аспекты политической философии. Онтология, аксиология и логика мира политического, методология его изучения как составной части политической философии.

Сущее и должное, власть и властные отношения, государство и соблюдение закона, свобода и равенство, эффективность и справедливость как основополагающие объекты политико-философского анализа.

Политическая теория и политическая идеология. Понятия «политическое учение» и «политическая теория», их содержание и составные элементы, соотношение с политической философией. Предмет и метод истории политических и правовых учений. Соотношение идеологии и политики. Существенные характеристики политической идеологии, ее составные элементы и структура. Основные задачи, цели и предназначение идеологии. Проблема отделения идеологии от государства и плюрализм идеологических и идейно-политических течений. Политика как арена столкновений различных конфликтующих между собой идеологических систем и идейно-политических течений и направлений.

Место и роль морально-этического начала в мире политического. Политическая этика. Основные подходы к оценке ценностного начала в политике и их эволюция. Проблема соотношения факта и ценности. Вопрос о политической ассоциации как вопрос о «ранжировании» человеческих ценностей и поиске наилучших средств их реализации. Антиномия между свободой и равенством, эффективностью и справедливостью. Проблема разграничения мира сущего от

мира должного, профессионального начала от нравственного, права от нравственности и т. д. Допустимые пределы компромисса в политике. Принцип «политика есть искусство возможного» в морально-этическом контексте.

Тема XIII. Основные течения идейно-политической мысли

Понятие идейно-политического течения, его содержание и параметры. Принципы и критерии, типологизация идейно-политических течений современности. Либерализм, консерватизм, социал-демократизм, марксизм и основные разновидности тоталитаризма. Их основополагающие принципы, установки и подходы к трактовке самого феномена политического, его важнейших институтов, проблемам взаимоотношения личности, общества и государства, гражданского общества и правового государства, свободы, равенства, справедливости, прав человека, различных форм государственного устройства. Общая характеристика их системообразующих элементов и исторических путей эволюции.

Тема XIV. Средства массовой информации в политике

Место, роль и важнейшие функции средств массовой информации в политической жизни. Основные виды СМИ. СМИ как «сторожевая собака общественных интересов». СМИ в качестве «четвертой власти». Роль СМИ в эволюции политических процессов вообще и функций политических партий в частности. Начало «эры телевидения» и особенности функционирования электронных СМИ. Формы и методы воздействия СМИ на общественное мнение. Значение информационной и телекоммуникационной революции для расширения роли СМИ в политической жизни. Сущностные характеристики и параметры феномена «теледемократии». Характер и основные направления взаимоотношений СМИ и властных структур. Роль и значение института «публик рилейшнз». СМИ в качестве инструмента «политического маркетинга». Сущность «политического маркетинга». Роль политических консультантов и имиджмейкеров в создании и «продаже» образов политических деятелей. Технология создания имиджей кандидатов. Роль СМИ в организации проведения опросов общественного мнения. «Театрализация» политического процесса.

Тема XV. Перспективы национального государства в условиях глобализации

XX столетие — век стремительного прогресса во всех сферах жизни человечества. Основные проявления этого феномена. Глобализация как наиболее зримое проявление и показатель глубинных и ширококомасштабных

трансформаций, особенно ярко выявившихся в последние два-три десятилетия XX в. Основные трактовки глобализма. Глобализация как объективный процесс. Политические последствия глобализации. Усиление взаимозависимости разных народов, стран и регионов. Размывание национально-государственных границ. Появление на мировой авансцене наряду с национальным государством новых акторов. Тенденции к переоценке теории национально-государственного суверенитета. Перспективы национального государства в глоболизирующемся транснациональном мире. Глобализация как сложный процесс, сопровождающийся противоположными процессами фрагментации, децентрализации, роста национализма, этнизма, сепаратизма и т. д., которые в совокупности противостоят тенденциям ослабления роли национального государства в современном мире.

Литература

- Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4.
- Арато А.* Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание // Политические исследования. 1995. № 3.
- Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- Баллестрем К. Г.* Власть и мораль (основная проблема политической этики) // Философские науки. 1991. № 8.
- Бертран Р.* Власть. Социальный анализ // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Боттомор Т. Б.* Политическая социология // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.
- Гаджиев К. С.* Геополитика. М., 1997.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990.
- Даль Р. А.* Введение в экономическую демократию. М., 1991.
- Демократия в Японии: опыт и уроки. М., 1991.
- Дюверже М.* Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Каменская Г. В., Родионов А. Н.* Политические системы современности. М., 1994.
- Липсет С. М.* Политическая социология // Американская социология сегодня: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
- Лысенко В. И.* Выборы и представительные органы в новой Европе: политический опыт и тенденции 80–90-х годов. М., 1994.
- Мерриам Ч. Э.* Новые аспекты // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Михельс Р.* Социология политической партии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Москва Г.* Правящий класс // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Оукиотт М.* Массы в представительной демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. М., 1997.
- Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994.
- Салмин А. М.* О некоторых проблемах самоопределения и взаимодействия исполнительной и законодательной властей в Российской Федерации // Политические исследования. 1996. № 1.
- Хабермас Ю.* Философский спор вокруг идеи демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- Хорос В. Г., Чешиков М. А.* Авторитаризм и демократия в Третьем мире // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7.
- Шаниро И.* Демократия и гражданское общество // Политические исследования. 1992. № 4.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
- Элэйзер Д. Дж.* Сравнительный федерализм // Политические исследования. 1995. № 5.